

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

17

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1948

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

17

Декабрь 1910—апрель 1912

ПРЕДИСЛОВИЕ

В семнадцатый том входят произведения В. И. Ленина, написанные в период с декабря 1910 года по апрель 1912 года.

Основное содержание тома составляют произведения, в которых отражена борьба за партию, против ренегатов революции — ликвидаторов и их пособников.

В работах «О положении дел в партии», «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», «Разрушители партии в роли «разрушителей легенд»», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», «Манифест либеральной рабочей партии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» В. И. Ленин вскрывает идейные корни и сущность ликвидаторства и разоблачает систематический срыв ликвидаторами работы руководящих органов партии.

В статье «О новой фракции примиренцев или добродетельных» показываются беспринципные шатания примиренцев в сторону ликвидаторства.

В статьях «Кадеты и октябристы», «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами», «Политические партии за 5 лет третьей Думы», «Блок кадетов с прогрессистами и его значение» Ленин показывает классовую природу партии контрреволюционного либерализма — партии кадетов.

Выборам в IV Государственную думу посвящены произведения «Об избирательной кампании и избирательной платформе», «Избирательная кампания в IV Государственную думу», «Принципиальные вопросы избирательной кампании».

Большое место в томе занимают документы, освещающие значение Пражской партийной конференции, изгнавшей из партии меньшевиков и оформившей самостоятельное существование большевистской партии. К этим документам относятся: статья «Развязка партийного кризиса», «Проект резолюции о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов», Резолюция Пражской конференции, «Доклад Международному социалистическому бюро о Всероссийской конференции РСДРП», брошюра «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП», «Письмо секретарю Международного социалистического бюро Гюйсмансу».

В том входит известная статья В. И. Ленина «О некоторых особенностях исторического развития марксизма».

Впервые включаются в Сочинения два письма в Российскую коллегию ЦК РСДРП (1910—1911 гг.), в которых В. И. Ленин показывает срыв партийной работы ликвидаторами, отзовистами, впередовцами, троцкистами и выдвигает задачу сплочения партийных сил для борьбы за восстановление партии. Впервые включается в Сочинения заметка «О краске стыда у Иудушки Троцкого»; материалы, относящиеся к июньскому совещанию членов ЦК 1911 года: «Письмо совещанию членов ЦК РСДРП за границей», «Конспект (план) доклада трех цекистов беков частному совещанию девяти членов ЦК», «Проект резолюции о конституировании»; статьи: «О социал-демократической фракции II Думы», «Агентура либеральной буржуазии»; документы совещания заграничных большевистских групп: «Проект резолюции по докладу о положении дел в партии», «Резолюция о Российской организационной комиссии по созыву конференции»; документы Пражской конференции: проекты резолюций о конституировании конференции, о современном моменте и задачах партии, о задачах с.-д. в борьбе с голодом; «Избирательная платформа РСДРП», письмо «В редакцию газеты «Звезда» и статья «Карты на стол».

ПИСЬМО В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК РСДРП

В заграничной жизни Российской социал-демократической рабочей партии произошли за самое последнее время события, явно свидетельствующие о том, что «объединительный кризис» партии близится к развязке. Поэтому я считаю своим долгом сообщить вам, исключительно в целях информации, — какое значение имеют последние события, какова должна быть (по всему ходу вещей) предстоящая развязка и какую позицию занимают ортодоксальные большевики.

В № 23 «Голоса»² Мартов в статье «Куда пришли?» издевается над пленумом³ — над тем, что российская коллегия ЦК за год ни разу не собралась и что ничего для проведения решений в жизнь не сделано. Он «забывает», разумеется, добавить, что именно ликвидаторская группа гг. Потресовых и сорвала русский ЦК: известный факт отказа Михаила, Романа и Юрия⁴ и их заявление, что самое существование ЦК вредно. ЦК в России сорван. Мартов ликует по поводу этого. Что ликуют также впередовцы⁵, об этом нечего и говорить (в № 1 сборника «Вперед» это ликование уже чувствуется). Ликуя, Мартов чересчур поспешил проболтаться. Он кричит в восторге «легальность их (большевиков или «польско-большевистский блок») убивает». Под этим он понимает то, что *благодаря срыву ЦК ликвидаторами легального партийного выхода из создавшегося положения нет. А ликвидаторам, разумеется, нет ничего приятнее, как безвыходное положение партии.*

Но Мартов чересчур поспешил. У большевиков есть еще в руках архилегальное, специально предусмотренное

пленумом и напечатанное (от имени пленума) в № 11 Центрального Органа⁶ средство. Это средство — заявка о возврате денег ввиду явного невыполнения голосовцами и впередовцами условия о распущении фракций и о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Ибо именно на этих условиях, точно оговоренных, большевики передали свое имущество в ЦК.

И вот 5 декабря 1910 года (нового стиля) большевики, подписавшие условия на пленуме⁷, подали заявку о возврате денег. По закону эта заявка *ведет к созыву пленума*. Если же, гласит решение пленума, «не удастся» (буквально!) в течение 3-х месяцев со дня заявки созвать пленум, то созывается комиссия из 5 членов ЦК: трое от националов, 1 большевик и 1 меньшевик.

Голосовцы тут сразу себя и выдали. Голосовец Игорь⁸, член ЗБЦК⁹, прозревая политику русских ликвидаторов, подал заявление, что он против пленума. Он-де за комиссию. Срыв легальности голосовцами тут явный, ибо созвать пленум можно и до истечения трех месяцев. После заявки нельзя даже поднимать вопроса о комиссии.

Расчет ликвидатора Игоря, служащего верную службу изменникам партии, гг. Потресову и К⁰, очень простой: пленум суверенен и, следовательно, созыв его открывает возможность выхода из всего партийного кризиса. Комиссия же не суверенна, никаких прав, кроме разбора претензии о заявке (решают ее, эту претензию, трое немцев), не имеет. Значит, сорвав русский ЦК, ликвидаторы (и их заграничные слуги — голосовцы) срывают теперь всякий ЦК. Удается ли этот второй срыв, мы еще посмотрим. Поляки в ЗБЦК голосуют за пленум. Зависит теперь от латышей и бундистов, от коих ответа еще нет. Наш представитель в ЗБЦК подал и разослал решительный протест против Игоря (и заявление Игоря и этот протест при сем прилагаются в копии).

Вопрос встал ясно. Борьба за пленум есть борьба за легальность, борьба за партию. Борьба голосовцев против пленума есть борьба против партийного выхода из кризиса, против легальности.

Плеханов и его друзья¹⁰, которых мы извещали о каждом шаге, вполне согласны с нами насчет необходимости пленума. Они тоже за пленум; проект нашего общего выступления в этом смысле обсуждается теперь, и в ближай-

шем будущем либо мы выступим с заявлением вместе с плехановцами, либо будет статья в Центральном Органе по этому вопросу.

Далее, 26 ноября (нового стиля) 1910 года Троцкий провел в так называемом венском партийном клубе (кружок троцкистов, заграничников, — пешки в руках Троцкого) резолюцию, которую он и издал отдельным оттиском. Прилагаю его.

Здесь открыто объявлена война «Рабочей Газете»¹¹, органу большевиков и плехановцев. Доводы не новы. Заявление, что «принципиальной основы» для борьбы с голосовцами и впередовцами теперь нет — верх комизма и лицемерия. Всем известно, что голосовцы и впередовцы и не думали распускать своих фракций, что голосовцы целиком поддерживают на деле ликвидаторов, Потресова и К^о, что впередовцы устроили (на средства известного сорта) фракционную школу за границей¹², в которой учат махизму, учат о том, что отзовизм — «законный оттенок» (буквально из их платформы) и т. д. и т. п.

Призыв Троцкого к «дружной» работе партии с голосовцами и впередовцами есть возмутительное лицемерие и фраза. Всем известно, что за весь год после пленума голосовцы и впередовцы (при тайной поддержке Троцкого) работали «дружно» против партии. Действительно, дружную партийную работу вели целый год вместе только большевики и плехановцы и в Центральном Органе, и в «Рабочей Газете», и в Копенгагене¹³, и в русских легальных органах.

Но если не новы выходки Троцкого против блока большевиков и плехановцев, то ново заключение его резолюции: венский клуб (сиречь Троцкий) организовал «общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

Это вот ново. Это прямое выступление на раскол. Это прямое нарушение партийной легальности и начало авантюры Троцкого, который сломает себе на ней шею. Понятно, что это раскол. Шаг Троцкого, «фонд» Троцкого поддерживают только голосовцы и впередовцы. Об участии беков и плехановцев не может быть и речи. Ликвидаторы (голосовцы) в Цюрихе уже поддержали Троцкого, — это понятно. Вполне возможно и вероятно, что «известные» «фонды» впередовцев раскроются для Троцкого. От этого

авантюристический характер его затей, вы понимаете, только усилится.

Ясно, что эта затея нарушает партийную легальность, ибо о ЦК не говорится ни слова. Созывать конференцию может лишь ЦК. Мало того, Троцкий, прогнавший от себя в августе 1910 года представителя ЦК при «Правде»¹⁴, сам потерял тем самым всякую легальность, превратив «Правду» из органа, поддерживаемого представителем ЦК, в орган чисто фракционный.

Итак: дело обрисовалось, положение выяснилось. Впередовцы собрали «известные» «фонды» для борьбы с партией, для защиты «законного оттенка» (отзовизма). Троцкий в последнем № «Правды» (и на реферате в Цюрихе) кокетничает с впередовцами во-всю. Ликвидаторы в России сорвали русский ЦК. Ликвидаторы за границей сорвать хотят заграничный пленум, т. е. всякий ЦК. Пользуясь этим «разрушением легальности», Троцкий берется за организационный раскол, основывая «свой» фонд для «своей» конференции.

Роли распределены. Голосовцы защищают Потресова и К^о, как «законный оттенок». Впередовцы защищают отзовизм, как «законный оттенок». Троцкий хочет «популярно» защищать тех и других и созвать свою конференцию (может быть на впередовские деньги). Тройственный союз (Потресов + Троцкий + Максимов) против двойственного (беки плюс плехановцы). Диспозиция окончена. Борьба начата.

Вы понимаете, почему я называю шаг Троцкого авантюрой. Это во всех смыслах авантюра.

Это — авантюра в смысле идейном. Троцкий группирует всех врагов марксизма, объединяя Потресова и Максимова, ненавидящих «ленинско-плехановский» (как они любят выражаться) блок. Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана.

Это — авантюра в смысле партийно-политическом. Все признаки теперь, что реальное объединение с.-д. партии

возможно только на почве искреннего и бесповоротного отказа от ликвидаторства и от отзовизма. Ясно, что Потресов (и голосовцы) и впередовцы ни от того, ни от другого не отреклись. Троцкий сплачивает их, жульнически обманывая себя, обманывая партию, обманывая пролетариат. На деле ничего, кроме укрепления потресовской и максимовской антипартийных групп, Троцкий не достигнет. Провал этой авантюры неизбежен.

Наконец, это — авантюра организационная. Конференция на «фонд» Троцкого без ЦК есть раскол. Пусть инициатива и останется за Троцким. Пусть ответственность и ляжет на него.

3 лозунга исчерпывают суть современного партийного положения:

1) Укрепление и всяческая поддержка союза и собрания плехановцев и большевиков для защиты марксизма, для отпора идейному распаду, для борьбы с ликвидаторством и с отзовизмом.

2) Борьба за пленум — для легального выхода из партийного кризиса.

3) Борьба с раскольнической и беспринципной авантурой Троцкого, объединяющего Потресова и Максимова против социал-демократии.

Написано в середине декабря 1910 г.

*Впервые напечатано в 1941 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 1*

*Печатается по машинописной
копии*

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

Вопрос о нашем партийном кризисе снова выдвинут на первый план заграничной с.-д. печатью, вызывая усиленные толки, недоумения и колебания в широких партийных кругах. Центральному Органу партии необходимо поэтому дать полное освещение этому вопросу. Статья Мартова в № 23 «Голоса» и выступление Троцкого, облеченное в форму отдельным листком напечатанной «резюлюции» «венского клуба» от 26 ноября 1910 г., ставят вопрос о кризисе перед читателями, совершенно извращая суть дела.

За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические *действия* — и действия, *направленные против партии*. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена *предпринятая голосовцами кампания с целью срыва ЦК нашей партии*. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против ЦК, есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: *разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения, а с ними заодно — и партию, как организацию*. Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться. Товарищи, которым дорога партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить партию.

Статья Мартова «Куда пришли?» есть плохо прикрытое издевательство над решениями пленума и ликвидаторское

ликование по поводу неудач партии. «Не удалось *ни разу* собрать в России небольшую по численности коллегию ЦК» — так пишет и пишет курсивом Мартов, точно захлебываясь от удовольствия, которое причиняет оглашение подобного факта всем ликвидаторам.

К сожалению, Мартов прав. Русскому ЦК не удалось собраться. Напрасно только думает Мартов обойти вопрос о том, *кто* сорвал ЦК в России. Кроме полицейских помех его созыву, была одна не полицейская, а *политическая* помеха. Это — известный отказ Михаила, Романа и Юрия явиться *хотя бы* для кооптации только на заседание ЦК; это — заявление тех же лиц, что они «самое существование ЦК находят вредным».

Нельзя оспорить того, что отказ явиться хотя бы на одно заседание для кооптации, отказ явиться по приглашению людей, работающих среди тьмы полицейских помех, есть *срыв ЦК*. Нельзя оспорить того, что этот политический акт, сопровождаемый *принципиальной* мотивировкой, совершен людьми, входящими в группу «виднейших» русских сотрудников «Голоса» (письмо *16-ти*¹⁵ в № 19—20 «Голоса»), входящих в ликвидаторские *легальные* группы г. Потресова и К^о. Все это факты. *Группа легалистов-независимцев, врагов социал-демократии, — вот кто сорвал ЦК в России.*

Если Аксельрод уверяет (в № 23 «Голоса»), будто «кличка» ликвидатор применяется «без разбора», если он договаривается даже до такой бессмыслицы, будто мы способны называть ликвидаторами людей, лично уставших или задавленных борьбой за кусок хлеба, если он, говоря подобный младенческий вздор, *обходит молчанием* именно ту группу и те группы ликвидаторов, которые в ЦО партии *поименно* названы, то недобросовестность подобных уверток нечего и доказывать. Если Мартов и другие голосовцы якобы «спорят» в «Голосе» с ликвидаторами в России, объявляя их поступки «легкомыслием» (11), «усоветчивая» их погодить еще (Мартов о Левицком в № 23), и *в то же время* целиком *работают* вместе с ними, рука об руку с ними создают особую *фракцию* за границей для борьбы с партией и для поддержки врагов партии, господ Потресовых, то перед нами лишь одно из многих проявлений политического лицемерия. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Милюков всерьез

борется с веховцами¹⁶, когда он «спорит» с ними, объявляет их «легкомысленными» и в то же время *работает* политически рука об руку с ними. Всякий признаёт, что г. Миллюков доказывает этим свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта его политической солидарности с веховцами. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Столыпин и его правительство всерьёз борется с черной сотней, когда он «спорит» с ней (в «России»¹⁷), обвиняет ее в «легкомыслии», но в то же время *работает* рука об руку с ней. Всякий признаёт, что г. Столыпин и царское правительство доказывают этим лишь свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта их политической солидарности с Пуришкевичами.

Но если всякому должно быть ясно политическое лицемерие «Голоса», то *намек* Мартова, будто «легальность убивает» официальных представителей партии, *не может быть ясен* 999 из 1000 читателей, ибо намек этот нарочито туманный.

Обязанность ЦО — туман насчет партийных дел разгонять, чтобы *все* поняли, в чем суть расхождения.

Мартов имеет в виду то, что, *кроме* решения ЦК, *никакого* партийно-легального выхода из кризиса нет. Следовательно, *если* русским ликвидаторам удалось сорвать ЦК в России (*и если* *заграничным* ликвидаторам *удастся сорвать созыв ЦК хотя бы за границей*), то положение станет легально безвыходным. И Мартов заранее ликует: ЦК-де сорван окончательно, легального выхода *нет*, игра ликвидаторов-де — выиграна.

Мартов поторопился. То, что у г. Потресо́ва и прочих врагов партии *на уме*, оказалось слишком рано *на языке* у Мартова.

Да, Мартов прав! Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Центральным Комитетом. Стало быть, если ввиду полицейских и вышеуказанных политических помех ЦК не удастся собрать в России, — его надо собрать за границей. Это — *единственное* средство подойти к выходу из кризиса. И одно из партийных течений, заключивших на последнем пленуме ЦК договор относительно совместной партийной работы вне фракционных рамок, большевики сделали шаг, чтобы ускорить единственный выход из партийного кризиса. Представители большевистского течения передали имущество большевист-

ской фракции в распоряжение партии с *условием*: что одновременно с уничтожением их, большевистского, фракционного центра будут уничтожены и фракционные центры: меньшевиков (голосовцев) и отзовистов («впередовцев»). Это *условие не выполнено*. Мало того. Руководящий орган фракции голосовцев «Голос Социал-Демократа» стал *заведомо* покровительствовать и прикрывать тех внутренних врагов партии, с которыми пленум ЦК единогласно поручил нам бороться самым решительным образом, как с буржуазными и враждебными партии уклонениями от социал-демократии. Ввиду такого явного нарушения условий договора, заключенного на пленуме между всеми партийными течениями и группами, ввиду такой явно антипартийной политики одной из договаривавшихся сторон, — большевики сочли нужным потребовать возврата им денег, переданных ими условно партии год тому назад. 5 декабря 1910 г. ими подано соответствующее заявление об этом в Заграничное бюро Центрального Комитета. Правильно или неправильно поступили большевики в этом случае, об этом будет судить предусмотренная пленумом инстанция. Суть дела в том, что *теперь*, с момента подачи представителями большевистского течения их заявки, созыв пленума ЦК за границей является уже не только необходимостью для отыскания выхода из внутреннего кризиса в партии: он является *необходимостью*, предписанной всем течениям и группам, заключавшим 6 января 1910 г. договор, *собственным же их о том обязательством — ими же единогласно принятой резолюцией**. Созыв пленума ЦК стал не только *партийной* необходимостью, он стал *юридической обязанностью*. Мы видим вновь, что *другого легального исхода из положения — кроме созыва пленума ЦК — быть не может...*

И вот тут-то политика голосовцев сразу вскрылась.

---

* Дело в том, что на пленуме заключен, признан партийным законом, *источником легальности* для партии, договор ЦК с определенными представителями большевистского течения об *условной* передаче их имущества в партию. Этот договор опубликован в ЦО (№ 11), где оглашена танке и вся процедура, предусмотренная пленумом в связи с этим договором. Главное, что предусмотрено в случае заявки большевистов о *нарушении условий* объединения голосовцами и впередовцами, есть *созыв пленума* (за границей). «Если по тем или другим причинам не удастся, — гласит постановление пленума, напечатанное в № 11 ЦО, — в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается особая комиссия.

Согласно ясному и недвусмысленному постановлению ЦК, ЗБЦК, казалось бы, не оставалось ввиду заявки большевиков ничего другого, как созвать пленум, и только если бы попытки созыва не увенчались успехом, в течение 3-х месяцев, прибегнуть к другому предусмотренному ЦК способу разрешения вопроса. Но голосовцы повели себя иначе.

12-го декабря голосовец Игорев, член ЗБЦК, подал письменное заявление, в котором объявляет, что он *против созыва пленума*, что он соглашается лишь на комиссию!

Ясно, в чем тут соль: пленум суверенен и, раз собравшись, *может* найти *легальный* выход из кризиса, из невозможного положения дел в России. Комиссия же *не* суверенна, никаких прав (кроме разбора претензии о деньгах большевиков) не имеет, *никакого легального* выхода из кризиса найти *не может*.

Вышло по пословице: не рой другому ямы, сам в нее упадешь!

Не успел Мартов любезно указать партии на ту «яму» безвыходного будто бы в легальном смысле положения, в которой ликвидаторы так рады бы были видеть официальную партию, как *в этой яме оказался голосовец Игорев!*

Ликвидаторы русские сорвали ЦК в России. Теперь ликвидаторы заграничные срывают созыв ЦК и за границей. Ликвидаторы ликуют, предвкушая величайшую радость (для Столыпина и для ликвидаторов): отсутствие *всякого* ЦК. То-то благодать для господ Потресовых, для фракции «впередовцев»!

Мы не станем останавливаться здесь на увертках голосовца Игорева и на опровержении их в контразаявлении большевика — члена ЗБЦК*. Отметим лишь, что голосовец Игорев был настолько предупредителен, что прямо заявил о своем протесте против пленума, *даже если бы он созывался по общему уставу* (для этого требуется единогласие в ЗБЦК), а не по специальному постановлению на случай заявки. Голосовец Игорев находит созыв пленума делом «громоздким» и т. д. Понятно: ведь для ликвидаторов и самое существование нашей нелегальной партии чересчур «громоздко». Пленум будет преимущественно эмигрантским — таков второй «довод» голосовца

* Последний товарищ письмом в редакцию ЦО просит нас помочь ему довести до сведения партии о попытках срыва пленума голосовцами.

Игорева. Но это не мешает голосовцам всеми силами поддерживать *чисто эмигрантский* план созыва «общепартийной» конференции Троцким помимо и против Центрального Комитета...

Голосовцы *во всяком случае* решили сорвать *всякий* ЦК! Мы должны, далее, обратить внимание членов партии на более общий вопрос — о положении дел в РСДРП. Как и всякая революционная партия, наша партия может существовать и развиваться лишь при условии хотя бы элементарного *желания* революционеров помогать друг другу при проведении *общей* работы.

Если партийные уставы и решения («легальность» партии) служат не для того, чтобы *облегчать* эту совместную работу, а для *зацепок*, позволяющих *тормозить* ее изнутри важнейших партийных коллегий, то партийная работа превращается в недостойную комедию. Во всякой иной партии трудности созыва ЦК вызвали бы сразу десятки форм и путей обхода полицейских трудностей и изыскания новых и новых приемов работы. У нас же фракционеры *внутри* партии служат: кто — гг. Потресовым, кто прямым отзовистам и полуанархистам *вне* партии. «Легальность» превращается у таких, как голосовец Игорев, в средство *изнутри* партии вредить ей, тормозить работу, помогать гг. Потресовым разрушить партию*. Подобное положение невозможно. И ему не помогут «благожелательные резолюции», над которыми законно смеется тот же Мартов. Чтобы помочь делу, надо прежде всего *понять* дело. Надо понять, почему нелепо, недостойно, смешно сочинять благожелательные резолюции о совместной работе с такими гг., как Потресовы и К°. Когда партия поймет, что тут две несовместимые политики, что тут вопрос о социал-демократизме и либерализме, тогда партия быстро найдет выход. Тогда мы сумеем создать «легальность» *не* для того, чтобы ликвидаторы делали *из нее* подножки партии.

Надо сознаться, что г. Потресова и его друзей, а также голосовца Игорева и его друзей следует *благодарить* за то, как успешно они облегчают партии *понимание* этого.

---

* И когда Мартов издевается над официальными партийными учреждениями, говоря: «легальность их убивает», то он *прав постольку*, поскольку «убивают» плодотворность работы *таких «легальных»* (т. е. партийным уставом или решением пленума созданные) формы этих учреждений, которые *позволяют* тормозить работу Михаилу, Роману, Юрию, голосовцам (через Игорева) и т. д.

Выступление Троцкого, будучи *по внешности* совершенно не связано с мартовским издевательством над неудачами партии, со срывом голосовцами ЦК, на деле связано с тем и другим неразрывной связью, связью «интереса». Многие в партии не понимают еще, в чем эта связь. Венская резолюция от 26 ноября 1910 г. поможет им, наверное, понять суть дела.

Резолюция состоит из трех частей: 1) из объявления войны «Рабочей Газете» (призыв «дать *решительный отпор*» ей, как «новым фракционно-кружковым предприятиям», по выражению Троцкого); 2) из полемики против линии большевистско-плехановского «блока»; 3) из объявления, что «собрание венского клуба (т. е. Троцкий и его кружок) постановляет: организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

На первой части мы вовсе не будем останавливаться. Троцкий вполне прав, когда говорит, что «Рабочая Газета» — «частное предприятие» и что она «не уполномочена говорить от имени партии в целом».

Напрасно только забывает Троцкий, что и он и его «Правда» *тоже* не уполномочены на это. Напрасно обходит он молчанием, — говоря, что пленум признал работу «Правды» полезной, — тот факт, что пленум назначил *представителя ЦК* в редакцию «Правды». Умолчание об этом при упоминании о решениях пленума насчет «Правды» нельзя назвать иначе, как *обманом рабочих*. И этот обман Троцкого тем более злостный, что в *августе* 1910 года Троцкий *удалил* из «Правды» представителя ЦК. После этого происшествия, после *разрыва* связи «Правды» с ЦК, газета Троцкого есть не что иное как «частное предприятие», не сумевшее притом выполнить *взятых* на себя обязательств. Пока не собрался *вновь* ЦК, *нет* иного судьи отношения «Правды» к ЦК, как *представитель* ЦК, пленумом назначенный и *признавший* поведение Троцкого *антипартийным*.

Вот что вытекает из поднятого Троцким так кстати вопроса о том, кто «уполномочен говорить от имени партии в целом».

Мало того. Поскольку (и до тех пор пока) русский ЦК срывают ликвидаторы-независимцы легалисты, поскольку (и до тех пор пока) заграничный ЦК срывают голосовцы, *единственным* учреждением, уполномоченным «го-

ворить от имени партии в целом», остается *Центральный Орган*.

И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику; — что он *разрывает* партийную легальность, вступает на путь *авантюры* и *раскола*, когда в своей резолюции, ни звуком не поминая о ЦК (как будто бы он договорился уже с голосовцами о том, что ЦК будет сорван!), от имени *одной заграничной* группы объявляет об «организации фонда для созыва конференции РСДРП». Если бы усилия ликвидаторов сорвать ЦК увенчались успехом, то мы, как единственное учреждение, уполномоченное говорить от имени партии в целом, объявили бы немедленно, что *никакого* участия в «фонде» и в затее Троцкого мы не принимаем и *общепартийной* будем считать лишь конференцию, созываемую *Центральным Органом*, а не кружком Троцкого*.

Но, пока еще вопрос о срыве ЦК не решен событиями окончательно, есть надежда на вполне *легальный* партийный исход.

Призывая членов партии к решительной борьбе за этот партийно-легальный исход, мы займемся выяснением «принципиальных основ» расхождения, которое голосовцы и Троцкий спешат довести до раскола — первые, срывая ЦК, второй — игнорируя его и «организуя фонд» для созыва «конференции РСДРП» (не шутите!) кружком Троцкого.

Троцкий пишет в своей резолюции, что борьба, которую ведут «ленинцы и плехановцы» (этой подстановкой *личностей* на место *течений* большевизма и партийного меньшевизма Троцкий хочет выразить свое пренебрежение, но выражает лишь свое непонимание), что эта борьба «лишена в настоящее время всякой принципиальной основы».

Вот к выяснению этих принципиальных основ ЦО и зовет с.-д. всяя Руси: займемся именно этим интересным вопросом, пока идет «нейнтересная» борьба из-за созыва пленума!

Выписываем полностью мотивы, по которым Троцкий объявляет борьбу ЦО лишенной всякой принципиальной основы:

...«Среди *всех* (курсив Троцкого) партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации, объединения легальной и нелегальной работы,

* Что действительно общепартийная конференция, созванная ЦК партии, необходима повозможно скорее — об этом не может быть спора.

проведения выдержанной социал-демократической тактики, и эти основные директивы последний пленум наметил *единогласно*.

Трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в *проведении их в жизнь*. Путь же к этому — дружная совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «пехановцев», «ленинцев», «впередовцев», нефракционных, ибо партия духовно вышла уже из периода детства, и всем ее членам пора сознавать себя и действовать в качестве *революционных социал-демократов*, патриотов своей партии, без дальнейших фракционных наименований. И это сотрудничество должно совершаться в общепартийных рамках, а не вокруг фракционных органов».

Вот образец того, как хорошие слова истрепываются во фразе, прикрывая величайшую неправду, величайший обман и самих тех, кто фразой упивается, и всей партии.

Ведь это же прямая и вопиющая *неправда*, будто среди *всех* партийных течений твердо укрепилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации. Каждый № «Голоса» показывает, что голосовцы считают группу г. Потресова и К^о *партийным течением* и что они не только «считают» ее таковым, но и *систематически* в ее «работе» участвуют. Не смешно ли, не позорно ли, теперь, через год после пленума, играть в прятки, обманывать себя и обманывать рабочих, отделяться словесными увертками, когда речь идет о *«проведении в жизнь»*, а не о фразеях?

Да или нет? Считает ли Троцкий г. Потресова и К^о, точно названных в ЦО, «партийным течением» или нет? Этот вопрос есть именно вопрос о «проведении в жизнь» решений пленума, и ЦО *вот уже год*, как этот вопрос поставил ясно, резко, недвусмысленно, поставил так, что никакие увертки невозможны!

Троцкий пытается опять и опять отделаться умолчанием или фразой, ибо ему *нужно скрыть* от читателей и от партии *правду*, именно: что группы г. Потресова, 16-ти и т. д. абсолютно независимы от партии, вполне обособлены фракционно, не только не восстанавливают нелегальную организацию, а срывают ее восстановление, *никакой* социал-демократической тактики не проводят. Троцкому нужно скрыть от партии ту правду, что голосовцы представляют из себя столь же обособленную от партии заграничную фракцию, служащую на деле русским ликвидаторам.

А «впередовцы»? Троцкий прекрасно знает, что и они *после* пленума укрепили и развили свою особую фракцию,

с независимыми от партии средствами, с особой фракционной школой, в которой учат вовсе не «выдержанной с.-д. тактике», а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат отзовистским взглядам на роль III Думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед».

Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — *антипартийный блок Потресовых с впередовцами*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется. Принятие резолюций Троцкого (вроде «венской») голосовцами, кокетничанье «Правды» с впередовцами, рассказы «Правды» о том, будто в России на местах действуют только впередовцы да троцкисты, рекламирование фракционной школы впередовцев «Правдой», прямая поддержка этой школы Троцким — все это факты, которых долго скрывать нельзя. Шила в мешке не утаишь.

Содержание политики Троцкого есть «дружная работа» «Правды» с фракциями гг. Потресовых и впередовцев. Роли распределены в этом блоке ясно: гг. Потресовы продолжают независимо от партии свою легалистскую работу, свое разрушение социал-демократии, «голосовцы» образуют заграничный отдел этой фракции, а Троцкий берет на себя роль адвоката, уверяющего наивную публику, что «среди *всех* партийных течений твердо укоренилась «выдержанная с.-д. тактика». Впередовцы получают такого же адвоката, защищающего свободу их фракционной школы, прикрывающего их политику лицемерной, казенной фразой. Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и гг. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими.

И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий *не смеет*. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увливать. Ибо все и каждый видит

и знает, что гг. Потресовы и отзовисты *все* имеют свою линию (антисоциал-демократическую линию) и *ведут* ее, тогда как дипломаты «Голоса» и «Вперед» ничем, кроме прикрытия, не служат.

Самая глубокая причина того, почему новый блок *осужден* на провал, как бы велик ни был успех его перед обывательскими элементами, какие бы «фонды» ни собрал Троцкий при помощи впередовских и потресовских «источников», заключается в том, что этот блок *беспринципен*. Теория марксизма, «*принципиальные основы*» всего нашего мирозерцания, всей нашей партийной программы и тактики не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии. Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего мирозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения *в целом*. Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия открытых выступлений запросы к знанию *общетеоретическому*. *Основы марксизма* надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь. Если Троцкий объявляет сближение партийных меньшевиков с большевиками «*политически бессодержательным*» и «*неустойчивым*», то это лишь показывает глубину его невежества, это лишь обрисовывает его собственную полную бессодержательность. Именно *принципиальные основы марксизма* восторжествовали в борьбе большевиков с «*впередовскими*» несоциал-демократическими идеями, в борьбе партийных меньшевиков с гг. Потресовыми и голосовцами. Именно это сближение на вопросе о *принципиальных основах* марксизма и было *реальной базой* действительно дружной работы партийных меньшевиков с большевиками за целый год после пленума. Это — факт, а не слова, не обещания, не «*благожелательные резолюции*». И каковы бы ни были разногласия меньшевизма с большевизмом в прошлом и будущем (только авантюристы способны привлекать толпу *посулами* об исчезновении разногласий, о «*ликвидировании*» их той или иной революцией), этот исторический факт вычеркнуть нельзя. Только внутреннее развитие *самых* главных фрак-

ций, только *их собственная* идейная эволюция может дать залог уничтожения фракций на деле, путем их сближения, путем испытания их на общей работе. И это началось после пленума. Дружной работы Потресова с впередовцами и с Троцким мы *еще не* видели, а видели только кружковую дипломатию, игру в слова, солидарность в увертках. Дружную работу партийных меньшевиков с большевиками партия в течение года видела, и всякий, кто способен ценить *марксизм*, всякий, кому дороги «принципиальные основы» социал-демократизма, не усомнится ни на минуту в том, что девять десятых рабочих *обещ* фракций будут на стороне *этого* сближения.

Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических* задач. Эти задачи действительно указаны пленумом *единогласно*, но они вовсе не сводятся к той банальной фразе: объединение легальной и нелегальной работы (ведь и кадеты «объединяют» легальную «Речь»¹⁸ с нелегальным «кадетским» ЦК), которую выбирает Троцкий нарочно, чтобы угодить гг. Потресовым и впередовцам, ничего не имеющим против пустых фраз и банальностей.

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции» — гласит резолюция пленума — «неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.».

После *годового опыта* нельзя уклоняться от прямого ответа на вопрос о *реальном* значении этих указаний. Нельзя забывать, что на пленуме *все* националы (к которым примкнул тогда вечно примыкающий ко *всякому* большинству того или иного момента Троцкий) письменно заявили, что *по существу* было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться».

Годичный опыт после пленума показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев

и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат. Обход этого очевидного факта и есть авантюризм, ибо никто еще до сих пор не решался сказать прямо, что у Потресовых и К^о нет линии ликвидаторства, что признание отзовизма «законным оттенком» соответствует линии партии. Мы недаром прожили год после пленума. Мы стали богаче опытом. Мы увидели на деле проявление отмеченных тогда тенденций. Мы увидели фракции, воплотившие эти тенденции. И словами о «дружной работе» этих антипартийных фракций в якобы «партийном» духе нельзя уже теперь обмануть сколько-нибудь широкие слои рабочих.

Наконец, в-3-х, политика Троцкого есть авантюра в смысле организационном, ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока двух антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола. Будучи уполномочены говорить от имени партии в целом, мы обязаны до конца отстаивать партийную легальность. Но мы вовсе не хотим, чтобы члены партии из-за форм «легальности» не видели сути дела. Напротив, именно на суть дела, сводящуюся к блоку голосовцев и впередовцев, охраняющему полную свободу ликвидаторской деятельности гг. Потресовым и отаовистского разрушения партии, мы обращаем главное внимание социал-демократов.

К решительной борьбе за партийную легальность, к борьбе с антипартийным блоком во имя принципиальных основ марксизма и очистки социал-демократизма от либерализма и анархизма и призываем мы всех социал-демократов.

Р. S.* Выпуск вышенапечатанной статьи отдельным оттиском (что сделано было на основании голосования большинства редакции — двух представителей большевистского течения и представителя польской организации) вызвал со стороны двух других членов редакции — голосовцев — протест, выпущенный отдельным листком. В этом листке авторы его не касаются содержания статьи: «О положении дел в партии» по существу, а обвиняют большинство редакции: 1) в нарушении формальных прав их, двух соредакторов, 2) в совершении «полицейского

* — Postscriptum — приписка. Ред.

доноса». Мы считаем самым правильным — раз спор происходит не в плоскости принципов и тактики, а в области организационной склоки и личных нападок, перенести его всецело в Центральный Комитет. Думаем, что, и не дожидаясь решения ЦК по этому вопросу, все партийные товарищи сумеют по достоинству оценить методы «полемики» двух членов редакции, Мартова и Дана.

*Напечатано 23 или 24 декабря 1910 г.
(5 или 6 января 1911 г.)
отдельным оттиском из № 19
газеты «Социал-Демократ»*

*Печатается по тексту оттиска,
сверенному с текстом, напечатанным
в Приложении к № 19—20
«Социал-Демократа»*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА ¹⁹

Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И, именно, в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А, между тем, всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а, следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества, не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а, следовательно, и в марксизме, как живой доктрине, не могли не выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907-го года, другое — летом 1910-го года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным,

в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *инного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом, эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобра-

зование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ

марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям; вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон, путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Преыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко теперь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

О КРАСКЕ СТЫДА У ИУДУШКИ ТРОЦКОГО

Иудушка Троцкий распинаялся на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы — обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в «Нашей Заре»²⁰ перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts»²¹ ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой. Вперед в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого.

Написано в начале 1911 г.

*Впервые напечатано 21 января 1932 г.
в газете «Правда» № 21*

Печатается по рукописи

КАРЬЕРА РУССКОГО ТЕРРОРИСТА

Таким подзаголовком снабдил представитель партии с.-р. г. Рубанович свою статью о смерти Караулова в французской социалистической газете «L'Humanité»²². Карьера, действительно, поучительна.

После 1-го марта 1881 г. Караулов приехал в Париж и предложил главарю Народной воли поручить ему восстановление организации. Редактор «Вестника Народной Воли»²³, будущий ренегат Тихомиров, дал ему полномочия. Караулов вернулся в Россию с Лопатиным, Сухомлиным и др. В 1884 г. его арестуют в Киеве и по суду приговаривают к 4 годам каторги, тогда как коллеги его получают смертный приговор или пожизненную каторгу.

Чем объяснить это «странное — по словам г. Рубановича — снисхождение». Говорят, — сообщает г. Рубанович, — что председатель военного суда был поражен сходством Караулова с его трагически умершим сыном. Но «существуют другие объяснения этого странного снисхождения», — добавляет г. Рубанович, не говоря, каковы эти другие объяснения*.

Зато новейшая «карьера» Караулова не возбуждает никаких сомнений. В 1905 году он выступал настолько открыто против революционеров, что избиратели провалили его на выборах и в I и во II Думу. «Если передо мной будет два лагеря — сказал на одном митинге Караулов (по сообщению «Биржевых Ведомостей»²⁴) — в одном — правительственные войска, в другом — революционеры

* Речь идет, повидимому, о высказываемых подозрениях, что Караулов дал «откровенные показания».

с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата, то я, не задумываясь, пойду с первыми против вторых». Неудивительно, что Витте хлопотал о восстановлении прав такого человека. Неудивительно, что Караулов встал в III Думе на одно из первых мест среди самых подлых, контрреволюционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах.

Удивительно, что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как «демократа», «борца» и т. п.

Удивительно, что г. Рубанович, представитель партии с.-р., может писать во французском социалистическом органе: «многое простится перешедшему в лагерь умеренных бывшему эсеру за то, что он сумел затронуть лучшие струны» (речь идет о том заседании Думы, когда правые называли Караулова каторжником, а он ответил, что гордится этим).

За эффектную фразу «прощать» карьеру ренегата — это в духе эсеров. Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты. Но чтобы революционеры, представители «революционных» партий, заявляли публично: «многое простится» ренегату за ловкий выкрик, — это бывает не часто. Для этого надо, чтобы в якобы «революционной» партии был громадный процент *либералов с бомбой*. Для этого надо, чтобы эти, оставшиеся без бомбы, либералы могли уживаться в «революционных» партиях, совсем беззаботных в деле отстаивания революционных принципов, революционных заветов, революционных чести и долга.

Есть и другой, более глубокий урок, который вытекает из «карьеры русского террориста». Это — урок классовой борьбы, это — иллюстрация того, что только революционные *классы* могут быть теперь в России опорой хоть скольконбудь серьезных революционных партий. Не один Караулов, а *масса* буржуазной интеллигенции, бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь *спясть* от демократии и от революции. Это не случайность, а неизбежный результат развития классового сознания русской буржуазии, увидавшей *на опыте*, как близок момент, когда «лагерь» монархии и лагерь революции

встанут друг против друга, — увидавшей на опыте, какой выбор приходится при этом делать ей, буржуазии.

Кто хочет учиться на великих уроках русской революции, тот должен понять, что только развитие классового сознания пролетариата, только организация *этого* класса, только очищение его партии от мелкобуржуазных «попутчиков», от свойственных им беспринципности, шатаний и слабости *может* привести снова и наверное приведет снова к победам народа над монархией Романовых.

«Социал-Демократ» № 19—20,
13 (26) января 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861-го и до 1905-го гг. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

...«Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким, ... теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», — думал Левин» (Соч., т. X, стр. 137).

«У нас теперь все это перевернулось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «перевернулось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого

этот «только укладываемый» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, — восклицает Толстой, — Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125).

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за образец «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию», — вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время». Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть «общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет, — заяв-

ляет Толстой, — как то нам доказывают неподвижные восточные народы».

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне», — и в статье 1862-го года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился», и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают»; *какие* общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий; свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905-го года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905-й г. был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как

идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма²⁵.

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные

идей «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

«Звезда» № 6, 22 января 1911 г.
Подпись: В. И л ь и н

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

МАРКСИЗМ И «НАША ЗАРЯ»²⁶

В № 4 «Звезды» было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги, и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, а не личной и злостной полемикой «Нашей Зари».

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь *о ком*, а не *о чем*, идет речь («Наша Заря» № 11—12, стр. 47). Я возьму прямо журнал «Наша Заря» *за год* — это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа — и постараюсь рассмотреть, *о чем* идет в нем речь.

Первый номер «Нашей Зари» вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском номере, г. Потресов провозгласил, что к числу *«пустяков»* относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. «Ибо может ли существовать, спрошу я у читателя — писал г. Потресов — в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого?» (с. 61).

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться

отделаться тем, что-де «нет», «на нет и суда нет», невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая, или одна сотая, или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, *есть ли течение*, считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том, есть ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на *этот именно* вопрос тем, что «нет», «ноль», «ноль и есть ноль», г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая «злость» (по меткому выражению обзора печати № 4 «Звезды»), был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское «Возрождение»²⁷ в № 5 от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: «Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии — в ее старом» и т. д. «виде просто вредная, реакционная утопия» (стр. 51).

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом *виде*, а о старой *сущности*. Совершенно очевидно также, что вопрос о «ликвидировании» нераздельно связан с вопросом о «восстановлении». «Возрождение» сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило *ту же* мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличаться не прямотой, а увертливостью, течения же обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и, может быть, продолжает считать себя таковым — в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке «Нашей Зари» он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что объявил буквально «одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений» «пресловутый вопрос о гегемонии» (стр. 87). Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос «пресловутым», т. е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года! Отмечаем этот факт — он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова, будто о «гегемонии не будет и помпну» (стр. 88), при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень «будет достаточно радикально настроена против

политических привилегий» и т. д., «но проникнута резким националистическим духом», — есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с «национализмом», именно очистка от него «настроенный», предположенных Базаровым, и есть дело «гегемона». Успешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, отпора болотному духу, отпора ликвидаторству, которое, кстати сказать, есть такое же проявление влияния буржуазии на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих, — бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие, иногда, годы. Бывает, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, объявляет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д., и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм *требует* ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии — в частности.

За Петербургом — Москва. За меньшевиком г. Потресовым — бывший большевик г. Базаров. За Базаровым — г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке «Нашей Зари» г. В. Левицкий пишет: «Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих) была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет *классовой* (курсив г. Левицкого) партией вступающих в свое историческое движение масс». (Стр. 103.)

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен *дух* всех писаний гг. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего «Возрождения», всей «Нашей Зари» и всего «Дела Жизни». Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату из В. Левицкого. Это — такая же «классическая» фраза, как знаменитое бернштейновское «движение — все, конечная цель — ничто», или как про-

коповичевское (из «Credo»* 1899 г.): рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба.

Г. Левицкий теоретически неправ, когда *противопоставляет* гегемонию — классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой *на деле* следует «Наша Заря». Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Зомбарта и Брентано) понимают *классовую* рабочую партию так, как ее «понимает» Левицкий. С точки зрения марксизма, класс, отрицающий идею гегемонии или не понимающий ее, есть не класс или еще не класс, а *цех* или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен «Нашей Заре», *то есть*, течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности *этого* течения. В прошлом (для сторонников этого течения) была «гегемония», в будущем ее не будет, не должно быть; а в настоящем? В настоящем есть тот *бесформенный* аггломерат, который составляет круг писателей и друзей-читателей «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни», и который *сейчас*, в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности *перехода* от *прошлой* гегемонии к *будущей* брентановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой) партии. Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства, это прямо сказали его противники еще в 1908 году, *за год* до «Нашей Зари». Если г. Маевский²⁸ в декабре 1910 года спрашивает, что такое ликвидаторство, то пусть он обратится к ответу, данному официально ровнехонько два года тому назад. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую, «Нашей Зари», возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно? Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.²⁹), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган и органы.

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. Ред.

Сказать: в прошлом гегемония, а в будущем должна быть «классовая партия», значит наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом «гегемония», то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно сознание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз досрели до «класса», никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задуть этого ростка. Пусть его не «видно» на поверхности (гг. Потресовы не видят или делают вид, что не видят его, *потому что* не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем «прошлое», он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты *обязаны*, вопреки всем и всяким отречениям, отстаивать ее идею в настоящем и будущем, — каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжают создавать, расширять, укреплять класс, укрепляют его отпор всем «проявлениям влияния буржуазии».

Журнал же «Наша Заря» за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса. Оно представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего несколькими классам «попятного» потока, который свойственен всему трехлетию 1908—1910 годов и, возможно, будет свойственен еще несколькими годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2—7 «Нашей Зари». В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на более подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

Написано в январе 1911 г.

Первые напечатано 22 апреля 1911 г.
в № 3 журнала «Современная Жизнь»
(Баку)

Подпись: В. И л ь и н

Печатается по тексту журнала

НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ

(О г. ПОТРЕСОВЕ И В. БАЗАРОВЕ)³⁰

Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «Предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутримарксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статья г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Нашей Зари». Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее: выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908—9—10—? годов, это — вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова *не* устарели, и говорить о них необходимо, обязательно.

I

Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той послереволюционной эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.

«Именно либерализм, — пишет г. Потресов, — как идейное течение, являет собой картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим», — между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший! Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полулибералы говорили и думали о кадетях в 1905—1906—1907 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909—1910 годах. Противоречие между «эмпиризмом» либеральных практиков и теориями господ à la* Струве вполне ясно сказалось даже раньше 1905-го года: помните-ка, как сбивалось буквально на каждой своей попытке «теоретизировать» тогдашнее «Освобождение»³¹. Если вы *теперь* начинаете соображать, что либерализм «оказался» будто бы «разорванным» (это опять и опять словесный выверт, пустая фраза, ибо веховцы как раз не разорвали с «Речью» и обратно, а ужились, и уживаются, и уживутся отлично), «бесплодным», «висящим в воздухе», что это лишь «наименее устойчивая» (sic!***) «часть буржуазной демократии», «недурной податель избирательных бюллетеней» и проч., — то ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий. Либерализм «оказался» наименее устойчивой частью буржуазной демократии как раз не в настоящее время, не в трехлетие 1908—1910 годов, а именно в предыдущее трехлетие. «Наименее устойчивы» те квази-социалисты, которые преподносят публике горчицу после ужина. Отличительным признаком предыдущего трехлетия, по разбираемому г. Потресовым вопросу, является «висящий в воздухе» либерализм, «бесплодный» «податель избирательных бюллетеней» и т. д. Тогда признание такого характера либерализма было политической задачей дня, предостережение масс было злободневной обязанностью не только социалистов, но и последовательных демократов. В марте 1906-го года, а не в феврале 1910-го, важно было предостережение насчет того, что либерализм кадетов висит в воздухе, что он бесплоден, что объективные условия сводят

* — вроде. *Ред.*

** — так! *Ред.*

ЦѢНА 30 КОП.

МЫСЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФИЛОСОФСКИЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.№ 2.
ЯНВАРЬ.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Слѣженіе представлений (окончѣніе). —
И. Р.—КОВЪ. Современная русская аграрная полудтика
и влады на будущее (оконч.). — В. ИЛЬИНЪ. О статистикѣ
стачекъ въ Россіи (гл. II). — Г. Ц.—ЧЪ. Къ вопросу объ
иностранныхъ капиталахъ въ Россіи. — В. ИЛЬИНЪ.
Наши упразднители (о г. Потресовѣ и В. Базаровѣ).
НА ТЕМЫ ДНЯ: — Г. Законъ о лишеніи отдачи торгово-
промышленныхъ служащихъ. — ПОЛЕМИЧЕСКІЯ ЗА-
МѢТКИ: Р.—1) «Взглядъ» о Толстомъ, 2) Благодушный
либераль, 3) Советъ г. Клейнборту. — ИНОСТРАННОЕ
СБОРЪНІЕ: Х. Л. РАППОРТЪ. Дѣйствительность
и мечты. П. ОРЛОВСКИЙ. Литературные наброски. —
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. — ВЪ-
БЛОГРАФІЯ. — НЕКРОЛОГЪ: П. Зингеръ.

МОСКВА.

Обложка журнала «Мысль» № 2, январь 1911 г., в котором
были напечатаны: глава II работы В. И. Ленина «О ста-
тистиче стачекъ в Россіи» и начало статьи «Наши упразд-
нители» (О г. Потресове и В. Базаровѣ)

Уменьшено

к ничтожеству, к комедии «недурных подателей избирательных бюллетеней», что кадетские победы — неустойчивый зигзаг между «серьезным» конституционализмом (читай: якобы конституционализмом) Шиповых или Гучковых и борьбой за демократию тех элементов, которые не висят в воздухе и не ограничиваются влюбленным созерцанием избирательных бюллетеней. Припомните-ка, любезнейший, кто говорил эту правду о либералах вовремя, в марте 1906 года³²?

Отличительным признаком, своеобразной чертой нашего трехлетия (1908—1910) является вовсе не «бесплодность» «висящего в воздухе» и т. д. либерализма. Наоборот. В классовом бессилии либерализма, в его боязни перед демократией, в его политическом убожестве ничего не изменилось, но это бессилие достигло апогея тогда, когда были возможности проявить силу, когда были налицо условия, давшие либералам полное преобладание на известной хотя бы арене действия. Вот, когда кадеты имели большинство в I, например, Думе, тогда они могли использовать это большинство для службы демократии и для торможения дела демократии, для содействия демократии (хотя бы в маленьком деле, скажем, в организации местных земельных комитетов) и для нанесения ударов в спину демократии. Вот для этого периода *характерно*, что кадеты «висели в воздухе», что «недурной податель избирательных бюллетеней» оказался сочинителем наказов для будущей октябристской Думы, и только.

В следующее же трехлетие кадеты, оставаясь тем, что они есть, чем они всегда были, кадеты *менее* «висят в воздухе», чем прежде. Вы похожи, г. Потресов, как раз на того героя народного эпоса, который не совсем вовремя выкрикивает свои пожелания и свои мнения. Веховцы 1909-го года *меньше* «висят в воздухе», чем Муромцев 1906-го года, ибо веховцы приносят *серьезную* пользу, служат *деловую* службу такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим достопочтенным людям собирать арсенал оружия для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом: это — такое дело, которое *не может быть* разрушено никаким разгоном Думы, никакими вообще политическими треволнениями на данной общественно-экономической почве.

Пока существует класс землевладельцев-помещиков и капиталистов, будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К°. А вот «дело» Муромцевых и перводумских кадетов вообще могло быть «разрушено» (ибо дела-то у них не было, а были слова, развращающие народ, а не служащие народу) разгоном Думы.

Кадеты в третьей Думе — та же партия, с той же идеологией, с той же политикой, в значительной степени с тем же личным составом, что в первой Думе. И именно поэтому кадеты в третьей Думе гораздо меньше «висят в воздухе», чем в первой. Вы этого не понимаете, любезный г. Потресов? Напрасно же вы брались рассуждать о «современной драме наших общественно-политических направлений»! Я вам даже скажу по секрету, что и впредь, в течение, вероятно, довольно значительного времени, политическая деятельность кадетов не будет «бесплодна» — не только благодаря реакционной «сильноплодности» веховцев, но и благодаря тому, что, пока есть у демократии политические караси, будет чем жить и шукам либерализма. Пока есть такая неустойчивость в социализме, такая дряблость в демократии, которая иллюстрируется очень наглядно фигурами à la Потресов, до тех пор искусства «эмпириков» либерализма всегда хватит для уловления этих карасей. Не горюйте, кадеты: вам есть чем жить, пока живы Потресовы!

II

Говоря о народничестве, г. Потресов еще менее сводит концы с концами. Кадетов он называет «бывшими демократами» и даже «бывшими либералами». Про крестьянство он говорит: «вошедшее в политическую жизнь крестьянство» (по мнению г. Потресова оно еще не вошло в эту жизнь) «начало бы совершенно новую главу истории — историю крестьянской демократии — и тем самым поставило бы крест над старой, интеллигентской, народнической».

Итак, кадеты — бывшие демократы, а крестьянство — будущие. Где же настоящие? Или демократии, массовой демократии не было в России 1905—1907 годов? Нет в России 1908—1910 годов? Настоящее припрятано Потресовым посредством различных «обходных», обходящих суть вопроса, фраз, ибо прямое и простое признание

несомненного настоящего бьет в лицо всей ликвидаторской философии гг. Потресовых. Это простое и прямое признание вполне бесспорного теперь исторического факта состоит в том, что кадеты *никогда* в России сколько-нибудь массовой демократии не представляли, никогда демократической политики не вели, а крестьянство — то самое «многомиллионное крестьянство», о котором говорит и г. Потресов, эту буржуазную демократию (со всеми ограничениями буржуазной демократии) представляло и представляет. Г. Потресов увильивает по этому *коренному* вопросу, чтобы спасти именно ликвидаторскую философию. Не спасете!

Стараясь обойти прошлое и настоящее крестьянской демократии, г. Потресов опять попадает впросак, уверенно говоря о будущем. Опять опоздали, любезнейший! Вы сами говорите о «возможных последствиях закона 9 ноября», — значит, сами признаете возможность (конечно, чисто абстрактную) его успеха. А при таком успехе «*новая глава истории*» может быть главой не только из истории *крестьянской* демократии, а также из истории *крестьянских аграриев*.

Развитие крестьянского хозяйства в России, а, следовательно, и крестьянского землевладения и крестьянской политики, не может идти иначе, как капиталистически. Народническая аграрная программа в ее сути, в виде, напр., известной платформы 104-х³³ (I и II Думы), не только не противоречит этому капиталистическому развитию, а, напротив, означает создание условий для самого широкого и самого быстрого капиталистического развития. Современная аграрная программа означает, наоборот, самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие. Объективные, историко-экономические условия не решили еще того, которая из этих программ в последнем счете определит форму буржуазных аграрных отношений новой России.

Таковы те простые факты, которые приходится запутывать представителям ликвидаторства.

«Неизменным при всех переменах — пишет г. Потресов о переменах в интеллигентской, народнической демократии — осталось одно: в интеллигентскую идеологию на крестьянской подкладке конкретное крестьянство не внесло до сих пор (!) своего корректива».

Это — чисто веховская и насквозь лживая фраза. В 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесшее *целый ряд* «коррективов» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий. Не все эти коррективы *поняты* народниками, но крестьянство их *внесло*. В 1906 и 1907 гг. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внося этим *ряд коррективов*, частью отмеченных даже народниками. Обще-признано, напр., что «конкретное» крестьянство обнаружило свои *хозяйские* стремления и вместо «общины» одобрило личное и товарищеское землевладение.

Веховцы, очищая либерализм от демократии и превращая его систематически в прислужника денежного мешка, выполняют правильно свое историческое назначение, когда объявляют движение 1905—1907 годов интеллигентским и уверяют, что конкретное крестьянство не внесло своего корректива в интеллигентскую идеологию. Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой переспев идей веховцев.

III

Это превращение становится еще более очевидным, когда г. Потресов переходит к рассуждениям о марксизме. Интеллигенция — пишет он — «заслоняла собой... своим партийно-кружковым строительством пролетариат». Вы не сможете отрицать того факта, что в самый широкий оборот, и через «Вехи» и через всю либеральную печать, эта идея пущена буржуазией, использована ею против пролетариата. Аксельрод писал в том самом фельетоне, в котором он выдвигал эту идею, о «проказнице-истории», которая могла бы доставить буржуазной демократии вождя из школы марксизма. Проказница-история воспользовалась той ямой, которую Аксельрод любезно грозился вырыть для большевиков, чтобы поместить в этой яме самого Аксельрода!

Если вы перейдете к объективным историческим фактам, то *все* они, вся эпоха 1905—1907 годов, хотя бы даже выборы во II Думу (если взять для примера факт не из самых крупных, но из самых простых) *доказали бесповоротно*, что «партийно-кружковое строительство» не «засло-

няло» пролетария, а *непосредственно перешло* в партийное и профессионально-союзное строительство *широких масс* пролетариата.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков» — борьба с махизмом и борьба с ликвидаторством — «дебатируя обо всем, о чем угодно, но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов, восклицает г. Потресов. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и уже во всяком случае приступ к ответу, дан той самой «иерархией», существование которой г. Потресов злобно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а, следовательно, *не устраняя их*, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом — своеобразии этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежной, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому

решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало применять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как Потресов, Левицкий, и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов, и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: «где этот *приступ* и каков этот *ответ*?». Мартов, так же хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»: обычный прием либералов использовать вынужденное временное молчание противника! И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослабленностью, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении», пишет г. Потресов, ибо нельзя ликвидировать то, «что уже не поддается ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них предложения «целого» (именно как «целого»), и который на другой день в печати заявляет: «целого» нет?

По этому пункту точка.

Встает вопрос принципиальный: может ли взгляд на необходимость старого решения старых проблем меняться в зависимости от *степени* распада — даже, если хотите, от исчезновения — «целого»? Всякий понимает, что нет.

Если объективные условия, если коренные экономические и политические черты современной эпохи требуют старого решения, то, чем сильнее распад, чем меньше осталось от «целого», тем больше надо заботиться, тем горячее публицисту надо говорить о необходимости «целого». Следует признать новые приемы подготовки, как мы уже указали, но кто должен применять их? Ясно, что «целое». Ясно, что задачи публициста для тех, кто понял значение переживаемого периода, его основные политические особенности, диаметрально противоположны *всей* линии господ Потресовых. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо задумал серьезно отрицать связь вышеизложенного мной «ответа» (на вопрос об экономике и политике данного момента) с антиликвидаторством.

От общепринципиальной постановки вопроса перейдем к конкретно-исторической. В период 1908—1910 годов вполне обрисовалось то течение в марксизме, которое проповедует необходимость старого решения, ведет соответственную линию. Обрисовалось и другое течение, *все эти три года* противодействовавшее признанию «старого решения» и созданию старых основных форм целого. Отрицать этот факт смешно. Обрисовалось и третье течение, все эти три года не понимавшее новых форм подготовки, значения деятельности изнутри III Думы и т. д. Такие люди превратили признание старого решения в фразу, заученную, но непонятую, повторяемую по привычке, а не *применяемую* сознательно, продуманно к изменившейся обстановке (изменившейся хотя бы в области думской работы, но, конечно, не только в этой области).

Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничего неделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента: они все несогласны с оценкой, данной выше и формально *общепризнанной*, как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить *свою* точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Нашей Зари», «Жизни»³⁴ и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д. и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно формулированным ответом на обязательный (для всякого

честного публициста обязательный) вопрос: что же именно нужно вместо старого, нужно ли восстанавливать «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову), утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его — особенно с таких подмостков, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь с Изгоевыми*, восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидации!

Про *таких* «уставших», про г. Потресова и К^о, *нельзя* повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути»³⁶.

Такие «уставшие», которые входят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали.

IV

К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т. е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией (— «друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!») этого философствования» и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как «*вчерашних политиков*». Над этим выражением я долго смеялся. Поистине, хвастовство тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка. Плеханов и т. д. — «*вчерашние политики!* *Сегодняшний* политик, очевидно, Потресов и его «молодцы». Мило и откровенно.

Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великолепнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте *подумать*: вы отрицаете ликвидаторство, как *политическое* направление, отличающее *не* меньшевизм от большевизма, а Потресова и К^о от Плеханова и большевиков *вместе взятых*. И рядом с этим отрицанием вы называете Плеха-

* См. его статью в «Русской Мысли»³⁵, 1910 г., о вековце-Потресове. От таких объятий г. Потресову *ни когда* не очиститься.

нова и имярека «вчерашними политиками». Посмотрите же, до чего вы пеловки: ведь мы *вместе* с Плехановым можем быть названы вчерашними политиками *как раз* в том смысле, что для нас вчерашняя организация, как форма вчерашнего (по своим *основам* вчерашнего) движения, является обязательной и сегодня. Нас резко разделили с Плехановым и продолжают разделять вопросы о том, какие шаги следовало в тот или иной момент делать *этой* вчерашней организации на основе *этого* вчерашнего движения, но нас сближает борьба с людьми, которые *сегодня* отрицают именно *основы* вчерашнего движения (сюда относится и вопрос о гегемонии, к которому я сейчас перейду), именно *основы* вчерашней организации.

Ну, что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство? Вы и теперь думаете, что нас с Плехановым сблизил какой-нибудь маккиавелистический план или злопыхательное желание «борьбой на два фронта» *заменить* «преодоление» ликвидаторства?

Но вернемся к «вакханалии философствования».

«Мы знаем, — пишет г. Потресов, — какой глубокой бороздой прошла в свое время через сознание германской социал-демократии борьба Энгельса с Дюрингом и как самые, казалось, абстрактные тезисы имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса»... Самые абстрактные тезисы имели живое конкретное значение! Опять фраза и ничего более, как фраза. Попробуйте объяснить, если «вы знаете», какое «живое конкретное значение» имел тот *тезис* Энгельса, что философские рассуждения Дюринга о времени и пространстве ошибочны! В том-то и беда ваша, что вы *заучили*; как школьник: «спор Энгельса с Дюрингом имел великое значение», но не *продумали*, что это значит, и потому повторяете заученное в неверной, уродливо-неверной форме. Нельзя сказать, что «самые абстрактные тезисы (Энгельса против Дюринга) имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса». Самые абстрактные тезисы Энгельса имели то значение, что разъясняли идеологам рабочего класса, в чем ошибочность отступлений от материализма к позитивизму и идеализму. Вот если бы вы дали такое, то есть философски сколько-нибудь определенное, изложение взглядов

Энгельса вместо звонких, но пустых фраз о «глубокой борозде», «живом конкретном значении самых абстрактных тезисов», то вы сразу увидели бы, что ссылка на спор Энгельса с Дюрингом говорит *против* вас.

...«Мы знаем — продолжает г. Потресов — в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией»...

А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии? Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо. Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер. Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было «формирование» русского марксизма без выяснения Бельтовым³⁷ основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского? Ответ на этот вопрос может быть только один, и этот ответ — если делать вывод из исторической параллели применительно к спору с махистами — говорит *против* г. Потресова.

...«Но именно потому, что мы знаем все это» (ну, конечно! мы видели теперь, что это значит, когда г. Потресов пишет: «мы знаем все это»), «мы и хотим, чтобы была, наконец, установлена живая реальная связь между занимающим нас философским спором и марксистским общественно-политическим течением, его задачами и запросами. А пока что»... — следует ссылка на письмо Каутского, на то, что махизм — *Privatsache* (частное дело), что спор о нем — «фата-моргана» и т. д.

Ссылка на Каутского есть образец обывательского суждения. Не в том дело, что Каутский «беспринципен», как острит (по-изгоевски острит) г. Потресов, а в том, что Каутский *не знает*, как обстоит дело с русским махизмом, и не претендует на знание этого. Каутский в своем письме признает Плеханова знатоком марксизма, выражает свое убеждение в непримиримости идеализма с марксизмом, и мнение, что махизм не идеализм (или: не всякий махизм идеализм). Что Каутский *ошибается* в последнем пункте и особенно насчет русского махизма, это несомненно. Ошибка его вполне извинительна, ибо махизма в целом

он *не изучал*, писал частное письмо с явной целью предостеречь от преувеличения разногласий. Русскому писателю-марксисту при таких условиях ссылаться на Каутского значит проявлять чисто обывательскую леность мысли и трусость в борьбе. Каутский мог надеяться в 1908 году, когда он писал свое письмо, что махизм в известном толковании «примирим» с материализмом, но в России 1909—1910 годов ссылаться по этому вопросу на Каутского значит *браться* за примирение русских махистов с материалистами. Разве г. Потресов или кто другой берутся за это серьезно?

Каутский не беспринципен, а вот Потресов и К^о, желающие объявить махизм «частным делом», *образец беспринципности* среди современного русского марксизма. Каутский был вполне искренен и ни капли не был беспринципен, когда он в 1908 году, не читая русских махистов, советовал им искать мира с Плехановым, как знатоком марксизма, как материалистом, ибо за материализм и против идеализма Каутский высказывался всегда и высказался в том же письме. А у гг. Потресовых и К^о, прячущихся за Каутского в 1909—1910 годах, нет ни *грена* искренности, ни *капли* уважения к принципиальности.

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма. 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848-ом году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось

применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции марксистская политика, после революции марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал. 6) Белоусов назвал недавно III Думу богомольной Думой. Он верно схватил классовую особенность III Думы в этом отношении и справедливо заклеил ханжество кадетов.

Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности, «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу»

не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908—1910 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Г. Потресов «оговорился», что он «богостроительства» «сейчас не касается». Вот этим-то и отличается беспринципный и обывательский публицист Потресов от Каутского. Каутский *ни* о богостроительстве махистов, *ни* о богомольных веховцах и *не знал* и потому *мог* говорить, что не всякий махизм — идеализм. Потресов это знает и, «не касаясь» главного (для того, кто смотрит *узко*-«публицистически», главного), лицемерит. Объявляя борьбу с махизмом «частным делом», г. Потресов и *иже* с ним становятся в «общественно-политическом» смысле пособниками веховцев.

V

Переходя от г. Потресова к Базарову, мы должны заметить прежде всего, что, по вопросу о философском споре возражая первому, мы тем самым ответили и второму. Надо добавить только одно: терпимость В. Базарова к г. Потресову, стремление его найти у Потресова «долю правды» вполне понятны, ибо г. Потресов (как и все ликвидаторы), отгораживаясь словесно и формально от махизма, *по сути дела* уступает ему самое существенное. Махизм, как течение и как группа с «платформой», ничего иного и не решается требовать, как признания его разрыва с марксизмом за «частное дело!» Не случайно поэтому, что Потресов и Базаров строят друг другу глазки. Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов *действительно солидарны* в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма. И эта солидарность *не* ограничивается вопросами философскими, как показывает *даже* В. Базаров своей статьей.

Говорю: даже, ибо именно Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики. Об этом надо упомянуть, чтобы оценить значение невероятных шатаний такого человека, не только затем, чтобы подчеркнуть полезнейшую деятельность

в прошлом литератора, погнавшегося за лаврами Герострата.

Геростратовским является, например, заявление Базарова: «Одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений наших дней я считаю пресловутый вопрос о «гегемонии». Над махистами из нашей среды тяготеет точно какой-то рок: одни охраняют «свободу распада», объявляя законным оттенком отзовизм, другие, понимающие глупость и вред отзовизма, прямо протягивают руку ликвидаторам в политике. Именно ликвидаторы и в «Нашей Заре», и в «Жизни», и в «Общественном движении»³⁸ ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии. Констатируем с сожалением, что Базаров *ушел в их лагерь*.

Каковы доводы его по существу? Пять лет назад гегемония была фактом. «В настоящее время, по вполне понятным причинам, эта гегемония не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность». Доказательство: «в наши дни ляганье марксизма есть непременное условие популярности в демократических кругах общества». Пример — Чуковский.

Читаешь — и глазам не веришь: Базаров, желавший быть марксистом, превращается в бывшего человека, способного брать под ручку гг. Потресовых.

Бога вы не бойтесь, В. А. Базаров. Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда, с 1906 года сугубо, а «гегемония» не была «фактом» в 1906 году? Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хоть на отношение третьедумских депутатов крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время, — доказывает самым неопровержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содер-

жание речей и политики либералов) и т. д., и т. д. Нет ничего более характерного для нашего времени, как то, что Базаров *мог* написать такие невероятные вещи, и что группа журналистов, тоже считающих себя друзьями рабочих и сторонниками марксизма, милостиво похлопала за это его по плечу!

«Как будет обстоять дело к моменту грядущего подъема, предсказать совершенно немыслимо» — уверяет Базаров читателей ликвидаторского журнала. — «Если духовный облик городской и деревенской демократии будет приблизительно тот же, как 5 лет тому назад, то гегемония марксизма снова станет фактом... Но нет решительно ничего невозможного в предположении, что физиономия демократии существенно изменится. Представим себе, напр., что мелкая буржуазия русских деревень и городов будет достаточно радикально настроена против политических привилегий господствующих классов, достаточно сплочена и активна, но проникнута резким националистическим духом. Так как марксисты не могут идти ни на какие компромиссы с национализмом или антисемитизмом, то, очевидно, при указанных условиях о гегемонии не будет и помину».

Это не только неверно, но чудовищно нелепо. Если вражда к привилегиям будет соединена у известных слоев с национализмом, то разве разъяснение того, что такое соединение мешает устранению привилегий, не есть дело гегемона? Разве может быть борьба с привилегиями *не* соединена с борьбой страдающих от национализма мелких буржуа против выигрывающих от национализма мелких буржуа? Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости, а борьба с этими качествами и есть дело «гегемона». Базаров рассуждает по-кадетски, по-веховски. Вернее: Базаров ушел в лагерь Потресовых и К^о, давно уже так рассуждающих.

То, чего нет на поверхности, не существует вовсе. То, чего не видят Чуковские и Потресовы, нереально. Вот каковы посылки рассуждения Базарова, бьющие в лицо марксизму. Марксизм учит нас, что мелкобуржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от антидемократических привилегий (такие привилегии теоретически «не обязательны» при *чистом* капитализме, но его *очищение* будет длиться до его смерти), страдать от экономического угнетения. Поэтому, пока существует капитализм, *вечной* является задача «гегемона» разъяснять источник этих привилегий и этого угнетения,

показывать их классовые корни, давать пример борьбы против них, вскрывать лживость либеральных методов борьбы и т. д., и т. д.

Так думают марксисты. Так смотрят они на задачи «гегемона» в том лагере, условия жизни которого не позволяют мириться с привилегиями, в лагере не только пролетариев, но и полупролетарских и мелкобуржуазных масс. А Чуковские думают, что, раз этот лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит «исчезла гегемония», значит «вопрос о гегемонии стал пустяковейшим недоразумением».

Когда я вижу Базарова, говорящего эти позорные вещи, под ручку с Потресовыми, Левицкими и К^о, уверяющими рабочий класс, что ему нужна не гегемония, а классовая партия, когда я вижу, с другой стороны, Плеханова, поднявшего (по презрительному выражению великопного Потресова) «гвалт» при малейших признаках серьезных колебаний из-за вопроса о гегемонии, я говорю себе: большевики оказались бы именно такими изуверами фракционной буквы, которыми изображали их враги, если бы они поколебались при таком положении хоть минуту, если бы они усомнились хоть на секунду в том, что их долг, долг всех традиций большевизма, всего духа его учения и его политики — протянуть руку Плеханову, выразить ему полное товарищеское сочувствие. Нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать «гегемонам», но мы — товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для которых вопрос о гегемонии есть «пустяковейшее недоразумение». А Потресовы, Базаровы и проч. — для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские.

Пусть примут это к сведению те добряки, которые находят, что политика сближения с Плехановым есть «фракционная», узкая политика, которые желают «расширить» ее до примирения с Потресовыми, Базаровыми и проч., которые никак не хотят понять, почему мы подобное «примиренчество» считаем либо безнадежной глупостью, либо мизерным интриганством.

КАДЕТЫ О «ДВУХ ЛАГЕРЯХ» И О «РАЗУМНОМ КОМПРОМИССЕ»

Ответ, который дала «Речь» министерскому официозу по вопросу о «лозунге» для выборов в IV Думу и о современной политической группировке, представляет из себя интересное и знаменательное явление.

«Речь» соглашается с «Русскими Ведомостями»³⁹, что «выборы в IV Думу пойдут только между двумя лагерями: прогрессистами и правыми». «Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». (Чрезвычайно мило это слово: «упрочение»!) «Политический смысл этого лозунга... — объективное признание того бесспорного факта, что правительственный курс вновь объединил всю оппозицию, правее и левее кадетов». Кадеты будут «центром этой политически-разнородной группы», причем, входя в нее, они «так же мало откажутся от своей прежней программы и тактики, как отказывались социал-демократы от своей программы и тактики, входя в дооктябрьские союзы» (передовица, 21 января).

«Господа, можем мы ответить всем официозам и официалам, не кто иной, как вы сами нас объединили... Теперь в России чем дальше, тем больше политические течения сливаются в два больших лагеря, за и против конституции... Наша задача теперь одна, опять одна, как до 17 октября... (там же).

Следует отличать, при оценке этих рассуждений, вопрос об условиях выборов в IV Думу от вопроса о социально-политическом значении обсуждаемых перемен («лозунга» и группировок). Условия выборов вообще и в провинции особенно, наверное, вынудят «оппозицию» пользоваться

неопределенным беспартийным термином: «прогрессисты»⁴⁰ в еще более широких размерах, чем прежде. Отказ в легализации даже таких партий, как кадеты, неминуемо поведет к этому, и недоумения министерского официоза на этот счет, разумеется, одно сплошное лицемерие. В больших городах, как признают сами кадеты, в той же хотя бы передовице, будут выставлены самостоятельные кандидаты «более левых», по выражению *«Русских Ведомостей»*, «групп». Уже отсюда видно, что о *двух* лагерях говорить не приходится.

Далее, про существование рабочей курии, выделенной современными избирательными законами, *«Речь»* пожелала совсем забыть. Наконец, относительно выборов в деревне (крестьянской) придется сказать, что даже *слово* «прогрессисты» будет здесь, несомненно, избегаться, но *реальным* «центром» «политически-разнородных» или политически-неопределенных групп будут, наверное, не кадеты.

К чему же сводится разговор о *двух* лагерях? К тому, что кадетам благоугодно, говоря о современном политическом положении, ограничить свой кругозор *только* теми элементами, из которых складывается третьедумское большинство. Только ту ничтожную долю населения, которая представлена этими элементами, господа кадеты и соблаговоляют признавать за политические «лагери». До сих пор *основное* деление в этом небольшом третьиюньском уголке было: правые, октябристы, кадеты. (Известно, что физиономия III Думы определялась, в последнем счете, двумя большинствами: право-октябристским и октябристско-кадетским.) Теперь будет (по предсказанию *«Русских Ведомостей»*; с которыми согласна *«Речь»*) деление *этих трех* элементов на два «лагеря»: правые и прогрессисты.

Мы вполне признаем, что в основе этих либеральных предсказаний лежат не одни либеральные пожелания, но и объективные факты: изменения в политическом положении и политическом настроении русской буржуазии. Непозволительно только было бы забывать о том, что о *двух* лагерях можно говорить, лишь ограничивая свое поле наблюдения большинством третьей Думы. Непозволительно забывать, что *реальное* значение всех этих разговоров ограничивается тенденцией к сближению, слиянию, соединению «лагерей» октябристского и кадетского в

«лагерь» прогрессистский (разумеется, при молчаливо подразумеваемом отпадении большей или меньшей части октябристского лагеря в лагерь правый). Когда кадеты говорят: «нас» объединили, «наша» задача опять одна и т. п., то эти слова: «мы», «нас», «наша» *реально* означают октябристов и кадетов, не более того.

На чем же «их» объединили? какова «их» задача? каков «их» лозунг для выборов в IV Думу? «Упрочение конституции», — отвечают *Русские Ведомости* и *Речь*. Этот ответ только кажется определенным, а на самом деле он ровно ничего не определяет, сводясь к тому же, совершенно бессодержательному, указанию на какую-то неопределенную «среднюю» между октябристами и кадетами. Ибо и Милюков, и Гучков согласны в том, что «у нас, слава богу, есть конституция», но сойтись они мечтают на «упрочении» не того, что у «нас» *есть*, а того, чего у нас нет. Мечтанием, и притом не очень осмысленным мечтанием, является также и то, чтобы Милюков и Гучков, кадеты и октябристы сегодня, «прогрессисты» завтра, могли сойтись на определении содержания желаемой конституции. Не сошлись бы они ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция. Поэтому *действительное* значение этого общего лозунга сводится к тому, что, будучи сближаемы «отрицательной задачей: задачей борьбы с общим противником» (выражение *Речи* из той же передовицы), октябристы и кадеты не могут определить своих положительных задач, не могут найти в среде своих лагерей тех сил, которые обладали бы способностью сдвинуться с мертвой точки.

Это признание того, что точка действительно получилась мертвая, что сдвинуться с нее нужно, нужно и октябристам и кадетам, что сдвинутые с нее те и другие совершенно бессильны, взятые сами по себе, — выразилось особенно рельефно в рассуждении *Речи* по одному частному поводу о «разумном компромиссе».

«И если в течение думских споров о петербургской канализации, — читаем в передовице *Речи* от 20 января, — нездоровая подпочва спора немного затушеввалась, если оказалось даже для центра (т. е. для октябристов) возможным примкнуть к тому разумному компромиссу,

который предложен был фракцией народной свободы и принят городским самоуправлением, — то вмешательство П. А. Столыпина грубо сорвало покров (а вы хотели бы, господа кадеты, чтобы большие вопросы оставались под покровом?) и вскрыло все ту же старую, давно всем опротивевшую подопку *политической* борьбы государства с самоуправлением».

Либеральная буржуазия в виде совсем, совсем невинной ссобы, которая мечтает о «разумных компромиссах» на деловой, не политической, почве, а представители «неконституционных», старых начал — в роли политических воспитателей, срывающих покровы, вскрывающих классовую подпочву! Разумный компромисс состоит в том, — вздыхает либерал, — чтобы удовлетворялось то, на чем сошлись кадеты, октябристы и беспартийные тузы капитала (петербургское городское самоуправление). Ничего нет разумного в том, чтобы мы вам уступали, отвечает правительство; разумно только то, чтобы вы нам уступали.

Маленький вопрос об оздоровлении Петербурга, о распределении ролей и прав между самоуправлением и самодержавием, подал повод к разъяснению истин, имеющих не маленькое значение. Что «разумнее», в самом деле, пожелания, мечтания, требования всей буржуазии или власть хотя бы, скажем, Совета объединенного дворянства⁴¹?

Для «Речи», как и для всей кадетской партии, критерий «разумности» компромисса состоит в том, что его одобрили деловые люди, дельцы, тузы, сами октябристы, сами воротилы петербургского городского самоуправления. Но *реальная* действительность, — как бы ее ни прихорашивали покрывами вроде фразы: «у нас, слава богу, есть конституция», — срывает эти компромиссы и эти покровы достаточно грубо.

Итог: вы нас объединили, говорит «Речь» министерскому официозу. — Кого «нас»? — Оказывается, октябристов и кадетов. — На чем объединили? — На общей задаче: упрочение конституции. — А что следует понимать под конституцией и ее упрочением? — Разумный компромисс между октябристами и кадетами. — В чем критерий разумности подобных компромиссов? — В одобрении их худшими представителями русского «колушаевского» капитализма, вроде петербургских думцев. — А каков практический результат этих разумных компромиссов? — Тот, что

П. А. Столыпин, или Государственный совет, или Толмачев⁴² и т. д., и т. д. эти компромиссы «грубо срывают»... О, деловые политики!...

...А что, не будет ли на выборах в IV Думу третьего лагеря, характеризующегося сознанием того, как неразумна, смешна, наивна кадетская политика «разумного компромисса»? Как вы думаете об этом, господа из *«Речи»* и из *«Русских Ведомостей»*?

«Звезда» № 8, 5 февраля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

19-го февраля 1911 г. исполняется 50 лет со дня падения крепостного права в России. Повсюду готовятся чествовать этот юбилей. Царское правительство принимает все меры, чтобы в церквах и в школах, в казармах и на публичных чтениях проповедывались исключительно черносотенные взгляды на так называемое «освобождение» крестьян. Из Петербурга спешно рассылаются по всей России циркуляры о том, чтобы все и всяческие учреждения не выписывали для распространения в народе никаких других книг и брошюр, кроме издаваемых «Национальным клубом», т. е. одной из самых реакционных третьедумских партий. Усердные губернаторы в некоторых местах уже дошли до того, что распускают основанные помимо полицейского «руководства» (например, земские) комитеты по чествованию юбилея крестьянской «реформы», — распускают за недостаточную готовность вести это чествование так, как требует правительство черной сотни.

Правительство беспокоится. Оно видит, что как бы ни был забит, запуган, бессознателен и темен тот или иной рабочий или крестьянин, а все же простое воспоминание о том, что полвека тому назад была объявлена отмена крепостного права, не может не шевелить, не волновать народ, придавленный помещичьей, барской Думой, страдающий сильнее, чем прежде, от самодурства, насилия и гнета помещиков крепостников с их полицией и чиновниками.

В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789-го года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран.

В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп*, то есть *дань* вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне *в большинстве* губерний *коренной* России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы,

строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов.

В 1861-ом году крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861-го года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905-му году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства *на революцию*.

Царское самодержавие было надломано революцией 1905-го года. Эта революция впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу. Революция 1905-го года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся *гражданами*, становятся *борцами*, не позволяют помыкать собою как быдлом, как чернью. А действительное освобождение масс от гнета и произвола нигде и никогда на свете не достигалось не чем иным, кроме как самостоятельной, геройской, сознательной борьбой самих этих масс.

Революция 1905-го года только надломилась, но не уничтожила самодержавие. Оно мстит теперь народу. Помещичья Дума еще сильнее гнетет и давит. Недовольство и возмущение опять растут повсюду. За первым шагом будет второй. За началом борьбы будет продолжение. За революцией 1905-го года идет новая, вторая революция. Об ней напоминает, к ней зовет юбилей падения крепостного права.

Нам нужно «второе 19-ое февраля», хныкают либералы. Неправда. Так говорят лишь буржуазные трусы. Второе «19-ое февраля» невозможно после 1905-го года. Нельзя «освободить сверху» народ, который научился (и *учится* — на опыте помещичьей, III Думы *учится*) бороться снизу. Нельзя «освободить сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат.

Черносотенцы понимают это и потому боятся юбилея 1861-го года. «61-ый год, — писал верный сторожевой пес царской черной сотни, Меншиков, в газете «Новое Время», — 61-ый год *не сумел предупредить девятьсот пятого*».

Черносотенная Дума и бешенство царского правительства в преследовании его врагов не предупреждает, а ускоряет новую революцию. Тяжелый опыт 1908—1910 годов учит народ новой борьбе. За летними (1910-го года) стачками рабочих начались зимние стачки студентов. Новая борьба нарастает, — может быть, медленнее, чем мы бы хотели, но верно, неизбежно нарастает.

Революционная социал-демократия, очищая себя от маловеров, отвернувшихся от революции и нелегальной партии рабочего класса, собирает свои ряды и спланивается для грядущих великих битв.

ПАВЕЛ ЗИНГЕР

УМЕР 18 (31) ЯНВАРЯ 1911 г.

5-го февраля текущего года немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей, Павла Зингера. Все рабочее население Берлина — многие сотни тысяч — по призыву партии явились на похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса. Никогда трехмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не удостоивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проводах праха какого-нибудь короля или знаменитого избияниями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к *своему* вождю, к делу *революционной* борьбы самой этой массы против гнета правительства и буржуазии.

Павел Зингер сам принадлежал к буржуазии, происходил из купеческой семьи, довольно долго был богатым фабрикантом. Он примыкал, в начале своей политической деятельности, к буржуазной демократии. Но в отличие от массы буржуазных демократов и либералов, забывающих очень быстро свою любовь к свободе из-за страха перед успехами рабочего движения, Зингер был горячим, искренним, до конца последовательным и бесстрашным демократом. Колебания, трусость, измены буржуазной демократии не увлекали его, а вызывали в нем отпор, создавали все более твердое убеждение в том, что только партия революционного рабочего класса способна довести до конца великую борьбу за свободу.

В 60-х годах прошлого века, когда немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластьем, Зингер решительно повернул к социализму. В 1870 г., когда вся буржуазия была опьянена победами над Францией, и когда широкие массы населения дали увлечь себя подлой, чело-веконенавистнической, «либеральной» проповеди национализма и шовинизма, Зингер подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878-м году, когда буржуазия помогала реакционному, помещичьему («юнкерскому», как говорят немцы) министру Бисмарку провести исключительный закон против социалистов, распустить рабочие союзы, закрыть рабочие газеты, обрушить тысячи преследований на сознательный пролетариат, — Зингер окончательно вошел в социал-демократическую партию.

И с тех пор история жизни Зингера неразрывно связана с историей германской с.-д. рабочей партии. Он беззаветно отдался трудному делу революционного строительства. Он отдал партии все свои силы, все свое богатство, все свои недюжинные организаторские способности, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих — можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов не ослабляет, не развращает, *а закаляет*, превращает в *революционеров* до мозга костей. Редки такие выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и *только* таким редким, долголетней борьбой искушенным, людям должен доверять пролетариат, если он хочет выковать себе рабочую партию, способную испровергнуть современное буржуазное рабство. Зингер был беспощадным врагом оппортунизма в рядах немецкой рабочей партии и до конца дней своих оставался непоколебимо верен непримиримой, революционно-социал-демократической политике.

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего *практиком*-организатором *нелегальной* партии во время исключительного закона, гласным городской (Берлинской) думы и парламентарием после отмены этого закона. И этот практик, у которого большая часть времени уходила на

мелкую, будничную, технически-парламентскую и всяческую «деловую» работу, был велик тем, что он не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь обычному и столь пошлomu стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы во имя якобы этой «деловой» или «положительной» работы. Напротив, Зингер, всю жизнь посвятивший этой работе, всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях ее, о блоках (союзах) с буржуазией, об уступках монархизму и т. д., — всегда был во главе самых твердых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма. Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых», полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало». В позднейшее время Зингер столь же решительно боролся с ревизионистами.

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью сходит в могилу один из последних представителей «героического» периода немецкой социал-демократии, то есть того периода, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожakov вера в революцию, отстаиванье принципиально-революционной политики. На смену Зингеру — говорят эти либералы — идут умеренные, аккуратные вожаки «ревизионисты», люди скромных претензий и мелких расчетов. Слов нет, рост рабочей партии нередко привлекает многих оппортунистов в ряды ее. Слов нет, выходцы из буржуазии в наше время гораздо чаще несут пролетариату свою робость, узость мысли или любовь к фразе, чем твердость революционных убеждений. Но пусть не ликуют враги раньше времени! Рабочая масса и в Германии, и в других странах все больше сплывается в *армию революции*, и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция нарастает и в Германии, и в других странах.

Умирают старые революционные вожди — растет и крепнет молодая армия революционного пролетариата.

ЗАМЕТКИ

МЕНЬШИКОВ, ГРОМОВОЙ, ИЗГОЕВ⁴³

Выступление 66-ти московских промышленников⁴⁴, представляющих по подсчету какой-то московской газеты капитал в полмиллиарда рублей, подало повод к ряду чрезвычайно ценных и характерных статей в различных органах печати. Помимо того, что эти статьи освещают необычайно ярко политическое положение в данную минуту, они дают интересный материал по многим основным и принципиальным вопросам, касающимся всей эволюции России в XX веке.

Вот г. Меньшиков в «Новом Времени», излагающий точку зрения правых партий и правительства:

«Как все эти Рябушинские, Морозовы и проч. не понимают, что в случае переворота они все будут повешены, а в лучшем случае станут нищими?» «Эту энергичную фразу» г. Меньшиков приводит, по его словам («Новое Время» № 12549), «из письма студента одного весьма революционного института». И от себя уже автор добавляет: «Несмотря на грозное предостережение 1905 года, верхние классы России, включая купечество, чрезвычайно плохо разбираются в надвигающейся катастрофе». «Да, гг. Рябушинские, Морозовы и прочие, им подобные! Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслуживать, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью, — просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь». «Либеральная буржуазия, включая среднее дворянство, чиновничество и купечество, беспечно идет

к краю революционной пропасти вместе со своими титулами, чинами и капиталами». «Если либеральные подзуживатели бунта, наконец, дождутся, когда их потащат на виселицу, — пусть они припомнят, как была мягка к ним старая государственная власть, как она их предупредительно выслушивала, как ухаживала за ними и как мало заявляла претензий на их пустые головы. Пусть именно в тот черный для них час сравнят благодеяния радикального режима со старым, патриархальным».

Это пишет неофициальный официоз правительства 17-го февраля, в тот самый день, когда официальный официоз, «Россия», из кожи лезет вон, чтобы доказать, при помощи «Голоса Москвы»⁴⁵, что «выходка» 66-ти «не может считаться выражением мнения московского купечества». «Дворянский съезд — организация, — пишет «Россия», — а 66 купцов, которые сами говорят о себе, что они действовали, как частные лица, не являются организацией».

Неудобно иметь два официоза! Один другого побивает. Один доказывает, что «выходку» 66-ти нельзя рассматривать, как выражение мнения даже московского хотя бы купечества. А другой доказывает, что «выходка» имеет гораздо более широкое значение, служа выражением мнения не только московского и не только купечества, а всей российской *либеральной буржуазии* вообще. Г. Меншиков берется, от имени «старой государственной власти», предостеречь эту либеральную буржуазию: не об тебе ли мы печемся?

Наверно нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв «старой государственной власти», а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв «не подзуживать»... И никогда призывы не помогали, хотя «либеральная буржуазия» не только *не хотела* «подзуживать», а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с «подзуживателями», с какой 66 купцов осуждают забастовки. Как осуждения, так и призыв бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества, заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меншиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов

правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая «забастовщиков». Но взаимные упреки — только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных «недостатках механизма», о том, что, несмотря на все желание «старой государственной власти» удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень влиятельное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, — «приспособления» все же не выходит! Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки — одни узоры.

Г. Громобой в «Голосе Москвы» посылает необходимое предостережение «правительству» (№ 38, от 17 февраля, статья «Необходимое предостережение»). «Никакие проявления «твердой» власти, — пишет он, — никакие волевые импульсы не дадут родине покоя, пока не будут идти рука об руку со слишком затянувшимися реформами». (Не очень грамотно пишет г. Громобой, но смысл его речи все же вполне ясен.) «И смута, как последствие затянувшегося кризиса, не может быть объявляема как «force majeure» для неплатежа по векселям». (Неудобное сравнение, г. публицист октябристских коммерсантов: во-первых, векселя-то ведь неподписанные; а, во-вторых, ежели бы даже они были подписаны, где тот коммерческий суд, куда вы могли бы обратиться, и кто тот судебный пристав и прочие, могущие произвести взыскание? Подумайте-ка, г. Громобой, и вы увидите, что не только октябристская, но и кадетская партия есть партия бронзовых векселей в политике.) «В таком случае она будет лишь усиливаться... за студенческими волнениями пойдет многое, уже пережитое. Поведете корабль назад — увидите пройденный путь». «Была бита ставка на слабых, может оказаться побитой и ставка на сильных. Власти нечего будет предъявить. Ее расчеты на успокоение могут рассеяться, как дым, при условиях каких угодно выборов». (Г. Громобой имеет в виду выборы в IV Думу.) «Если начнут проходить караваны оппозиции через те скалы, где носились лишь туманы власти, если оттолкнувшая от себя умеренные элементы власть останется в одиночестве, — то выборы станут горьким ее поражением, и весь порядок будет потрясен оттого, что он не порядок правовой».

Меньшиков упрекает буржуазию в том, что она «поджуживает» «революцию», — буржуазия упрекает Меньшиковых в том, что они «ведут к усилению смуты». «Старая, но вечно новая история».

Ренегат Изгоев в кадетской «Речи» пытается, по поводу той же темы, подвести некоторые социологические итоги, — не соображая, как неосторожно братья за это занятие кадетам вообще, ренегатам в частности. В статье «Сопоставление» (от 14 февраля) он сравнивает съезд объединенного дворянства с выступлением 66-ти московских купцов. «Объединенное дворянство, — пишет он, — упало до Пуришкевича, московские промышленники заговорили языком государственности». В прошлом, — продолжает г. Изгоев, — «дворянство оказывало народу серьезные культурные услуги», но «культурной работой занималось только меньшинство, а большинство его травило». «Но таков, вообще, исторический закон, что прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса».

Очень, очень хорошо: «таков, вообще, исторический закон». Так пишет кадетская «Речь» устами г. Изгоева. Однако, присматриваясь ближе, мы с удивлением узнали, что «общие исторические законы» не простирают своего действия за пределы феодального дворянства и либеральной буржуазии. В самом деле. Припомним «Вехи», в которых писал тот же г. Изгоев и с которыми полемизировали виднейшие кадеты таким образом, что касались частных и не трогали основного, главного, существенного. Существенное в «Вехах», разделяемое всеми кадетами и тысячи раз высказывавшееся гг. Милюковыми и К^о, состоит в том, что остальные классы России, кроме реакционного дворянства и либеральной буржуазии, проявили себя (в первом десятилетии настоящего века) действиями своего меньшинства, поддавшегося «угару», увлеченного «интеллигентскими» «вожаками», неспособного возвыситься до «государственной» точки зрения. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — писал г. Изгоев в «Вехах», — что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России». Это говорится, как всякий понимает, про крестьянских депутатов, трудовиков и про рабочих депутатов.

Итак, «вообще исторический закон» состоит в том, что «прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса». Если действует меньшинство буржуазии, то это прогрессивное меньшинство, оправдываемое «общим историческим законом». «Моральный авторитет распространяется на весь класс, если только меньшинство получает возможность работать», поучает нас г. Изгоев. Но, если действует меньшинство крестьян или рабочих, то это отнюдь не соответствует «историческому закону», это отнюдь не «прогрессивное меньшинство данного класса», это меньшинство отнюдь не имеет «морального авторитета», чтобы говорить от имени «целого» класса, — ничего подобного, это меньшинство, сбитое с толку «интеллигентщиной», антигосударственное, антиисторичное, обеспопченое и так далее, как в «Вехах» прописано.

Кадетам вообще, веховцам в частности, рискованно пускаться в обобщения потому, что всякий их приступ к обобщениям неизбежно разоблачает полнейшее внутреннее родство кадетских и меньшевистских рассуждений.

«Россия» и «Земщина»⁴⁶ рассуждают: 66 купцов, это — меньшинство, отнюдь не представляющее класса, не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России», и вовсе даже это не купцы, а соевращенные «интеллигенты» и т. д., и т. п.

Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты в наших, к примеру скажем, Государственных думах, это — меньшинство, отнюдь не представляющее своих классов (т. е. девять десятых населения), сбитое с толку «интеллигентщиной», не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России» и т. д., и т. п.

Откуда это полнейшее внутреннее родство рассуждений «России» и «Земщины», с одной стороны, «Речи» и «Русских Ведомостей», с другой? Оттуда, что, при всем различии представляемых ими классов, и те и другие группы органов представляют классы, *уже* неспособные ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему *прогрессивному* историческому действию. Оттуда, что не только первая, но и вторая группа органов, не только реакционеры, но и либералы, представляют класс, *блуждающий* исторической самодеятельности других, более

широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов.

Г. Изгоев, в качестве ренегата «из марксистов», наверное, усмотрит здесь вопиющее противоречие: с одной стороны, признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально-полному и максимально-чистому господству буржуазии и в экономической, и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять *уже* неспособной к самостоятельному, творческому, историческому действию либеральную буржуазию!

«Противоречие» это есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения. Неизбежность буржуазного господства нисколько не означает того, что либеральная буржуазия *способна* на такие проявления исторической самодеятельности, которые могли бы выволить ее из «неволи» пуришкевичевской. Во-первых, история вовсе не идет таким простым и гладким путем, чтобы всякое исторически назревшее преобразование означало *тем самым* достаточную зрелость и силу для проведения этого преобразования тем именно классом, которому оно в первую голову выгодно. Во-вторых, кроме либеральной буржуазии есть еще другая буржуазия, напр., все крестьянство, взятое в массе, есть не что иное, как демократическая буржуазия. В-третьих, история Европы показывает нам, что бывали буржуазные по своему общественному содержанию преобразования, осуществлявшиеся элементами вовсе не из буржуазии. В-четвертых, история России за последние полвека показывает нам то же самое...

Когда идеологи и вожди либерализма начинают рассуждать так, как рассуждают веховцы, Карауловы, Маклаковы, Милюковы, *это означает*, что ряд исторических условий вызвал во всей либеральной буржуазии такое «устремление вспять», такую боязнь движения вперед, что это движение пройдет помимо нее, через нее, вопреки ее опасениям. А такая перебранка, как взаимное обвинение Меншикова Громобоем, и Громобоя Меншиковым*, в «усилении смуты», является лишь симптомом того, что

* Дворян либеральными кушцами и либеральных кушцов дворянами.

это историческое движение вперед всеми начинает ощущаться...

«Современное общество, — пишет в той же статье г. Изгоев, — построенное в глубине своей на начале личной собственности, есть общество классовое и иным пока быть не может. Место падающего класса стремится всегда занять другой класс».

Какой он вумный, — думает г. Миллюков, читая подобные тирады в своей «Речи». — А приятно все же иметь кадета, который в 25 лет был социал-демократом, а в 35 «поумнел» и раскаялся в заблуждениях.

Неосторожное это занятие для вас, г. Изгоев, пускаться в обобщения. Современное общество есть общество классовое, очень хорошо. А может ли быть в классовом обществе внеклассовая партия? По всей вероятности, вы догадываетесь, что нет. Так зачем же вы совершаете такую неловкость, что ораторствуете о «классовом обществе» в органе такой партии, которая как раз видит свою гордость и заслугу в том (а по мнению тех, кто не только на словах и не только для фельетонной болтовни признает современное общество классовым, — проявляет свое лицемерие или свою близорукость *тем*, —) — что объявляет себя партией внеклассовой?

Когда вы поворачиваете свое лицо к объединенному дворянству и к либеральному московскому купечеству, тогда вы кричите о том, что современное общество есть классовое общество. А когда вам приходится, когда неприятные (ах, ужасно какие неприятные!) события заставляют вас повернуться хоть на короткое время лицом к крестьянству или к рабочим, тогда вы начинаете громить узкую, омертвелую, окостенелую, безнравственную, материалистическую, безбожную, ненаучную «доктрину» о классовой борьбе. Ох, не братья бы вам лучше, г. Изгоев, за социологические обобщения. Ой, не ходи, Грицю, та на вечерниці!

...«Место падающего класса стремится всегда занять другой класс»...

Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою

гнилость, «стремящийся» вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия (например, в Германии и особенно в Пруссии так было), которая боится «занять место» падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы «разделить место» или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской, — но только не *занимать* место «падающего», только не доводить падающего до «падения». Бывает так, г. Изгоев.

В такие исторические эпохи, когда это случается, либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удастся выдать себя за демократов, ибо разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся «занять место», а вторые не боятся этого. И те и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие — разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление.

Чтобы иллюстрировать эти общие социологические рассуждения, позволю себе привести один пример либерала, который не стремится, а боится «занять место» падающего класса, и который поэтому (сознательно или бессознательно, все равно) злейшим образом обманывает население, называя себя «демократом». Либерал этот — член III Думы помещик А. Е. Березовский 1-ый, кадет, который во время аграрных прений (в 1908 году) произнес в Думе следующую речь, одобренную лидером партии г. Милюковым, назвавшим речь «прекрасной». Напомнить эту речь, смеем думать, не лишне ввиду близких выборов.

...«По моему глубокому убеждению, — говорил г. Березовский 27 октября 1908 года в Государственной думе, защищая земельный проект, — этот проект гораздо более полезен и для владельцев земли, и я это говорю, господа, зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей... Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им, говорить, что это насилие, а надо посмотреть, во что выливается это

предложение, что предлагали, напр., в своем проекте 42 члена I Государственной думы. В нем заключалось только признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами, которые обрабатываются крестьянским инвентарем и, наконец, которые сдаются в аренду. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые, поработав известное время, может быть, даже ряд лет, должны выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались бы так, что в них была бы половина крестьян и половина не крестьян, и мне кажется, что в этой общей конкретной обстановке на местах выяснилось бы, как следует, и количество подходящей для отчуждения земли, и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования и в какой степени неверны и неосновательны часто их желания получить много земли. Затем этот материал возвратился бы в Думу, которая бы его переработала, далее, материал этот пошел бы в Государственный совет и, наконец, дошел бы до высочайшей санкции. Вот, собственно, порядок, которого почему-то устрашилось правительство, распустило Думу и привело нас к настоящему положению вещей. Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы удовлетворение истинных нужд населения, связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которых никогда партия народной свободы разрушать без крайней необходимости не желала». (Стенографические отчеты, стр. 398.)

Если г. Изгоев, принадлежащий к той же партии, что и г. Березовский, пишет в статье «Сопоставление»: «Россия — страна демократическая и никакой олигархии терпеть не может, ни новой, ни старой», то нам вполне ясен теперь смысл подобных речей. Россия отнюдь не демократическая страна, и никогда ни в каком случае демократической страной сделаться не сможет, пока сколько-нибудь широкие круги населения такую партию, как кадеты, считают демократической. Это — горькая правда, в тысячу раз более нужная народу, чем та сладкая

ложь, которую говорят представители половинчатой, бесхарактерной, беспринципной либеральной олигархии, господа кадеты. Напоминать эту горькую правду тем более необходимо, чем больше выдвигаются на очередь дня такие «пререкания», как пререкания Меньшиковых с 66 и с Громобоем.

*«Звезда» № 11, 26 февраля 1911 г.
Подпись: В. Ильин*

*Печатается по тексту
газеты «Звезда»*

В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК

Считаем своим долгом, ввиду возможности и вероятности созыва ЦК в России, изложить свои взгляды на некоторые важные вопросы, затрагивающие наше положение как ответственных лиц перед партией.

1. На пленуме янв. 1910 г. мы, как ответственные представители большевистского течения, заключили договор с ЦК, напечатанный в № 11 ЦО. Наша заявка, поданная тремя должностными лицами, имеющими доверенность от Мешковского⁴⁷, формально является расторжением этого договора, будучи вызвана невыполнением точно указанных условий этого договора голосовцами и впередовцами. Понятно само собою, что вынужденные фактическим отсутствием ЦК и началом раскола за границей подать эту заявку, мы охотно возьмем ее назад или согласимся на пересмотр договора, если Центральному Комитету удастся собраться и восстановить нарушенную указанными фракциями партийную работу и партийную линию.

2. Эта партийная линия ясно определена пленумом и ее тщетно пытаются запугать голосовцы, Троцкий и К^о. Эта линия состоит в признании *буржуазной* теорией, губительно влияющей на пролетариат, и ликвидаторства и отзовизма. Оба эти течения, после пленума и в нарушение его решений, развились и оформились в антипартийные фракции потресовцев и голосовцев, с одной стороны, впередовцев с другой. На партийную, указанную пленумом, дорогу встали из меньшевиков только так называемые партийцы или плехановцы, т. е. *решительно* поведшие и ведущие борьбу с потресовцами и голосовцами.

3. Поэтому мы, как представители большевистского течения, решительно протестуем против нападков *голосовцев* на *Иннокентия*⁴³ за то, что он летом 1910 г. отказывался признать кандидатами для кооптации тех меньшевиков, которые оставались голосовцами или не доказали вполне своими делами своей партийности. Поступая так, *Иннокентий* — главный представитель отличного от нашего оттенка в большевизме — действовал правильно, и мы имеем *письменные* доказательства того, что он, именно как представитель особого оттенка, при свидетелях из P. S. D.*, определял указанным образом объединяющие *всех* большевиков принципы партийности.

4. Попытка голосовцев из-за границы, от имени заграничной, раскольнически действующей фракции, предлагать «своих» кандидатов в ЦК для кооптации, есть вопиющее издевательство. Если на пленуме могли быть люди, искренно верившие в обещание меньшевиков бороться с ликвидаторами, то год спустя вполне уже ясно, что голосовцам доверять в этом вопросе нельзя. Мы решительно протестуем против постановки на голоса кандидатур заграничной фракции ликвидаторов и требуем опроса *русских* плехановцев, которые *несомненно* могут дать кандидатов из меньшевиков-партийцев.

5. Раскольнические шаги голосовцев, впередовцев и Троцкого вполне признаны теперь не только большевиками и поляками (в ЦО), но и плехановцами (см. резолюцию парижских плехановцев). Мы констатируем, что *первый* решительный шаг к расколу — объявление о созыве конференции и о «фонде» для нее помимо ЦК — сделан Троцким 27. XI. 1910; наша заявка (5. XII. 1910) была вынужденным ответом на это.* Впередовская школа стала одним из центров этого раскола: Троцкий участвовал в ней *вопреки* прямому постановлению партийной школьной комиссии. Голосовцы *печатно* обвинили нас в «деорганизации» этой школы. Считая своим долгом *деорганизовать* антипартийные заграничные фракции, мы требуем назначения *следственной* комиссии о «фондах» этой школы и *об содействии ей Троцким и голосовцами*. Крича об экспроприаторских делах, окончательно ликвидированных нами на пленуме, голосовцы не только шантажируют, но

* — польской социал-демократии. Реэ.

и прикрывают этими криками свое моральное (и не только моральное) содействие нарушителям резолюции пленума.

6. Плехановец Ольгин⁴⁹ раскрыл такой факт, что Дан прямо объяснял желание голосовцев перенести ЦК в Россию вероятностью (или неизбежностью) его провала. Партийный суд должен будет высказаться об этом. Кто следил за политикой голосовцев за год, не усомнится в том, что они на деле срывали и тормозили ЦК. Лондонские кандидаты голосовцы не только живы, но ведут политическую работу в антипартийном духе и в рабочих союзах и в печати. Не являясь на собрание ЦК, они подтверждают этим свое ликвидаторство. Поэтому мы обязаны предостеречь русских товарищей из ЦК, действующих при отчаянно трудных условиях (ибо они все известны полиции), что им грозит в партии и внутренний враг. Нельзя обойтись хоть без какой-нибудь заграничной базы, если не рисковать тем, что один провал сможет развязать руки раскольнически действующим потресовцам. Нельзя оставить за границей ЗБЦК, теперь поведшее политику помощи впередовцам, голосовцам и Троцкому. Нельзя верить на слово обещаниям или «подписке» резолюций: надо, если хотеть быть реальным политиком и не обольщаться одними формальностями, смотреть на идейно-политические течения, вырастающие из рабочего движения и из контрреволюционных влияний на него.

Эти течения росли и выросли с 1908-го года, сблизив плехановцев с беками, создав блок сторонников и прикрывателей распада, голосовцев, впередовцев и Троцкого. Ближайшее будущее нашей партии (на это нельзя закрывать глаза) неизбежно определится борьбой именно по этой линии, — не воля лиц и групп, а объективные условия эпохи, указанные в резолюции пленума, вызывают такую борьбу.

Представители большевистского течения, заключившие в январе 1910 г. договор с ЦК (трое и по доверенности четвертого, Мешковского)⁵⁰.

Написано в феврале 1911 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVIII

Печатается по рукописи

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ

Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы возбуждает много интересных вопросов. Из них мы можем здесь коснуться лишь некоторых экономических и исторических вопросов, оставляя до другого случая темы публицистические в более узком смысле слова.

Лет 10—15 тому назад, когда на широкую публику впервые были вынесены споры между народниками и марксистами, расхождение в оценке так называемой крестьянской реформы неоднократно всплывало на одно из первых мест в этом споре. Для теоретиков народничества, — напр., известного г. В. В. или Николая — она, — основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему. Они говорили о том, что Положение 19 февраля узаконило «наделение производителя средствами производства», давало санкцию «народному производству» *в отличие* от капиталистического. В Положении 19 февраля усматривался залог *некапиталистической* эволюции России.

Этой теории марксисты противопоставляли уже тогда принципиально иной взгляд. Положение 19 февраля есть один из *эпизодов* смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов, по этому взгляду, в Положении *нет*. «Наделение производителя средствами производства» есть пустая прекраснотушная фраза, затушевывающая тот простой факт, что крестьяне, будучи мелкими производителями в земледелии, превращались из производителей с преимущественно

натуральным хозяйством в товаропроизводителей. Насколько сильно или слабо было при этом развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи, — это вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал «освобождаемый» крестьянин. «Свободный труд» *взамен** крепостного труда означал таким образом не что иное, как свободный труд наемного рабочего или мелкого самостоятельного производителя в условиях товарного производства, т. е. в буржуазных общественно-экономических отношениях. *Выкуп* еще рельефнее подчеркивает такой характер реформы, ибо выкуп дает толчок денежному хозяйству, т. е. увеличение зависимости крестьянина от рынка.

Народники видели в освобождении крестьян с землей принцип некапиталистический, «начало» того, что они называли «народным производством». В освобождении крестьян без земли они видели принцип капиталистический. Такой взгляд народники (особенно г. Николай — он) основывали на учении Маркса; ссылаясь на то, что освобождение работника от средств производства есть основное условие капиталистического способа производства. Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса! Народническая теория г. Николая — она претендовала на звание «марксистской» (1880—1890-ые годы), а впоследствии либерально-буржуазная теория гг. Струве, Тугана-Барановского и К^о начинала с «почти» полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой «дальнейшего критического развития» марксизма. На этой своеобразной черте развития русских общественных теорий с конца

* Поскольку на деле такая замена осуществлялась, — мы увидим ниже, что эта замена шла гораздо сложнее, чем могло бы казаться с первого взгляда.

XIX века (и вплоть до современного оппортунизма — ликвидаторства, цепляющегося за марксистскую терминологию для прикрытия антимарксистского содержания) нам придется, вероятно, останавливаться неоднократно.

В данную минуту нас интересует народническая оценка «великой реформы». В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный *цензурными* препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высоко развитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.

Поскольку крестьянин действительно, а не номинально только, освобождался от крепостных отношений (суть их: «отрабочная рента», т. е. работа наделенного землей крестьянина на помещика), постольку он вступал в обстановку буржуазных общественных отношений. Но это *действительное* освобождение от крепостнических отношений шло гораздо сложнее, чем народники думали. Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отрабочного» крестьянина) вовсе без земли или «с наделом», т. е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (= идти в кабалу помещику).

И, с другой стороны, несомненно, что, чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли.

Ошибка народников состояла в том, что они брали вопрос утопично, абстрактно, вне отношения к конкретной исторической обстановке. Они объявляли «надел» базой самостоятельного мелкого земледелия: *поскольку* это верно, постольку «наделенный землей» крестьянин становился товаропроизводителем, попадал в условия буржуазные. *На деле* же слишком часто «надел» был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «наделный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. п.).

Таким образом, в народничестве таилась двоякая тенденция, которую марксисты и характеризовали тогда же, говоря о либерально-народнических взглядах, либерально-народнической оценке и т. д. *Поскольку* народники прикрашивали реформу 1861-го года, забывая о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа, или даже либерального помещика; — постольку они объективно становились защитниками такого типа капиталистической эволюции, которая всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается.

Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861-го года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без всякого ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и прочей самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда

последователен и решителен, причем буржуазный характер его оставался ими несознанным. У нас, между прочим, будь сказано, даже и по сю пору самые «левые» социал-народники понимают нередко слово «буржуазный» в указанном сочетании, как нечто вроде... «политики», тогда как на самом деле термин буржуазная демократия есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика.

Эта двойкая, либеральная и демократическая, тенденция в народничестве вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861-го года. Мы не можем здесь останавливаться подробнее на анализе этих тенденций, в частности на связи утопического социализма со второй из них, и ограничимся простым указанием на различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского, с другой.

Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861-м году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861-го года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление*, в котором этот шаг последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения. Подчеркнуть же это *направление* тем более необходимо, чем чаще приходится слышать в наше время непродуманные суждения о том, будто «шаги» по пути превращения в буржуазную монархию делаются Россией чуть ли не в самые последние годы.

Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самостоятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была крайне слаба в 1861-м году. Поэтому дело и не пошло дальше самого маленького «шага» по пути превращения в буржуазную монархию. Но эта слабая тенденция существовала уже тогда. Она проявлялась и впоследствии, то сильнее, то слабее, как в сфере

общественных идей, так и в сфере общественного движения *всей* пореформенной эпохи. Эта тенденция росла с каждым десятилетием этой эпохи, питаемая каждым шагом экономической эволюции страны, а, следовательно, и совокупностью социальных, правовых, культурных условий.

Через 44 года после крестьянской реформы и та и другая тенденция, которые в 1861-м году только наметились, нашли себе довольно полное и открытое выражение на самых различных поприщах общественной жизни, в различных перипетиях общественного движения, в деятельности широких масс населения и крупных политических партий. Кадеты и трудовики, — понимая тот и другой термин в самом широком смысле, — прямые потомки и преемники, непосредственные проводники обеих тенденций, обрисовавшихся уже полвека тому назад. Связь между 1861-м годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна. И то обстоятельство, что в течение полвека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли, свидетельствует, бесспорно, о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России.

Новоременский писатель Меньшиков выразил эту связь крестьянской реформы с событиями недавнего прошлого в следующей своеобразной тираде: «61-ый год не сумел предупредить девятьсот пятого, — стало быть, что же кричать о *величии* реформы, столь жалко провалившейся?» («Новое Время»⁵¹ № 12512, от 11 января, «Ненужный юбилей»).

Меньшиков нечаянно затронул этими словами крайне интересный научно-исторический вопрос, во-первых, о соотношении реформы и революции вообще, а, во-вторых, о связи, зависимости, родстве общественно-исторических направлений, стремлений, тенденций 1861-го и 1905—1907 годов.

Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном

конкретном случае. Реформа 1861-го года осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.

От этого так сильны были крепостнические черты в этой реформе, от этого так много в ней бюрократически уродливого, от этого так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству. Крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма.

Но эта реформа, оставшаяся реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала, несмотря на все препятствия и препоны, условия для дальнейшего развития этих элементов, — условия, расширившие ту базу, на которой старое противоречие разыгрывалось, расширившие круг тех групп, слоев, классов населения, которые могли сознательно принять участие в «разыгрывании» этих противоречий. Поэтому вышло так, что представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861-го года, казавшиеся тогда (и долгое время спустя) беспочвенными одиночками, оказались на деле неизмеримо более «почвенными», — оказались тогда, когда созрели противоречия, бывшие в 1861-м году в состоянии почти зародышевом. Участники реформы 1861-го года, смотревшие на нее с реформистской точки зрения, оказались более «почвенными», чем либеральные реформисты. История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, — о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего.

Народники проповедывали всегда в своих теориях, начиная с 1861-го года (а их предшественники еще раньше, до 1861-го года) и затем в течение более полувека, иной, т. е. некапиталистический, путь для России. История вполне опровергла эту их ошибку. История вполне доказала, — и события 1905—1907 годов, выступления разных классов русского общества в то время особенно наглядно подтвердили, — что Россия развивается капиталистически и что иного пути ее развития быть не может. Но плох был бы тот марксист, который из этой же истории полувека не научился бы до сих пор тому, в чем состояло реальное значение этих облеченных в ошибочную

идеологию полувековых стремлений осуществить «иной» путь для отечества.

Сравнение 1861-го года с 1905—1907 годами яснее ясного показывает, что это *реальное* историческое значение народнической идеологии состояло в противополжении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, — и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития. Программы кадетов и трудовиков, как программы либеральная и демократическая — при своей непоследовательности, иногда запутанности и бессознательности *обеих* программ — рельефно выразили это развитие *реальных* путей, которые находятся оба в рамках капитализма, которые проводятся в жизнь неуклонно в течение более полувека.

И теперешняя эпоха особенно настоятельно требует от нас отчетливого понимания условий того и иного пути, ясного представления о двух тенденциях 1861-го года и об их дальнейшем развитии. Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада российского государства, *еще один* шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же несостоятельный, как прежде, ставит перед нами старые вопросы. Какой из двух путей капиталистического развития России окончательно определит ее буржуазный уклад, этого история еще не решила: не исчерпали еще себя те объективные силы, от которых зависит решение. Нельзя предусмотреть, каково будет это решение наперед до опыта всех трений, столкновений, конфликтов, которые составляют жизнь общества. Нельзя предусмотреть наперед, какова будет равнодействующая тех двух тенденций, которые дают себя знать с 1861-го года. Но можно — и должно — добиться ясного сознания той и другой тенденции, добиться того, чтобы марксисты (и в этом одна из их задач, как «гегемонов» в хаосе распада, разброда, маловерия и преклонения перед минутным успехом) внесли свою деятельность — в эту равнодействующую — не в виде минуса (вроде ликвидаторства и вообще всякого беспомощного ковылянья за тем или иным упадочным настроением),

а в виде плюса, в виде отстаивания интересов всей эволюции в целом, ее коренных и самых существенных интересов.

Представители демократической тенденции идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма. Противодействие этим колебаниям, разрушение этой зависимости — одна из важнейших исторических задач марксизма в России.

«Мысль» № 3, февраль 1911 г.
Подпись: В. И л ь и н

*Печатается по тексту
журнала «Мысль»*

«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Юбилей, которого так опасалась монархия господ Романовых и по поводу которого так прекраснодушно умилялись российские либералы, отпразднован. Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы.

Либералы отпраздновали юбилей тем, что пролили паки и паки слезу о необходимости «второго 19-го февраля» («Вестник Европы»⁶²), выразили свои верноподданнические чувства (царский портрет на первом месте в «Речи»), поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной «конституции», о «гибельной ломке» «исконных земельных начал» столыпинской аграрной политикой и т. д., и т. п.

Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением «великой реформы» 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т. е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, важиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений Совета объединенного дворянства — ту истину классовой

борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что «реформы» на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно «дающий» на выбор: крепостнические «реформы» или свержающая крепостников народная революция.

19-ое февраля 1861-го года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать «мирной» реформой только потому, что революционное движение в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 года⁵³ суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания, но либералы не могут представить ее «мирной» реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, напр., в «Русской Мысли» это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861-го года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905-ом году родился на Руси революционный класс — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши.

Припомним основные черты крестьянской реформы 61-го года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплош-

ным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $\frac{1}{5}$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения,

занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему в день пятидесятилетия 19-го февраля сознательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение.

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти

между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, *не может* получиться при таком соотношении сил.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *болтунами, хвастунами и дурачьем*⁵⁴, ибо он ясно видел их болезнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими.

Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народолюбцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов.

Десятилетие перед революцией, с 1895-го по 1904-й год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с

1902 года, и революционно-демократическое крестьянство.

В революции 1905-го года те две тенденции, которые в 64-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах.

Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшиеся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905-го года), потом определившиеся, как отдельные партии, которые сильно конкурировали (и конкурируют) друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое «лицо», но которые сходились всегда в самом существенном, в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма, как перед знаменем. Обе партии стояли и стоят на «строго-конституционной» почве, т. е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейкой из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах — даже

в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством — оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—1907 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны, революционно-демократической.

1861-ый год породил 1905-ый. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905-го года. Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905-му году разыгралась на попроще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-ое февраля 61-го года было первым шагом *по пути* превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг *по тому же пути*. Прошло почти $4\frac{1}{2}$ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше $3\frac{1}{2}$ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждается в «неудаче» 3-ьеиюньской «конституции» и 3-ьеиюньской аграрной политики. «Наиправейший из кадетов» — как справедливо назван был недавно полу-октябрист г. Маклаков — имел полное право сказать 25 февраля в Гос. думе от имени и кадетов и октябристов, что «недовольны в настоящее время те центральные элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны». Общий лозунг один: «все говорят, — продолжал г. Маклаков, — что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

Общий лозунг кадетско-октябристской буржуазии весной 1911 года подтверждает правильность той оценки положения вещей, которую дала наша партия в резолюции декабрьской конференции 1908 года. «Основные факторы экономической и политической жизни, — гласит эта резолюция, — вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно».

Недавно наемный писака черносотенного царского правительства Меньшиков объявил в «Новом Времени», что реформа 19-го февраля «жалко провалилась», ибо «61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого». Теперь наемные адвокаты и парламентарии либеральной буржуазии объявляют о провале «реформ» 9. XI. 1906 г. и 3. VI. 1907 г., ибо эти «реформы» *ведут* ко второй революции.

Оба заявления, как и вся история либерального и революционного движения в 1861—1905 годах, дают интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе.

Противники революции, кто с ненавистью и скрежетом зубным, кто с горестью и унынием, признают «реформы» 61-го и 1907—1910 годов неудачными, потому что они не предупреждают революции. Социал-демократия, представительница единственного до конца революционного класса наших дней, отвечает на это признание: революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов.

Революционный класс 1905—1907 годов, социалистический пролетариат потерпел, повидимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа

тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с героической смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что *только* революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безидейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая общий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861-ый и 1905-ый годы, мы можем только с еще большим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного учредительного собрания и создания демократической республики».

РАЗРУШИТЕЛИ ПАРТИИ В РОЛИ «РАЗРУШИТЕЛЕЙ ЛЕГЕНД»

Ровно год тому назад Центральный Орган нашей партии опубликовал следующее кардинальной важности письмо Русского бюро ЦК к Заграничному бюро ЦК:

...«Мы (т. е. Русское бюро ЦК) обратились к гг. Михаилу, Роману и Юрию с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают не только решения пленума вредными, но находят вредным самое существование ЦК. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации»*.

Дело было как нельзя более ясно. В лице Михаила, Романа и Юрия мы имеем дело с открытыми ренегатами, считающими «дипломатию» и виляние в духе «Голоса» излишней и откровенно заявляющими о своем разрыве с нашей партией. Столкнулись две «тактики»: одна — Мартова, Дана и К^о — заключающаяся в том, чтобы изнутри разлагать «старую» партию, держать старую партию в болезненном состоянии, пока укрепятся столыпинские «социал-демократы» — ликвидаторы; другая — Потресова, Левицкого, Михаила, Романа, Юрия и К^о — исходящая из того положения, что игра подсиживания старой партии изнутри не стоит-де свеч и что надо идти сейчас же на открытый разрыв с РСДРП.

Опубликование заявления гг. Михаила, Романа и Юрия страшно портило игру их друзьям и покровителям из «Голоса Социал-Демократа». Но делать было нечего:

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 143—144. Ред.

Дану, Мартову и К^о пришлось заметить следы и дальше, «с одной стороны», солидаризируясь с тремя упомянутыми ренегатами, а «с другой стороны» — легонечко от них «отмежевываясь». У Мартова хватило даже храбрости на то, чтобы *через 10 месяцев* после опубликования отречения трех его друзей от партии (в предпоследнем, 23-м номере «Голоса») упрекнуть трех господ в «легкомыслии»...

Но вот колесо «истории» (истории ликвидаторства) сделало еще один оборот. Ряд обстоятельств — главным образом, отпор ликвидаторству со стороны некоторых с.-д. групп, выступающих на открытой арене — побудил господ Потресовых, Левицких, Михайлов, Романов и К^о поубавить прыти и приблизиться к «мудрой» и более осторожной «тактике» заметания следов à la* Дан и Мартов. Это сделало возможным и появление — *через год!* — «опровержения» вышеприведенного документа.

Нечего говорить о том, что появившееся в «Голосе» (под громким заглавием: «Разрушенная легенда») «опровержение» — *лживо насквозь*. Оказывается, что упомянутые три ренегата «официально» отказались от вступления в ЦК или участия хотя бы на одном собрании для кооптации только «по личным мотивам». И лишь «затем, в *частной* (ну, совершенно «частной») беседе поделились с ним (т. е. представителем ЦК) рядом соображений (уже политического характера), вынуждающих нас (т. е. Романа, Михаила и Юрия) отнестись отрицательно к сделанному нам предложению».

Итак, — пункт 1-ый «опровержения»: заявление, на которое ссылался ЦО, было сделано лишь «в частной беседе», после того как официальный мундир был снят. Не правда ли, как радикально меняет дело это чрезвычайно «смягчающее вину обстоятельство»?..

Но что же сказали господина Михаил, Роман и Юрий *по их собственным словам* в этой «частной беседе»? Они не сказали, что решения ЦК вредны, они, видите ли, только позволили себе заметить, что «*путь, продиктованный пленумом, не усиливает, а ослабляет позицию ЦК*», что то использование легальных возможностей, которое рекомендовал партии ЦК, «*сводилось и сводится к разрушенью легальных рабочих организаций*», что уже первый шаг, сделанный на этом пути ЦК (опубликование резолюции

* — вроде. Ред.

о партийной конференции), *«дал правительству прикрытие»* для разрушения рабочих организаций. Не правда ли, это — совсем не то, что утверждение представителя ЦК, по словам которого три ликвидатора из лондонских кандидатов «считают вмешательство ЦК в стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях подобным вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности»? «Опровергли», нечего сказать!

Далее, они вовсе не говорили, что существование ЦК вредно, боже упаси! Они только — совершенно «частным» образом, конечно, — выразили то мнение, что гораздо лучше было бы, если бы вместо ЦК существовала бы «инициативная группа», у которой «никто не спрашивал бы паспорта» (т. е. *партийного* паспорта), как в свое время его (т. е. «паспорта») никто не спрашивал у группы «Искры» и «Зари»*. — Главное обвинение «опровергнуто» Михаилом, Романом и Юрием почти так же удачно, как недавно «опроверг» их коллега Игорев те обвинения в заговоре против ЦК и партии, которые были предъявлены этому Игореву товарищами меньшевиками-партийцами, Плехановым и А. Московским⁵⁵... Нужен, видите ли, не ЦК, а такая «инициативная группа», как «группа «Искры» и «Зари»». Ну, разумеется, группа «Искры» и «Зари» была группой революционно-социал-демократической, а гг. Михаилам, Романам и Юриям нужна инициативная группа ликвидаторская. Но сейчас не в этом дело. А дело в том, что три союзника Мартова и Дана — *по их собственным словам* — предлагали заменить ЦК частной инициативной группой, у которой никто не мог бы спросить презренного «паспорта» и у которой по части «ликвидации» была бы своя рука владыка. «Опровергли»!..

Одним из «гвоздей» «опровержения» Романа, Михаила и Юрия является еще рассказ о том, что представитель ЦК, приглашая их явиться «хотя бы на одно собрание» коллегии, соблазнял их тем, что он (т. е. представитель ЦК) и другие «русские большевики» полны желания «змансипироваться от руководящего влияния ленинского кружка». Это *передаваемое тремя ликвидаторами* заявление русского большевика особенно смакует редакция «Голоса», надеясь кого-то и что-то этим оправдать. Господа

* См. «Голос», приложение к № 24, стр. 3.

«голосовцы», однако, явно запутались и сами говорят *против* себя. Ведь, помилуйте, почтенные редакторы «Голоса». *Допустим*, что большевик, являвшийся к вашим друзьям от имени ЦК, был противником того, что вы называете «ленинским кружком». *Тем хуже для вас*. Ибо, ведь, именно этот самый большевик и написал то письмо об отречении трех ваших друзей от партии, которое мы напечатали в № 12 ЦО. Если этот большевик не сторонник так называемого вами «ленинского кружка», тем беспристрастнее должно быть в ваших глазах его показание. *Допустим*, что приглашавшие вас цекисты были противниками «ленинского кружка»*, — тем больше должна бы быть с вашей же точки зрения вина трех ликвидаторов, не пожелавших даже при таких благоприятных для них условиях войти в ЦК.—Что случилось с господами «голосовцами»? Они обыкновенно замечают следы... ловче. Совсем ведь вышло некругло у вас, господа! Глупее, чем даже «опровержения» столыпинского «Осведомительного бюро».

Не повезло вам с вашим «опровержением», господа «голосовцы», точно так же, как не повезло с вашими последними «склочными» листками. Вы захотели «доказать слишком многое» — доказать, будто бы с.-д. все партийцы — и потому не доказали ничего. Подумайте хоть чуточку: вчера вы выпустили листок 58 (сколько из этих 58 лицемеров и сколько одураченных?), в котором изображаете своих противников («ленинский кружок») чудовищами из чудовищ, «бандой» и т. п. А назавтра вы же (редакция «Голоса») выпускаете листок с «программой реформ», в котором заявляете: все будет отлично, если нам (т. е. голосовцам) дадут во всех центральных учреждениях партии равенство с этими чудовищами, с людьми, совершившими ряд «преступлений» и пр., и т. п. Когда же вы действуете «для блага партии», когда стараетесь ради самих себя, господа? — в первом, или во втором случае? — Об этих... благоуханных листках «Голоса», равно

---

* Другому из «русских большевиков» цекистов голосовцы шлют следующий упрек: он, видите ли, поставил «препятствия кооптации в ЦК голосовцев, заявив, что большевистские члены ЦК... допустят кооптацию лишь таких кандидатов, которые предварительно подпишут отречение от «ликвидаторства». Цекист, которому шлют такой ужасный упрек голосовцы, сейчас не может сам ответить гг. ликвидаторам⁵⁶. Поэтому мы снажем за него: если бы то, что вы сообщаете о нем, было верно, то он с партийной точки зрения был бы совершенно прав и действовал бы вполне в духе плебума.

как и о его приложениях, в которых «все пошло в дело», вплоть до женевских отзовистов, называющих себя «идейным кружком *большевиков*», не стоило бы упоминать, если бы они не бросали такого яркого света на всю политику голосовцев...

Старайтесь, господа «разрушители легенд», старайтесь! Одну легенду вы действительно помогаете нам разрушить: легенду о том, будто у вас осталось еще что бы то ни было общего с революционной социал-демократией.

*«Социал-Демократ» № 21—22,
19 марта (1 апреля) 1911 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ

Пресловутый «министерский кризис» и выбор нового председателя Государственной думы⁵⁷ дал еще и еще раз материал по вопросу о социальной природе и политическом значении кадетской и октябристской партий. Русская, с позволения сказать, либеральная буржуазия обрисовала себя в сотый и тысячный раз. Из ежедневных газет и из предыдущего номера «Звезды» читатель знает уже, какова эта обрисовка. Подведение некоторых итогов будет, однако, не лишним, ввиду того, что наиболее распространенная у нас кадетская пресса охотно «громит» октябристов, но неохотно останавливается на *итогах* своего собственного поведения.

Припомним поведение партии «народной свободы» во время выборов нового председателя Государственной думы. 21-го марта «Речь» спешит сообщить: «Фракция народной свободы постановила голосовать за М. Алексеенку, если его кандидатура будет выставлена на пост председателя Государственной думы. Если же будет выдвинута кандидатура Родзянко, то фракция будет голосовать против него». Конституционные «демократы» предлагают свои услуги «левым» октябристам. Мало того. Передовица «Речи» того же числа провозглашает Алексеенку «всеми уважаемым» и старается встать на точку зрения *всей* Государственной думы: если-де правые поддержат кандидатуру большинства октябристов (т. е. кандидатуру Алексеенки), то, быть может, Государственная дума «вернется к тому единодушию», с которым встретили вначале кандидатуру Хомякова. «Это единодушие показало бы, что *вся* Дума в целом понимает исключительную важность момента».

Так писала «Речь». «Вся Дума в целом», не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!

Кадеты прекрасно знают, что правые принципиально отстаивают бесправие Думы, что националисты оправдывают и защищают Столыпина и нарушение 87-й статьи. И все же, ради одного голосования за Алексеенку, кадеты готовы забыть все и объявить единодушной «всю Думу в целом», хотя они также прекрасно знают, что рабочие депутаты *ни в каком случае* «единодушием» III Думы подкупить себя не дадут, как не дали и при выборе Хомякова.

Дело ясное: рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пурришкевичем, III Дума есть «весь Дума в целом». *Так выходит у «Речи»*. И такое рассуждение ее правильно проводит грань, которую столь часто и столь многие понимали превратно: это — грань между феодалами и буржуазией (даже самой «либеральной», т. е. кадетской) с одной стороны, и крестьянами и рабочими, т. е. демократией, с другой. Без демократии, но с правыми мы — «весь Дума в целом», говорят кадеты. Это значит, что, претендуя на звание демократов, кадеты обманывают народ. Это значит, что для кадетов феодалы и буржуазия суть «мы», а все дальнейшее не считается.

Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты *не* демократы, а либерально-умеренные буржуа, вождедеющие «единодушия» «всей» палаты зубров и октябристов. *Конкуренция* с октябристами — вот характер кадетской «борьбы» с ними. Кадеты борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними не как представители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой приспособляются октябристы, а как их *конкуренты*, желающие приспособиться к *той же* власти, служить интересам *того же* класса, оберегать от требовательности более широких слоев населения (демократии вообще и пролетарской демократии в особенности). Несколько иначе приспособиться к той же власти — вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за *их* место придает особую «остроту»

кадетской борьбе. Этим объясняется особая вражда правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: «те» (демократы) уничтожат, «эти» (кадеты) отодвинут с первого на второе место; первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает *местническую* борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства или снискания доверия той же старой власти.

Картина III Думы в день выборов нового председателя наглядно показала эту разницу.

Кадетский регистратор событий «в парламентских кругах» продолжает восхвалять в «Речи» 23-го марта Алексеенку: «человек вполне независимый» (это — октябрист-то, смаковавший третье июня!) «и с большим чувством собственного достоинства» и т. д., и т. д.

Вот какова кадетская мерка строгой законности: не опротестовывать третье июня и протестовать против 14-го марта. Это напоминает американскую поговорку: если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас назначат сенатором.

Г. Литовцев, ведущий в «Речи» отдел «В парламентских кругах», писал 23-го марта, что для левых октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге: а вдруг возьмет да согласится» (Родзянко, делавший вид, что он отказывается).

Как же тут не быть *острой* борьбе кадетов с их противниками, когда вопрос вертится в такой близкой, непосредственно ощутимой для *всей* III Думы плоскости: «а вдруг Родзянко возьмет да согласится!»

Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. «Левые» октябристы и *кадеты* молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том попреще, на которое сами встали; они не могли радоваться; они *должны были* молчать. Кадеты «в виде протеста» голоснули за националиста Волконского. Демократы и только демократы заявили громко, прямо и ясно, что они в выборах нового председателя III Думы не участвуют, что они *никакой* ответственности за «всю совокупную деятельность III Думы» (слова Войлошникова) не несут.

В день выборов, в 86-м заседании Думы, на состязании конкурентов *говорили* только глава III Думы, Родзянко, и Булат с Войлошниковым. Остальные молчали.

Войлошников справедливо указал, от имени всех своих коллег по фракции, что кадеты «по особенностям своей политической позиции всегда возлагали всю надежду на внутридумские комбинации», и посмеялся над ними, как над легковверными либералами.

Политическая позиция кадетов и ее особенности зависят от классовой природы этой партии. Это — антидемократическая либерально-буржуазная партия. Поэтому они и «возлагают всегда всю свою надежду на внутридумские комбинации». Это верно в двойном смысле: во-первых, в смысле противоположения внутридумского внедумскому, во-вторых, в смысле «комбинации» тех социальных элементов, тех классов, которые «всю» III Думу представляют.

Только рабочие депутаты и трудовики по поводу выборов Родзянко, ознаменовавших победу националистов, выступили с заявлением, рассчитанным *не* на «внутридумские» комбинации, с заявлениями, характеризующими отношение демократии вообще и пролетарской демократии в особенности, ко *всей* третьей Думе, к 3-му июня, к октябристам и к кадетам вместе. Это заявление — хорошее напутствие Родзянке и всему «его» большинству, хорошее предостережение «ответственной», перед третьей Думой и перед третьиюньцами ответственной, либеральной «оппозиции» со стороны политических партий, «ответственных» перед кое-кем другим.

ПАМЯТИ КОММУНЫ

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики, — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и

капиталистов, т. е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, поработанный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т. е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых *основ* современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и усталости поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики,

биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100 000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего нехватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как заседавшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна

заменяла постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т. е. государственное жалование попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немного все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6 000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской Думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрас-

но каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!» А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВАХ И ЛИКВИДАТОРСТВЕ

Вопросы, указанные в заглавии, занимают по важности одно из первых, если не первое место в системе взглядов марксиста, желающего разбираться в окружающей его действительности. Период 1908—1910 годов представляет из себя, несомненно, нечто своеобразное. Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития, — те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля. А этот последний вопрос, о задачах, направлении и характере деятельности, ближайшим образом связан с вопросом о ликвидаторстве.

Неудивительно поэтому, что марксисты уже в 1908-ом году, как только выяснилось или стало выясняться, что перед нами некоторый новый, своеобразный период русской истории, поставили на очередь дня именно вопросы о социальной структуре власти, о перспективах и ликвидаторстве, указали неразрывную связь этих вопросов, подвергли их систематическому обсуждению. Далее, они не ограничились одним обсуждением — это было бы как раз литературщиной в плохом смысле слова, это было бы возможно только в дискуссионном кружке интеллигентов,

не сознающих своей ответственности и беззаботных по части политики, — нет, они выработали точную формулировку результатов обсуждения, такую, которой бы мог руководиться не только член данного литературного кружка, не только человек, так или иначе связанный с известной интеллигентской категорией, а любой, всякий и каждый сознательный представитель класса, считающий марксизм своей идеологией. К концу 1908-го года эта необходимая работа была закончена.

Каковы главные результаты этой работы, я уже говорил в № 2 нашего журнала. Позволю себе привести оттуда несколько строк, чтобы сделать понятным дальнейшее изложение.

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, *не устраняя их*, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем» (№ 2, стр. 43). И несколькими строками ниже: «Те, кто отрицает, или не понимает... что перед нами стоят старые проблемы, что мы идсм навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как г. Потресов, г. Левицкий и т. д.)» (стр. 44)*.

Как бы кто ни относился к кругу идей, выраженному в этих положениях, но едва ли можно отрицать теснейшую связь и взаимозависимость отдельных частей в этой оценке данного периода. Возьмите, напр., указ 9 ноября 1906 г. (закон 14 июня 1910 года): совершенно неоспоримо, что

* См. настоящий том, стр. 47—48. *Ред.*

он имеет ярко выраженный буржуазный характер, знаменующая принципиальный поворот в той аграрной политике, которую давно вели «верхи» по отношению к общине и наделному землевладению. Но, чтобы этот принципиальный поворот *уже* решил вопрос, *уже* создал новые базы капиталистического крестьянского хозяйства, *уже* устранил старые проблемы, этого до сих пор не решались утверждать даже самые беспринципные и податливые дуновения ветра люди, вроде кадетов. Связь закона 14 июня 1910 г. с системой выборов в III Думу и ее социальным составом очевидна: иначе, как союзом центральной власти с феодальными (употребим это не вполне точное, общеевропейское, выражение) помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, нельзя было бы осуществить этого закона, провести ряд мер для его введения в жизнь. Перед нами, значит, своеобразная ступень *всей* капиталистической эволюции страны. Устраняет ли эта ступень сохранение «власти и доходов» — говоря в социологическом смысле — за землевладельцами феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют *основных* черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил. Отсюда понятна коренная задача сознательного общественного деятеля: учесть эти новые изменения, «использовать» их, охватить их — если можно так выразиться — и в то же время не отдаться беспомощно течению, не выбросить вон старого багажа, сохранить основное и в формах деятельности, а не только в теории, в программе, в принципах политики.

Спрашивается, как же отнеслись к этому оформленному ответу на «проклятые вопросы», к этому прямому и ясному изложению определенных взглядов те «идейные руководители», которые группируются вокруг изданий типа «Возрождения», «Жизни», «Дела Жизни», «Нашей Зари» и т. п., гг. Потресов и Мартов, Дан и Аксельрод, Левицкий и Мартынов? Они отнеслись именно не как политики, не как «идейные руководители», не как ответственные публицисты, а как литературская категория, как кружок интеллигентов, как вольные стрелки вольных групп пишущей братии. Они снисходительно похихивали, — в качестве людей, умеющих ценить моду и дух времени, установившиеся в либеральных салонах, — над этой

устарелой, отжившей, чудаческой тягой к оформленным ответам на проклятые вопросы. К чему эта оформленность, когда можно писать где угодно, о чем угодно, что угодно, как угодно? Когда гг. Милюковы и гг. Струве дают прекрасные образчики всех выгод, удобств и преимуществ, вытекающих из уклонения от прямых ответов, точных изложений взглядов, оформленных professions de foi* и т. д.? Когда Иваны Непомнящие (и в особенности Иваны, не любящие вспоминать про былую оформленность) в самых широких кругах «общества» пользуются почетом и уважением?

Так за все три года мы и не видели со стороны всей этой литературской компании ни малейшей попытки противопоставить *свой* оформленный ответ на «проклятые вопросы». Иносказаний и гипотез пустых было сколько угодно, а прямого ответа ни одного. Отличительной, характерной чертой рассматриваемой компании явилась любовь к *бесформенности*, т. е. именно к такому признаку, который самым определенным, самым точным и недвусмысленным образом был *тогда же*, когда давался прямой ответ на проклятые вопросы, признан составным элементом понятия *ликвидаторства*. Бесформенным образом плыть по течению, умиляться своей бесформенностью, «ставить крест» над тем, что противоположно бесформенному настоящему, это и есть одна из основных черт ликвидаторства. Опортунисты всегда и везде пассивно отдаются течению, довольствуются ответами «от случая к случаю», от съезда (пьяного) к съезду (фабричному)⁵⁸, удовлетворяются объединением от одного «общества» (хотя бы и самого почтенного и полезного: профессионального, потребительного, культурного, общества трезвости и т. п.) к другому обществу и т. д. Ликвидаторство есть совокупность тенденций, свойственных всякому оппортунизму вообще и проявляющихся в определенных конкретных формах в один из периодов русской истории в одном из наших социально-политических направлений.

История сохранила только два точных отзыва ликвидаторов на изложенный выше «прямой ответ» (на проклятые вопросы). Первый отзыв: прилагательное буржуазный следовало бы заменить прилагательным плутократический. — Такая замена была бы, однако, совершенно

* — программ. Ред.

неправильна. Эпоха 1861—1904 годов показывает нам в самых различных областях жизни рост влияния, а нередко и преобладающее влияние плутократии. В эпоху 1908—1910 гг. мы видим, *в отличие* от «плутократии», результаты того, как буржуазия, сознавая себя классом, учитывая уроки, данные предыдущим трехлетием ее классовому самосознанию, создает идеологию, принципиально враждебную и социализму (притом не общеевропейскому, не социализму вообще, а именно русскому) и демократии. Мало того. Буржуазия организована в общенациональном масштабе, т. е. именно как класс, известная часть которого постоянно представлена (и очень влиятельно представлена) в III Думе. Наконец, и в аграрной политике 1908—1910 годов есть система, проводящая определенный план буржуазного аграрного строя. Этот план «не вытанцовывается» до сих пор, это несомненно, но эта неудача есть неудача *одной* из буржуазных систем при несомненной «удаче» *плутократии* в деревне: то есть плутократия деревенская от аграрной политики 1908—1910 годов наверняка выигрывает, но тот буржуазный уклад, для которого много жертв приносится, все еще не может «уложиться». Одним словом, предложение термина «плутократический» во всех отношениях неудачно, и настолько неудачно, что сами ликвидаторы, видимо, предпочитают забыть об этом предложении.

Другой отзыв: вышеизложенный ответ неправилен-де потому, что сводится к совету «переть туда, где были раз»⁵⁹... неудачи. Этот краткий, но энергичный отзыв ценен тем, что в рельефной форме выразил итоги всех литературных выступлений ликвидаторов, начиная с потресовского «Общественного движения» и кончая г. Левицким в «Нашей Заре». Содержание этого отзыва — чисто отрицательное; он ограничивается осуждением стремлений «переть туда», не давая никаких положительных указаний насчет того, *куда* «переть» следует. Плывите, дескать, как плывется, как «все» плывут, а обобщениями насчет того, к чему это приводит и приводить должно, заниматься не стоит.

Но, как ни хотелось бы оппортунистам успокоиться от всяких обобщений, избежать «неприятных» разговоров о прямом ответе на «проклятые вопросы», а это оказывается все же невозможным. Гони природу в дверь —

она влетит в окно. Ирония истории устроила так, что те самые ликвидаторы, которые любят называть себя «передовыми», чуждыми «консерватизма» людьми и которые в 1908-ом году презрительно морщили нос по поводу указаний на необходимость прямого ответа, оказались вынужденными — почти полтора года спустя, летом 1910-го года, посчитаться с этими указаниями. И вынудили их к тому события в их собственном лагере. Совсем было отмахнулись от прямого ответа, затребованного в каких-то там презренных, отживших, омертвелых, никчемных, зловредных «гиблых местах», — как вдруг, полтора года спустя, возникает среди самих ликвидаторов «течение», требующее тоже прямого ответа и дерзновенно дающее прямой ответ!

В роли «дерзновенного» выступил, как и следовало ожидать, Ю. Ларин, но на этот раз уже не один. Ларин, как известно, *enfant terrible** оппортунизма. Он отличается тем громадным, с точки зрения оппортунистов, недостатком, что воспринимает серьезно, искренно, вдумчиво намечающиеся у них тенденции, старается связать их в нечто целое, додумать до конца, получить прямые ответы, сделать практические выводы. Те, кто знакомы с книгой Ларина о широкой рабочей партии, — книга эта вышла года 3—4 тому назад, — помнят, наверное, как он задушил в своих горячих объятиях пресловутую аксельродовскую идею рабочего съезда.

С марта 1910 года Ларин начал печатать ряд статей в «Возрождении» по вопросу именно о социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. К нему присоединился г. Пилецкий. Оба писателя, с горячностью неопитов взявшись за эти вопросы, на которые в своем, ликвидаторском, лагере они тщетно искали прямого ответа, пошли рубить с плеча. О крепостничестве-де в современной России нечего и говорить, власть уже переродилась в буржуазную. «И первый и второй элементы — говорит Ларин, выделяя пресловутый «третий элемент» — могут спать спокойно: октябрь 1905 г. не стоит на очереди» («Возрождение» № 9—10, стр. 20). «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорей, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы

* — бестактный ребенок. Ред.

вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции, просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов. Впоследствии борьба разных слоев господствующих классов между собой, после того как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного права»... (Там же, стр. 26.) «Процесс приобщения России к капиталистическому миру... находит себе завершение и в политической области. Это завершение — невозможность на переживаемой нами стадии *общенационального* революционного движения, имевшего место в 1905 г.» (с. 27).

«Раз власть, таким образом» (по выводам Ларина), «вовсе не находится «почти целиком» в руках земельных феодалов, то и борьба за власть «капиталистов от земли и завода» против феодалов — не может превратиться в борьбу общенациональную против наличной власти» (№ 11, с. 9)... «Строить свои тактические линии в расчете на предстоящий «общенациональный подъем», значило бы обречь себя на бесплодное ожидание» (там же, с. 11). «Сидеть между двух стульев нельзя. Если ничто не изменилось в социальном характере власти, тогда и задачи, и формы деятельности *должны* оказаться прежними, тогда остается только «бороться с ликвидаторами». Если же кто хочет идти дальше, *строить новое* в замену, в продолжение и в возвеличение развалившегося, ставшего негодным, старого, — тот пусть последовательно отдаст себе отчет в *условиях стройки*» (там же, с. 14).

Ну, разве не наивен этот Ларин? Требуется, чтобы оппортунисты были «последовательны», чтобы они «не сидели между двух стульев»!

Редакция «Возрождения» растерялась. В № 9—10, заявляя о несогласии с Лариным, она пишет: «свежесть мысли» (у Ларина), но «статья Ю. Ларина не убедили нас». В № 11, видимо от имени редакции, выступил против Ларина В. Мирон, признавший, что в лице Ларина и Пилецкого «налицо определенное течение, теоретически еще мало разработанное, но говорящее очень ясным языком» (величайший недостаток, с точки зрения оппортунистов!). «Ларин затронул попутно — писал г. Мирон — и совершенно неожиданно» (вот как! всегда этот беспо-

койный Ларин с «очень ясным языком» причиняет неприятности своим друзьям!) «и другой вопрос о ликвидаторстве. Нам кажется, что тесной связи между формами партийного строительства и природой русского правительства нет, и мы оставляем за собой право отдельно поговорить об этом» (с. 22, № от 7-го июля 1910 г.).

«Отдельно поговорил» от имени этого «мы» уже Л. Мартов в № 1 «Жизни» (30 августа 1910 г.), который заявил, что «может лишь присоединиться» (с. 4) к В. Минову и к редакции против Ларина. Таким образом, последнее слово во всей этой дискуссии среди ликвидаторов было сказано Л. Мартовым.

Присмотримся же к этому последнему слову ликвидаторства.

Мартов берется за дело, как и всегда, очень бойко и очень... «ловко». Он начинает с того, что «буржуазию у власти или властвующую буржуазию у нас начали тщательно искать немедленно после 3. VI. 1907». «3-вейюньский режим есть режим господства российской торгово-промышленной буржуазии. Эта схема одинаково принималась и указанной группой писателей-меньшевиков (Ларин, Пилецкий) и их антиподами, правоверными большевиками, которые в 1908 году» писали «о народжении в России буржуазной монархии».

Ну, разве же это не перл «ловкости»? Ларин упрекает Мартова в сиденьи между двух стульев, признавая прямо, без вилянья и хитростей, что надо бороться с ликвидаторами, если не перестроить заново того ответа на проклятые вопросы, который дан «правоверными».

А Мартов «ловко» кувыркается в воздухе и пытается уверить читателей (в августе 1910 года совершенно не имевших возможности выслушать другую сторону), что «эту схему» «одинаково принимали» и Ларин, и «правоверные»!

Эта ловкость есть буренинская или меньшековская ловкость⁶⁰, ибо более беззастенчивого... отступления от истины нельзя себе и представить.

«В литературных дискуссиях обыкновенно забывают, кто собственно «начал» — пишет, между прочим, Мартов там же. Справедливо, что это бывает в *литераторских* дискуссиях, когда нет и речи о выработке точного, оформленного ответа на проклятые вопросы. Но мы имеем дело именно не с литературской и не с литературной только

«дискуссией», как это великолепно, досконально, доподлинно и непосредственно известно Л. Мартову, вводящему читателей «Жизни» в заблуждение. Мартов прекрасно знает, каков данный и поддерживаемый «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и борется Ларин, называя его «окастеновским шаблоном», «построением воздушных замков» и т. д. Мартов прекрасно знает, что *он сам* и все его единомышленники и коллеги отвергали данный «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, «кто собственно начал»; кто начал (и кончил) выработку точного ответа и кто ограничился хихиканием и выражением несогласия, не дав и не давая *никакого* ответа.

Нельзя себе представить более возмутительной, более недобросовестной проделки, чем эта проделка Л. Мартова! Ларин своей прямоотой и откровенностью больно задел дипломатов ликвидаторства, признав (хотя и через 1½ года), что без точного ответа не обойтись. Правда глаза колет. И Л. Мартов пытается обмануть читателя, представив дело так, будто Ларин принимает «одинаковую схему» с правоверными, — хотя в действительности та и другая схема *противоположны*: из ларинской *вытекает* оправдание ликвидаторства, из «правоверной» — осуждение ликвидаторства.

Чтобы прикрыть свою проделку, Мартов выхватывает из «схемы» одно словечко, искажая ту связь, в которой оно стоит (прием, у Буренина и Меньшикова разработанный до совершенства). Правоверные, уверяет Мартов, писали о «народнении в России буржуазной монархии», — Ларин пишет о том, что о крепостничестве в России нечего и говорить, что власть уже буржуазна, — *значит*, схемы Ларина и правоверных «одинаковы»! Фокус кончен. Читатель, верящий Мартову, одурачен.

На самом же деле «схема», а вернее: ответ правоверных гласит, что старая власть в России *делает еще шаг по пути превращения* в буржуазную монархию», причем отстаивается именно такой путь капиталистического развития, который *сохранял бы* за землевладельцами именно *феодалного типа* их власть и их доходы», — что в результате этого положения вещей *основные факторы* экономической и политической жизни, вызвавшие первый кризис начала XX века, *продолжают действовать*».

Ларин говорит: власть *уже* буржуазна, поэтому о «сохранении власти» за феодалами говорят лишь сторонники «окостеневшего шаблона», поэтому «основные факторы» прежнего подъема *не* продолжают действовать, поэтому строить надо нечто новое «в замену «ставшего негодным старого»».

«Правоверные» говорят: власть делает *еще* шаг *по пути* превращения в буржуазную (не власть вообще, а) монархию, причем реальная власть остается, сохраняется в руках феодалов, так что «основные факторы» прежних тенденций, прежнего типа эволюции «продолжают действовать», и поэтому говорящие о «ставшем негодным старом» суть ликвидаторы, *на деле* плененные либералами.

Противоположность обеих схем, обоих ответов ясна. Перед нами два различных *цельных* ответа, приводящих к различным выводам.

Мартов фокусирует à la* Буренин, ссылаясь на то, что в *обоих* ответах «говорится»-де о «порождении буржуазной монархии». С таким же правом можно бы сослаться на то, что оба ответа признают продолжающееся капиталистическое развитие России! *На почве* общего признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) капиталистического развития *идет спор* о высоте, форме, условиях его. А Мартов запутывает спорное, чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии! *На почве общего признания* (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) развития старой власти *по пути превращения в буржуазную монархию* идет спор о степени, форме, условиях, ходе этого превращения, а Мартов запутывает спорное (продолжают ли действовать прежние факторы? допустимо ли отречение от старых форм? и т. д.), чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии!

Что власть в России XIX и XX веков вообще развивается «по пути превращения в буржуазную монархию», этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор *ни один* вменяемый человек, желающий быть марксистом. Предложение заменить прилагательное буржуазный словом плутократический неверно оценивает *степень* превращения, но *принципиально* не решается оспаривать, что действительный «путь», путь реальной эволюции

* — вроде. Ред.

состоит именно в этом превращении. Пусть попробует он утверждать, что монархия 1861—1904 годов (т. е., несомненно, менее капиталистическая по сравнению с современной) *не* представляет по сравнению с эпохой николаевской, крепостной *одного* из шагов «по пути превращения в буржуазную монархию»!

Мартов не только не пробует утверждать этого, а, напротив, «присоединяется» к В. Мирову, который, возражая Ларину, ссылается именно на буржуазный характер виттевских реформ, а также реформ 60-х годов!

Пусть судит теперь читатель о «ловкости» Мирова и Мартова. Сначала они повторяют против Ларина те доводы, которые *полтора* года тому назад приведены были «правверными» против ближайших друзей, единомышленников и коллег Мартова и Мирова, — а потом они уверяют читателя, что «схемы» Ларина и «правверных» одинаковы.

Это не только образец литературщины против политики (ибо политика требует оформленных прямых ответов, а литераторы часто ограничиваются говорением кругом да около), это образец принижения литературы до буренищины.

Приведя цитированные выше слова Ларина о том, что «если ничего не изменилось и т. д., то остается только бороться с ликвидаторами», Мартов отвечает ему:

«Мы до сих пор думали, что наши задачи определяются социальной структурой общества, в котором мы действуем, а формы нашей деятельности определяются, во-1-х, этими задачами, а во-2-х, *политическими условиями*. Социальная природа власти поэтому *непосредственного* (курсив Мартова) отношения к определению наших задач и форм деятельности не имеет».

Это не ответ, а пустая уклончивая фраза. Мартов опять пытается запутать вопрос, перенести спор не туда, где он ведется. Вопрос не в том, *непосредственно* или *посредственно* связана социальная природа власти с задачами и формами деятельности. Пусть эта связь *посредственная*, — дело от этого несколько не меняется, раз признается тесная и неразрывная связь. А Мартов не решается *ни слова* сказать против признания тесной и неразрывной связи. Его ссылка на «политические условия» есть бросание песку в глаза читателю. Противопологать «социальную природу власти»

«политическим условиям» так же бессмысленно, как если бы я противопоставил изготовляемые людьми калоши мокроступам. Мокроступы, это и есть калоши. А иных калош, кроме изготовляемых людьми, не бывает. Природа власти, это и есть политические условия. А иной природы власти, кроме социальной, не бывает.

В итоге мы получаем то, что Мартов «поговорил» кругом да около и уклонился от ответа Ларину. А уклонился он потому, что ответить ему нечего. Ларин вполне прав в том, что взгляд на «социальный характер власти» (на экономическую природу ее, если говорить точнее) связан тесно и неразрывно со взглядами на «задачи и формы деятельности». И у Ларина, и у «правоверных» эта связь признана и проведена. У Мартова (и его домочадцев) связи во взглядах нет. Поэтому Мартов вынужден увертываться и отделяться «мокроступами».

Слушайте дальше:

«Более или менее ясно у этих меньшевиков (Мартов ссылается, в виде *примера*, на Когана, «Образование» 1907 г.) мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом «врастании» рабочего класса в ту «законную страну»*, которая получила начатки конституционного режима: о постепенном распространении третьионских привилегий буржуазии» (а не «плутократии»? а?) «на широкие круги демократии. Если б таковою была действительная принципиальная основа современного «ликвидаторства» в кавычках или современного «легализма», то мы бы имели перед собою действительную ликвидацию наших традиций, действительный легализм, возведенный в принцип, принципиальный разрыв со всем нашим прошлым. С таким ликвидаторством мы должны были вести серьезную борьбу... Неужто суждено нам увидеть реформистов, *сползающих* в режим обновленной толмачевщины?» И к этому месту примечание Мартова: «Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется (II), не подозреваю».

Эта длинная выписка была нам необходима, чтобы показать читателю «манеру» Мартова со всей наглядностью. Он признает, что у Когана (меньшевика, систематически сотруidничавшего в ответственных «трудах» вместе

* Может быть, не всем читателям понятен этот галлицизм, представляющийся мне крайне неудачным. «Законная страна», это — буквальный перевод французского выражения *paus légal*, под которым разумются те классы или группы, слош населения, которые имеют представительство в парламенте и пользуются в отличие от массы народа конституционными привилегиями. Между прочим, характерно для оценки штатний Мартова. Он не хочет признать, что Россия 1908—1910 гг. сделала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Но он признает, что «буржуазия» (а не «плутократия») «получила» 3. VI. 1907 «начатки конституционного режима». Поищи, кто может!

с Мартовым) «более или менее ясно мелькает» реформизм. Он признает, что *если бы* реформизм был принципиальной основой ликвидаторства, то это был бы «разрыв с прошлым». Он бросает звонкую, кричащую, эффектную фразу против «реформистов, вползающих» и т. д. И он заканчивает, ... чем бы вы думали? — уверением, что Ларина он, *разумеется*, «не подозревает» в реформистских «тенденциях»!

Ведь, это точь-в-точь речь Эдуарда Бернштейна, Жана Жореса или Рамсея Макдональда. Они все «признают», что у некоторых «крайних» «мелькает»... нечто нехорошее, реформизм, либерализм. Они все признают, что *если бы* либерализм был «принципиальной основой» их политики, то это был бы «разрыв с прошлым». Они все бросают звонкие, кричащие, эффектные фразы против «либералов, пресмыкающихся» и т. д. И они все заканчивают... уверениями, что у Ларинных... виноват, у их более откровенных, более «правых» товарищей, единомышленников, друзей, коллег, сотрудников, они «не подозревают» либерально-буржуазных тенденций.

В том-то и гвоздь, что Ларин дал в цитированных статьях изложение «системы» взглядов самого несомненного, самого доподлинного реформизма! Отрицать это — значит идти против очевидности, значит отнимать всякий смысл у понятия реформизма. А если вы будете «опровергать» Ларина, «осуждать» «принципиальный» реформизм, бросать звонкие фразы против «вползающих», и тут же рядом, невступно, уверять, что Ларина вы «не подозреваете» в реформизме, так, ведь, этим вы вполне разоблачаете себя. Ведь, этим вы вполне доказываете, что для вас ссылка на «принципиальную» вашу вражду к «принципиальному реформизму» есть та божба, которой торгаш сопровождает свои уверения: «верьте, как на духу скажу, себе дороже».

Верьте, как на духу скажу: принципиальный реформизм я осуждаю, но Ларина в реформизме не «подозреваю» (отвратительный народ, в самом деле, эти *подозрительные* правове­ры!) и с Лариним вполне схожусь в ликвидаторской практике.

Такова «развернутая формула» современного русского оппортунизма.

Вот вам применение этой формулы *самим* Мартовым, которого наивные (или непонимающие глубины *новой*

перегруппировки) люди до сих пор считают «несомненным» неликвидатором:

«Тактика, которая намечается в деятельности так называемых «ликвидаторов» — пишет на стр. 9—10 Мартов — есть «тактика, ставящая в центре открытое рабочее движение, стремящаяся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущая *внутри* (курсив Мартова) этого открытого рабочего движения — и только там» — (заметьте: и только там!) — «элементов для возрождения партийного бытия».

Это говорит Л. Мартов. А это и есть реформизм, *вползающий* в режим обновленной толмачевщины. Курсив: «вползающий» я заимствовал у того же Мартова, ибо важно то, что он, Мартов, в цитированных сейчас словах *на деле* проповедует именно вползание. Сколько бы вы ни поставили рядом с такой проповедью клятв и зареканий против «принципиального реформизма», *дело* от этого не изменяется. На деле, сказав: «и только там», сказав: «в центре», Мартов именно реформистскую линию (в особой обстановке России 1908—1910 годов) ведет, а божбе, обещаниям, заверениям, клятвам пусть верят политические младенцы.

...«Споры Маркса с Виллихом-Шаппером в начале 1850-х годов вертелись как раз (11) около вопроса о значении тайных обществ и о возможности *из них* руководить политической борьбой... Бланкисты (во Франции 60-х гг.) «готовились» к этим событиям (к краху бонапартизма), устраивая тайные общества и закулировав в них одиночек рабочих; французская же секция марксистов... шла в рабочие организации, основывала их, «боролась за легальность» всеми средствами»...

Как раз не из той оперы ни тот, ни другой пример. Между Марксом и Виллихом в 50-х годах, между бланкистами и марксистами в 60-х годах спор шел *вовсе не о том*, следует ли «только» в «мирных, терпимых» (Мартов, с. 10, № 1 «Жизни») организациях искать «элементов для возрождения партийного бытия». Мартов это прекрасно знает и напрасно пытается ввести читателей в заблуждение. Оба *эти* спора велись *не о «возрождении»* рабочей партии, ибо нельзя было тогда и спорить о возрождении того, чего *до тех* пор не было *вовсе*. Оба спора велись именно о том, нужна ли вообще *рабочая* партия, опирающаяся на *рабочее* движение, *классовая* партия. Именно это отрицали и Виллих, и бланкисты 60-х годов, как прекрасно знает Мартов, напрасно пытающийся разговорами

о том, что теперь бесспорно, *заслонить* то, что *теперь* спорно. *Не только* в 50-х и в 60-х годах Маркс не стоял *никогда* на той точке зрения, чтобы *«только»* в мирных и терпимых организациях искать элементов для возрождения или для рождения партийного бытия, а *даже в конце 70-х годов*, на неизмеримо более высокой ступени развития капитализма и развития буржуазной монархии, Маркс и Энгельс подняли *беспощадную* войну против немецких оппортунистов, ликвидировавших недавнее прошлое немецкого «партийного бытия», оплакивавших «крайности», говоривших о «более цивилизованных» формах движения («европеизации», на языке современных русских ликвидаторов), защищавших ту мысль, что *«только»* в «мирных и терпимых» организациях следует «искать элементов возрождения» и т. д.

«Резюмирую — пишет Мартов. — Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом, и что русский рабочий класс созрел для того, чтоб, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пятую этих противоречий».

Этих слов Мартова («*вполне достаточно*») — *вполне достаточно*, чтобы и нам сделать свое резюме. «Вполне достаточным» находит Мартов то, что признают и кадеты, и часть октябристов. Именно «*Речь*» поставила в январе 1911 года вопрос так, как в августе 1910 и предлагал его ставить Мартов: противоречивое-де сочетание конституционализма с антиконституциональностью; два лагеря — за конституцию и против нее. Для Мартова «*вполне достаточно*» то, что *вполне достаточно* для «*Речи*». Марксизма тут нет и *грانا*. Марксизм тут весь выветрился и заменился либерализмом. Для марксиста *ни в каком случае не* «достаточно» того, что у нас есть «противоречивое сочетание». Марксизм начинается лишь там, где начинается сознание, понимание того, что эта истина недостаточна, что она заключает в себе ложку правды и бочку неправды, что она затушевывает глубину противоречий, прикрашивает действительность, отрицает единственно возможные средства выхода из положения.

«Противоречивое сочетание» старого режима с конституционализмом есть не только в современной России, но и в современной Германии и даже в современной Англии (палата лордов; независимость короны от народных представителей в делах внешней политики и т. д.). Спрашивается, какую позицию *реально* (т. е. независимо от добрых пожеланий и благонамеренных речей) занимает тот политик, который заявляет, что для русского «вполне достаточно» признать то, что верно и по отношению к Германии и по отношению к Англии? Такой политик *реально* занимает позицию *либерала*, кадета. Даже сколько-нибудь последовательный буржуазный демократ не может стоять и не стоит у нас на такой позиции. *Последнее слово* Мартова, его заключительная, резюмирующая всю дискуссию у ликвидаторов *формула* дает замечательно точное, поразительно ясное, исчерпывающе полное выражение *либеральных* взглядов, провозимых под якобы марксистским флагом.

Когда либералы — и не только кадеты, но также и часть октябристов — говорят: *вполне достаточно* для теоретического обоснования и политического оправдания нашей деятельности признать внутренне противоречивое сочетание старого режима с конституционализмом, то либералы остаются вполне верны себе. Они дают в этих словах действительно точную либеральную формулу, формулу либеральной политики 1908—1910 (если не 1906—1910) годов. Марксист же лишь тогда и постольку обнаруживает свой марксизм, когда разъясняет *недостаточность и ложность* этой формулы, устраняющей то специфическое, что отличает принципиально, коренным образом «противоречия» русские от английских и германских. «Вполне достаточно принять, что конституционализму очень многое у нас противоречит», говорит либерал. «Совершенно недостаточно такое признание, отвечает марксист. Необходимо сознать, что нет нилицо элементарной, основной, кардинальной, существенной, необходимой базы для «конституционализма» вообще. Коренная ошибка либерализма состоит как раз в признании того, что эта база есть, тогда как ее нет, и эта ошибка объясняет бессилие либерализма и объясняется бессилием буржуазного прекраснотушия».

Переводя эту политическую антиномию на язык экономический, можно формулировать ее так. Либерал

полагает, что путь экономического (капиталистического) развития уже дан, определен, закончен, что речь идет об очистке помех, противоречий с *этого* пути. Марксист полагает, что этот данный путь капиталистического развития не выводит до сих пор из тупика, *несмотря* на такие несомненные буржуазные прогрессы экономической эволюции, как 9-ое ноября 1906 г. (или 14. VI. 1910), как III Дума и пр., и что есть *иной* путь *тоже* капиталистического развития, путь, способный вывести на столбовую дорогу, путь, на который надо указывать, который надо разъяснять, готовить, отстаивать, проводить в жизнь, несмотря на все колебания, на все маловерие и малодушие либерализма.

Мартов полемизирует с Лариным так, как будто бы он был гораздо «левее» Ларина. И многие наивные люди дают себя обмануть, говоря: конечно, Потресов, Левицкий, Ларин ликвидаторы, конечно, они крайние правые, ну, вроде наших Руане, но Мартов, Мартов-то не ликвидатор! А на деле эффектные фразы Мартова против Ларина, против вползающих реформаторов есть лишь отвод глаз, ибо в своем *выводе*, в своем последнем слове, в своем резюме Мартов *как раз* подкрепляет Ларина. Мартов несколько не «левее» Ларина, он только дипломатичнее, беспринципнее, чем Ларин, хитрее прячется за пестрыми лоскутками якобы «марксистских» словечек. Вывод Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивое сочетание — есть именно то *подтверждение* ликвидаторства (и либерализма), которое Ларину требуется. Но Ларин хочет этот вывод оправдать, доказать, додумать до конца, сделать принципиальным. И Мартов говорит Ларину, как Фольмар, Ауэр и другие «старые воробьи» оппортунизма говорили молодому оппортунисту Эдуарду Бернштейну: «Милый Ларин... то-бишь: милый Эдя (уменьшительное от Эдуард), ты — осел! Это надо делать, но об этом нельзя говорить». «Милый Ларин, для нас с вами «вполне достаточно» ликвидаторской практики, «вполне достаточно» либерального признания противоречивости старого режима с конституционализмом, но — ради бога — не идите дальше, не «углубляйте», не *врите* принципиальной ясности и цельности, не стройте оценки «текущего момента», *ибо это нас с вами разоблачает*. Будем делать, но не будем говорить».

Мартов учит Ларина быть оппортунистом.

Нельзя сидеть между двух стульев, говорит Ларин Мартову, требуя принципиального объяснения и оправдания дорогого им обоим ликвидаторства.

— Ну, какой же вы после этого оппортунист, отвечает Мартов, если вы не умеете сидеть между двух стульев? Какой же вы после этого оппортунист, если вы добиваетесь точного, прямого и ясного принципиального оправдания практики? Настоящий оппортунист должен именно сидеть между двух стульев, должен именно защищать «тактику-процесс» (вспомните Мартынова и Кричевского эпохи 1901 года), должен плыть по течению, замечая следы, обходя всякую принципиальность. Умеет же теперь Бернштейн (после уроков Фольмара, Ауэра и т. д.) быть ревизионистом, *не предлагая* никаких изменений *правоверной* эрфуртской *profession de foi*⁶¹. И мы с вами должны уметь быть ликвидаторами, *не предлагая* никаких изменений *правоверного* формального ответа (1908 года) на «проклятые вопросы» текущего момента⁶². Чтобы быть настоящим оппортунистом, дорогой и милый Ларин, надо на деле, в своей практике, в характере своей работы *вползть*, а на словах, перед публикой, в речах, в печати не только не искать теорий, оправдывающих *вползание*, а, напротив, погромче кричать против *вползающих*, поусерднее божиться и клясться, что мы не *вползающие*.

Ларин замолчал. В глубине души он не мог, вероятно, не признать, что Мартов дипломат более искусный, оппортунист более тонкий.

Еще с одной стороны следует подойти к заключительной формуле Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивость сочетания старого режима с конституционализмом. Сравните эту формулу с знаменитой формулой В. Левицкого: «*Не* гегемония, а классовая партия» («Наша Заря», № 7). В этой формуле Левицкий (— Ларин «Нашей Зари») только прямее, откровеннее, принципиальнее выразил то, что запутал, затушевал, задрапировал вычурными словами Потресов, *подчищая* и переделывая свою статью *против* гегемонии под влиянием ультиматумов Плеханова.

Формула Мартова и формула Левицкого — две стороны одной медали. Разъяснение этого обстоятельства для

Мартова, который делает вид, что не понимает связи идеи гегемонии с вопросом о ликвидаторстве, составит предмет следующей статьи.

P. S.* Настоящая статья была уже сдана в набор, когда мы получили № 2 «Дела Жизни» с окончанием статьи Ю. Ларина: «Направо — и кругом». Реформизм, в котором Л. Мартов, «разумеется, не подозревает» Ю. Ларина, с прежней ясностью излагается Лариным в новом ликвидаторском журнале. Ограничимся пока приведением *эти* реформистской программы:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить, — вот что означает неопределенно-выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесплодное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организовать не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни; для собирания и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для умения ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении — в частности» (стр. 18).

Эта тирада точно выражает весь дух и весь смысл ларинской «программы» и *всех* ликвидаторских писаний «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и проч., вплоть до разобранным нами «вполне достаточно» Л. Мартова. Эта тирада — чистейший и полнейший реформизм. Мы не можем теперь остановиться на этой тираде; мы не можем здесь разбирать ее так подробно, как она того заслуживает. Ограничимся поэтому кратким замечанием. Левые кадеты, беспартийные социалисты, мелкобуржуазные демократы (вроде «энесов») и реформисты из числа людей, желающих быть марксистами, проповедуют рабочим программу: собирайте свои силы, воспитывайтесь, обучайтесь, защищайте свои интересы *просто-таки*, чтобы постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении.

* — Postscriptum — приписка. Ред.

Подобная программа столь же урезывает, суживает, кастрирует политические задачи рабочего класса в 1908—1911 гг., как «экономисты» кастрировали эти задачи в 1896—1901 гг. Старые экономисты, обманывая себя и других, любили ссылаться на Бельгию (преобладание реформизма у бельгийцев недавно выяснили превосходные работы де-Мана и Брукера; к этим работам мы вернемся); ново-экономисты, т. е. ликвидаторы, любят ссылаться на мирное получение конституции Австрией в 1867 году. И старые экономисты и наши ликвидаторы выбирают такие примеры, случаи, эпизоды из истории рабочего движения и демократии в Европе, когда рабочие бывали в силу тех или иных причин слабы, бессознательны, зависимы от буржуазии, — и подобные примеры выставляют, как образец для России. И экономисты, и ликвидаторы — проводники буржуазного влияния на пролетариат.

*«Мысль» № 4, март 1911 г.
Подпись: В. И л ь и н*

*Печатается по тексту
журнала «Мысль»*

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В № 2 «Нашей Зари» г. Б. Богданов в статье: «Итоги ремесленного съезда» формулирует свои выводы следующим образом:

«Стремление порвать со старым подпольем и войти в полосу действительно открытой общественной и политической деятельности — вот то новое, что характеризует и новейшую полосу нашего рабочего движения» (с. 73). «В момент обострения общественной жизни, накануне дополнительных выборов в Москве, общих выборов в IV Гос. думу, особенно остро чувствуется отсутствие влияния политически-организованной части пролетариата. Вся работа, за последние годы проделанная организованными рабочими, идет по пути возрождения этой самостоятельной политической силы. И сознательно или невольно — но все участники этого движения становятся агентами возрождающейся партии пролетариата. И задача организованной его части не столько форсировать это движение, не столько преждевременно оформлять его и фиксировать, сколько действовать в направлении развития этого движения, придавать ему возможно больший размах, вовлекая в него возможно более широкие массы и энергично порывая с бездельем подполья, с его одурманивающей обстановкой» (с. 74—75).

До сих пор подобные вопли об «одурманивающей» обстановке и подобные истерические крики и призывы «порвать» с ней мы встречали только в газетах типа «Нового Времени» да разве еще в писаниях озлобленных ренегатов либерализма вроде г. Струве и К^о. До сих пор сколько-нибудь порядочная, честная политическая пресса считала за правило: не нападать с известных подмоетков на то, чего нельзя защищать на тех же подмоетках. Компания ликвидаторов, к которой принадлежат гг. Б. Богданов, Левицкий, Потресов и т. д., вот уже второй год успешно «преодолевают» этот устарелый демократический

предрассудок, систематически избирая для своих призывов «энергично порвать» и т. д. именно такие и только такие подмошки, на которых ликвидаторам обеспечена по данному вопросу монополия. Нам остается только регистрировать эту «забронированную» войну с «одурманивающей обстановкой» и выставлять воителей — к позорному столбу.

Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы совершают подтасовку, когда указывают на стремление рабочих выступать открыто и делают *свой* вывод о стремлении *рабочих* порвать с «одурманивающей обстановкой». Подтасовка рассчитана на то, что рассказать факты, известные этим гг. Б. Богдановым и свидетельствующие о *негодовании* выступающих открыто на разных съездах рабочих *против* предлагающих «порвать» *интеллигентов*, мы, противники ликвидаторства, не можем. Рабочие в начале 1911-го года так же энергично стремятся — к великой чести их будь сказано — к открытой политической деятельности, как стремились они к ней, напр., в начале 1905-го года, но ни тогда, ни теперь *рабочие* против «одурманивающей обстановки» не восставали, «порвать» с ней не хотели и не хотят. О стремлении «энергично порвать» правильно будет говорить лишь как о стремлении ранегаствующих интеллигентов.

В самом деле, пусть читатель вдумается хорошенько в следующий факт. Группа литераторов усиленно говорит — особенно с января 1910-го года — о «*стремлении порвать со старым*» и «*войти в полосу действительно открытой политической деятельности*». Эта группа выпустила за указанное только время свыше 20-ти номеров *своих* журналов («Наша Заря», «Возрождение», «Жизнь», «Дело Жизни»), не говоря об отдельных книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах, не имеющих специфически ликвидаторского характера. Спрашивается, как же это могло случиться, что литераторы, столь энергично работавшие на публицистическом поприще и столь убежденно говорящие о необходимости «энергично порвать со старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», до сих пор *сами*, в составе *своей группы*, не решились, не имели смелости «энергично порвать» со «старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», с программой,

платформой, тактикой, «энергично разрывающими» с «одурманивающей обстановкой»??

Что это за комедия? Что это за лицемерие? Говорить о «возрождении политической силы», громить при этом «одурманивающую обстановку», требовать *разрыва* со старым, проповедывать «действительно открытую политическую деятельность» — и в то же время *никакой* программой, *никакой* платформой, *никакой* тактикой, *никакой* организацией этого старого не заменять! Отчего у наших, желающих быть марксистами, легалистов нет даже такой политической честности, как у гг. Пешехоновых и прочих публицистов «Русского Богатства»⁶³, которые еще гораздо раньше (с 1905—1906 г.) заговорили на тему об одурманивающей обстановке и о необходимости «войти в полосу действительно открытой политической деятельности» и которые *делали так, как говорили*, действительно «энергично порывали со старым», действительно выступали с «открытой» программой, платформой, тактикой, организацией?

Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости. Гг. Пешехоновы и К^о сильны среди народников и потому выступают действительно «открыто». Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы и К^о слабы среди марксистов, встречают на каждом шагу отпор со стороны сознательных рабочих, и потому они лицемерят, прячутся, не смеют *выступить открыто* с программой и тактикой «действительно открытой политической деятельности».

Гг. Пешехоновы и К^о настолько сильны среди народников, что они везут свой товар под своим собственным флагом. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы, Мартовы настолько слабы среди марксистов, что они вынуждены провозить свой товар под чужим флагом. В интеллигентском журнальчике («Наша Заря») они храбрятся и крикуют: «иерархии» нет, «энергично порвать со старым», «войти в полосу действительно открытой политической деятельности». А перед рабочими наш ликвидатор поступает по пословице: «на молодца сам — овца».

Перед рабочими наши герои, восторженно поклоняющиеся «открытой политической деятельности», действуют как раз *не открыто*, не предлагая *никакой* открытой программы, тактики, организации. Отсюда — мудрая дипломатия подводящего «итоги» ремесленному съезду

г. Б. Богданова, который советует «не форсировать» движения к действительно открытой политической деятельности, не «оформлять его преждевременно». Похоже на то, что г. Б. Богданов пробовал *оформлять* перед рабочими свои ликвидаторские планы, да ожегся. Ренегатствующий интеллигент встретил отпор среди рабочих, которые и в своих ошибках поступают более прямо, требуют прямого ответа («порвать со старым? выступайте же открыто и честно с вашим новым!»). И г. Б. Богданов, как крыловская лиса, утешает себя: зелен виноград! не надо преждевременно оформлять — со старым порвать, но порвать так, чтобы среди рабочих махать флагом этого старого, — с новым не спешить.

Вы скажете: это значит сидеть между двух стульев. Но в этом как раз и состоит сущность всякого оппортунизма. В этом как раз и проявляется натура современного буржуазного интеллигента, *играющего* в марксизм. Г. Струве играл в марксизм в 1894—1898 годах. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы играют в марксизм в 1908—1911 годах. «Экономисты» того времени и ликвидаторы наших дней — проводники одного и того же буржуазного влияния на пролетариат.

О ЗНАЧЕНИИ КРИЗИСА

Пресловутый министерский и политический кризис, о котором столько писали и пишут газеты, поднимает более глубокие вопросы, чем думают шумящие всего более либералы. Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и кадетов относительно конституции, о коренном заблуждении обеих партий на этот счет. Чем шире распространяется это заблуждение, тем настойчивее необходимо разяснять его. Чем больше стараются кадеты под шумок своих обвинений октябризма провести неправильные идеи о «конституционном» будто бы характере кризиса, общие октябристам и кадетам, тем важнее выяснять эту вскрывшуюся теперь общность.

Припомним недавние рассуждения «Речи» и «Русских Ведомостей» о лозунге выборов в IV Думу. За конституцию или против нее — так встанет и стоит уже вопрос, уверяли оба главных кадетских органа.

Посмотрите теперь на рассуждения октябристов. Вот характерная статья г. Громобоя в «Голосе Москвы» (от 30 марта): «Разрытый муравейник». Октябристский публицист убеждает тех, добросовестных, по его мнению, защитников г. Столыпина, которых «пугает переход в оппозицию», доказывая, что они «делают ошибочные шаги». «Для конституционалистов, — восклицает г. Громобой, — грех нарушения конституции настолько тяжок, что никакие другие гири не перетянут его». Что можно сказать по существу? спрашивает г. Громобой и отвечает:

«Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? увы, все это уже слышали, слышали и обещания, не оправдавшиеся ватем».

Политика Столыпина была для октябристов заманчивым (как и для писателей из «Вех», всего глубже понявших и всего ярче выразивших дух кадетизма) «обещанием». «Обещание», по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

На самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И третье июня 1907 года и 9 ноября 1906 (14 июня 1910 г.) — не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского, московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: «не оправдалось», то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток «оправдать» требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной думы, посредством столыпинской аграрной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя даже мощны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит, дело вовсе не в нарушении обещаний, не в «нарушении конституции», — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют «конституцией».

Неисполнимы эти требования времени путем «конституции», дававшей большинство кадетам (I и II Думы), неисполнимы путем «конституции», сделавшей решающую партию октябристов (III Дума). И когда октябристы теперь говорят: «не оправдалось», то значение этого признания, значение вынудившего это признание кризиса состоит в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма, и октябризма.

Демократия сдвинула старое с места. Кадеты, порицая демократию за «эксцессы», сулились реализовать новое путем мирной «конституции». Не оправдалось. Новое стал реализовывать г. Столыпин таким образом, чтобы

измененные формы могли укрепить старое, чтобы организация зубров-помещиков и столпов капитала укрепила старое, чтобы частная поземельная собственность на место общины создала новый слой защитников старого. Октябристы трудились вместе с г. Столыпиным годы и годы над этой задачей, «не угрожаемые» временно подавленной демократией.

Не оправдалось.

Оправдались слова тех, кто говорил о тщете и вреде конституционных иллюзий, в такие эпохи быстрых и коренных перемен, как эпоха начала XX века в России.

Трехлетие октябристской III Думы, октябристской «конституции», октябристского «мирного и любовного жития» со Столыпиным не прошло бесследно: шагнуло вперед экономическое развитие страны, развились, развернулись, показали себя (и исчерпали себя) «правые» — все и всяческие «правые» — политические партии.

Аграрная политика третьей Думы показала себя *на деле* в массе деревень и захолустий России, встряхнула застоявшиеся веками брожения, грубо вскрыла и обострила наличные противоречия, обнажила кулака и просветила его антиподов. Не даром прошла третья Дума. Не даром прошли и первые две Думы, давшие так много хороших, добрых, невинных и бессильных пожеланий. В оболочке «конституционного» кризиса 1911-го года обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906—1910 годов.

И кадеты, и октябристы сходились, по сути дела, в том, что базировали свою политику на этих иллюзиях. Это были иллюзии либеральной буржуазии, иллюзии центра — различие «левого» центра (кадетов) и «правого» центра (октябристов) несущественно, раз тот и другой, в силу объективных условий, осуждены были на крах. Старое сдвинуто с места. Ни левый, ни правый центр нового не реализовали. Кто и как будет осуществлять это неотстраняемое, исторически неизбежное новое, — вопрос открытый. Значение «конституционного» кризиса в том, что господа положения, октябристы, признали этот вопрос *вновь* «открытым», подписав: «не оправдалось» даже под своими, самыми, казалось, «солидными», купечески-солидными, торгашески-трезвыми, московски-скромными чаяниями. Значение «конституционного» кризиса в том,

что вся узорь, все убожество, все бессилле поставленного кадетами лозунга (кто за конституцию, кто против конституции) вскрылось на опыте господ октябристов.

Демократия доказывает недостаточность этого лозунга. Октябризм подтвердил эти доказательства опытом еще одной полосы русской истории. Кадетам не удастся оттащить ее назад, к прежним наивным конституционным иллюзиям.

«Правоверные октябристы — пишет г. Громобой — нервничают, заявляют о выходе из бюро, не знают, что делать со своими товарищами по конституционализму. Напрасные волнения. Им надо быть спокойными сознанием, что за них истина и что эта истина настолько азбучна, настолько общепризнана, что для защиты ее не требуется Коперников и Галилеев. Им надо спокойно делать свое дело, — признать незаконными незаконные действия и непременно, не идя ни на какие компромиссы, отвергнуть незаконный закон».

Иллюзия, г. Громобой! Без «Коперников и Галилеев» не обойдется. У вас «не оправдалось», без этих не обойдется.

...«Глядя на весь этот разрытый, копошащийся муравейник — услужливую печать, услужливых ораторов, услужливых депутатов» (кончайте, г. Громобой: услужливую, холопскую буржуазию), «можно только, по человечеству жалея их, кротко напомнить, что П. А. Столыпину уже служить нельзя, — можно только прислуживаться».

Но П. А. Столыпин не единица, а тип, не одиночка, а «сам-друг» с Советом объединенного дворянства. Господа октябристы попробовали ужиться с ним по-новому, при Думе, при «конституции», при буржуазной политике толмачевского разорения общины, и если эта попытка не удалась, то дело вовсе не в Столыпине.

...«Да ведь вся сила народных представителей в их связи с народом, а если они (правые октябристы) самым фактом такой поддержки (поддержки Столыпина и столыпинского нарушения конституции) утрачивают свое «лицо», то какая им цена после этого?»

До чего мы дожили! Октябристы говорят о «связи с народом», как «силе народных представителей»! Это смешно, конечно! Но это не более смешно, чем кадетские речи в I и II Думах о «связи с народом» наряду с их же речами,

скажем, против местных земельных комитетов. Слова, смешные в устах кадетов и октябристов, сами по себе вовсе не смешны, а значительны. Еще и еще раз выражают они — против воли тех, кто говорит теперь эти слова, выражают крах конституционных иллюзий, как полезный плод «конституционного» кризиса.

«Звезда» № 18, 16 апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Праздниками пасхи (16 апр. нов. ст.) воспользовались многие европейские социалистические партии для устройства своих конгрессов: французская, бельгийская, голландская (оппортунистическая часть ее), английская социал-демократическая, английская «Независимая рабочая». На некоторых вопросах, обсуждавшихся съездами двух последних партий, мы намерены остановить внимание читателя.

Тридцать первый годичный съезд английской социал-демократической партии (S. D. P.) состоялся в Ковентри. Самым интересным вопросом был вопрос о «вооружениях и внешней политике». Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений. Социалисты Англии и Германии, а также Франции (которую Англия особенно охотно втянула бы в войну, чтобы иметь континентальную и сухопутную армию против Германии) посвящают много внимания грозящей войне, всеми силами борясь против буржуазного шовинизма и против вооружений, всячески стараясь разъяснить самым отсталым слоям пролетариата и мелкой буржуазии, какие бедствия несет с собой война, служащая интересам исключительно одной буржуазии.

Печальным исключением среди социалистов были некоторые выдающиеся вожди английской с.-д. партии и среди них Гайндман. Он дал себя запугать криками буржуазной английской прессы о «немецкой опасности» и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот, что Вильгельм — нападающая сторона.

Правда, отпор и сильный отпор был дан Гайндману изнутри самой с.-д. партии. Ряд резолюций местных групп высказался решительно против него.

Съезду — или, употребляя английское выражение, не соответствующее по значению русскому, «конференции» — в Ковентри пришлось решать спорный вопрос. Решительно враждебную всякому шовинизму точку зрения представляла резолюция группы в Хэрни (Hackney — округ на северо-востоке Лондона). Центральный орган с.-д. партии, «Justice»* в своем отчете о съезде приводит только конец этой («длинной», дескать) резолюции, требующей решительной борьбы против всякого увеличения вооружений, против всякой колониальной и финансовой агрессивной политики. Зельда Каган, защищавшая эту резолюцию, подчеркивала, что именно Англия ведет последние 40 лет агрессивную политику, что Германия ничего не выиграла бы от превращения Англии в свою провинцию, что подобная опасность не существует. «Английский флот существует для сохранения империи. Никогда еще с.-д. партия не делала столь серьезной, столь тяжелой ошибки, как теперь, когда партию отождествляют с шовинистами, пугающими войной; в силу этой ошибки — говорила Каган — английские с.-д. поставили себя вне международного движения».

На защиту Гайндмана выступил весь ЦК («исполнительный комитет») партии и — со стыдом приходится сказать это — Г. Квелч в том числе. «Поправка», предложенная им, говорила не больше и не меньше, как следующее: «конференция в настоящее время считает непосредственной целью содержание достаточного (adequate) флота для национальной защиты»!.. Рядом с этим, конечно, повторяются и все «хорошие и старые слова» — и о борьбе с империалистской политикой, и о войне с капитализмом

* — «Справедливость». Ред.

и т. д. Но все это, разумеется, отравлено *ложкой дегтя*: буржуазно-уклончивой и в то же время чисто буржуазной, шовинистической, фразой, признающей необходимость «достаточного» флота. И это в 1911 году, когда английский морской бюджет яснее ясного показал тенденцию роста необъятного, — и это в стране, флот которой «защищает и охраняет» «империю», т. е. в том числе Индию, где почти 300 миллионов населения отданы на грабеж и насилия английской бюрократии, где «просвещенные» английские государственные люди вроде либерала и «радикала» Морли (Morley) *ссылают* за политические преступления, *порют* за политические преступления туземцев!

Какими жалкими софизмами пришлось оперировать Квелчу, видно хотя бы из следующих мест его речи (по отчету в «Justice», который защищает Гайндмана)!. «Если мы признаем национальную автономию, мы должны иметь национальную защиту, — а такая защита должна быть достаточной, иначе она бесполезна. Мы — враги империализма, все равно английского или германского; мелкие национальности под прусским господством ненавидят ее деспотизм, и маленькие нации, угрожаемые ею, смотрят на британский флот и на германскую социал-демократию, как на свою единственную надежду»...

Вот как быстро катятся вниз люди, попавшие на наклонную плоскость оппортунизма! Британский флот, помогающий поработать Индию (не очень-то «маленькую» национальность), ставится *рядом* с германской социал-демократией в качестве защитника свободы народов... Права была З. Каган, что никогда еще английская социал-демократия так не срамила себя. Никогда не обнаруживался так ярко ее сектантский характер, давно отмеченный и осужденный Энгельсом⁶⁴, как в этой *легкости перехода* даже людей вроде Квелча на сторону шовинистов.

При голосовании голоса разделились поровну: 28 за «исполнительный комитет» и 28 против. Чтобы одержать печальную победу, Гайндман и Квелч должны были применить голосование по группам. Оно дало им 47 голосов против 33.

В с.-д. партии нашлись люди, которые подняли самый решительный голос протеста против шовинизма в своих рядах, нашлось очень сильное меньшинство для серьезной

борьбы. В «Независимой рабочей партии» дела обстоят хуже: там оппортунизм не в диковину. Там вопрос о том, должны ли социалисты и рабочие поддерживать вооружения, обсуждают совсем спокойно в «дискуссионных» статьях официального органа партии «The Labour Leader»* (№ 16 от 21 апреля 1911 г.).

Лондонский корреспондент «Vorwärts'a»** справедливо заметил, что лучшей критикой позиции с.-д. партии явилась статья в ультрашовинистической газете «Daily Mail»***, восхваляющая мудрость с.-д. вождей. «Отрадно видеть — так начинается статья английской шовинистической газеты — отрадно видеть, что, как ни нелепы некоторые идеи с.-д. партии в нашей стране, как ни невозможны некоторые ее идеалы, существует, по крайней мере, один, имеющий серьезное значение, вопрос, в котором эта партия руководится разумом и здравым человеческим смыслом».

Действительно отрадным явлением на съезде «Независимой рабочей партии» в Бирмингеме было то, что из рядов ее раздались твердые и решительные голоса протеста против той оппортунистической политики, политики зависимости от либералов, которую ведет эта партия вообще и глава партии, Рамсей Макдональд, в особенности. В ответ на упреки за то, что рабочие депутаты мало говорят в палате общин о социализме, Р. Макдональд отвечал с девственной оппортунистической наивностью, что «пропагандистские речи» в парламенте малоуместны. «Великая функция палаты общин состоит — заявил Макдональд — в том, чтобы превращать в законодательство тот социализм, который проповедуем мы в стране». Об отличии буржуазной социальной реформы от социализма оратор забыл! От буржуазного парламента он готов ждать социализма...

Леонард Холл (Hall) указал в своей речи, что «в 1892 году Независимая рабочая партия была создана с специальной целью дискредитировать политику «Избирательной лиги труда» («Labour Electoral League»), которая была просто крылом либерализма, чтобы бороться с этой политикой и уничтожить ее. Мы похоронили труп (уничтожив эту

* — «Рабочий Вождь». Ред.

** — «Вперед». Ред.

*** — «Ежедневная Почта». Ред.

Лигу), но дух, видимо, ожил в современной «Рабочей партии». Именно политику Лиги и проводил в своих речах, письмах, книгах лидер этой партии».

Другой член I. L. P.*, член парламента Джордж Ленсбери (Lansbury) выступил с резкой критикой политики парламентской «рабочей» группы за ее зависимость от либералов, за ее боязнь «повредить» либеральному правительству. «Я чувствовал себя не раз — говорил Ленсбери — настолько пристыженным поведением рабочих депутатов, что подумывал о сложении мандата. Либералы стараются занять все время палаты мелкими вопросами, и рабочие депутаты не умеют отвоевать себе самостоятельности». «Я не знаю такого случая, — говорил Ленсбери — когда бы и либералы и тори не выдвигали какого-нибудь «важного» вопроса, чтобы отодвинуть вопрос о нищете масс, о бедности. Я сижу в палате общин, и передо мной стоят образы рабочих, мужчин и женщин, которые изо дня в день трудились в трущобах Боу и Бромли (округа в Лондоне, в Истенде, кварталы нищеты), проводя меня в парламент. Они работали, выбирая меня, потому что они думали, что я не похож на либералов и на тори. Они послали меня, чтобы я поставил вопрос о бедности, бедности, бедности... Я призываю вас — обращаясь оратор к съезду — образовать крепкую партию в палате общин, партию, абсолютно чуждую всякой уступчивости к либералам и к тори. Мы должны не щадить либералов больше, чем консерваторов (тори), когда либералы поступают дурно. Рабочие, которые трудятся и бедствуют, ничего не ждут ни от либералов, ни от тори; их единственная надежда, их единственное спасение — их собственные организованные усилия... Надо, чтобы мы показали рабочим лондонских трущоб, что даже в парламенте мы верны тому, что мы говорим вне парламента, именно, что либералы и тори враги народа, что социализм его единственная надежда».

Речь Ленсбери прерывалась громом рукоплесканий съезда, который устроил оратору настоящую овацию, когда он кончил. В Германии такие речи обыденны. В Англии они — новинка. И когда начинают раздаваться такие речи, когда рабочие делегаты съезда «Независимой

* — Independent Labour Party — Независимой рабочей партии. Ред.

(очень часто, к сожалению, от социализма независимой, от либералов зависимой) рабочей партии» рукоплещут таким речам, тогда мы вправе заключить, что дух пролетарской борьбы и в Англии берет верх над дипломатией оппортунистов парламентариев вроде Макдональда. (Этот Макдональд, скажем в скобках, послал недавно итальянским реформистам, готовым вступить в буржуазное министерство, выражение своего полного сочувствия и своей нелюбви к «сухой теории».)

Речи Холла, Ленсбери и др. не изменили политики «Независимой рабочей партии». Во главе этой партии остался Макдональд, и политика ее будет попрежнему оппортунистическая. Буржуазные влияния на пролетариат сильны — особенно в демократических странах. Но эти речи не проходят бесследно, они подрывают влияние буржуазии и оппортунистов. Когда англичане заведут ежедневную газету (об этом думают вплотную обе партии), — такие и только такие речи найдут доступ к уму и сердцу рабочего класса. Либералы всех стран, и России в том числе, ликуют и смеются теперь при виде господства оппортунизма в английском рабочем движении. Но — «хорошо посмеется тот, кто посмеется последним».

«Звезда» № 18, 16 апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

РАЗГОВОР ЛЕГАЛИСТА С ПРОТИВНИКОМ ЛИКВИДАТОРСТВА ⁶⁵

Легалист. Мне кажется, что крайнее обострение в социал-демократической печати борьбы и споров с ликвидаторами чересчур распалило страсти и несколько затемнило суть расхождения.

Антиликвидатор. Не наоборот ли? Не вызвано ли обострение борьбы глубиной идейного расхождения? Или вы тоже перешли в лагерь «колеблющихся» — иначе «примиренцев» — пытающихся заполнить пропасть пустыми фразами и широковещательными банальностями?

Легалист. О, нет, «примирять» я вовсе не склонен. Напротив. Моя мысль состоит в том, что ликвидаторы недостаточно сознательны и потому недостаточно решительны. Они всё еще бредут ощупью, растут, если можно так выразиться, стихийно. Они всё еще боятся додумать свои мысли. Отсюда — их непоследовательность, сбивчивость, шаткость, которую противники принимают за лицемерие, за мошеннические приемы борьбы с нелегальной партией и т. п. Получается потасовка, и широкая публика, ради которой ведется спор, перестает понимать в чем дело. Если бы у ликвидаторов было поменьше искуснейших дипломатов и побольше веры в себя, то они быстрее бы доказали свою правоту и разбили бы вас наголову.

Антиликвидатор. Страшен сон, но... интересно бы послушать ваши доказательства.

Легалист. Ликвидаторы, по моему убеждению, правы. Они должны подхватить брошенную против них кличку легалистов. Мы подхватим ее и мы покажем, что именно легалисты дадут единственно верный, с точки зрения

марксизма, ответ на проклятые вопросы современного рабочего движения в России. Признаете вы или нет, что переживаемая нами эпоха представляет из себя некоторый своеобразный этап экономического и политического развития России?

Антиликвидатор. Признаю.

Легалист. Признаете только словесно, как и ваши пресловутые «декабрьские» (1908-го года) резолюции. Если вдуматься серьезно в такое признание, то оно означает, что открытое существование, скажем, социал-демократической фракции в III Думе не случайность, а неразрывная составная часть «текущего момента». Вся совокупность политических условий данного времени, вся совокупность условий рабочего движения такова, что возможна и необходима открытая *легальная* думская социал-демократическая фракция, возможна и необходима открытая *легальная* рабочая социал-демократическая партия.

Антиликвидатор. Не рискованный ли это скачок от думской социал-демократической фракции к рабочей социал-демократической партии?

Легалист. Нисколько не рискованный. Все дело только в том, что формы существования социал-демократии в III Думе даны нам *извне*, нам пришлось только *принять их*, войти, так сказать, в готовое помещение, а формы существования *легальной* рабочей партии надо самим найти. Тут нужна инициатива, борьба за новые формы. Те, кого вы презрительно зовете ликвидаторами, начали эту борьбу, вступили на новый путь — но, к сожалению, только одной ногой. К сожалению, они всё еще робеют, оглядываются назад, ограничиваются полумерами. В начале нового пути это неизбежно, пусть так, но за началом последует продолжение. И нерешительность первых шагов отпадет, и ошибки будут исправлены.

Антиликвидатор. Прекрасно. Не потрудитесь ли объяснить, каковы эти ошибки и в чем будет состоять исправление?

Легалист. С удовольствием объясню. Нельзя предсказать, какова именно будет завтрашняя *легальная* рабочая партия, но нельзя не видеть общего направления в развитии рабочего движения. Признавая это направление за данное, я смело могу нарисовать картину *легальной* партии, зная, что действительность не будет в точности

такова, но она будет *такого рода*. И чтобы рисовать вам эту картину, мне вовсе нет надобности пускаться в «сочинительство». Мне надо только присмотреться к урокам жизни, к опыту работы в новых, послереволюционных, условиях. Мне достаточно подытожить этот опыт, отбросить частности, взять основную нить. Существует легальное рабочее представительство в Думе. Существует легальная социал-демократическая фракция. Ее травят, за ней следят шпики, ей не разрешают собраний, у нее отнимают сведущих людей, ее распылят, может быть, завтра по тюрьмам и местам ссылки — легальная партия вовсе не исключает, как думают ваши близорукие сторонники, судебных и полицейских преследований. Но легальная фракция существует, несмотря на преследования. Существуют легальные рабочие союзы, клубы, легальные марксистские журналы и еженедельники, — их травят еще больше, закрывают, душат штрафами, их редакторы за месяц редакторства расплачиваются, может быть, полутора месяцами тюрьмы, союзы постоянно раопускаются, а все же они существуют. Вдумайтесь в этот факт. Одно дело отсутствие легальных рабочих союзов, легальной марксистской прессы, легальных социал-демократических депутатов. Так было до 1905 г. Другое дело — существование их, *несмотря* на непрерывные преследования, несмотря на постоянные закрытия. Так обстоит дело после 1907 г. В этом и состоит новизна положения. За это «новое» и надо уметь ухватиться, чтобы его расширить, укрепить, упрочить.

Антиликвидатор. Вы начали с обещания быть более смелым, более последовательным легалистом, чем те, которые выступали до сих пор, но пока вы всё еще только повторяете слова, давно уже сказанные всеми ликвидаторами.

Легалист. Я уже сказал, что картина последовательного, убежденного легализма вытекает сама собою из внимательного наблюдения за опытом жизни. На деле уже существуют все отдельные элементы легальной рабочей социал-демократической партии. Надо сказать громко и прямо то, что есть. Надо признать безбоязненно, что не сегодня — завтра эти разрозненные элементы соберутся вместе, должны собраться вместе, и такая партия возникнет. Ее нужно основать, и она будет основана. Ее

будут преследовать, но она будет существовать, — за годами отсутствия легальной рабочей партии наступят годы непрочного, перерываемого массой преследований, существования легальной рабочей партии, — а за ними придут годы чисто европейской легальной социал-демократической партии в России. Годы существования легальной социал-демократической партии уже наступили, она уже *реальнее*, чем ваше на девяносто девять сотых разрушенное подполье. Чтобы окончательно сплотить легалистов, чтобы сделать их деятельность более уверенной, систематичной, выдержанной, надо не бояться сказать, что есть, не бояться назвать эту реальность настоящим именем, не бояться выбросить лозунг, поднять знамя. Пусть его вырвут суды и полиция из наших рук, пусть его вырвут десятки раз, — его *нельзя* уничтожить, его нельзя вырвать надолго, ибо оно обобщает то, что есть, что растет, что не может не расти.

Антиликвидатор. К делу, к делу. А то я вам напомним поговорку: хорошо поет, где-то сядет. Вы обещали говорить прямо. Ну-те-ка прямой, поконкретней: что будет написано на вашем знамени?

Легалист. Я к этому как раз и вел. Мы учреждаем легальное общество содействия рабочему движению. Принципиальная база этого общества марксизм. Цель общества — преобразование общественных условий жизни на началах марксизма, уничтожение классов, уничтожение анархии в производстве и т. д. Ближайшая цель легальной партии, т. е. нашего общества, — полная демократизация государственного и общественного строя; содействие решению аграрного вопроса в демократическом направлении, на основах марксистских взглядов; самое широкое рабочее законодательство. Наконец, средства деятельности нового общества — все законные средства пропаганды, агитации и организации.

Антиликвидатор. Не предполагаете ли вы, что наше правительство разрешит регистрацию такого общества?

Легалист. Не беспокойтесь, я вовсе не так наивен, чтобы предполагать это. Конечно, наше общество не будет зарегистрировано, но нелегальным его нельзя будет признать, а в этом-то и состоит наша задача. В каждой губернии один рабочий за другим будет составлять устав подобного общества и вносить его на утверждение властей. Это будет

последовательная, непреклонная борьба за легальность. Учредителей и членов такого общества нельзя будет преследовать за «страшные» пункты программы нашей теперешней якобы партии, ибо РСДРП есть в данное время лишь якобы партия, и «страшные» пункты ее программы, вроде республики, диктатуры пролетариата — не говори уже о «страшных» пунктах многочисленных резолюций о вооруженном восстании и т. п. — никого не пугают, никакого значения не имеют, никакой роли не играют, если не считать той *«роли»*, которая посылает на каторгу людей, *на деле* ничего противозаконного не совершающих. Вот в этом-то и соль, в этом и состоит трагикомедия теперешнего партийного положения. Мертвое хватает живое. Устаревшие, отвергнутые на деле жизнью, вышедшие из употребления, сданные фактически в архив «пункты» разных резолюций и старой партийной программы служат службу только нашим врагам, помогают только душить нас, не принося решительно никакой, ну, абсолютно никакой пользы современному реальному движению, той *действительной* социал-демократической работе, которая теперь *ведется*, *ведется* и в III Думе, и в легальных журналах и газетах, и в легальных союзах, и на легальных съездах и т. д., и т. п. Вот почему для нас, легалистов, *суть* вопроса вовсе не в избавлении от наиболее опасных преследований и кар (как готовы будут заключить ваши, извините за выражение, натасканные на травлю ликвидаторов сторонники), а в *принципиальном* значении открытого рабочего движения, во-первых, и использования противоречий современного режима, во-вторых. Да, да, господин старовер, принципы марксизма состоят вовсе не в сумме заученных слов, не в обязательных раз навсегда «правовверных» формулах, а в содействии широкому рабочему движению, в содействии организации и самодеятельности масс. Пусть будут *«недоговорены»* те или другие слова — я прекрасно знаю, что вы и ваши сторонники специализируетесь на «договариваньи» недосказанного думской социал-демократической фракцией, легальным журналом и т. д. — пусть будут *«недоговоренные»* слова, но зато будет двинуто вперед дело. Более широкие слои рабочих будут втянуты в движение. Будет сделан решительный шаг к обобщению открытых выступлений. Всякий сознательный рабочий будет хватать угнетающий его

режим *как раз* за то противоречие, которое наиболее ему свойственно, наиболее для него в данное время характерно, за противоречие между формальным признанием законности и фактическим отказом в ней, между «допущением» думской социал-демократической фракции и попытками «не пущать» социал-демократической партии, между признанием рабочих союзов в официальных заявлениях и преследованием их в жизни. Ухватывать угнетающий пролетариат режим за противоречия этого режима — в этом и состоит *живая душа* марксизма, а не в закостенелых формулах. В этом и заключается одна из главных, скажу более: одна из основных причин успехов германской социал-демократии, что она умела всегда жертвовать *формулой* в интересах движения. Она сумела после 1871-го года создать партию, в программе которой стояло признание только «законных» средств политической деятельности. Она сумела развить самое сильное в мире социал-демократическое движение с такой социал-демократической программой, которая гораздо *«легальнее»*, чем наша, ибо в ней нет и никогда не было республики. А вы — вы готовы явить миру образец «образцово-радикальной» социал-демократической программы при образцово-радикальном *отсутствии* массовой социал-демократической организации, массового социал-демократического движения.

Антиликвидатор. До сих пор из вашего плана получается на деле только «массовое движение» входящих и исходящих бумаг в присутствиях по делам об обществах и союзах, если в каждой губернии каждый сознательный рабочий будет переписывать и вносить на утверждение ваш проект легального марксистского «общества». Так как вы сами говорите, что это общество не разрешат, то никакого открытого движения и даже никакого «открытого» общества нигде, кроме как в вашей легалистской фантазии, не открывается. Но прежде чем подробно отвечать вам, я бы хотел еще спросить, представляете ли вы себе это легальное марксистское «общество» существующим *вместо* старой, т. е. теперешней, партии, или *вместе* с ней?

Легалист. Вот-вот. Вы затронули очень интересный вопрос! Тут-то и лежит одна из печальных ошибок официальных вождей ликвидаторства. Они боятся сделать крупный шаг вперед по несомненно верному пути —

и в то же время делают ряд крайне рискованных, вовсе ненужных для дела, шагов в сторону и именно в сторону оппортунизма. А я бы сказал: можно быть легалистом, не будучи ликвидатором. Должно быть легалистом, не будучи оппортунистом. Необходимо признать легальные формы движения, необходимо признать их не наполовину, не на словах только, а всерьез и на деле, т. е. учредить немедленно легальную марксистскую рабочую партию, но отказываться от революции есть недопустимый оппортунизм, а такой отказ проглядывает у очень и очень многих, если не у большинства наших ликвидаторов. Отказ от гегемонии есть оппортунизм, который я решительно осуждаю. Нам не нужно ни от чего отказываться, ничего ликвидировать. Новая, легальная партия должна существовать вместе *со старой, наряду с ней*. Они будут взаимно пополнять друг друга.

Вы улыбаетесь? Но тут нет ничего смешного. Вы скажете: «двойная бухгалтерия». А я спрошу вас: разве совместное существование легальной и нелегальной печати не представляет из себя явления, вполне аналогичного моему плану, вернее: моему выводу изво всех уроков современного опыта? Если до 1905 года нельзя было писать эмигрантам в легальной печати, если тогда закрывали органы за помещение эмигрантских статей хотя бы под псевдонимом, то разве не характерно для нашей противоречивой эпохи, что всем известные эмигранты *под своим именем* пишут и в нелегальной и в легальной печати? С этой «двойной бухгалтерией» вы миритесь! От нее никакой «смуты» не получается. Только рутинная, ничего более как рутинная мешает вам понять, что эта «двойная бухгалтерия» предписывается всеми условиями нашей эпохи, что надо овладеть ее противоречиями, уметь встать на ту почву, — и на ту почву, — на которой разыгрываются крупнейшие события современности. «Сочетание нелегальной и легальной работы» вы все признаете на *словах*. Признайте же его на деле. Сказав А, не бойтесь сказать Б. Признав основной тезис в тактике и организации вообще, не бойтесь признать его в организации *партии*. Порвите же, наконец, решительно, серьезно, искренно с этим нелепым анархическим предрассудком против легальности.

Антиликвидатор. Вот в том-то и несчастье ваше, что вы играете в легальность, вы «легальничаете», тогда как

немцы опирались на легальность, действительно существующую. Пример с легальной и нелегальной печатью особенно ярко говорит против вас. Когда нелегальный эсдек идет в легальную печать писать там о том, о чем писать в легальной печати разрешается, он не играет в легальность, а действительно пользуется действительно существующей в тех или иных узких рамках легальностью. Ваша же легальная рабочая партия, или марксистское общество (как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, от которых *по сути дела* вы ровно ничем не отличаетесь) есть легалистская фантазия, не более того, ибо вы сами признаете, что никто их не разрешит, что *на деле* существовать легально эти якобы «легальные» общества не будут. Как у анархо-синдикалистов царит «революционная гимнастика», так у вас получается «гимнастика легалистская». Если у кадетов легально существует легально несуществующая партия, то причина лежит не в том, что кадеты овладели противоречивой формой, а в том, что *содержание* их работы ничего революционного в себе не заключает, никакой демократической организационной деятельности в массах не содержит. Содержание их работы есть либерально-монархическое, и самодержавие может разрешить, может терпеть такую политическую деятельность. Деятельность же марксистов среди рабочего класса самодержавие терпеть не может, и пытаться помочь делу переряживанием наивно. А ваше «легальное общество», как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, есть именно общество *псевдонимное*, есть игра в ряженных, ибо на деле вы рассчитываете на социал-демократов. Неясные, расплывчатые формулировки, которые вы выбираете для определения цели, платформы, тактики вашего «общества», есть прикрытие словесное, защита бумажная, есть та же легалистская гимнастика. Выступать в Думе, создавать *легальные* профессиональные союзы, действовать на легальных съездах наша партия должна, отрицание этого есть анархизм или интеллигентский нигилизм, и в признании *такого* рода деятельности заключается учет новых условий новой эпохи. Но *легальности* для политической деятельности быть еще не может (кроме, как для интеллигентских оппортунистов), ибо не завоеваны условия для такой легальности, а «вползать» в нее мечта тщетная. У немцев к 1871-му году вполне создалась такая легаль-

ность, вполне завершилось буржуазное преобразование страны, вполне исчезли условия для непосредственно-революционного движения: в этих *объективных* условиях, а не в искусстве германских эсдеков, лежит причина того, почему *могла* создаться *действительно* легальная, а не играющая в легальность, не занимающаяся «легалитской гимнастикой», социал-демократическая партия.

Списать у такой легальной партии те или иные легальные пункты программы, резолюции и т. п., и перенести такую «легальность» в Россию — наивная мечта, пустая забава, ибо вы не можете *перенести* в Россию германского завершения буржуазной революции, германской истории исчерпавшего себя демократизма, германской «революции сверху» 60-х годов, германской *фактической* легальности. Есть также монархические страны, в которых легально существуют республиканские партии, и какова будет на деле русская легальность, когда завершатся буржуазные революции в России, когда сложится у нас столь же буржуазный уклад, как в Европе, это мы увидим после грядущих битв, это определится результатами этих битв. А современная задача социал-демократии — уметь готовиться и готовить массы к революции в особых условиях эпохи трестейюньского режима.

Легальная партия рабочего класса, открытая рабочая партия в этих условиях — пустая фраза, в подкладке которой лежит *легализация*... группы оппортунистов-легалитов. *Такая* легализация «народных социалистов» есть факт. *Такая* легализация группы наших легальных, ликвидаторских журналистов есть факт. Не случайно, а необходимо, не по «ошибке» тех или иных ликвидаторов, а по социальному составу всех интеллигентски-ликвидаторских групп, к ним тяготеют и должны тяготеть оппортунистические элементы, питающие идеи об отречении от революции, об отказе от гегемонии. Отделить легалиста от этих людей можно в *благопожелании*, — на деле они не отделимы. Объективные условия переживаемой эпохи таковы, что легализация «энесов», легализация группы ликвидаторских литераторов возможны и неизбежны, а легализация рабочей партии — одни слова.

Нелегальная партия рабочего класса существует, и даже крайнее, самое крайнее ослабление ее и распад большинства ее организаций в наши дни не подрывает ее

существования. Кружки и группы снова и снова возрождают революционное подполье. Вопрос сводится к тому, какая организованная сила, какая идейная традиция, какая партия способна влиять и будет влиять на открытые выступления рабочих депутатов в Думе, рабочих профессиональных союзов, рабочих клубов, рабочих делегатов разных легальных съездов: революционная — пролетарская партия, РСДРП или оппортунистическая группа ликвидаторских литераторов. Вот *реальное* содержание «борьбы с ликвидаторством», вот объективная подпочва, создающая в этом конфликте пропасть между тем и другим противником. И никакие добрые желания, никакие словесные различия между легализмом и ликвидаторством не заполнят этой пропасти.

«Дискуссионный Листок» № 3,
29 апреля (12 мая) 1911 г.
Подпись: Б. В. Куприянов

Печатается по тексту
«Дискуссионного Листка»

«СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД»

Всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметаю прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего. Возьмите, напр., такой наиболее обычный и наименее сложный кризис в области экономических явлений, каким является всякая стачка. Ничто так не обнаруживает действительных отношений между классами, действительную природу современного общества, подчинение силе *голода* громаднейшей массы населения, апелляцию имущего меньшинства к организованному насилию для поддержания своего господства. Возьмите торговые и промышленные кризисы: ничто не опровергает так наглядно всевозможные речи апологетов и апостолов «гармонии интересов», ничто не обнаруживает так рельефно весь механизм современного, капиталистического, уклада, всю «анархию производства», всю раздробленность производителей, всю войну каждого против всех и всех против каждого. Возьмите, наконец, такой кризис, как война: все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечем». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее. Сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого — вскрывается с полной ясностью.

Значение нашего пресловутого «парламентского» кризиса состоит тоже в том, что он вскрыл *глубокие* противоречия всего общественного и политического уклада России. К сожалению, большинство участников и действующих лиц кризиса — частью сознательно, частью по недомыслию,

или подчиняясь рутине и традиции — не только не ставят своей целью *объяснить* кризис, указать его настоящие причины и значение, а, напротив, изо всех сил затемняют его фразой, фразой и фразой. «Большой день» в III Думе, день прений со Столыпиным, 27 апреля, был большим днем «парламентского» празднословия. Но, как ни неумеренны были потоки фраз самого Столыпина, его друзей и его противников, а все же *затопить* сути дела им не удалось. И чем больше органы ежедневной нашей печати отвлекают внимание читателя повторением либеральных фраз, деталями и юридическими формальностями, тем уместнее будет бросить еще раз общий взгляд на раскрывшуюся 27 апреля картину кризиса.

Основной мотив речи Столыпина — защита «прав короны» от всякого «умаления». «Значение 87 статьи — говорил Столыпин — определяет права короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента». Столыпин восстает против «опорочения права верховной власти применять ст. 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат». «Это право неопровержимо», — заявил Столыпин, — «оно зиждется, основано на жизненных условиях». «Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право монарха применять чрезвычайные указы на нет».

Все это очень ясно и все это не фраза. Вопрос ставится цинично — «реалистически». Корона и попытки умаления... Если возникает спор, кому в последнем счете истолковывать смысл права, то решает этот спор сила. Все это очень ясно и все это не фраза.

Напротив, чистейшей фразой и жонглерством, юридическими фикциями были «пылкие, горячие, страстные, убежденные» упреки Маклакова: «к великому сожалению и к великому стыду» (отчет «Речи» 28 апр., стр. 4) я услышал-де несколько ссылок на корону. Маклаков от имени всего так называемого «конституционного центра» (т. е. от имени кадетов и октябристов) защищает обычную фикцию конституционной монархии. Но кадетская или кадетско-октябристская «защита» сводится к пустой фразе. При чем тут сожаление и стыд, когда вопрос идет о силе? Желаящая иметь конституцию буржуазия сожалеет о том, что корона не дает конституции, и «стыдится» этого.

Корона «стыдится» того, чтобы ей могли навязать конституцию, рассматривая ее, как «умаление», «сожален» о всех и всяческих, о каких бы то ни было, толкованиях какого бы то ни было закона, направленного к «умалению».

Две стороны. Два толкования права. Сожаления и стыд с обеих сторон. Разница лишь та, что одна сторона *только* «сожалеет и стыдится»; другая же сторона *не говорит* ни о сожалении, ни о стыде, а говорит о том, что умаление «непримлемо».

Не ясно ли, что на самом деле «стыдиться» такого положения вещей, стыдиться своего бессилия надо именно господам Маклаковым, надо именно всей нашей кадетской и октябристской буржуазии? Уполномоченный Совета объединенного дворянства цинично говорит о цинично созданном им кризисе, бросает вызов, кидает меч на весы. А либеральная буржуазия, точно купчишка, запуганный городничим, трусливо пятается и, пятаясь, бормочет: я сожалею, мне стыдно... что вы меня так третируете!

«Я скажу, — распинается Маклаков, — что я конституционалист больше председателя Совета министров» (воображаю, как смеялся про себя и у себя дома Столыпин по поводу этих слов: не в том дело, чтобы провозглашать себя конституционалистом, любезный, а в том, у кого сила определить, есть ли конституция и какова эта конституция!), «но монархист не меньше его». (Столыпин улыбается еще более удовлетворенно: то-то, сначала погрозил, а потом прощения просит! Ну, и вояка же этот Маклаков.) «Я считаю безумием создавать монархию там, где нет для нее корней, но точно так же безумием отрицать ее там, где ее исторические корни крепки»...

Сначала погрозив, потом попросив прощения, теперь начинает приводить аргумент *в пользу* Столыпина. О, великолепный парламентарий либерализма! О, несравненный вождь «конституционного» (*lucis a non lucendo**: «конституционного» по случаю отсутствия конституции) центра, кадетско-октябристского центра!

«Председатель Совета министров — гремит наш трибун «народной свободы» (читай: нашего исторического народного рабства) — еще может остаться у власти, его

* — непереводаемое проническое выражение, буквально означающее: «слово роца происходит от слова не светить» (на латинском языке слово «роца» соввучно слову «свет»). *Ред.*

удержит у ней и боязнь той революции, которую его же агенты творят (голоса справа: «стыдно»; шум)... удержит и опасность создавать прецедент»!!

Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифорыча, а Иван Никифорыч стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иваныч Ивану Никифорычу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь, — говорит Иван Никифорыч Ивану Иванычу.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше «пристыдил» другого?

Представитель «конституционного центра» Львов 1-й говорит после Гегечкори, который вполне правильно разъяснял, что либеральная пресса *неверно* представляет кризис в качестве «конституционного», что кадеты «устаами своих ораторов поддерживали преступную иллюзию о конституционном центре», что для конституции недостает еще кое-какого движения (неловко было лишь у Гегечкори в конце речи упоминание об «анархии»: не то слово надо бы здесь сказать).

По речи Львова 1-го можно было одно время подумать, что даже некоторые помещики кое-что поняли из разъяснений Гегечкори. «То, что произошло, — говорит Львов 1-й, — действительно показывает, что у нас конституции нет, парламентаризма нет, но у нас и основных законов нет и вообще никакого организованного строя нет» (вот тебе раз! а существование помещиков разве не означает организованного помещичьего строя? язык ваш — враг ваш, господа из «конституционного центра»), «а есть лишь произвол» (это как раз и есть один из основных и существеннейших признаков организованного помещичьего строя) «и демагогия».

Под демагогией «прогрессивный» помещик Николай Николаевич Львов 1-й разумеет нечто самое такое неприятное. Слушайте дальше:

«И этой демагогией пользуются люди, стоящие у власти, для того, чтобы увеличить свое собственное влияние и свою власть. Этой демагогией будут пользоваться другие, которые хотят эту власть захватить»... (брр... какое возмутительное, какое безнравственное стремление! вот уже русские либеральные буржуа, как небо от земли, да-

леки от такого стремления. Это только на гнилом Западе безнравственная буржуазия стремится к захвату власти и породила даже превратные учения, будто только буржуазная власть обеспечивает буржуазную конституцию. Мы, русские либералы, просвещены моральной, идеалистической проповедью Струве, Бердяева и К^о, мы думаем поэтому, что власть должна остаться у Толмачевых, а наказания об истинно конституционном употреблении этой власти должны писаться Маклаковыми)... «для которых демагогия гораздо более близкий инструмент. Бойтесь этой демагогии, ибо ей будет все принесено в жертву: и ваше достоинство, и ваше достояние, и ваша честь, и гражданственность России».

Хорошо говорит «прогрессист» Николай Николаевич Львов 1-й. Насчет «достояния» он даже довольно ясно говорит: напр., если вчера у помещика было 10 000 десятин, а сегодня осталось 50 дес., то это означает, что 9 950 десятин «принесены в жертву» «демагогии». Это понятно. Это не фразы. Но вот насчет «достоинства» и «чести» дело не так ясно; хочет ли наш прогрессист сказать, что помещик может быть «достойным» и «честным» человеком лишь при обладании 10 000 десятин земли и что он обязательно станет недостойным и бесчестным, если потеряет из них 9 950 дес.? Или Львов 1-й хочет сказать, что достоинство и честь будут принесены в жертву демагогии, если не будет справедливой оценки, — ну, примерно, рублей, эдак, в 500 за десятину?

Насчет «гражданственности России» «прогрессист» Львов 1-й совсем не свел концов с концами. Если он сказал правду, что у нас нет ни конституции, ни парламентаризма, ни основных законов, — то, значит, у нас нет и гражданственности, а то, чего нет, нельзя и принести в жертву. Если Львов 1-й сказал правду, то, значит, наша гражданственность принесена в жертву нашему «организованному (помещичьему) строю». Не обмолвился ли наш «прогрессист»? не хотел ли он сказать, что наш организованный помещичий строй будет принесен в жертву гражданственности России? не хотел ли он именно такой, гипотетический, оборот событий назвать демагогией? не хотел ли он сказать, когда он говорил: «бойтесь этой демагогии», что большинство третьей Думы должно бояться этого гипотетического оборота событий?

Повесть о том, как Иван Иванович обвинял в демагогии Ивана Никифори́ча, а Иван Никифори́ч Ивана Ивановича. Вы демагог, сказал Иван Иванович Ивану Никифори́чу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван Никифори́ч Ивану Ивановичу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достоинства.

Кто кого избличил в конце концов в демагогии, — неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза.

*«Звезда» № 21, 7 мая 1911 г.
Подпись: В. И л ь и н*

*Печатается по тексту
газеты «Звезда»*

**МАТЕРИАЛЫ К СОВЕЩАНИЮ
ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП⁶⁶**

29 МАЯ — 4 ИЮНЯ (10—17 ИЮНЯ) 1911 г.

1

ПИСЬМО СОВЕЩАНИЮ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП
ЗА ГРАНИЦЕЙ ⁶⁷

Бумажка Игорева от 1. VI. 1911 показывает еще и еще раз ту возмутительную *игру* с созывом ЦК, — ту политику затягивания и срывания его, которую давно уже, в течение ряда месяцев, разоблачает ЦО нашей партии.

Совершенно лживо утверждение Игорева, будто Юдин и Костров⁶⁸ составляют сейчас временное бюро или хотя бы часть его. В то время, как Макар и Линдов⁶⁹ (после Иннокентия) в течение *долгих месяцев составляли* организацию бюро, *подбирали* агентов, *устраивали* ряд объездов по делам центральной организации, организовывали совещания с агентами и кандидатами на кооптацию (Макар с Кацапом⁷⁰ и др., с Милютинным и др.), сносились с общепартийным центром думской с.-д. работы, с столичными с.-д. кружками при выборах (Москва) и т. д. и т. д.

Никакой подобной работы ни Юдин ни Костров не делали. Ни один из них *ровно ничего*, абсолютно ничего в такого рода деятельности не дали.

О «кооптации» Юдина и Кострова в бюро *ни одно* официальное учреждение партии за границей (ни ЦО ни ЗБЦК) *ни единого* формального сообщения не получало.

После провала Макара и Линдова, в течение *свыше 2-х месяцев* ни единой бумажки, ни единого письма, ни звука о Юдине и Кострове, об их работе в бюро никто не слышал. Не только никто не признавал Юдина и Кострова за бюро (как признали *все* и без споров Макара и Линдова), но даже и не просили Юдин и Костров ни о копейке денег, даже не сообщали в ЗБЦК (как сообщали Макар и Линдов) о составлении ими бюро.

Мы утверждаем, что при таком положении дела ссылка Игорева на то, что Костров и Юдин составляют «бюро», есть *издевка* над партией, *введение в обман* партии. И мы разоблачим этот обман.

Далее. Всякие попытки теперь, после опыта Инока, Макара и др., после разоблачений Ольгина⁷¹ и т. д. восстанавливать ЦК в России из старых лондонских цекистов мы считаем *прямой работой на Столыпина*. Мы предостерегаем партию от тех, кто ловит несведущих людей на удочку, посылая цекистов в условия *невозможные*, на задачу *неосуществимую*, прямо *в пасть полиции*.

Наконец, что касается *незаявленного* Игоревым в ЗБЦК, но сообщаемого им в бумаге от 1. VI. 1911 «плана» созвать пленум *через месяц*, то мы обращаем внимание партии на новую *интригу* ликвидаторов в деле созыва ЦК.

Через месяц не созыв ЦК, а только «своз» фиктивных цекистов возможен — вот в чем суть этой интриги голосовцев!

Беки потеряли на *центральной работе* после пленума *четыре* члена ЦК (Мешковский + Иннокентий + Макар + Линдов). Меки — *ни одного*, ибо ни один не работал!!

И вот теперь голосовцы смеют предлагать *месячный* срок, рассчитывая свезти господ вроде «Петра»⁷², *ни одного раза* за целые полтора года (после пленума) не сделавшего абсолютно ничего для работы, *ни разу* даже не являвшегося в бюро. Голосовцы знают, что за *месячный* срок «созыв» беков, находящихся в ссылке по суду или административной, *не возможен!!*

Они посылали ЦК в Россию, «*чтобы он там провалился!*»

Они дождались провала *всех* беков.

Они сохранили всех не работавших и *фиктивных* меков.

Они хотят назначить *месячный* срок, чтобы фиктивные цекисты вроде Петра могли быть *подвезены*, и чтобы работавшие беки *не могли* быть даже оповещены!

Напрасно думают, что эта *игра* ликвидаторов с созывом пленума останется неразоблаченной перед партией!

2

КОНСПЕКТ (ПЛАН) ДОКЛАДА ТРЕХ ЦЕКИСТОВ БЕКОВ
ЧАСТНОМУ СОВЕЩАНИЮ ДЕВЯТИ ЧЛЕНОВ ЦК

1. История попыток восстановления ЦК в России.

Два периода:

(а) I. 1910—VIII (или IX). 1910.

Два члена ЦК беки арестованы при попытках созвать ЦК. *Много раз* назначались ими собрания ЦК. *Ни разу* ни Михаил + Юрий + Роман, *ни один* мек вообще не явились.

(б) Конец 1910 — весна 1911 года.

Новое бюро создано 2-мя членами ЦК беками. *Никакого участия в их работе* (сношения с агентами, с думской фракцией, с московскими социал-демократами при выборах и т. п.) *ни один* мек не принял.

Чтобы «голоснуть», *один* мек (Костров) один или 2 раза явился в бюро!

Оба бека арестованы.

Итог: *все* беки, члены ЦК, взяты за центральную работу и *на этой* работе.

Из меков часть (Михаил + Юрий + Роман) отказались от *всякого* участия, один (Петр) не принял за 1½ года *ни* малейшего участия, один (Костров) за 1½ года дважды явился (в 1911 году!) в бюро, не приняв никакого участия в центральной работе. После провала беков, за 2½ месяца этот мек *ни одного* шагу не сделал, *ни одного* письма даже не написал о том, что он восстанавливает ЦК.

Поэтому заявление Игорева, что этот мек + бундовец составляют теперь *бюро* (формально даже не заявленное в ЗБЦК и *никогда* не признанное!), мы считаем прямо издевкой.

2. Возможно ли теперь восстановление заграничного пленума?

Юридически: налицо 9 человек из 15. Формально они могут (а) провозгласить себя пленумом. Будучи бесспорным формально, такой шаг, *вероятно*, возможен лишь перевесом одного голоса т. е. решением 5, из этих 9, против 4. На деле значение такого формально безупречного шага ничтожно: не подлежит сомнению, что *роли ЦК* выполнить *невозможно* при таких условиях.

(б). Формально возможно также, что эти наличные 9 членов ЦК станут свозить из России имеющих права кандидатов. Что это будет означать на деле? Меки могут «свезти» либо своих ликвидаторов (Михаила + Юрия + Романа и т. п.), которых за членов ЦК после известного выступления Михаила + Юрия + Романа ни один из честных партийцев не признает; — либо двух цекистов, бывших на пленуме в I. 1910 и с тех пор, за 1¹/₂ года, *никакой центральной работы* не делавших. Срок, в течение которого можно их свезти, неопределенен.

Беки могут свезти еще двух своих кандидатов в дополнение к 3-м наличным бекам. Чтобы свезти этих кандидатов, нужны месяцы и месяцы работы для сношения с ссыльными, организации побегов, устройства средств жизни для семей и т. д. и т. п. Сколько месяцев понадобится для этой «работы», сказать невозможно.

Реальное значение для партии этой неопределенно долгой работы своза «формальных» кандидатов, неспособных теперь на деле вести в России центральной работы, будет не только нолею. Оно будет хуже нолея, ибо *заслонит* от местных партийных групп печальную, требующую энергичной инициативы, действительность *игрой* в распределение мест наверху.

После 1¹/₂ лет безуспешного восстановления ЦК угрожать партии еще и еще «завтраками»: завтра будет «у вас» ЦК — это значило бы издеваться над партией. Мы в таком издевательствах участвовать не намерены.

3. Нечего и говорить, что попытки собрать теперь кандидатов в России, чтобы восстановить там ЦК, могут исходить лишь от сторонников Столыпина. Полиция знает *всех* кандидатов и караулит их, как доказали провалы Иннокентия и Макара дважды и трижды. Это — во-первых и в главных. А во-вторых, настоящая цель такого созыва — кооптация россиян неосуществима теперь, ибо нет налицо кандидатов (взяты вместе с Макаром послед-

ний раз) и невозможно требуемое уставом единогласие при кооптации меков, ибо ни один большевик (об этом заявил уже Инок Сверчкову) ни одного ликвидатора (*голосовца тоже*) не пустит.

4. *Реальное* положение партии сейчас таково, что на местах почти везде имеются совершенно неформальные, крайне маленькие и мелкие, нерегулярно собирающиеся, партийные рабочие группки и ячейки. Везде они воюют с ликвидаторами-легалистами в союзах, клубах и т. д. Между собой они не связаны. Литературу видят крайне редко. Среди рабочих пользуются престижем. Сплачиваются в этих группках *беки* + *плетановцы* и отчасти те из «впередовцев», которые читали «впередовскую» литературу или слышали впередовских ораторов, но не втянулись еще в созданную за границей обособленную фракцию впередовцев.

Некоторое, хотя небольшое, влияние среди части питерских рабочих эта антипартийная фракция несомненно имеет. Доказано вполне, что никакому ЦК она не подчиняется и по мере сил работе с.-д. мешает (до сих пор она не призвала прямо к выборам в IV Думу и продолжает заигрывать с отзовистами).

Несравненно более серьезную антипартийную и антисоциал-демократическую силу представляет фракция *независимых легалистов* («Наша Заря» + «Дело Жизни» + «Голос С.-Д.»). Доказано вполне, что никакому ЦК они не подчиняются, издеваясь публично над его решениями. Проводить резолюции пленума («не принижать» значения нелегальной партии и т. д.) они *не могут*, ибо не хотят. Они не могут не вести *обратной* линии.

Ни один добросовестный с.-д. не может усомниться в том, что «независимые легалисты» ведут подготовку выборов в IV Думу и проведут эти выборы *помимо и против* партии.

Задача партийцев ясна: не допускать дольше ни малейшей оттяжки, не откладывать *прямого* выступления против независимых легалистов ни на день, открыто и решительно призвать партийные рабочие кружки в России к тому, чтобы начать готовиться к выборам и *на выборах* предупреждать рабочих против «независимых легалистов», бороться с ними, проводить *только* сознавших опасность этого течения, *только* вполне партийных рабочих.

Такова задача дня нашей партии. Всякое уклонение от этой постановки реально поставленного жизнью (и независимыми легалистами) вопроса, всякие увертки, оттяжки, попытки повторить игру с «обещаниями» и «уверениями» легалистов грозят партии величайшей опасностью.

5. Практический вывод наш: собранию 9-ти следует предложить непременно и немедленно обратиться к партии с воззванием, излагающим правдиво и полно неуспех созыва ЦК в России, зовущим местные кружки к инициативе и созданию областных, а затем центральной *Организационной комиссии* и к решительной, прямой, непреклонной борьбе с «независимыми легалистами».

Подкреплять этот призыв формальным вотумом пленума ЦК следует лишь в том случае, если не пять членов ЦК из девяти, а громадное большинство из девятки согласится признать себя пленумом и встать на путь решительной борьбы с группой (фракцией) независимых легалистов. Само собою понятно, что такая борьба несовместима с участием этих легалистов в центральных учреждениях, которые они срывали, тормозили, обессиливали и «держали в болезненном состоянии» полтора года.

*Написано между 19 и 28 мая
(1 и 10 июня) 1911 г.*

3

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КОНСТИТУИРОВАНИИ⁷³

Собрание, констатируя, что все члены ЦК, живущие за границей, приглашены на данное собрание и явились все, кроме одного, рассматривает себя как совещание цекистов, находящихся за границей, и ставит в свой порядок дня вопрос о воссоздании ЦК в связи с общим положением партии.

*Написано 28 мая (10 июня)
1911 г.*

К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ

«ВМЕСТЕ ДЕЛАЛИ»

В «историческом» заседании Думы 27 апреля г. Тесленко возражал г. Столыпину, между прочим, следующим образом:

«Председатель Совета министров говорил Государственной думе, — да, гг., я приду к вам на помощь в самом непродолжительном времени. Вот вы, наверное, устроите так со старообрядческим законом, что перед перерывом придется его отклонить, и тогда во время перерыва он будет проведен. Мне даже почудился в этом какой-то этакий фамильярный тон, какой-то такой тон, как будто бы здесь нам говорят: да мы с вами вместе это делали. И, гг., простите, если я невольно вспомнил ту сцену из «Ревизора», где городничий говорит: «А! вы на меня жаловаться?! А вспомните, как мы вместе с вами делали то-то и то-то». И, гг., я полагаю, что, может быть, те, кто раньше рассчитывал на эту помощь, кто, может быть, вперед на нее рассчитывает, я думаю, они должны были почувствовать себя неловко и, может быть, они подумали, и хорошо, если они подумали: избави нас бог от таких друзей, а с врагами мы справимся».

Г. Тесленко, как отмечал стенографический отчет, снискал себе за эти тирады «рукоплескания слева» — очевидно, из рядов фракции народной свободы. Кадеты усмотрели тут удачную иронию над октябристами. Но в этом случае, как и во многих других, они хлопали, не вдумавшись в глубокий смысл слов, вырвавшихся у их оратора. Они хлопали, думая, что эти слова колют только октябристов, компрометируют только этого их особенно ненавистного конкурента. Они не поняли, что удачное словечко г-на Тесленко, если серьезно разобрать его значение, есть правда, которая колет глаза и октябристам и кадетам. На этой правде стоит остановиться, потому что она касается одного из самых важных вопросов полити-

ческой истории России за последние пять-шесть лет — и каких лет.

«Мы с вами вместе это делали» — хорошо сказано, г. Тесленко. Но, может быть, вернее будет выражаться: хорошо *повторено* то, что много раз говорилось на «левых» «митингах», к которым обыкновенно так пренебрежительно относятся господа кадеты. «Мы с вами вместе это делали» — эти слова относятся вовсе не к одним только законопроектам третьей Думы, вовсе не к одной только пресловутой «вермишели». Они относятся ко *всему тому*, что «делали» с конца 1905 года «вместе» и гг. Столыпины и вся русская либеральная или либеральничавшая буржуазия. «Фамильярный тон» у г. Столыпина не только «почудился» кадетскому оратору: этот тон действительно свойственен всем речам Столыпина, всей политике Столыпиных по отношению к буржуазии (дающей, между прочим, в лице октябристских и кадетских депутатов, большинство депутатов третьей Думы).

Фамильярный тон — переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие — вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т. е. от Столыпиных), «а с врагами» (т. е., должно быть, и с правой реакцией и с левой... как бы это помягче сказать?.. «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесспорно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений — оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с *делами* тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцевать». Латинская пословица говорит: *littera scripta*

manent — написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадет в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное значение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения г-на Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что *слова* представителя партии к.-д. расходятся с *делами* этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

Припомните события в августе 1905 года. Что делал в это время предшественник г. Столыпина? Налаживал булыгинскую Думу и выборы в нее. Что делал г. Тесленко и его единомышленники? Налаживали, в пределах своих сил и соответственно своей «специальности» общественной работы, те же выборы. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Булыгин (и г. Столыпин) г-ну Тесленко. И г. Тесленко «делал вместе» именно потому, что побаивался остаться без тех из своих «друзей», о которых он теперь так величественно, так рыцарски-храбро говорит: «избави нас бог от таких друзей»...

Припомните события четверть года спустя после издания закона о булыгинской Думе. Что делал тогда предшественник г. Столыпина? Он сопротивлялся, например, почтово-телеграфному движению и многочисленным разветвлениям аналогичных движений. Г. Тесленко или, по крайней мере, его партия в лице г. Струве, Караулова и других, сопротивлялась тому же самому движению по своему. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Витте (и г. Столыпин) гг. Тесленко. То же самое было 1-го мая 1906 года по отношению к рабочему празднику, немного позже по отношению к «местным вемельным

комитетах», в 1907 году систематически и неуклонно по отношению к рабочим и крестьянским депутатам второй Думы и т. д. и т. п.

Известный кадетский писатель г. Изгоев в «Вехах» подвел правильный итог этой многолетней политике своей партии, написав: «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четыре-х десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России».

«Смелое сознание» г-на Изгоева смело потому, что, отбросив все аппарасы и всякую дипломатию, автор обмолвился тут *правдой*. Кадеты действительно руководились «в наших Государственных думах» тем помещичьим, буржуазным, либерально-монархическим «знанием», которым нельзя было удовлетворить «огромное большинство депутатов», особенно слева. И уж, конечно, разумеется само собой, что Столыпин боролся с этими последними депутатами, опираясь именно на «знания» (на интересы и точку зрения, вернее сказать) «трех-четыре-х десятков кадетов и октябристов». «Мы с вами вместе это делали», боролись с неумелостью, неопытностью, невежественностью крестьян и рабочих, — вправе сказать г. Столыпин всей кадетской партии.

Главный итог думской сессии за текущий год состоит в том, что чрезмерная «фамильярность» Столыпина с большинством III Думы — и притом именно с буржуазным, октябристско-кадетским большинством ее — показала невтерпех даже этому долготерпеливому большинству. Старая власть фамильярно третирует буржуазию, которая чувствует очень хорошо свое значение в новых, в современных экономических условиях и вздыхает по самостоятельности, даже по власти. Эпизод с 87 статьей обнаружил эту фамильярность так резко и задел при этом кое-кого из сильных мира сего так невежливо, что самые долготерпеливые люди начали ворчать. Но дальше воркотни они не в силах идти. Они связаны по рукам и по ногам, и потому не могут идти дальше. Они связаны тем, что в течение всех последних лет, в самые важные моменты русской истории они боязливо отворачивались от широкого народного движения, враждебно сторонились от

демократии — от настоящей, живой, действовавшей, массовой демократии — нападали на нее с тылу, как напал на нее Столыпин. И, связанные этим, октябристы и кадеты терпят теперь казнь по заслугам; по сути дела им *ничего* возразить, когда фамильярно третирующий их Столыпин говорит им: если я враг демократии, то и вы, любезные, испугались ее, «мы с вами вместе это делали».

«Звезда» № 24, 23 мая 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

О СТАРЫХ, НО ВЕЧНО НОВЫХ ИСТИНАХ

Происшествия, вызвавшие отсутствие рабочих делегатов на 2-ом съезде фабричных врачей в Москве, известны читателям из газет⁷⁴. Мы не можем здесь останавливаться на подробном изложении этих происшествий и освещении их значения. Отметим лишь поучительные рассуждения «Речи» от 14-го апреля, т. е. в день открытия съезда — в передовой статье, писанной накануне этих происшествий.

«К сожалению, — писал орган партии к. д., — этому участию (участию представителей рабочих) ставятся внешние препятствия. Хорошо известно, какая судьба постигает некоторых слишком пламенных ораторов. В результате представителям рабочих хочется говорить о трудности для них сосредоточиться на специальных вопросах, о невозможности организовать правильное представительство на съезде, о препятствиях, чинимых их организациям, и о многом таком, что опять-таки далеко от программы съезда и обсуждение чего отвлекает от намеченных вопросов, а иногда и ведет к нежелательным последствиям. Сгущенной атмосферой объясняется и та нетерпимость, которую представители рабочих проявляли к «буржуазным» ораторам, ко всем мероприятиям правительства и к возможности сотрудничества с представителями других общественных групп».

Вся эта тирада — характерный образец бессильных воздыханий, бессилие которых объясняется не случайным составом или какими-либо особенностями данной либеральной партии, данного вопроса и т. п., а гораздо более глубокими причинами: объективными условиями, в которые поставлена либеральная буржуазия вообще в России

XX века. Либеральная буржуазия вздыхает по таким «порядкам», когда бы она могла иметь перед собой рабочих, несклонных «ораторствовать слишком пламенно», достаточно «терпимых» к буржуазии, к идее *сотрудничества с буржуазией*, «ко всем мероприятиям правительства». Она вздыхает по таким порядкам, когда бы эти скромные «сотрудничающие» с нею рабочие могли «сосредоточиться на специальных вопросах» социальной политики, скромно соглашаясь штопать тришкин кафтан буржуазного пощения о «меньшом брате». Одним словом, русские либералы вздыхают по таким, приблизительно, порядкам, которые мы видим теперь в Англии или Франции *в отличие от Пруссии*. В Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом. В Англии и во Франции буржуазия особенно часто, свободно и широко пользуется методом привлечения на свою сторону выходцев из пролетариата или изменников его делу (Джон Бернс, Бриан) в качестве «сотрудников», спокойно «сосредоточивающихся на специальных вопросах» и обучающих рабочий класс «терпимости» к господству капитала.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английские и французские порядки гораздо демократичнее прусских, гораздо благоприятнее для борьбы рабочего класса, гораздо выше стоят по степени отмирания учреждений средневековой старины, заслоняющих от него его главного и настоящего противника. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в интересах русских рабочих поддержка всех стремлений к пересозданию нашей родины по типу более англо-французскому, чем прусскому. Но этим бесспорным выводом нельзя ограничиваться, как это слишком часто делают. Спорный вопрос или спорные (с демократами разного толка) вопросы здесь только и начинаются.

Поддержка стремлений нужна, но, чтобы поддерживать слабого и качающегося, надо опираться на что-либо более твердое, надо рассеивать иллюзии, мешающие видеть слабость, мешающие понять причины слабости. Тот, кто укрепляет такие иллюзии, кто присоединяется к бессильным воздыханиям бессильных, непоследовательных, шатких сторонников демократии, тот не поддерживает

стремлений к буржуазному демократизму, а обессиливает эти стремления. Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшого брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшого брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным *воздыханиям*, к колебаниям и нерешительности. И из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий.

Немецкая буржуазия тоже вздыхала, подобно русской, по поводу того, что у «меньшого брата» ораторы «слишком пламенные», — и в истории человечества она явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться «меньшого брата», — заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих.

Старше все это истины. Но они вечно новы и остаются новыми, когда приходится читать в издании людей, желающих быть марксистами, такие строки:

«Неудача движения 1905—1906 гг. была обусловлена не «крайностями» левых, ибо эти «крайности» сами, в свою очередь, обуславливались совокупностью целого ряда причин, не «предательством» буржуазии, которая повсюду на Западе «предавала» в соответственную минуту, а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы встать у кормила правления на место пережившей себя власти бюрократии и которая была бы сильна экономически и достаточно демократична, чтобы иметь за собой поддержку народа». И несколькими строками ниже:... «слабость городской буржуазной демократии, которая должна была бы стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства»... («Наша Заря» № 3, стр. 62, статья г. В. Левицкого).

Г. В. Левицкий больше додумал до конца свое отрицание идеи «гегемонии» («центром притяжения *должна была бы стать* городская буржуазная демократия», а не иной кто!) или смелее, определеннее договаривает их до конца, чем г. Потресов, подчищавший свою статью в «Общественном движении» под влиянием ультиматумов Плеханова.

Г. В. Левицкий рассуждает вполне как либерал. Он — непоследовательный либерал, сколько бы марксистских слов им ни употреблялось. У него нет никакого представления о том, что «центром притяжения для демократического крестьянства» *должна была бы стать* совсем иная социальная категория, чем городская буржуазная демократия. Он забывает, что это «долженствование» *было* действительностью в течение крупных исторических периодов и Англии, и Франции, и России, — причем в последней стране периоды эти были крупны по значению, но малы по времени, а в первых двух странах большей частью демократическое, ультрадемократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов».

Г. В. Левицкий забывает, что эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось *вырвать* эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывали решающее влияние на то, *какую степень* демократизма получала страна в следующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды *своей* гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но *не могла* в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом *всех* европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории *не к буржуазии, а к «низам», к «плебей-*

ству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея г-ну В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма, разрыв с которыми (или даже равнодушие к которым) у ликвидаторов является глубочайшим источником целого ряда непримиримых принципиальных разногласий с противниками ликвидаторства.

Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев.

Г. В. Левицкий мастер на блестящие формулировки, сразу резко и ясно вскрывающие идейные основы ликвидаторства. Такова его знаменитая формула: *«не гегемония, а классовая партия»*, означающая в переводе на русский язык: не марксизм, а брентанизм (социал-либерализм). Столь же знаменитыми станут, наверное, две отмеченные здесь формулы: *«центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия»* и *«неудача обусловлена отсутствием оформленной буржуазной партии»*.

РЕЗОЛЮЦИЯ II ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ РСДРП О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ ⁷⁵

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемая ниже резолюция II Парижской группы РСДРП, — группа эта состоит главным образом из большевиков, небольшого числа «впередовцев» и «примиренцев», — намечает основные положения платформы всех большевиков. В такое время, когда обостряется внутрипартийная борьба, особенно важно изложение взглядов *по существу* на коренные вопросы программы, тактики, организации. Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне «болезнью времени». Они хотят делать карьеру на дешевенькой проповеди «соглашения» — со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов! — причем, по необходимости, хранят полное молчание о политических условиях этого удивительного якобы-«соглашения». На деле это — проповедники *капитуляции* пред ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии.

Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции, — в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое «лицо», — собрать разрозненные силы и идти в бой за РСДРП Партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат.

Н. Ленин

I

Собрание II Парижской группы РСДРП, обсудив положение дел в РСДРП вообще и последние проявления разгоревшейся заграничной борьбы между социал-демократами и желающими причислять себя к социал-демократии,

считает необходимым прежде всего напомнить основное принципиальное положение, единогласно утвержденное последним (в январе 1910 г.) пленумом ЦК и определяющее характер действительно социал-демократической работы. Это основное положение гласит, что «отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем.» представляют из себя *проявление буржуазного влияния на пролетариат*. Лишь сознание опасности этого уклонения, равно как и всякого «отзовистского» или оправдывающего отзовизм идейно-политического течения, лишь работа, на деле преодолевающая эти уклонения, является *социал-демократической работой*.

Собрание констатирует далее, что заграничная редакция «Голоса Социал-Демократа» и группа ее сторонников, голосовцев, вопреки указанной единогласной резолюции пленума, вопреки торжественному обещанию представителей «Голоса» на пленуме *отречься от ликвидаторства и бороться с ним*, — в течение всех более чем полутора лет после пленума проводила именно эту *буржуазную политику ликвидаторства*, поддерживала, оправдывала и защищала такие органы русских, независимых от социал-демократии и от социализма, легалистов, как «Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни» и пр. Деятели этих органов, как неоднократно признавал от имени партии ЦО ее, как признавали и партийные меньшевики с т. Плехановым во главе, *не имеют ничего общего с РСДРП*. Деятели этих органов не только принижают роль и значение нелегальной с.-д. партии, но прямо отрицают ее, ренегатски поносят «подполье», отрицают революционный характер деятельности и революционные задачи современного рабочего движения в России, обманывают рабочих, распространяя либерально-буржуазные идеи о «конституционном» характере назревающего кризиса, выбрасывают (а не только укорачивают) такие исконные лозунги

революционного марксизма, как признание гегемонии рабочего класса в борьбе за социализм и за демократическую революцию. Проповедуя и строя так называемую ими легальную или «открытую» рабочую партию, эти люди на самом деле суть строители *стольпинской «рабочей» партии* и проводники буржуазного влияния на пролетариат, ибо в действительности проповедь этих людей полна буржуазным содержанием, а «открытая» рабочая партия при Столыпине означает не что иное, как открытое ренегатство людей, отрекающихся от задачи революционной борьбы масс с царским самодержавием, III Думой и всей *стольпинщиной*.

Собрание констатирует, что Заграничное бюро ЦК, долженствовавшее быть техническим его органом, попало всецело под влияние ликвидаторов*.

Не исполнив в течение полутора года ни одного данного ему ЦК поручения (например, по объединению заграничных групп на основе признания и проведения решений пленума, или помощи местным организациям, или поручения добиться закрытия «Голоса» и прекращения фракционной обособленности группы «Вперед»), Заграничное бюро прямо содействовало врагам социал-демократии, ликвидаторам.

В насмешку над партией, большинство ЗБЦК систематически *срывало*, начиная с декабря 1910 г., созыв пленума (обязательный по уставу). Семь недель Заграничное бюро Центрального Комитета потратило на одно «голосование» вопроса о пленуме при первом заявленном большевиками требовании созвать этот пленум. В результате 7-недельного голосования ЗБЦК признало, что требование пленума со стороны большевиков «законно», но — вместе с тем пленум практически *сорвало*, как сорвало его и во второй раз в конце мая 1911 года. Фактическая роль *такого* Заграничного бюро Центрального Комитета состояла в помощи из-за границы и изнутри центральных учреждений партии таким вождям легалистов и деятелям *стольпинской рабочей партии*, как Михаил, Юрий и Роман, объявившим вредным самое существование ЦК (№№ 12 и 21—22

* Голосовец Игорев (достаточно разоблаченный и заклейменный партийным меньшевиком Плехановым) и бундовец Либбер⁷⁶, ведущий прямую пропаганду в защиту г. Потресова и других деятелей *стольпинской рабочей партии*, являются руководителями этого ЗБЦК.

Центрального Органа партии «Социал-Демократ» *). Собрание констатирует, что занятие партийных должностей ликвидаторами есть прямой *обман* партии, ибо решения пленума ясно и недвусмысленно говорят о допущении на эти должности *таких* меньшевиков, которые *добросовестно* исполнят свое обещание об отречении от ликвидаторства и борьбе с ним **).

Собрание находит поэтому, что полный разрыв большевиков с ЗБЦК, как учреждением, поставившим себя вне закона и вне партии, явился безусловно необходимым, и что совещание членов ЦК (см. его «Извещение»), представлявшее громадное большинство действительно работающих в России партийных с.-д. организаций, групп и кружков, вполне правильно признало, что «ЗБЦК стало на путь антипартийной фракционной политики, нарушая при этом ясные и точные постановления пленума 1910 года».

Собрание постановляет отказаться от каких бы то ни было сношений с ЗБЦК и оказать поддержку решениям совещания членов ЦК, наметившим ряд минимально-необходимых мероприятий для парализования тормозящей всю партийную работу деятельности ликвидаторов, для созыва партийной конференции и восстановления силами местных работников нелегальных организаций и ячеек партии. Собрание призывает всех партийных товарищей на местах *немедленно* (согласно решению Совещания) взяться за подготовку конференции и выборы на нее, вступая для этого в регулярные сношения с Организационной комиссией ⁷⁷, с ЦО и «Рабочей Газетой».

II

Собрание обращает внимание с.-д. рабочих без различия фракций на то, что заграничные вожди группы «Вперед» и редактор «Правды» Троцкий ведут политику поддержки ликвидаторов и союза с ними против партии и против ее решений. Эта политика должна встретить тем более

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 143—144 и настоящий том, стр. 102—106. *Ред.*

** Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против РСДРП, как политический шантаж и поставка информации в охранку, — чем занялся г-н Мартов при помощи редакции «Голоса», — то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей.

решительный отпор, что она, глубоко вредя интересам пролетариата, решительно расходится с деятельностью тех *русских* нелегальных с.-д. групп, которые, будучи связаны с «Правдой» или «Впередом», относятся безусловно лояльно к решениям партии и повсюду отстаивают в упорной борьбе против ликвидаторов нелегальную РСДРП с революционной программой.

Собрание в особенности предостерегает социал-демократических рабочих от того *обмана*, который систематически практикуют голосовцы, изображая всех деятелей легального движения противниками старой партии и сторонниками новой потресовской «открытой» партии. Так, в последнем листке, выпущенном «Голосом» от 25. VI. (с извещением о «совещании» деятелей легального движения), редакция «Голоса» *скрыла*, что совещание *отвергло* предложение ликвидаторов бойкотировать одну легальную газету за ее антиликвидаторское направление⁷⁸. Так, редакция «Голоса» *скрыла*, что в том же совещании были *отклонены* открыто-легалистские и явно ренегатские резолюции, которые были предложены сторонниками «Голоса». Даже бундист, один из участников совещания, должен был там признать антипартийный характер предложений «потресовцев». Ряд деятелей открытого движения *уже* вступил на путь решительной борьбы со столыпинской «рабочей» партией. А при дружных усилиях всех партийцев число таких деятелей несомненно увеличится.

III

В такое время, когда обостряется борьба социал-демократов с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, все беспринципные элементы всегда направляют усилия к тому, чтобы заслонить великие принципиальные вопросы дешевой сенсацией и скандалчиком, которые так усердно преподносятся заграничными голосовцами падкой до испорченной духовной пищи аудитории ликвидаторских собраний.

В такое время более, чем когда-либо, обязанность революционных марксистов напоминать всем и каждому *старые, забытые* ликвидаторами истины, составляющие основу нашей с.-д. работы.

Собрание напоминает поэтому всем членам РСДРП о *программе* нашей партии, — программе, которая в эпоху усиления международного оппортунизма и назревания решительной борьбы его с революционной социал-демократией дала точную, ясную, непреклонно-твердую формулировку революционной *конечной цели* социализма, осуществимой лишь путем диктатуры пролетариата, — и революционных ближайших целей российской социал-демократии, свержения царизма и завоевания демократической республики. *Вся* проповедь наших легалистов и наших голосовцев показывает, что *на деле* они не только не разделяют, не проводят в жизнь нашей программы, а прямо защищают *реформизм* — это признали также партийные меньшевики (см. «Дневник Социал-Демократа»⁷⁹ Плеханова и № 3 «Дискуссионного Листка»), — прямо отрекаются от революционных ближайших целей РСДРП.

Собрание напоминает всем членам РСДРП, что для того, чтобы быть партийцем *на деле*, недостаточно *называть* себя так, недостаточно вести пропаганду «*в духе*» программы РСДРП, — необходимо еще вести *всю* практическую работу в согласии с *тактическими* решениями партии. В нашу контрреволюционную эпоху, во время всеобщего ренегатства, отречения, уныния, — среди буржуазной интеллигенции особенно, — тактические решения партии одни только формулируют оценку переживаемого момента, оценку практической линии поведения с точки зрения принципов революционного марксизма. У действительной РСДРП, — а не той, именем которой для прикрытия ликвидаторства пользуются голосовцы, — *нет* иного партийного определения задач социал-демократии в переживаемую нами эпоху, кроме *тактический резолюций* декабря 1908 г.

Ликвидаторы, а частью и «впередовцы», замалчивают эти резолюции или ограничиваются беглыми замечаниями и выкриками *против* них именно потому, что они чувствуют в этих резолюциях ту *линию* работы, которая в корне отвергает и оппортунистические и полуанархистские шатания, — которая поднимает знамя революции вопреки всем и всяческого рода контрреволюционным течениям, — которая *объясняет* экономические и политические особенности переживаемого момента, как новой полосы

в буржуазном развитии России, — полосы, ведущей к революции, долженствующей решить старые задачи. Партиец тот, кто *на деле* ведет тактическую линию партии. А тактика партии, тактика РСДРП, есть та и только та, которая изложена в декабрьских резолюциях 1908 года, сочетающих верность революционному знамени с учетом новых условий нашей эпохи. Прямым и непосредственным выводом, естественным продолжением и завершением декабрьских резолюций 1908 года, осуждающих ликвидаторство и безусловно требующих признания думской работы с.-д., а также использования легальных возможностей, являются резолюции *январского пленума 1910 года*, направленные против *проводников буржуазного влияния на пролетариат*. В наше время разброда и развала нередко встречаются люди, которые ссылкой на великий принцип единства пролетарской армии оправдывают беспринципные или мизерно-дипломатические попытки «объединения» или «сближения» с *проводниками буржуазного влияния на пролетариат*. Собрание самым категорическим образом осуждает и отвергает все такие попытки, от кого бы они ни исходили, и заявляет, что великое дело объединения и укрепления борющейся армии революционного пролетариата не может быть выполнено без полного размежевания, без беспощадной борьбы с теми, кто проводит буржуазное влияние на пролетариат.

Партиец тот, кто действительно помогает *строить* организацию, соответствующую с.-д. принципам. У партии, у РСДРП нет другого, *партийного*, определения характера и задач организационной работы, кроме того, которое дано в резолюции по организационному вопросу декабря 1908 г., в резолюции январского пленума 1910 г. по тому же вопросу, в письме ЦК, изданном тотчас после пленума. *Лишь* всесторонняя помощь воссозданию и укреплению *нелегальной* организации есть *партийная* работа, и лишь нелегальная РСДРП может и должна окружать себя сетью легальных организаций, *использовать* всевозможные легальные организации, *направлять* в духе наших революционных принципов всю работу таких организаций. Кто не ведет на деле такой работы, кто участвует в контрреволюционном вообще и либеральном в частности походе против «подполья», против нелегальной работы — тот *обманывает* рабочих, когда говорит о своей принадлежности к РСДРП.

Близятся выборы в IV Думу. Чем острее кризис заграничных партийных верхов, тем настоятельнее необходимость в инициативе местных с.-д. работников, тем строже должны они настаивать и *настоять* на том, чтобы работа выборов велась *действительно* партийным путем каждой группой, каждой ячейкой, каждым кружком рабочих. Кто до сих пор считает «отзовизм» «законным течением в нашей партии», тот всеу приемлет имя РСДРП. *Нельзя* вести партийной работы выборов в IV Думу, не отмежевываясь самым решительным образом от таких людей. Кто до сих пор толкует о выборах в IV Думу силами и средствами «легальных организаций», силами и средствами «открытой рабочей партии», кто не считается при этом на деле, не проводит в жизнь решений РСДРП о нелегальной организации, о тактике, изложенной в резолюциях партии, — тот всеу приемлет имя РСДРП. Кто ведет работу по выборам, считаясь не с решениями РСДРП, а со статьями «Нашей Зари», «Голоса Социал-Демократа», «Дела Жизни», тот — строитель столыпинской «рабочей» партии, а не революционной с.-д. партии пролетариата.

На предстоящих выборах в IV Думу наша партия, прежде всего, преследует задачи социалистического просвещения масс и интересы массовой агитации в пользу осуществления революционно-демократического переворота силами пролетариата и революционной буржуазной демократии (прежде всего — революционного крестьянства).

В интересах этой пропаганды и агитации наша партия должна организовать *самостоятельное* выступление с.-д. на выборах и выставить своих партийных кандидатов не только в рабочей курии, но и повсюду среди городских и деревенских избирателей.

Вся агитация партии на выборах должна вестись на два фронта, т. е.: и против правительства и открыто поддерживающих его партий, и против к.-д. партии контрреволюционного либерализма.

Кандидатами партии могут выступать только люди, на деле проводящие всецело политику РСДРП, верные не только ее программе, но и ее тактическим резолюциям, и борющиеся против новой столыпинской «рабочей» партии.

По вопросу об избирательных соглашениях должны остаться в силе основные принципиальные указания Лондонского съезда партии и партийной конференции июля 1907 года⁶⁰.

Выборы в IV Думу должны быть проведены партийными группами рабочих, проведены в духе партийных решений и в строгом соответствии с ними.

Написано 18 июня (1 июля) 1911 г.

*Напечатано в июле 1911 г.
отдельным листком и 11 августа
1911 г. в № 1 «Информационного
Бюллетеня» Заграничной технической
комиссии*

*Печатается по тексту листка,
сверенному с текстом
«Информационного Бюллетеня»*

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ»

Брошюра Каменева представляет из себя систематическую сводку материала, относящегося к той борьбе с ликвидаторством, которую вел в контрреволюционную эпоху большевизм, а за ним и вся РСДРП. Вполне естественно, что выяснению принципиального расхождения социал-демократии с ликвидаторством посвящено у Каменева наибольшее место, как всего больше останавливались на этом в 1908—1911 гг. «Пролетарий»⁸¹ и ЦО партии «Социал-Демократ».

Каменев вполне доказал, что группа ликвидаторов *на деле* есть особая партия, не РСДРП Партия. Его доказательства суммируют опыт преимущественно 1909—1911 годов, — опыт, подтвердивший декабрьскую резолюцию 1908 года. В этой резолюции, предложенной и проведенной от имени РСДРП большевиками, было уже заявлено, что ликвидаторы *стремятся «заменить»* РСДРП «бесформенным» легальным объединением. Теперь это бесформенное легальное объединение гг. Потресова, Ларина, Левецкого и К⁰ (с хвостом из гг. Мартова и голосовцев за границей) уже вполне показало себя. Это — не имеющая ничего общего с РСДРП группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это — деятели *стольпинской «рабочей»* партии.

Переход от марксизма к либерализму и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход — специфическая особенность России конца XIX и начала XX века. «Экономисты» и «Средо»* — г. Струве и К⁰ —

* — символ веры, программа, наложные мирозерцания. Ред.

гг. ликвидаторы, это всё ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции. Рабочая партия в России начала складываться незадолго до революции 1905 г.; эта партия перестраивается — отчасти строится заново, на более солидном фундаменте — в эпоху контрреволюции. Буржуазная интеллигенция, влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место *вне* с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорят о создаваемой ими *новой* партии.

И отзовизм, и ликвидаторство, будучи сходны тем, что оба представляют несоциал-демократические, буржуазные течения, различаются существенно судьбой своего политического развития. Отзовизм во-время был обессилен большевизмом и не дошел до попыток создать свою партию; он остался теперь ничтожной заграничной группкой, деятельность которой свелась к помощи ликвидаторам в интригах и борьбе против РСДРП. Напротив, ликвидаторство центр свой (в политическом смысле прежде всего, в организационном впоследствии) *имеет* в России; оно создало *особую*, хотя и бесформенную (пока бесформенную) партию — вот почему Каменеву пришлось так обстоятельно говорить о ликвидаторстве и лишь вскользь об отзовизме.

Среди сторонников РСДРП людей, способных искренне защищать ликвидаторство, немного*. Но не мало еще, к сожалению, людей, искренне враждебных ликвидаторству и *не понимающих* условий борьбы с ним. Конечно, говорят такие люди, ликвидаторство есть буржуазное течение среди с.-д., но отчего бы не бороться с ним в рядах

* Понятно, что об искренности заграничных голосовцев говорить было бы смешно. Это — специалисты по части шантана и клеветы, руководимой гг. Мартовыми. Решение Каутского, Меринга и Цеткиной отдать спорные деньги не в ЗБЦК, а в Техническую комиссию⁸² (см. листок Организационной комиссии от 1 августа 1911 г.) есть полное признание правоты тов. Александрова и всех большевистов (*вполне* солидарных с Александровым), есть полное осуждение грязного клеветничества гг. Мартова, Дана, Мартынова и Ансельрода. Обращаем также внимание читателей на напечатанное в «Приложении» письмо т. Виктора⁸³; показывающее, до каких мерзких приемов опускается в борьбе с политическими противниками г. Мартов и его пособники.

единой партии, как борются с бернштейниадой немцы? Отчего бы не попытаться «соглашения» с ликвидаторами?

Наши «соглашатели» не понимают очень важной и очень простой вещи: ликвидаторы не только оппортунисты (подобно Бернштейну и К^о), они, кроме того, строят *особую* партию, они объявили своим лозунгом *несуществование* РСДРП, они *ни в чем* не считаются с решениями РСДРП. Вот в чем отличие от «Европы», сослаться на которую могут лишь непродумавшие вопроса или незнающие русских условий люди. В Европе ни одного оппортуниста, который бы сделал против своей партии, против ее решений десятую долю того, что сделали и делают гг. Потресовы, Игоревы, Беры, Мартовы, Даны и К^о, не потерпели бы ни одного месяца в рядах партии. В Европе партии открыты, и сразу видно, принадлежит ли человек к организации, подчиняется ли ей.

У нас партия нелегальна. Нельзя «видеть» и нельзя (если не быть помощником охраны) открыто говорить о том, принадлежат ли к организации X, Y, Z. Но что гг. Потресовы и К^о к организации *не* принадлежат и на *все* ее решения *плюют*, — совершенно так же, как и голосовцы, — это факт. Как же можно «соглашаться» с гг. Потресовыми, доказавшими, что *для них* партия *не существует?* — с гг. Мартовыми и Данами, доказавшими то же самое? *О чем* можно соглашаться с ликвидаторами, кроме как об уничтожении РСДРП?

Пусть попробуют «соглашатели» указать *условия* соглашения с ликвидаторами, *средства* контроля за выполнением условий, *факты*, доказывающие выполнение их. Ни того, ни другого, ни третьего указать *нельзя*. А потому не подлежит сомнению, что речи о «соглашении» — пустые и неумные речи. Помогают эти речи только интригам заграничных кружков (вроде кружков впередовцев, голосовцев, троцкистов), вполне доказавших, что на решения партии они плюют, *ни в чем* не ограничивая своей «свободы» в поддержке ликвидаторов.

А в России нелегальные кружки рабочих отмежевались и с каждым днем все больше отмежевываются от ликвидаторов, строя медленно и трудно революционную РСДРП. Помогать этим кружкам, проводить на деле решения РСДРП, отказаться от игры в соглашения с заграничными пустышками (голосовцы — сильнейшая из заграничных

групп, и это сплошь пустышка) — такова задача сторонников С.-Д. Рабочей Партии. Борьба за партию есть партийность. Разговоры о «соглашении» со строящими несоциал-демократическую партию ликвидаторами есть преступление против долга партийности.

Н. Ленин

2 августа 1911 г.

Р. С.* Необходимо добавить, что данный в «Приложении» разбор «обвинений» против Большевистского Центра представляет наше коллективное мнение и обработан на основании материалов и документов, имеющихся в распоряжении БЦ, — а также на основании сведений товарищей из БЦ, лично ведших те или другие дела последнего.

Н. Ленин

*Напечатано в августе 1911 г.
в брошюре: «Две партии».
Париж, изд. редакции «Рабочей
Газеты»*

Печатается по тексту брошюры

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Громадный прогресс капитализма за последние десятилетия и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату. Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «ловейшего» буржуазного лозунга: реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти.

С точки зрения всемирного развития социализма в указанном сдвиге нельзя не видеть крупного шага вперед. Сначала социализм боролся за существование, и против него стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм, как цельную систему экономических и политических воззрений. Социализм вырос, он уже отстоял во всем цивилизованном мире свое право на существование, он борется теперь за

власть, и буржуазия, разлагающаяся, видящая неизбежность гибели, напрягает все силы, чтобы ценою половинчатых и лицемерных уступок оттянуть эту гибель, сохранить за собой власть и при новых условиях.

Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, поработанных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» *перед* этой революцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы *во время* этой революции.

В России дело не меняется по существу, но усложняется, затушевывается, модифицируется вследствие того, что мы отстали от Европы (и даже от передовой части Азии), мы переживаем еще эпоху буржуазных революций. От этого русский реформизм отличается особенно упорным характером, представляет из себя болезнь более, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции. У нас реформизм течет одновременно из двух источников. Во-первых, Россия гораздо более мелкобуржуазная страна, чем страны западноевропейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии. У нас, во-вторых, массы мелкой буржуазии всего легче, всего быстрее падают духом и поддаются ренегатскому настроению при каждой неудаче *одной* из фаз нашей буржуазной революции, всего скорее отрекаются от задачи полного демократического переворота, очищающего Россию целиком от всех пережитков средневековья и крепостничества.

Не будем останавливаться подробно на первом источнике. Напомним только, что не найдется, наверное, ни

единой страны в мире, где бы так быстро происходили «повороты» от сочувствия социализму к сочувствию контрреволюционному либерализму, как у наших господ Струве, Иагосвых, Карауловых и т. д., и т. п. А ведь эти господа — не исключения, не одиночки, а представители широко распространенных течений! Прекраснодушные люди, которых много вне рядов социал-демократии, но не мало также внутри ее, и которые любят говорить проповеди против «чрезмерной» полемики, «страсти к размежеваниям» и т. д., обнаруживают полное непонимание того, какие исторические условия порождают в России «чрезмерную» «страсть» к скачкам от социализма к либерализму.

Перейдем ко второму источнику реформизма в России.

Буржуазная революция у нас не закончена. Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить*. Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так! Не только японцев не может догнать «обновляемая» *таким* способом Россия, но даже и от Китая, пожалуй, она начинает отставать. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он созревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, *не так*, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий,

не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а не за свержение рабства.

Понятно отсюда, что знаменитая формула одного из молодых главарей нашего реформизма, г. Левицкого из «Нашей Заря», объявившего, что русская социал-демократия должна быть *«не гегемонией, а классовой партией»*, есть формула самого последовательного реформизма. Мало того. Это — формула полного ренегатства. Сказать: *«не гегемония, а классовая партия»* значит перейти на сторону буржуазии, на сторону либерала, который говорит рабу нашей эпохи, наемному рабочему: борись за улучшение своего положения как раба, но считай вредной утопией мысль о свержении рабства! Сравните знаменитую формулу Бернштейна: «движение — все, конечная цель — ничто» с формулой Левицкого, и вы увидите, что это — варианты одной и той же идеи. В обоих случаях это признание *только* реформ и отрицание революции. Формула Бернштейна шире, ибо она имеет в виду социалистическую революцию (=конечную цель с.-д., как партии буржуазного общества). Формула Левицкого уже, ибо, будучи отречением от революции вообще, она специально рассчитана на отречение от того, что было всего более ненавистно либералам в 1905—1907 гг., именно, что пролетариат *вырвал* у либералов руководство народными массами (и особенно крестьянством) в борьбе за полный демократический переворот.

Проповедывать рабочим, что им нужна *«не гегемония, а классовая партия»*, значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену *социал-демократической* рабочей политики *либеральной* рабочей политикой.

Но отречение от идеи гегемонии есть самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, и потому не все ликвидаторы решаются высказывать прямо свои мысли в столь определенной форме. Некоторые из них (вроде г. Мартова) пытаются даже, в насмешку над истинной, отрицать связь между отказом от гегемонии и ликвидаторством.

Более «тонкой» попыткой «обосновать» реформистские взгляды является такое рассуждение: буржуазная рево-

люция в России закончена; после 1905 года второй буржуазной революции, второй общенациональной борьбы за демократический переворот быть не может; России предстоит поэтому *не* революционный, а «конституционный» кризис, и рабочему классу остается лишь позаботиться об отстаивании своих прав и интересов на почве этого «конституционного кризиса». Так рассуждает ликвидатор Ю. Ларин в «Деле Жизни» (а раньше в «Возрождении»).

«Октябрь 1905 г. не стоит на очереди», — писал г. Ларин. «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорее, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции» (это заметьте!), «просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов». «На переживаемой нами стадии невозможно общенациональное революционное движение, имевшее место в 1905 г.».

Все эти рассуждения г. Ларина представляют из себя не что иное, как распространенный пересказ слов г. Дана, сказанных им на декабрьской конференции РСДРП в 1908 г. Против резолюции, говорящей, что «основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., *продолжают действовать*», что нарастает снова кризис именно *революционный*, а не «конституционный», — против этой резолюции редактор «Голоса» ликвидаторов воскликнул: «они» (т. е. РСДРП) «хотят переть туда, где были раз разбиты».

Опять «переть» к революции, работать неустанно, и в изменившейся обстановке, над проповедью революции, над подготовкой сил рабочего класса к революции, — вот в чем главное преступление РСДРП, вот в чем *вина* революционного пролетариата с точки зрения реформистов. Не к чему «переть туда, где были раз разбиты» — вот мудрость ренегатов и людей, падающих духом после всякого поражения.

Но революционный пролетариат в странах более старых и более «опытных», чем Россия, умел дважды, трижды и четырежды «переть туда, где был раз разбит», умел (как во Франции) *четыре раза* с 1789 по 1871 год совершать революции, подниматься снова и снова на борьбу после

самых тяжелых поражений и завоевать себе республику, в которой он стоит лицом к лицу перед своим *последним* врагом — передовой буржуазией; — республику, которая одна только может быть формой государства, соответствующей условиям окончательной борьбы за победу социализма.

Таково различие между социалистами и либералами, т. е. сторонниками буржуазии. Социалисты учат, что революция неизбежна и что пролетариат должен использовать *все* противоречия в общественной жизни, всякую слабость его врагов или промежуточных слоев для подготовки новой революционной борьбы, для повторения революции на более широкой арене, при условиях большей развитости населения. Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны «переть» к революции, а должны, как паймальчики, скромненько работать над реформами.

Поэтому реформисты — пленники буржуазных идей — и ссылаются *постоянно*, для отвлечения русских рабочих от социализма, на пример *именно* Австрии (а также Пруссии) 60-х годов. Почему излюблены ими эти примеры? Ю. Ларин выболтал тайну: потому, что в этих странах, после «неудачной» революции 1848 г., буржуазное преобразование страны было завершено «без всякой революции».

Вот в чем гвоздь! Вот что наполняет радостью сердца. Значит, возможно буржуазное преобразование *без* революции!! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабрикантам произвести «без всякой революции» буржуазного преобразования России!?

Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья.

Русские реформисты — после того, как наш пролетариат в 1905 г. проявил силу, невиданную еще ни в одной буржуазной революции Запада, — берут примеры слабости рабочего класса в других странах, 40 и 50 лет тому назад, чтобы оправдать *свое* ренегатство, чтобы «обосновать» свою ренегатскую проповедь!

Ссылка на Австрию и Пруссию 60-х годов, излюбленная нашими реформистами, есть лучший пример, доказывающий теоретическую несостоятельность их рассуждений и их практически-политический переход на сторону буржуазии.

В самом деле, если Австрия восстанавливала упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено. Говорить, что в России власть *уже* переродилась в буржуазную (как говорит Ларин), что о крепостническом характере власти у нас теперь нечего и говорить (см. у того же Ларина) — и вместе с тем ссылаться на Австрию и Пруссию значит побивать самого себя! Вообще говоря, отрицать, что буржуазное преобразование России не закончено, было бы смешно: даже политика буржуазных партий к.-д. и октябристов доказывает это яснее ясного, и Ларин сам (как увидим ниже) сдает свою позицию. Несомненно, что монархия делает еще шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, как мы уже сказали и как признала резолюция партии (декабрь 1908 г.), — но еще более несомненно, что *даже* это приспособление, *даже* буржуазная реакция, и III Дума, и аграрный закон 9. XI. 1906 (14. VI. 1910) не решают задач буржуазного преобразования России.

Пойдем дальше. Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х гг. *оказались* «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому, что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты.

Чтобы иллюстрировать оценку такого положения вещей самими немецкими с.-д., из числа переживших эту эпоху, приведем некоторые отзывы Бебеля, выпустившего в прошлом году первую часть своих «Воспоминаний». Про 1862-ой год, год «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, — как стало известно впоследствии, — что король находился тогда в самом угнетенном состоянии

и плакался ему, Бисмарку, по поводу грозящего им обоим эшафота. Бисмарк пристыдил труса и убедил его не бояться борьбы.

«Эти события показывают, — говорит Бебель по этому поводу, — чего могли бы достигнуть либералы, если бы они умели использовать положение. Но они боялись уже рабочих, стоящих позади них. Слова Бисмарка: «если меня доведут до крайности, я подниму Ахерон» (т. е. подниму на народное движение низы, массы) «нагнали на либералов бесконечный страх».

Вождь германских с.-д., полвека спустя после «конституционного» кризиса, который «без всякой революции» завершил преобразование его страны в буржуазно-юнкерскую монархию, указывает на *революционность* тогдашнего положения, не использованного либералами из боязни рабочих. Вожди русских реформистов говорят русским рабочим: если немецкая буржуазия была так подла, что струсила перед струсившим королем, то почему же нам *тоже* не попробовать повторить эту прекрасную тактику немецкой буржуазии? Бебель обвиняет буржуазию, ее эксплуататорскую боязнь народного движения, — за то, что «конституционный» кризис не был ею «использован» для революции. Ларин и К^о обвиняют русских рабочих в том, что они стремились к гегемонии (т. е. к вовлечению масс в революцию вопреки либералам), и советуют им организовать *«не для революции»*, а «для защиты своих интересов при предстоящем конституционном обновлении России». Гнилые взгляды гнилого немецкого либерализма преподносятся ликвидаторами русским рабочим под видом взглядов «социал-демократических»! Ну, как же не назвать таких с.-д. столыпинскими социал-демократами?

Оценивая «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии, Бебель не ограничивается указанием на то, что, боясь рабочих, буржуазия боялась борьбы с монархией. Он указывает также на то, что делалось тогда в рабочей среде. «Невыносимость политического положения — говорит он — становившаяся все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, спланивающей

силы, то настроение пропало даром (*verpuffte*). Никогда движение, великолепное по своей сущности (*in Kern vortreffliche*), не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня. Это настроение господствовало в особенности в Лейпцигском рабочем обществе «самообразования». На собрании в 5 000 человек в Лейпциге 8 мая 1866 г. была единогласно принята резолюция Либкнехта и Бебеля, требовавшая созыва на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». Резолюция Либкнехта и Бебеля была, следовательно, вполне определенного республиканского и революционного характера.

Итак, *вождь германских с.-д.* во время «конституционного» кризиса проводит на массовых собраниях резолюции республиканского и революционного характера. Полвека спустя, вспоминая свою юность, рассказывая новому поколению о делах давно минувших дней, он всего более подчеркивает сожаление о том, что не было «налицо достаточно сознательных и понимающих революционные задачи руководящих элементов (*т. е. не было революционной с.-д. партии, понимающей задачи гегемонии*), что не было сильной организации, что «пропало даром» революционное настроение. А вожди русских реформистов, с глубокомыслием Иванушек, ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х гг., в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции!» И эти филистерские душонки, поддавшиеся контрреволюционному угару, идейно поработанные либерализмом, смеют еще позорить имя РСДРП!

Разумеется, среди реформистов, разрывающих с социализмом, есть люди, которые искренний оппортунизм Ларина заменяют дипломатией вокруг да около важнейших принципиальных вопросов рабочего движения. Такие люди запутывают суть дела, засоряют идейные споры, загрязняют их, как, напр., г. Мартов, пытавшийся утверждать в легальной печати (*т. е. защищенный Столыпиным от прямого выступления членов РСДРП*), будто Ларин

п «правоверные большевики в резолюциях 1908 г.» дают *одинаковую «схему»*. Это — простое извращение истины; достойное автора грязных произведений. Тот же Мартов, якобы споря с Лариным, заявлял печатно, что «он, разумеется, не подозревает Ларина в реформистских тенденциях». Излагающего *чисто* реформистские взгляды Ларина Мартов *не подозревает* в реформизме!! — образец уловов дипломатов реформизма*. Тот же Мартов, которого некоторые простачки принимают за более «левого», более надежного революционера, чем Ларина, резюмировал следующим образом свои «разногласия» с Лариным:

«Резюмирую. Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтобы, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пяту этих противоречий».

Как ни увертывался Мартов, но первая же попытка подвести резюме привела к тому, что все увертки рушились сами собой. Приведенные нами слова есть полное отречение от социализма и подмена его либерализмом. «Вполне достаточным» объявляет Мартов то, что достаточно *только* для либералов, *только* для буржуазии. Пролетарий, который находит «вполне достаточным» признать противоречивость сочетания абсолютизма с конституционализмом, стоит на точке зрения *либеральной рабочей* политики. Он *не* социалист, он *не* понял задач своего класса, состоящих в том, чтобы против абсолютизма во всех его формах поднять массы народа, массы трудящихся и эксплуатируемых на *самостоятельное* вмешательство в исторические судьбы страны вопреки шатаниям или противодействию буржуазии. А самостоятельное историческое действие масс, вырывающихся из-под гегемонии буржуазии, превращает «конституционный» кризис в *революцию*. Буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее, пролетариат воспитывает народные массы в преданности идее революции, разъясняет ее задачи, подготавливает массы к новым и новым революцион-

* Ср. верные замечания о реформизме Ларина и увертках Мартова у партийного меньшевика Дневляцкого в № 3 «Дискуссионного Листка» (приложение к ЦО нашей партии).

ным битвам. Наступает ли революция, когда, в какой обстановке, это не зависит от воли того или другого класса, но революционная работа в массах не пропадает бесследно никогда. Только такая работа есть деятельность, готовящая массы к победе социализма. Эти азбучные, элементарные истины социализма забывают гг. Ларины и Мартовы.

Первый из них, выражая взгляды русской ликвидаторской группы, которая совсем порвала с РСДРП, не стесняется прямо договаривать до конца свой реформизм. Вот его слова из «Дела Жизни» (1911 г., № 2), которые заслуживают того, чтобы их запомнил всякий, дорожающий принципами социал-демократии:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить, — вот что означает неопределенно выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесцельное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организовать не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки... (заметьте это: *просто-таки...*) «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни; для собрания и обучения своих сил этой равносторонней и сложной деятельностью; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для умения ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении, в частности».

Вот это — законченный, откровенный, самодовольный реформист в чистом виде. Война идее революции, «надежде» на революцию (реформисту эти «надежды» кажутся *смутными*, ибо он не понимает глубины современных экономических и политических противоречий), война всякой деятельности, состоящей в организации сил и подготовке умов для революции, война в легальной печати, защищаемой Столыпиным от прямого выступления революционных с.-д., война от имени группы легалистов, порвавших целиком с РСДРП, — вот она, программа и тактика создаваемой гг. Потресовым, Левицким, Лариным и К^о столыпинской рабочей партии. Действительная программа, действительная тактика этих людей в приведенной цитате выражены точно — в отличие от их лицемерных

казенных заверений, что они *«тоже с.-д.»*, что они *«тоже»* принадлежат к *«непримиримому Интернационалу»*. Эти заверения — показные слова. Эта программа, целиком заменяющая социализм либеральной рабочей политикой — их дела, их реальная общественная суть.

И взгляните на смешные противоречия, в которых запутываются реформисты. Если буржуазная революция в России закончена (как говорил Ларин), тогда на очередь выдвигается социалистическая революция. Это ясно само собою, это очевидно для всякого, кто причисляет себя к социалистам не ради обмана рабочих популярной кличкой. Тогда мы должны организовать *именно «для революции»* (социалистической), *именно «в ожидании»* ее, *именно ради «надежды»* (не смутной, а основанной на точных и возрастающих данных науки, *«надежды»-уверенности*) на социалистическую революцию.

Но в том-то и гвоздь, что для реформиста болтовня о законченной буржуазной революции (как для Мартова болтовня об Ахиллесовой пяте и т. п.) лишь словесное прикрытие *отречения от всякой революции*. От буржуазно-демократической революции он отрекается под тем предлогом, что она закончена, — или под тем, что *«вполне достаточно»* признать противоречие между абсолютизмом и конституционализмом, — а от социалистической революции он отрекается под тем предлогом, что нам *«пока»* надо *«просто-таки»* организовать для участия в *«предстоящем конституционном обновлении России»*!

Но если вы, почтенный кадет, рядящийся в социалистические перья, признаете неизбежным *«предстоящее конституционное обновление»* России, то вы побиваете себя, признавая тем самым *незаконченность* буржуазно-демократической революции у нас. Вы выдаете паки и паки свою буржуазную природу, толкуя о неизбежном *«самоисчерпании феодальной реакции»* и оплевывая пролетарскую идею об *уничтожении* не одной только феодальной реакции, а *всех* остатков феодализма путем *народного революционного движения*.

Вопреки либеральной проповеди наших героев столыпинской рабочей партии — русский пролетариат *всю* свою тяжелую, трудную, будничную, мелкую, невидную работу, на которую осудила его эпоха контрреволюции, будет про-

питывать всегда и неизменно духом преданности революции демократической и революции социалистической, он будет организовываться и собирать силы для революции, он будет давать беспощадный отпор изменникам и ренегатам, он будет руководиться не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

*«Социал-Демократ» № 23,
14 (1) сентября 1911 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ НАШИМ «ПРИМИРИТЕЛЯМ» И «СОГЛАШАТЕЛЯМ»)

Корреспонденция тов. К.⁸⁴ заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить.

Исключителен ли случай, описанный тов. К.? Нет, это *типичный* случай деятелей столыпинской рабочей партии, ибо мы прекрасно знаем, что *ряд* литераторов «Нашей Зари», «Дела Жизни» и т. п. *уже не первый год* систематически проводит *именно эти* ликвидаторские идеи. Не всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партийцам, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения, за которые мы должны быть благодарны т-щу К., но *всегда и повсюду* проповедь *группы* независимцев-легалистов ведется именно в таком духе. Сомневаться в этом факте, раз налицо есть журналы типа «Нашей Зари» и «Дела Жизни», невозможно. Замалчивать этот факт выгодно только особенно трусливым и особенно подлым защитникам ликвидаторов.

Сопоставьте с этим фактом те приемы, которые пускают в ход люди вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству. Приемы эти известны слишком хорошо: погромче кричать, что мы-де «ни большевики, ни меньшевики, а революционные с.-д.», усердно божиться и клясться, что мы враги ликвидаторства и горой стоим за нелегальную РСДРП, *изо всех сил ругать тех, кто разоблачает ликвидаторов гг. Потресова и К^о*, называть антиликвидаторов «раздувающими» вопрос, *ни слова*

не говорит против определенных ликвидаторов гг. Потресова, Мартова, Левицкого, Дана, Ларина и т. д.

Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством *фразы* прикрываются *действительные* ликвидаторы и делаются всяческие попытки *мешать* работе антиликвидаторов. Точь-в-точь подобную политику проводило известное в истории РСДРП своей беспринципностью «Рабочее Дело»⁸⁵: оно божилось и клялось, что мы-де вовсе не экономисты, что мы вполне за политическую борьбу, а на деле *прикрывало* «Рабочую Мысль»⁸⁶ и экономистов, всю борьбу направляя на тех, кто разоблачал экономистов и опровергал их.

Отсюда ясно, что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К^о в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма».

Отсюда ясно, далее, что всякое «соглашение» с голосовцами, обходящее вопрос о ликвидаторском центре в России, т. е. о деятелях «Нашей Зари» и «Дела Жизни», было бы не чем иным, как продолжением того же обмана рабочих, того же прикрывания зла. Голосовцы вполне доказали со времени январского пленума 1910 г., что они способны «подписать» любые резолюции, ни капли «не стесняя свободы» своей ликвидаторской деятельности никакими резолюциями. За границей подписывать резолюции о том, что всякое принижение значения нелегальной партии есть проявление буржуазного влияния на пролетариат, а в России помогать гг. Потресовым, Лариным, Левицким, не только не участвующим в нелегальной работе, но издевающимся над ней и разрушающим нелегальную партию.

В настоящее время Троцкий вместе с бундовцами типа г. Либера (— крайнего ликвидатора, публично защищавшего г. Потресова на рефератах и теперь, чтобы замаять этот факт, разжигающего склоку и дразги), вместе

с латышами типа Шварца⁸⁷ и т. п. сочиняют именно подобное «соглашение» с голосовцами. Пусть же никто не обманывается на этот счет: их соглашение будет соглашением о прикрытии ликвидаторов.

Р. С.* Эти строки были уже набраны, когда в печати появилось известие о «соглашении» голосовцев с Троцким, бундовцем и ликвидатором-латышом. Наши слова вполне подтвердились: это — соглашение о *прикрытии* ликвидаторов в России, соглашение прислужников г. Потресо́ва и К^о.

«Социал-Демократ» № 33,
14 (1) сентября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

**ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ
«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»
К ЗАЯВЛЕНИЮ КОМИССИИ
ПО СОЗЫВУ ПЛЕНУМА ЦК РСДРП⁸⁹**

Редакция ЦО уже давно, с декабря 1910 года, предупредила партию, что голосовцы *срывают* пленум*. Теперь факт налицо: голосовцы сорвали сначала русский, потом **заграничный пленум**.

Русский пленум сорван господами Михаилом, Юрием и Романом. Своим «талантливым опровержением» они лишь подтвердили тот факт, что их на заседание ЦК звали, звали хотя бы лишь для кооптации, звали не злые «фракционные», «ленинские» большевики, а *примиренцы*, и все же эти гг. отказались. Их отказ и сорвал русский ЦК, ибо *все* большевики-цекисты пленума, поехавшие в Россию (а поехали *все* практики), оказались «изъятыми», раньше чем они успели созвать полный состав после отказа этой тройки.

Сколько бы фраз, заверений, клятв ни говорили теперь голосовцы, сколько бы ни пытались руготней, склокой, шантажем замаять и засорить вопрос, факт остается фактом. «Троица» *главных* вождей легалистов, Михаил + Юрий + Роман, ближайшие коллеги гг. Потресовых и прочих героев столыпинской рабочей партии, *сорвали* ЦК в России.

Теперь голосовцы сорвали ЦК и за границей. Большевики требовали его созыва в декабре 1910 г. — ликвидаторское ЗБЦК *отказало*, ссылаясь на Русское бюро ЦК (ссылка была фальшива, ибо заграничный пленум *не* исключал русского).

Второй раз, после провала, большевики потребовали созыва заграничного пленума в *апреле — мае 1911 г.*

* См. настоящий том, стр. 6—19. *Ред.*

Второй отказ ЗБЦК, ссылавшегося на то, что половина «русского бюро» цела.

С тех пор прошло 4—5 месяцев, лживость ссылок ЗБЦК разоблачена вполне: ни единого письма от «половины» «бюро», ни единого шага этой половины, ни единого проблеска жизни за треть года!! Либеры, Игоревы и Шварцы обманули партию: ссылаясь на несуществующее бюро в России, они отказывались созвать ЦК за границей. А июньское совещание цекистов доказало, что девять членов ЦК находилось за границей.

Кто способен думать, не давая оглушать себя криком, руготней, склокой, шантажем, тот не может не видеть, что ЦК окончательно сорван голосовцами.

Голосовцы сделали все, что могли, чтобы уничтожить партию. Партия сделает все, чтобы уничтожить голосовцев.

«Социал-Демократ» № 23,
14 (1) сентября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции. Поэтому событие 1-го сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контрреволюции. Среди хора реакционеров, лакейски воспевающих Столыпина или копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией, — среди хора либералов, качающих головой по поводу «дикого и безумного» выстрела (к либералам относятся, конечно, и бывшие с.-д. из «Дела Жизни», употребившие приведенное в кавычках избитое выражение), слышатся отдельные ноты действительно серьезного принципиального содержания. Делаются попытки взглянуть на «столыпинский период» русской истории, как на нечто целое.

Столыпин был главой правительства контрреволюции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период. Его можно охарактеризовать с внешней стороны, как период подготовки и осуществления государственного переворота 3-го июня 1907 г. Именно летом 1906 г., когда Столыпин в роли министра внутренних дел выступил перед I Думой, началась подготовка этого переворота, который показал теперь уже все свои плоды во всех областях нашей общественной жизни. Спрашивается, на какие общественные силы опирались деятели этого переворота или какие силы направляли этих деятелей? Каково было социально-экономическое содержание «третьеиюньского»

периода? — Личная «карьера» Столыпина дает поучительный материал и интересные иллюстрации по этому вопросу.

Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, — «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), — организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром), — становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем совета министров со времени разгона первой Гос. думы. Такова, в самых кратких чертах, политическая биография Столыпина. И эта биография главы контрреволюционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контрреволюцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот класс — русское благородное дворянство, с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Этот класс — те тридцать тысяч крепостников-землевладельцев, в руках которых находятся 70 миллионов десятин земли в Европейской России, т. е. столько же, сколько имеют десять миллионов крестьянских дворов. Земельные латифундии в руках этого класса — основа той крепостнической эксплуатации, которая под разными видами и названиями (отработки, кабала и т. д.) царит в исконно-русском центре России. «Малоземелье» русского крестьянина (если употребить излюбленное либеральное и народническое выражение) есть не что иное, как обратная сторона *многоземелья* этого класса. Аграрный вопрос, стоявший в центре нашей революции 1905 г., сводился к тому, сохранится ли помещичье землевладение — в таком случае *неизбежно* сохранение на долгие и долгие годы нищенского, убогого, голодного, забитого и задавленного крестьянства, как массы населения, — или масса населения сумеет завоевать себе сколько-нибудь человеческие, сколько-нибудь похожие на европейские свободные условия жизни, — а это было *неосуществимо* без революционного уничтожения помещичьего землевладения и неразрывно связанной с ним помещичьей монархии.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии.

Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия. Монархия *не могла* поступать иначе, когда с полной определенностью выяснилось, и выяснилось на опыте, и *до* Думы, в 1905 г., и *при* Думе, в 1906 г., что громадная, подавляющая масса населения уже сознала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса. Нет ничего более поверхностного и более фальшивого, как уверения кадетских писателей, что нападки на монархию были у нас проявлением «интеллигентского» революционаризма. Напротив, объективные условия были таковы, что борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии. Царизму *пришлось* вести борьбу не на живот, а на смерть, *пришлось* искать иных средств защиты, кроме совершенно обессилевшей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии. Единственное, что оставалось царской монархии в таком положении, была организация черносотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то донельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее и беззаветное содействие революции, организация революции для *свержения* такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

И вожди нашей либеральной буржуазии, высокоморально осуждающие погромы, вступали в переговоры с погромщиками, признавая за ними не только право на существование, но и гегемонию в деле устройства новой России и управления ею! Умерщвление Столыпина послужило поводом к целому ряду интересных разоблачений и признаний, касающихся этого вопроса. Вот, напр., письма Витте и Гучкова о переговорах первого с «общественными деятелями» (читай: с вождями умеренно-либеральной монархической буржуазии) о составлении министерства после 17 октября 1905 г. В переговорах с Витте — эти переговоры, видимо, были продолжительны, ибо Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров», — участвовали Шинов, Трубецкой, Урусов, М. Стахович, т. е. будущие деятели и кадетской, и «мирно-обновленческой», и октябристской партий. Разошлись, оказывается, из-за Дурново, которого «либералы» не допускали в роли министра внутренних дел, а Витте ультимативно отставал. При этом Урусов, кадетское светило в I Думе, явился «горячим защитником кандидатуры Дурново». Когда князь Оболенский выдвинул кандидатуру Столыпина, «кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием». «Определенно помню — пишет Гучков — отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, никто не делал».

Теперь кадетская печать, желающая подчеркнуть свой «демократизм» (не шутите!) особенно, может быть, ввиду выборов по 1-ой курии в Петербурге, где кадет боролся с октябристом, пытается кольнуть Гучкова по поводу тогдашних переговоров. «Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова — пишет «Речь» от 28 сентября — в угоду начальству оказывались коллегами единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!» Передовица «Русских Ведомостей» от того же числа повторяет на разные лады тот же самый кадетский упрек октябристам.

Позвольте, однако, гг. кадеты: какое право *вы-то* имеете упрекать октябристов, если в тех же самых переговорах участвовали и *ваши* люди, даже защищавшие Дурново? Разве кроме Урусова *все* кадеты не были тогда, в ноябре 1905-го года, в положении людей, «обращенных взорами

к начальству» и «спиной к общественному мнению»? Милые бранятся — только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий — вот что *приходится* сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с «переговорами» конца 1905 года. Препирательство подобного рода служит только для затушевывания действительно важного, исторически бесспорного факта, что *все* оттенки либеральной буржуазии, от октябристов вплоть до кадетов, были «обращены взорами к начальству» и поворачивались «спиной» к демократии с тех пор, как наша революция приняла действительно народный характер, т. е. стала демократической по составу ее активных участников. Столыпинский период русской контрреволюции тем и характеризуется, что либеральная буржуазия отворачивалась от демократии, что Столыпин мог поэтому обращаться за содействием, за сочувствием, за советом то к одному, то к другому представителю этой буржуазии. Не будь такого положения вещей, Столыпин не мог бы осуществлять гегемонию Совета объединенного дворянства над буржуазией, настроенной контрреволюционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии.

Эта сторона дела заслуживает особенного внимания, ибо именно ее упускает из виду — или намеренно игнорирует — наша либеральная печать и такие органы либеральной рабочей политики, как «Дело Жизни». Столыпин — не только представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода». Столыпин — министр такой эпохи, когда во *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетской, господствовало контрреволюционное настроение, когда крепостники *могли* опираться и опирались на такое настроение, *могли* обращаться и обращались с «предложениями» (руки и сердца) к вождям этой буржуазии, *могли* видеть даже в наиболее «левых» из таких вождей «оппозицию его величества», *могли* ссылаться и ссылались на поворот идейных вождей либерализма в их сторону, в сторону реакции, в сторону борьбы с демократией и оплевания демократии. Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым

ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту *буржуазную* политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила вконец *такую* политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах *последней возможной* для царизма политики.

Диктатура крепостника-помещика не была направлена при Столыпине против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть; когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку, и была оформлена возможность переговоров и стоговоров с короной; когда гг. Струве и прочие веховцы с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского; когда г. Милюков провозглашал кадетскую оппозицию «оппозицией его величества» (его величества крепостника последыша). И тем не менее, несмотря на эти более благоприятные для гг. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные условия, какие только мыслимы с точки зрения соотношения общественных сил в капиталистической России XX века, несмотря на это, политика Столыпина потерпела крах; Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия.

* * *

Отношения Столыпина к вождям буржуазии, и обратно, характеризуются особенно рельефно эпохой I Думы. «Время с мая по июль 1906 года, — пишет «Речь», — было решающим в карьере Столыпина». В чем же был центр тяжести этого времени?

«Центр тяжести того времени — заявляет официальный орган кадетской партии — заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Не правда ли, вот поистине ценное признание! Сколько копий было сломано с кадетами в то время из-за вопроса о том, можно ли видеть «центр тяжести» той эпохи в «думских выступлениях»? Сколько сердитой брани, сколько высокомерных доктринерских поучений было тогда в кадетской печати по адресу социал-демократов, утверждавших весной и летом 1906-го года, что *не* в думских выступлениях заключается центр тяжести того времени! Сколько попреков всему русскому «обществу» бросала тогда «Речь» и «Дума» за то, что общество мечтает о «конвенте» и недостаточно восторгается кадетскими победами на «парламентской» перводумской арене! Прошло пять лет, приходится дать общую оценку перводумской эпохе, и кадеты с такой легкостью, точно они меняют перчатки, провозглашают: «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Конечно, нет, господа! В чем же был центр тяжести?

... «За кулисами — читаем в «Речи» — шла острая борьба между представителями двух течений. Одно рекомендовало искать соглашения с народным представительством, не отступая и перед составлением «кадетского министерства». Другое требовало резкого шага, роспуска Гос. думы и изменения избирательного закона. Такую программу проводил Совет объединенного дворянства, опиравшийся на могущественные влияния... «Столыпин некоторое время колебался. Есть указания, что он два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства, при участии Столыпина в качестве министра внутренних дел. Но в то же время Столыпин, несомненно, находился в сношениях с Советом объединенного дворянства».

Так пишут историю гг. образованные, ученые, начитанные вожди либералов! Выходит, что «центр тяжести» был не в выступлениях, а в борьбе двух течений внутри черносотенной царской камарильи! Политику «натиска» сразу и без оттяжек вел Совет объединенного дворянства — т. е. не лица, не Николай Романов, не «одно течение» в «сферах», а *определенный класс*. Своих соперников *справа* кадеты видят ясно, трезво. Но то, что было *слева* от кадетов, исчезло из их поля зрения. Историю делали «сферы», Совет объединенного дворянства и кадеты — простонародье, конечно, в делах истории не участвовало! Определенному классу (дворянству) противостояла *надклассовая* партия «народной свободы», а сферы (т. е. царь-батюшка) колебались.

Ну, можно ли себе представить более корыстную классовую слепоту? большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?

Хуже всякого слепого тот, кто *не хочет* видеть демократии и ее сил.

Центр тяжести перводумской эпохи заключался, конечно, не в думских выступлениях. Он заключался во введумской борьбе классов, борьбе помещиков-крепостников и *из* монархии с народной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время снова стало подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднялись весной и летом 1906 г. *Вот почему*, господа кадетские историки, «сферы» колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли *сразу* совершить государственный переворот при данной силе революции, или надо еще *выждать*, еще поводить за нос буржуазию.

Помещиков (Романова, Столыпина и К^о) первая Дума вполне убедила в том, что мира у них с крестьянской массой и рабочими быть не может. И это их убеждение соответствовало объективной действительности. Оставалось решить второстепенный вопрос: когда и как, сразу или постепенно изменить избирательный закон. Буржуазия колебалась, но все ее поведение — даже кадетской буржуазии — показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции. Поэтому помещики и

соблаговоляли привлекать вождей буржуазии (Муромцева, Гейдена, Гучкова и К^о) к совещаниям, нельзя ли *вместе* составить министерство. И буржуазия *вся*, вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией, — но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не послала на совещание с вождями революции о том, как свергнуть самодержавие и монархию.

Вот основной урок «столыпинского» периода русской истории. Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова, наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми, Львовыми и Гучковыми совершенно несущественно — вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова — Пуришкевича — Столыпина и получали такие... «поцелуи».

Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — идти в рабство к Пуришкевичам, Марковым, Толмачевым, под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых.

О НОВОЙ ФРАКЦИИ ПРИМИРЕНЦЕВ ИЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ

«Информационный Бюллетень»⁸⁹ Заграничной технической комиссии (№ 1 от 11 августа 1911 г.) и вышедший почти одновременно, тоже в Париже, листок «Ко всем членам РСДРП», подписанный «Группа большевиков-партийцев», представляют из себя одинаковые по содержанию выступления против «официального большевизма» или, по другому выражению, против «большевиков-ленинцев». Выступления эти очень сердитые, — в них больше сердитых восклицаний и декламации, чем содержания, — но тем не менее на них следует остановиться, ибо затрагиваются здесь важнейшие вопросы нашей партии. И мне тем естественнее будет взяться за оценку новой фракции, что я, во-1-х, писал как раз по тем же самым вопросам и как раз от имени *всех* большевиков *ровно 1 1/2 года* тому назад (см. «Дискуссионный Листок» № 2*), а во-2-х, я вполне сознаю свою ответственность за «официальный большевизм». Что касается до выражения «ленинцы», то оно просто есть неудачное покушение на колкость — дескать, только о сторонниках *одного* лица идет здесь речь! — на деле все прекрасно знают, что вопрос отнюдь не идет о разделяющих мои лично взгляды на те или иные стороны большевизма.

Авторы листка, подписываясь «партийные большевики», называют себя еще «нефракционными большевиками», оговариваясь, что их «здесь» (т. е. в Париже) «довольно неудачно» называют примиренцами. На деле именно такое название, установившееся уже более чем 1 1/4 год тому

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 187—234. Ред.

назад и не только в Париже, не только за границей, но и в России, является единственно правильно передающим политическую сущность новой фракции, как убедится читатель из дальнейшего изложения.

Примиренчество есть сумма настроений, стремлений, взглядов, связанных неразрывно с самой сутью исторической задачи, поставленной перед РСДРП в эпоху контрреволюции 1908—1911 гг. Поэтому целый ряд с.-д. в этот период «впадал» в примиренчество, исходя из самых различных посылок. Последовательнее всех выразил примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытался подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменение в отношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций лежит в основе процесса слияния фракций, а дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между всеми «интеллигентскими» фракциями. Троцкий упорно и проповедует — уже давно, колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков — такое соглашение (или компромисс) между всеми и всяческими фракциями.

Обратный взгляд (см. №№ 2 и 3 «Дискуссионного Листка»*) состоит в том, что фракции порождены отношением между классами в русской революции. Большевики и меньшевики только формулировали ответы на вопросы, поставленные перед пролетариатом объективной действительностью 1905—1907 годов. Поэтому лишь внутренняя эволюция этих фракций, «сильных» фракций, сильных глубиной своих корней, сильных соответствием их идей с известными сторонами объективной действительности, — исключительно внутренняя эволюция именно этих фракций способна обеспечить реальное слияние фракций, т. е. создание действительно вполне единой партии пролетарского, марксистского, социализма в России. Отсюда практический вывод: только сближение на работе этих двух сильных фракций и только в меру их очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 190—193, 357—358. Ред.

отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство — путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально, в отличие от тьмы шарлатанских посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех» фракций.

Эти два взгляда наметились еще до пленума, когда я в беседах выдвинул лозунг: «сближение двух сильных фракций, а не хныканье о распущении фракций», — о чем поведал публике тотчас после пленума «Голос Социал-Демократа». Эти два взгляда я прямо, определенно и систематически изложил в мае 1910 года, т. е. 1½ года тому назад и притом на «общепартийной» арене в «Дискуссионном Листке» (№ 2). Если «примиренцы», с которыми мы спорили на эти темы с ноября 1909 года, не собрались до сих пор ни разу ответить на эту статью, ни разу не попытались вообще разобраться этот вопрос сколько-нибудь систематически, изложить свои взгляды сколько-нибудь открыто и цельно, то вина в этом всецело ложится на них. Они называют свое фракционное выступление в листке от имени особой группы «гласным ответом»: этот гласный ответ людей, остававшихся безгласными больше года, не есть ответ на вопрос, как он давно поднят, как он давно обсужден, как он давно разрешен в двух принципиально различных направлениях, а есть самая безнадежная путаница, самое безбожное смешение двух непримиримых ответов. Нет ни единого положения, которое авторы листка не выставляли бы без того, чтобы тут же не побить его. Нет ни единого положения, о котором якобы большевики (на деле непоследовательные троцкисты) не дали бы перепева ошибок Троцкого.

В самом деле, взгляните на основные мысли листка. Кто такие его авторы? Они говорят, что большевики, «не разделяющие организационных взглядов официального большевизма». Как будто бы «оппозиция» только по организационному вопросу, не правда ли? Читайте следующую фразу: «...Именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии, выдвигаются на первый план теперь, как и 1½ года тому назад». Это прямо неверно и это есть как раз та принципиальная ошибка Троцкого, которую я разоблачил 1½ года тому назад. На пленуме организационный вопрос мог казаться первостепенным лишь потому и постольку, поскольку

отказ всех течений от ликвидаторства принимался за реальность вследствие того, что и голосовцы, и впередовцы «подписали», «утешали» партию, резолюции против ликвидаторства и против отзовизма. Ошибка Троцкого в том состояла, что он продолжал выдавать эту кажимость за реальность после того, как «Наша Заря» с февраля 1910 окончательно выкинула знамя ликвидаторства, а впередовцы в своей пресловутой N-ой школе⁹⁰ — знамя защиты отзовизма. На пленуме принятие кажимости за реальность могло быть результатом самообмана. После пленума, с весны 1910 г., Троцкий обманывал рабочих самым беспринципным и бессовестным образом, уверяя, что препятствия объединению главным образом (если не только) организационные. Этот обман продолжают в 1911 г. примиренцы парижские, ибо говорить теперь, что организационные вопросы стоят на первом плане, есть насмешка над истиной. На деле на первом плане стоит теперь вопрос отнюдь не организационный, а вопрос о всей программе, псей тактике, всем характере партии, вернее о двух партиях, о соц.-дем. рабочей партии, и о столыпинской рабочей партии гг. Потресовых, Смирновых, Лариных, Левицких и К^о. Примиренцы парижские точно проспали 1½ года после пленума, в течение которых вся борьба с ликвидаторами передвинулась и у нас, и у партийных меньшевиков с вопросов организационных на вопросы о бытии с.-д. — а не либеральной — рабочей партии. Спорить теперь, скажем, с господами из «Нашей Зари» об организационных вопросах, об отношении легальной и нелегальной организации, значило бы ломать комедию, ибо эти господа вполне могут признать такую «нелегальную» организацию, как «Голос», прислуживающий ликвидаторам! Давно уже сказано, что такую нелегальную организацию, которая бы служила монархическому либерализму, признают и практикуют наши кадеты. Примиренцы называют себя большевиками, чтобы 1½ года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени всего большевизма!) ошибки Троцкого. Ну, разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты?

Читайте несколько дальше: «Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции ЦО задачу борьбы с ликвидаторством»... Неужели можно серьезно утверждать, что «задача борьбы с ликвидаторством» есть задача организационная? Примиренцы сами заявляют, что расходятся с большевиками *не только* по организационным вопросам! В чем же именно? Они молчат. Их «гласный ответ» продолжает быть ответом безгласных... или беззаботных?... людей. В течение 1½ лет они не собрались *ни единого разу* поправить «официальный большевизм» или изложить *свое* понимание задачи борьбы с ликвидаторством! А борьбу эту официальный большевизм ведет ровно три года, с августа 1908 года. Сопоставляя эти общеизвестные даты, мы невольно ищем объяснения странной «безгласности» примиренцев, и эти поиски невольно приводят на память Троцкого и Ионова⁹¹, уверявших, что они *тоже* против ликвидаторов, но *иначе* понимают задачу борьбы с ними. Смешно ведь это, товарищи: через три года после начала борьбы заявлять, что вы *иначе* ее понимаете. *Такое* инакопонимание как две капли воды похоже на полное непонимание!

Пойдем дальше. Гвоздь теперешнего партийного кризиса, несомненно, сводится к вопросу: полное отделение нашей партии, РСДРП, от ликвидаторов (голосовцев в том числе) или продолжение политики соглашения с ними. Едва ли найдется хоть один с.-д., сколько-нибудь знакомый с делом, который стал бы отрицать, что в этом вопросе *суть* всего теперешнего партийного положения. Какой же ответ дают на него примиренцы?

«Нам говорят, — пишут они в листке, — что этим (поддержкой совещания) мы нарушаем партийные формы и производим раскол. Мы не думаем этого (sic!). Но если бы это было так, мы бы этого не боялись». (Следует указание на срыв пленума Заграничным бюро ЦК, на то, что «на ЦК ведут азартную игру», что «партийные формы стали наполняться фракционным содержанием» и т. д.)

Этот ответ, поистине, можно назвать «классическим» образчиком идейной и политической беспомощности! Подумайте только: выдвинуто-де обвинение в расколе. И вот

* — так: Ред.

новая фракция, претендуя на указание пути партии, объявляет печатно и публично: «мы не думаем этого» (т. е. не думаете, что раскол есть и будет?), «но»... но «мы бы не побоялись этого».

Ручаться можно, что в истории политических партий *такого* примера путаницы не найти. Если вы «не думаете», что раскол есть и будет, объясните же это! объясните, *почему* можно работать с ликвидаторами! скажите прямо, что с ними *можно* — а значит и должно — работать.

Наши примиренцы не только не говорят этого, а говорят обратное. В редакционной статье № 1 «Бюллетеня» (примечание прямо оговаривает, что против этой статьи был большевик, сторонник большевистской платформы = резолюции II Парижской группы) мы читаем:

...«Факт, что совместная работа с ликвидаторами в России невозможна», а несколько раньше признано, что между голосовцами и ликвидаторами «становится все труднее провести даже тончайшую грань».

Пойми, кто может! С одной стороны, официальнейшее заявление от имени Технической комиссии (в которой примиренцы с поддерживающими их теперь поляками составляют большинство против нас, большевиков), что *совместная работа невозможна*. По-русски это и называется объявлением раскола. Никакого другого смысла слово раскол не имеет. С другой стороны, тот же № 1 «Бюллетеня» вещает, что Техническая комиссия была создана «не для раскола, а в целях предотвращения его», и те же примиренцы пишут, что они «не думают этого» (что раскол есть и будет).

Можно ли представить себе большую путаницу?

Если совместная работа *невозможна*, то это объяснимо для с.-д., это может быть оправдано в глазах с.-д. *либо* вопиющим нарушением партийных решений и обязательств известной группой лиц (и тогда раскол неизбежен с *этой* группой лиц), *либо* коренным принципиальным расхождением, направляющим *всю* работу известного течения *прочь* от социал-демократизма (и тогда раскол неизбежен с *целым* течением). У нас налицо, как известно, оба эти случая: с ликвидаторским *течением* объявил невозможным работать пленум 1910 года, а с голосовской *группой*, нарушившей все обязательства и перешедшей окончательно к ликвидаторам, раскол совершается теперь.

Кто сознательно говорит: «совместная работа невозможна», кто продумал сколько-нибудь это заявление и понял его принципиальные основы, тот неизбежно направил бы все внимание и все усилия на то, чтобы выяснить эти основы перед самой широкой массой и избавить ее возможно скорее и полнее от пустых и вредных попыток продолжать *какие бы то ни было* сношения с тем, с кем работать *невозможно*. А кто делает это заявление и в то же время добавляет: «мы не думаем», что будет раскол, «но мы не побоимся этого», тот обнаруживает этим путаным и робким языком, что он *боится самого себя*, боится сделанного им шага, боится созданного положения! Именно такое впечатление не может не производить листок примиренцев, которые в чем-то хотят оправдаться, перед кем-то хотят выставить себя «добрыми», кому-то подмигивают... Мы сейчас увидим, какое значение имеет их перемигивание с «Впередом» и «Правдой». Мы должны сначала покончить с тем, как понимают примиренцы «итог периода, протекшему со времени пленума», итог, который подвело совещание цеккистов.

Необходимо в самом деле *понять* этот итог, понять, почему он стал неизбежным, — иначе наше участие в событиях будет стихийное, беспомощное, случайное. Посмотрите же на это *понимание* у примиренцев. Как отвечают они на вопрос, почему из дел пленума, из решений его, объединительных по преимуществу, вытек раскол между ЗБЦК (= ликвидаторами) и антиликвидаторами? Ответ на этот вопрос у наших непоследовательных троцкистов просто списан у Троцкого и Ионова, и мне приходится повторять сказанное в мае прошлого года* против этих последовательных примиренцев.

Ответ примиренцев: виновата фракционность, фракционность меньшевиков, впередовцев, «Правды» — мы перечисляем фракционные группы в порядке листка — и, наконец, «официальных представителей большевизма», которые «пожалуй превзошли все эти группы в фракционных стремлениях». *Нефракционными* авторы листка прямо и определенно называют только самих себя, парижских примиренцев. Все порочны — мы добродетельны. Никаких идейных причин, вызывающих разбираемое явление, при-

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 187—234. *Ред.*

миренцы не приводят. Ни на какие организационные или какие бы то ни было иные особенности групп, вызвавшие это явление, они не указывают. Ничего, ровнехонько ничего не дают в *объяснение*, кроме ссылки на фракционность = порок, нефракционность = добродетель. Разница между примиренцами в Париже и Троцким только та, что первые считают Троцкого фракционным, а себя нет, второй же наоборот.

Не могу не сознаться, эта постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений приводятся *только* порочность одних и добродетельность других, всегда напоминает мне те афишированно-благообразные физиономии, при виде которых невольно приходит мысль: «а вероятно, это — шулер».

Подумайте над следующим сопоставлением: наши примиренцы нефракционны, добродетельны. Мы, большевики, превзошли все группы в фракционных стремлениях, т. е. мы самые порочные. *Поэтому* добродетельная фракция поддержала наиболее порочную, большевистскую, в борьбе с ЗБЦК!! Некругло выходит у вас, товарищи! Вы запутываетесь все больше и больше с каждым заявлением, кое вы делаете.

Вы делаете себя смешными, перебрасываясь с Троцким — точно мячиком играя — взаимными обвинениями в фракционности: вы не даете себе труда *подумать*, что такое фракция? Попробуйте дать определение, и мы вам предсказываем, что вы запутаетесь еще больше, ибо вы сами — фракция, колеблющаяся, беспринципная, не понявшая того, что было на пленуме и после пленума, фракция.

Фракция есть организация внутри партии, объединенная не местом работы, не языком или другими объективными условиями, а особой платформой взглядов на партийные вопросы. Авторы листка — фракция, ибо листок есть их платформа (весьма плохая, но бывают фракции с неверными платформами). Они — фракция, ибо они, как и всякая организация, связаны внутренней дисциплиной: их представителя в Техническую комиссию и Организационную комиссию назначает их группа по большинству голосов, она же составляет и издает листок-платформу *и так далее*. Таковы объективные факты, осуждающие на *лицемерие* крики против фракционности. И Троцкий, и «непоследовательные троцкисты» уверяют, что у них нет фракции,

ибо... «единственная» цель сплочения (во фракцию) есть уничтожение фракций, проповедь слияния их и т. д., но все подобные уверения есть лишь самовосхваление и трусливая игра в прятки, по той простой причине, что *факт* существования фракции не затрагивается какой угодно (хотя бы архидобродетельной) *целью* фракции. *Всякая* фракция убеждена в том, что *ее* платформа и политика есть *лучший* путь к уничтожению фракций, ибо идеалом существование фракций никто не считает. Разница только та, что фракции с ясной, последовательной, цельной платформой *прямо* защищают *свою* платформу, а фракции беспринципные *прячутся* за дешевые крики о своей добродетельности, о своей нефракционности.

В чем причина существования фракций в РСДРП? В том, что они — продолжение раскола 1903—1905 годов. Они — результат слабости местных организаций, *бессильных* помешать превращению литераторских групп, выражающих новые течения и течения, в новые «фракции», т. е. в организации, ставящие внутреннюю дисциплину на первый план. В чем залог уничтожения фракций? *Только* в полном изживании раскола времен революции (а к этому ведет *исключительно* очищение от ликвидаторства и отзовизма двух главных фракций), в создании такой сильной пролетарской организации, которая может заставить меньшинство подчиняться большинству. Пока такой организации нет, *только* соглашение всех фракций *могло бы* ускорить процесс их исчезновения. Отсюда ясна и идейная заслуга пленума и его *примиренческая ошибка*: заслуга — отметение идей ликвидаторства и отзовизма; ошибка — соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний («резолюцию подписали») и их дел. Идейное сближение на почве борьбы с ликвидаторством и отзовизмом идет вперед — вопреки всем препятствиям и трудностям. Примиренческая ошибка пленума* привела вполне неизбежно к краху его примиренческих решений, т. е. к краху *союза* с голосовцами. Разрыв большевиков (а потом и совещания цекистов) с ЗБЦК есть *исправление* примиренческой ошибки пленума: сближение фракций, *борющихся* с ликвидатор-

* Ср. «Дискуссионный Листок» № 2. (См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 187—234. Ред.)

ством и отзовизмом, пойдет теперь *помимо* форм пленума, ибо эти формы не соответствовали содержанию. Все примиренчество вообще и примиренчество пленума потерпело крах, ибо содержание работы *разъединяло* ликвидаторов и социал-демократов, и никакие формы, никакая дипломатия и игра примиренцев *не могли* осилить этого разъединительного процесса.

С этой — и только с этой точки зрения, развитой мною в мае 1910 г. — *все*, происшедшее после пленума, становится понятным, неизбежным, вытекающим не из «порочности» одних, «добродетельности» других, а из объективного хода событий, обособляющего ликвидаторское *течение* и отмечающего промежуточные группы и группки.

Примиренцы вынуждены, чтобы затушевать этот бесспорный политический факт полного *краха* примиренчества, доходить до прямого извращения фактов. Слушайте: «Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем бдльший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений».

Эта тирада есть не что иное, как трусливое и запоздалое «*оправдание*»... ликвидаторства, ибо именно представители этого течения всегда ссылались на «фракционность» большевиков. Это оправдание запоздало, ибо *долгом* всякого партийца на деле (в отличие от людей, пользующихся лозунгом партийности, как рекламой) было выступить *тогда, когда* началась эта «фракционность», а не 1¹/₂ года спустя! Примиренцы — защитники ликвидаторства *не могли* выступить и не выступили раньше, ибо у них *нет фактов*. Они пользуются теперешним «смутным временем», чтобы выдвигать голословные фразы ликвидаторов. Факты же говорят ясно и недвусмысленно: тотчас после пленума, в феврале 1910 г., г. Потресов выкинул знамя ликвидаторства. Тотчас же, в феврале или марте, предали партию гг. Михаил, Роман, Юрий. Тотчас же голосовцы подняли агитацию за «Голос» (см. об этом в «Дневнике» Плеханова *на другой день* после пленума) и возобновили «Голос». Тотчас же впередовцы начали строить *свою* «школу». Напротив, *первый* фракционный шаг

большевиков есть основание «Рабочей Газеты» в *сентябре* 1910 года, *после* разрыва Троцкого с представителями ЦК.

Зачем понадобилось примиренцам это извращение общеизвестных фактов? Чтобы мигнуть ликвидаторам, чтобы подслужиться им. С одной стороны, «совместная работа с ликвидаторами невозможна». С другой, их *«оправдывает»* фракционность большевиков!! Мы спрашиваем любого не зараженного заграничной дипломатией социал-демократа: какого политического доверия заслуживают люди, путающиеся в таких противоречиях? Они заслужили тех поделуев, которыми публично награждал их «Голос», и только.

Нашей *«фракционностью»* называют примиренцы *беспощадность* нашей полемики (за что они тысячи раз слогесно порицали нас на общих собраниях в Париже) и беспощадность *разоблачения* ликвидаторов (они были *против* разоблачения Михаила, Юрия и Романа). Примиренцы все время защищали и прикрывали ликвидаторов, *не смея* высказать открыто своей защиты ни единого раза ни в «Дискуссионном Листке», ни в едином печатном, публичном воззвании. И теперь свое бессилие, свою трусость они бросают под колеса партии, начавшей решительно отмежевываться от ликвидаторов. Ликвидаторы говорят: ликвидаторства нет, его «раздули» большевики (см. резолюцию кавказских ликвидаторов⁹² и речи Троцкого). Примиренцы говорят: с ликвидаторами работать невозможно, *но... но* «оправдание» им дает фракционность большевиков. Неужели не ясно, что действительный смысл этого смешного противоречия субъективных суждений один, и только один: трусливая защита ликвидаторства, стремление из-за угла подставить ножку большевикам и оказать поддержку ликвидаторам?

Но это еще далеко не все. Худшее и злейшее извращение фактов есть утверждение, будто бы мы имели «большаяство» *«в главнейших партийных учреждениях»*. Эта вопиющая неправда имеет только одну цель: прикрыть *политический* крах примиренчества. Ибо на деле *ни в едином* «главнейшем партийном учреждении» большевики после пленума большинства *не имели*, а имели его как раз примиренцы. Пусть найдется человек, который попробует оспорить следующие факты. «Главнейших пар-

тийных учреждений» после пленума было только три: 1) бюро ЦК в России — преимущественно *примиренцы**; 2) ЗБЦК — с января 1910 г. по ноябрь 1910 г. в нем большевиков представлял *примиренец*; так как *официально* на примиренческой точке зрения стояли и бундовец и латыш, то большинство, значит, 11 месяцев после пленума было *примиренческое*; 3) редакция ЦО — в ней два «большевика-фракционера» противостояли двум голосовцам: большинства *не было* без поляка.

Зачем понадобилась примиренцам прямая неправда? А именно затем, чтобы спрятать голову под крыло, чтобы прикрыть *политический* крах примиренчества. Примиренчество господствовало на пленуме, оно имело *большинство* во всех главнейших практических центрах партии после пленума, и оно потерпело за полтора года *полный крах*: оно никого не «примирило», ровно ничего нигде не создало, оно беспомощно колебалось из стороны в сторону, вполне заслужив за это поцелуи голосовцев.

И в особенности полный крах постиг примиренцев в *России* — это тем важнее подчеркнуть, чем усерднее демагогические ссылки парижских примиренцев на Россию. Россия — примиренческая, в противовес за границе, таков основной мотив примиренцев. Сличите эти *слова* с *фактами* — и вы поймете, что это самая пустая и самая дешевенькая демагогия. Факты говорят, что в Русском бюро ЦК *больше года* после пленума были *только* примиренцы, только они делали официальные доклады о пленуме, официально совещались с легалистами, только они назначали агентов и посылали их в разные учреждения, только они распоряжались всеми деньгами, которые из ЗБЦК посылались беспрекословно, только они вели переговоры с «российскими», подававшими надежды по части путаницы (т. е. по части примиренчества), литераторами и т. п.

И результат?

Результат — ноль. Ни единого листка, ни единого выступления, ни одного органа, ни одного «примирения». А у большевиков-«фракционеров» (чтобы не говорить о том, о чем говорит открыто лишь помогающий охранке

* Конечно, примиренец примиренцу ровень. И далеко не все бывшие члены Русского бюро могут (и желают) брать на свою ответственность все благоглупости парижских примиренцев — простых подголосков Троицкого.

г. Мартов) — заграничная «Рабочая Газета», вставшая на ноги через два номера. Примиренчество = ноль, слова, пустые пожелания (и подножки большевизму на основе этих «примирительных» пожеланий); большевизм «официальный» делами доказал свое полное преобладание именно в России.

Что же это — случайность? результат арестов? но аресты могли «ссадить» *не работавших* в партии ликвидаторов, большевиков же и примиренцев они косили одинаково.

Нет, это не случайность и не результат удачи или успеха *лиц*. Это — результат краха политического *направления*, фальшивого в своих исходных пунктах. Фальшива в примиренчестве *основа* — стремление построить единство партии пролетариата на союзе *всех*, в том числе и антисоциал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его «объединительного» прожектерства, приводящего к пуффу, фальшивы фразы против «фракций» (при образовании *на деле* новой фракции), — фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проводящую $\frac{9}{10}$ борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства дает нам в изобилии Троцкий. Припомните хотя бы (беру один из новейших примеров), как он хвалил парижскую «Рабочую Жизнь»⁹³, руководимую парижскими примиренцами и голосовцами поровну. Вот восторг-то! писал Троцкий, «ни большевик, ни меньшевик, а революционный социал-демократ». Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д., кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т. е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными *не* с.-д. течениями. Целуя «Рабочую Жизнь» — никакой борьбы с *неревolutionными* с.-д. в России не ведшую — Троцкий только *разоблачал* план ликвидаторов, коим он служит верой и правдой: *равенство* в ЦО означает прекращение *борьбы* с ликвидаторами; ликвидаторы на деле имеют полную свободу борьбы с партией, а партию *пусть свяжет* по рукам и по ногам «равенство» голосовцев и партийцев в ЦО (и в ЦК). Победа ликвидаторов была бы тогда вполне обеспечена, и только лакеи ликвидаторов могли проводить или защищать такой план.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства, обещающего мир и благодать без долгой, упорной, отчаянной борьбы с ликвидаторами, мы видели на пленуме у Ионова, Иннокентиева и др. примиренцев. Мы видели такой же пример в листке наших примиренцев, оправдывающих ликвидаторство «фракционностью» большевизма. Еще пример: их речи об «изоляции» большевиков *от других течений* («Вперед», «Правда»), *стоящих на почве нелегальной с.-д. партии*.

Курсив этой замечательной тирады принадлежит нам. В этой тираде — как солнце в малой капле вод — отразилась вся беспринципность примиренчества — основа его политического бессилия.

Во-первых, представляют ли «Правда» и «Вперед» с.-д. течения? Нет, не представляют, ибо «Вперед» представляет течение *несоциал-демократическое* (отзовизм и махизм), а «Правда» представляет группку, *ни по одному* важному принципиальному вопросу революции и контрреволюции *не давшую* самостоятельных и цельных ответов. А *течением* можно назвать только тающую сумму политических идей, которые определились на *всех* важнейших вопросах и революции (ибо мы от нее слишком мало отошли и от нее во всех отношениях зависим), и контрреволюции, и которые кроме того доказали свое право на существование, как течение, распространением среди широких слоев рабочего класса. И меньшевизм, и большевизм — с.-д. течения, это доказано опытом революции, историей 8-летнего рабочего движения. Группок, *никакого течения* не представляющих, за это время была масса, как было их много и раньше. Смешивать течение с группками значит осуждать себя в партийной политике на *интриганство*. Ибо появление беспринципных группок, их эфемерное существование, их потуги сказать «свое слово», их «сношения» друг с другом, как особых держав, это и есть база *заграничного интриганства*, от которого нет и не может быть спасения ни в чем, кроме строгой, выдержанной, опытом долгой истории рабочего движения проверяемой принципиальности.

Во-вторых — и здесь мы сразу наблюдаем практическое превращение беспринципности примиренцев в интриганство — листок парижан говорит прямую и заведомую неправду, когда заявляет: «отзовизм уже не находит

себе открытых сторонников и защитников в нашей партии». Это неправда, как известно всем и каждому. Эту неправду документально опровергает № 3 «Вперед» (май 1911), где *открыто* говорится, что отзовизм есть «*вполне законное течение в нашей партии*» (с. 78). Или наши примиренцы станут утверждать, что такое заявление *не защита* отзовизма?

Вот, когда люди не могут оправдать принципиально своего сближения с той или иной группкой, им остается только полптика маленькой лжи, мелкой лести, кивков и подмигиваний, т. е. именно того, что в сумме и дает понятие интриганства. «Вперед» хвалит примиренцев — примиренцы хвалят «Вперед» и облыжно успокаивают партию насчет отзовизма. А в результате торги и переторжки о местах и местечках с *защитниками* отзовизма, с *нарушителями* *в с е х* решений пленума. Тайком помогают ликвидаторам, тайком помогают отзовистам — вот судьба примиренчества, вот в чем бессильное и жалкое интриганство.

В-третьих. «Совместная работа с ликвидаторами в России невозможна». Эту истину должны были признать и примиренцы. Спрашивается, признают ли эту истину группки «Вперед» и «Правда»? Не только не признают, а прямо заявляют *обратное*, прямо требуют «совместной работы» с ликвидаторами, прямо *ведут ее* (см. хоть отчет 2-ой впередовской школы). Спрашивается, есть ли хоть *тень* принципиальности и *честности* в провозглашении политики сближения с группками, дающими *прямо обратные* ответы на *основные* вопросы? — ибо вопрос о ликвидаторстве прямой и единогласной резолюцией пленума признан одним из *основных* вопросов. Ясно, что нет, что тут перед нами идейная пропасть, а попытки построить через нее словесный мост, дипломатический мост, неизбежно, независимо от самых благих намерений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, осуждают их на интриганство.

И пока нам не покажут и не докажут на основании солидных данных и обзора важнейших вопросов, что «Вперед» и «Правда» представляют *с.-д. течения* (а никто даже не пытался за 1½ года после пленума доказать это и нельзя этого доказать), до тех пор мы не устанем разъяснять рабочим весь вред тех беспринципных уловок, тех интриганских уловок, к которым сводится проповедуемое

примиренцами сближение с «Впередом» и «Правдой». *Изоляция* от этих несоциал-демократических и беспринципных, помогающих ликвидаторам, группок есть *первая обязанность* революционных с.-д. Обращаться к русским рабочим, связанным с «Впередом» и «Правдой», через головы этих группок против этих группок — такова политика, которую большевизм вел, ведет и проведет через все препятствия.

Я сказал, что примиренчество потерпело уже за 1½ года своего *господства* в центрах партии полный политический крах. Обычный ответ на это: да, но это потому, что вы, фракционеры, нам мешали (см. письмо примиренцев — а не большевиков — Германа и Аркадия⁹⁴ в «Правде» № 20).

Вот в том и состоит *политический* крах направления и группки, что ей *все* «мешает», против нее *все* обращается, — ибо она неверно учла это «все», ибо она базой себе взяла пустые слова, вздохи, сожаление, хныканье.

А нам, господа, *все и вся* помогали, и в этом залог нашего успеха. Нам помогали гг. Потресовы, Ларины, Левицкие, ибо они *не могли* раскрыть рта, не подтверждая *наших* суждений о ликвидаторстве. Нам помогали гг. Мартовы и Даны, ибо они *заставили* всех согласиться с нашим суждением, что голосовцы и ликвидаторы едино суть. Нам помогал Плеханов *в той самой мере*, в которой он разоблачал ликвидаторов, указывал в резолюциях пленума оставленные (*примиренцами*) «лазейки для ликвидаторов», высмеивал (*проведенные примиренцами против нас*) «шухлые» и «интегралистские» места в этих резолюциях. Нам помогали русские примиренцы, «пригласившие» Михаила, Юрия и Романа с ругательными выходками против Ленина (см. «Голос») и тем подтверждавшие, что отказ ликвидаторов *не* зависел от злокозненности «фракционеров». Отчего же это так вышло, любезные примиренцы, что вам все мешали, несмотря на вашу добродетель, а нам все помогали, несмотря на нашу фракционную порочность?

Оттого, что политика вашей группки держалась только на фразе — зачастую очень благожелательной и благонамеренной — но пустой фразе. А действительное приближение единства создается *только* сближением *сильных* фракций, *сильных* своей идейной цельностью и влиянием на *массы*, проверенным опытом революции.

Фразой остаются и посейчас ваши восклицания против фракционности, ибо *вы сами фракция*, и притом одна из худших, ненадежнейших, беспринципных фракций. Фраза — ваше громогласное, широковещательное заявление (в «Информационном Бюллетене») — «ни сантима фракциям». Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы тратить *«сантимы»* на издание листка — платформы новой группки? Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы молчать при виде *фракционных* органов «Рабочая Газета» и «Дневник Социал-Демократа»? — могли бы вы не требовать их закрытия публично? * Если бы вы потребовали это, поставили такое условие серьезно, вас бы просто осмеяли. Если же вы, прекрасно чувствуя это, остаетесь при одних томных вздыханиях, разве это не доказывает паки и паки, что ваше примиренчество висит в воздухе?

Разоружение фракций возможно лишь на почве взаимности — иначе оно есть реакционный лозунг, глубоко вредный делу пролетариата, демагогический лозунг, ибо он только *облегчает* непримиримую борьбу ликвидаторов против партии. Кто выдвигает теперь этот лозунг, *после* неудачи его применения пленумом, *после* срыва слияния (фракций) фракциями голосовцев и впередовцев, кто делает это, даже не пытаясь, не смея повторить условие взаимности, ясно поставить его, определить средства контроля за *реальным* его выполнением, тот просто опьяняет себя звуками сладких слов.

Большевики, сплывайте, вы — единственный оплот последовательной и решительной борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом политику сближения с *антиликвидаторским* меньшевизмом, вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе *течений*, представляющих *все*, что есть сильного, здорового, жизнеспособного в *пролетарском* движении.

* Справедливость требует сказать, что парижские примиренцы, выпустившие теперь свой листок, были *против* образования «Рабочей Газеты» и *ушли* с первого собрания, на которое пригласила их редакция ее. Жалеем, что они не помогли нам (помогли в разоблачении пустоты примиренчества) открытым выступлением против «Рабочей Газеты».

Роль примиренцев в эпоху контрреволюции может быть охарактеризована такой картиной. Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы изо всех сил тащат его назад, под гору. *На возу* сидит примиренец. Вид у него умильный, умильный; лицо — сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура — воплощенная добродетель. И, скромно опустив очи долу, воздевая руки горè, примиренец восклицает: «благодарю тебя, господи, что я не похож на *этих* — кивок по адресу большевиков и меньшевиков — злокозненных фракционеров, мешающих всякому движению вперед». А воз двигается понемногу вперед, и на возу сидит примиренец. Когда большевики-фракционеры *разбили* ликвидаторский ЗБЦК и расчистили этим почву для постройки нового дома, для блока (или хотя бы временного союза) *партийных* фракций, тогда в этот дом вошли (ругая большевиков-фракционеров) примиренцы и окропили новоселье... святой водицей сладеньких речей о нефракционности!

Что стало бы из исторически-памятного дела старой «Искры», если бы она вместо последовательной, непримиримой принципиальной кампании против экономизма и «струвизма» пошла на какой-либо блок, союз или «слияние» *всех* групп и группок, которых было тогда за границей не меньше, чем теперь?

А между тем различия между нашей эпохой и эпохой старой «Искры» во много раз усиливают вред беспринципного и фразистого примиренчества.

Первое различие — то, что мы поднялись гораздо выше в развитии капитализма и буржуазии, в ясности классовой борьбы в России. Для *либеральной* рабочей политики господ Потресовых, Левицких, Лариных и К^о *есть* уже (и *впервые* в России *есть*) известная объективная почва. Столыпинский либерализм кадетов и столыпинская рабочая партия уже складываются. Тем вреднее на деле примиренческие фразы и интриги с заграничными группками, поддерживающими ликвидаторов.

Второе различие — неизмеримо более высокая ступень развития пролетариата, его сознательности и классовой сплоченности. Тем вреднее *искусственная* поддержка примиренцами эфемерных заграничных группок («Вперед»,

«Правда» и т. д.), не создавших и не могущих создать никакого течения в социал-демократии.

Третье различие: в эпоху «Искры» были нелегальные организации экономистов в России, которые приходилось разбивать, раскалывать, чтобы объединить против них революционных с.-д. Теперь параллельных нелегальных организаций нет, речь идет лишь о борьбе с обособившимися легальными группами. И этот процесс обособления (признать его вынуждены даже примиренцы) они тормозят своей политической игрой с заграничными фракциями, не желающими и не способными работать по линии такого размежевания.

Большевизм «перенес» отзовистскую болезнь, революционную фразу, игру в «левизну», шатание от социал-демократизма влево. Отзовисты выступили как фракция, когда уже нельзя было «отозвать» думских с.-д.

Большевизм перенесет и «примиренческую» болезнь, шатание в сторону ликвидаторства (ибо на деле примиренцы всегда были игрушкой в руках ликвидаторов). Примиренцы тоже безнадежно опоздали, выступив как фракция тогда, когда $1\frac{1}{2}$ года господства примиренчества после пленума уже исчерпали себя и примирять стало некого.

P. S.* Настоящий фельетон был написан больше месяца тому назад. Он критикует «теорию» примиренцев. Что касается до «практики» примиренцев, нашедшей себе выражение в безысходной, нелепой, никчемной, постыдной склоке, которая царит в № 2 «Бюллетеня» примиренцев и поляков, — то об этом не стоит терять ни одного слова.

«Социал-Демократ» № 34,
18 (31) октября 1911 г.
Подпись: В. И. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ

В будущем году предстоят выборы в IV Гос. думу. Социал-демократия должна *немедленно* открыть избирательную кампанию. «Оживление» среди *всех* партий ввиду предстоящих выборов уже заметно. Первая полоса периода контрреволюции явно кончилась: прошлогодние демонстрации, студенческое движение, голод в деревне и — последнее по счету, но не по важности! — стачечная волна, — все это указывает определенно на начало поворота, начало новой полосы периода контрреволюции. Усиленная пропаганда, агитация и организация стоят на очереди дня, и естественной, неизбежной, злободневной «защепкой» в такой работе являются предстоящие выборы. (Заметим в скобках, что те, кто подобно группке «впередовцев» среди с.-д. до сих пор колеблется насчет этих элементарных, вполне подтвержденных жизнью, опытом, партией истин, кто полагает, что «отзовизм» есть «законный оттенок» («Вперед», № 3, май 1911 г., с. 78), — те просто вычеркивают себя из числа сколько-нибудь серьезных направлений или течений в социал-демократии.)

Сначала — несколько замечаний об организации, постановке, ведении избирательной кампании. Чтобы *немедленно* начать ее, необходима немедленная *инициативная* деятельность нелегальных партийных ячеек РСДРП во всех концах страны, во всех и всяческих легальных и полуполегалных организациях, на всех крупных фабриках и заводах, среди всех слоев и групп населения. Надо смотреть неприглядной действительности прямо в лицо. Вполне оформленных партийных организаций в массе мест нет вовсе. Есть преданный социал-демократии рабочий авангард.

Есть отдельные лица, есть небольшие группы. Поэтому инициативное образование ячеек (— слово, хорошо выражающее ту мысль, что внешние условия предписывают небольшие, очень гибкие, группы, кружки и организации) должно быть первой задачей *всех* социал-демократов, хотя бы двух-трех, могущих как-никак «зацепиться», собрать те или иные связи, начать хотя бы самую скромную, но систематическую работу.

При теперешнем положении дел нашей партии нет ничего опаснее тактики «ожидания» такой поры, когда сложится влиятельный русский центр. Всем социал-демократам известно, что работа по его созданию *ведется*, что *все возможное* для этого сделано теми, на ком прежде всего лежит такая обязанность, но всем с.-д. должно быть известно также, что полицейские трудности неимоверны — нельзя падать духом при первой, второй и третьей неудаче! — всем должно быть известно, что, когда такой центр образуется, ему долго придется налаживать прочную сеть связи со всеми местами, ему порядочное время придется ограничиваться лишь *общеполитическим* руководством. Откладывать образование инициативных местных *ячеек* РСДРП, строго партийных, нелегальных, начинающих тотчас же подготовительную работу к выборам, делающих тотчас же всевозможные шаги для развития пропаганды и агитации (нелегальные типографии, листки, легальные органы, группки «легальных» с.-д. партийцев, транспортные связи *и т. д.*, *и т. п.*), — откладывать это дело значило бы губить работу.

Для социал-демократии, которая ценит выборы больше всего, как дело политического просвещения народа, основным вопросом является, конечно, вопрос об идейно-политическом содержании всей пропаганды и агитации, связанной с выборами. Это и есть вопрос об избирательной платформе. Для всякой партии, сколько-нибудь заслуживающей этого имени, платформа задолго до момента выборов есть уже нечто данное, не нарочито придуманное «для выборов», а вытекающее неизбежно из всех *дел* партии, из всей постановки ее работы, из всего направления ее в данный исторический период. И для РСДРП платформа уже дана, платформа уже есть налицо, она определена естественно и неизбежно принципами партии и той тактикой, которую партия *уже* установила, *уже*

провела и ведет во всю ту эпоху политической жизни народа, которой выборы подводят всегда «итог» в известном отношении. Платформа РСДРП есть *итог* той работы, которую революционный марксизм и оставшиеся верными ему слои передовых рабочих проделали в эпоху 1908—1911 годов, в эпоху разгула контрреволюции, в эпоху «третьейюньюнского» «столыпинского» режима.

Три главных слагаемых входят в этот итог: 1) программа партии; 2) ее тактика; 3) ее оценка господствующих или наиболее распространенных или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений данного времени. Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей точные ответы на «проклятые вопросы» современности, возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных», злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны выродиться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам деталей, конкретных и конкретнейших вопросов практики немыслимо с пониманием сути дела, с пониманием того, «что к чему».

Что касается до идейно-политических течений, характерных для периода 1908—1911 гг. и особенно важных для понимания задач социал-демократии, то на первое место выдвигается здесь «веховство», как идеология *контрреволюционной либеральной буржуазии* (идеология, вполне соответствующая политике к.-д. партии, что бы ни говорили ее дипломаты) и *ликвидаторство*, как проявление тех же упадочных и буржуазных влияний в среде, соприкасающейся с рабочим движением. Назад от демократии, подальше от движения масс, подальше от революции — таков лейт-мотив царящих в «обществе» направлений политической мысли. Подальше от нелегальной партии, задач гегемонии пролетариата в освободительной борьбе, от задачи отстаивания революции — таков лейт-мотив «веховства» среди марксистов, свившего себе гнездо в органах «Наша Заря» и «Дело Жизни». Что бы ни говорили узкие практицисты или люди, устало отворачивающиеся от

тяжелой борьбы за революционный марксизм в нашу тяжелую эпоху, — нет ни одного вопроса «практики», ни одного вопроса нелегальной и легальной работы с.-д. в любой из областей ее работы, на который можно бы было дать точный и полный ответ пропагандисту и агитатору без понимания всей глубины и всего значения указанных «направлений мысли» столыпинского периода.

Избирательную платформу социал-демократии очень часто бывает полезно, а иногда и необходимо, завершить выставлением краткого общего лозунга, пароля выборов, выдвигающего самые коренные вопросы ближайшей политической практики, дающего самый удобный, самый близкий повод и материал для развертывания всесторонней социалистической проповеди. Для нашей эпохи таким паролем, таким общим лозунгом могли бы быть лишь следующие три пункта: 1) республика, 2) конфискация всей помещичьей земли, 3) 8-мичасовой рабочий день.

Первый пункт содержит квинт-эссенцию требований политической свободы. Ограничиться этим последним термином для выражения нашей партийной позиции по вопросам этого рода, или каким-либо другим, вроде «демократизаций» и т. п., было бы неправильно по той причине, что мы должны учитывать в пропаганде и агитации опыт революции. Разгон двух Дум, организация погромов, поддержка черносотенных банд и помилование черносотенных героев, «ляховские» подвиги в Персии⁹⁵, государственный переворот 3 июня, ряд дальнейших «маленьких coups d'état»* на этой почве (87 статья и пр.) — таков далеко не полный перечень деяний нашей монархии Романова — Пуришкевича — Столыпина и К^о. Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии уживаться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение. Но из этих бесспорных абстрактных соображений делать выводы относительно конкретной русской монархии XX века значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии.

* — государственных переворотов. *Ред.*

Наше положение и история нашей государственной власти — особенно за последнее десятилетие — показывают нам наглядно, что именно царская монархия есть средоточие той банды черносотенных помещиков (от них же первый — Романов), которая сделала из России страшилище не только для Европы, но теперь и для Азии, — банды, которая довела ныне произвол, грабежи и казнокрадства чиновников, систематические насилия над «простонародьем», истязания и пытки по отношению к политическим противникам и т. д., до размеров совершенно исключительных. При таком конкретном облике, конкретной экономической основе и политической физиономии нашей монархии ставить в центре борьбы за политическую свободу требование, напр., всеобщего избирательного права было бы не столько оппортунизмом, сколько вообще бессмыслицей. Если речь идет о выборе центрального пункта требований, как общего лозунга выборной кампании, то надо же располагать различные демократические требования в сколько-нибудь правдоподобной перспективе и соразмерности; нельзя же, в самом деле, не вызывая смеха у людей грамотных и не порождая путаницы в умах безграмотных, добиваться признания приличного отношения к женщинам и неудобства употреблять «нецензурные» речения от Пуришкевича, терпимости от Илиодора, бескорыстия и честности от Гурко и Рейнбота, законности и правового режима от Толмачева и Думбадзе, демократических реформ от Николая Романова!

Поставьте вопрос с точки зрения, так сказать, общегосударственной. Бесспорно (для всех, кроме Ларина и горстки ликвидаторов), что буржуазная революция в России не закончена. Россия идет к революционному кризису. Мы должны доказывать необходимость революции, проповедывать законность и «полезность» ее. Если так, следует вести агитацию за политическую свободу таким образом, чтобы ставить вопрос во всей его широте, чтобы указывать цель победоносному, а не останавливающемуся на полпути (как в 1905 г.) движению, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе пострадавших от русской жизни, изболелших от позора быть русскими, стремящихся к действительно свободной, действительно обновленной России. — Поставьте вопрос с точки зрения пропагандистски-практической. Нельзя же не разъяснять даже самому темному

мужику, что управлять государством должна «Дума», более свободно и всенародно выбираемая, чем первая. А как же сделать, чтобы «Думу» нельзя было разогнать? Нельзя этого сделать, не разрушив царской монархии.

Возражат, может быть: выставлять лозунг республики, как пароль всей избирательной кампании, значит исключать возможность легально вести ее, значит несерьезно относиться к признанию важности и необходимости легальной работы. Такое возражение было бы софизмом, достойным ликвидаторов. Нельзя говорить легально о республике (за исключением думской трибуны, с которой можно и должно, оставаясь *вполне* на почве легальности, вести республиканскую пропаганду), — но можно писать и говорить в защиту демократизма *так*, чтобы не делать ни малейшей поправки идеям примиримости демократизма с монархией, — *так*, чтобы опровергать и высмеивать либеральных и народнических монархистов, — *так*, чтобы читатель и слушатель уяснили себе связь именно монархии, как монархии, с бесправием и произволом в России. О, русский человек прошел многовековую школу рабства: он умеет читать между строк и договаривать не сказанное оратором. «Не говори: не могу, а говори: не хочу» — вот как следует отвечать легальным деятелям социал-демократии, которые стали бы ссылаться на «невозможность» постановки требования республики в центре нашей пропаганды и агитации.

О важности требования конфискации всей помещичьей земли вряд ли есть надобность особенно распространяться. В такое время, когда в русских деревнях стоит неумолчный стон от столыпинской «реформы», идет борьба в самых ожесточенных формах между «новыми помещиками», стражниками и массой населения, нарастает — по свидетельству самых консервативных и враждебных революции людей — невиданная раньше злоба, в такое время *в центре* всей демократической избирательной платформы должно стоять указанное требование. Заметим только, что именно указанное требование ясно отделит последовательную пролетарскую демократию не только от помещичьего либерализма кадетов, но и от тех интеллигентски-чиновничьих разговоров о «нормах», «нормах потребительских», «нормах производительных», об «уравнительном распределении» и прочем вздоре, которые любят народники и над

которыми смеются все толковые крестьяне. Нам не к чему говорить, «сколько земли нужно мужичку»: русскому народу нужно конфисковать *всю* помещичью землю, чтобы скинуть с себя ярмо крепостнического гнета во *всей* экономической и политической жизни страны. Без такой меры Россия никогда не будет свободной, русский крестьянин никогда не будет хоть сколько-нибудь сытым и грамотным.

Еще менее необходимы комментарии к 3-му пункту: 8-мичасовой рабочий день. Контрреволюция с бешенством отнимает у рабочих завоевания пятого года, и тем сильнее становится в рабочей среде борьба за улучшение условий труда и жизни; во главе этих улучшений стоит 8-мичасовой рабочий день.

Подводя итог, можно выразить двумя словами суть и жизненный нерв социал-демократической избирательной платформы: *за революцию!* Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию». Мы жалеем только о том, что русский народ не *доучился* этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые *уроки* в этой науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен.

Программа РСДРП, наша старая программа революционной социал-демократии, есть основа нашей избирательной платформы. Наша программа дает точную формулировку наших социалистических задач, конечной цели социализма, и притом такую формулировку, которая заострена в особенности против оппортунизма и реформизма. В такую эпоху, когда реформизм во многих странах, и у нас в том числе, поднимает голову, — и когда, с другой стороны, множатся признаки, указывающие, что в самых передовых странах подходит к концу период так называемого «мирного парламентаризма», начинается период революционного брожения масс, — в такую эпоху наша старая программа приобретает еще большее (если возможна тут сравнительная степень) значение. По отношению к России

программа РСДРП ставит партии ближайшую цель: «свержение самодержавия царя и замену его демократической республикой». Специальные отделы программы, посвященные вопросам государственного управления, финансам, рабочему законодательству, аграрному вопросу, дают точный и определенный руководящий материал для *всей* разносторонней работы любого пропагандиста и агитатора, для конкретизации нашей избирательной платформы при выступлениях перед той или иной аудиторией, по тому или иному поводу, с той или иной темой.

Тактика РСДРП эпохи 1908—1911-го годов определена *декабрьскими резолюциями 1908-го года*. Подтвержденные январским пленумом 1910 года, проверенные *опытом* всего «столыпинского» периода, эти резолюции дают точную оценку момента и вытекающих из него задач. Старое самодержавие попрежнему остается главным врагом, попрежнему повторяется неизбежность революционного кризиса, к которому снова идет Россия. Но обстановка уже не старая, самодержавие сделало «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», оно пытается укрепить поместное землевладение крепостников новой, буржуазной аграрной политикой; оно налаживает союзы крепостников и буржуазии в черно-желтой Думе; оно использует широкое контрреволюционное (= «веховское») настроение в либеральной буржуазии. Капитализм сделал несколько шагов вперед, классовые противоречия обострились, раскол между демократическими элементами и «веховским» либерализмом кадетов стал яснее, деятельность социал-демократии охватывает новые области (Дума и «законные возможности»), давая возможность, вопреки контрреволюции, расширять сферу действия пропаганды и агитации даже при сильном «разгроме» нелегальных организаций. Старые революционные задачи, старые, испытанные методы революционной массовой борьбы — вот, что отстаивает наша партия в эпоху распада и развала, когда приходится зачастую «начинать с начала», приходится не только по-старому, но и по-новому, новыми приемами, в измененной обстановке вести подготовительную работу, собирая силы к эпохе новых битв.

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

Номера 6, 7 и 8 «Нашей Зари» посвящены, главным образом, избирательной кампании и избирательной платформе. Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается, в статьях на эту тему, необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о «боевой мобилизации пролетариата», о «широкой и открытой мобилизации масс», о «массовых политических организациях самодеятельных рабочих», о «самоуправляющихся коллективах», «самосознательных рабочих» и т. д., и т. п. Юрий Чацкий договорился даже до того, что платформу надо не только «продумать», но и «прочувствовать»... Фразы эти, приводящие, наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и «напускают туману», в котором нетрудно уже провезти контрабанду.

Вот, например, г. Юрий Чацкий воспеваает значение платформы и важность единой платформы. «Крупнейшее значение — пишет он — мы придаем санкции (платформы) думской с.-д. фракции, при том, однако, непременно условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками».

Так и напечатано. И это не черносотенный орган, натравляющий на «жида» и на эмигранта, а «социал-демократический»! Как низко должны были пасть эти господа, чтобы, вместо разъяснения принципиальной разницы *из* платформы и платформы «заграничных кружков», кричать против заграницы!

Юрий Чацкий так неловок при этом, что выбалтывает, от имени какого кружка ведет он свою ликвидаторскую

линию: «элементом возможной централизации — пишет он — является группа с.-д. (??) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением (через «Нашу Зарю», а?) и приобретающих все бóльшую устойчивость»... (и все больший либеральный облик)... «мы имеем в виду в особенности Петербург»...

Прямо бы надо говорить, господа! Недостойно и неумно играть в прятки: «элементом централизации», попросту центром (ликвидаторства) вы считаете — и законно — группку сотрудников петербургской «Нашей Зари». Шила в мешке не утаишь.

Л. Мартов пытается утаить шило, пересказывая легальные положения с.-д. программы, как основы избирательной платформы. Он говорит при этом хорошие слова, что не надо ни от чего «отказываться», ничего «урезывать». Это на стр. 48 № 7—8. А на стр. 54-ой, в заключительном абзаце статьи, читаем:

«Вся избирательная кампания должна нами (? «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», очевидно) вестись под знаменем (sic!*) борьбы пролетариата за свободу своего политического самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Великолепное изложение *либеральной* рабочей платформы! Рабочий социал-демократ «ведет кампанию под знаменем» борьбы за свободу *всего народа*, за демократическую республику. Рабочий либерал борется «за право иметь свою классовую (в брентановском, социал-либеральном смысле) партию». Подчинять такому принципу, это и значит изменять делу демократии. И либеральные буржуа и ловкие дельцы правительства только того и хотят, чтобы рабочие боролись за свободу «своего политического самоопределения», а не за свободу всей страны — Мартов дал пересказ формулы Левицкого: «не гегемония, а классовая партия»! Мартов дал лозунг чистейшего «неоэкономизма». Экономисты говорили: рабочим экономическая, либера-

* — так! Ред.

лам политическая борьба. Неоэкономисты, ликвидаторы, говорят: все содержание избирательной агитации подчинить принципу: борьба рабочих за право иметь свою классовую партию.

Сознает ли Мартов смысл своих слов? Сознает ли он, что они означают отречение пролетариата от революции: «господа либералы, в 1905 году мы против вас поднимали на революцию массы вообще, крестьян в частности, мы боролись за свободу народа вопреки либеральным потугам остановить дело при полусвободе; отныне мы не будем «увлекаться» и будем бороться за свободу своей классовой партии». Ничего иного «веховские», контрреволюционные либералы (ср. писания Изгоева в особенности) и не требуют от рабочих. Права рабочих иметь свою классовую партию либералы не отрицают. Они отрицают «право» пролетариата, единственного до конца революционного класса, поднимать *низы* на борьбу вопреки либералам и даже против либералов.

Посулив не «отказываться» и «не урезывать», Мартов именно так *урезал* с.-д. платформу, чтобы она вполне удовлетворяла Ларина, Потресова, Прокоповича, Изгоева.

Посмотрите, как Мартов критикует тактическую резолюцию партии (декабря 1908 года). «Неудачная формула» — говорит он о «шаге по пути превращения в буржуазную монархию», ибо «в ней исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством», «в ней отсутствует момент решительного столкновения классов» — очевидно, буржуа либералов с крепостниками! О том, что либеральные буржуа в 1905—1907 годах *убоялись* «решительного столкновения» с феодалами, предпочитая «решительно столкнуться» с рабочими и крестьянами, Мартов забывает (как забывают об этом либералы, обвиняющие рабочих в «эксцессах»). Мартов видит «шаг назад» самодержавия к крепостникам (в резолюции партии *точно* указан этот шаг: «сохранить за крепостниками их власть и их доходы»). Но Мартов не *видит* «шага назад», сделанного либеральными буржуа *от* демократии к «порядку», к монархии, к сближению с помещиками. Мартов не видит *связи* «шага по пути» к буржуазной монархии с контрреволюционностью, с веховством либеральной буржуазии. Не видит потому, что он сам «веховец —

среди марксистов». По-либеральному мечтая о «решительном столкновении» либеральных буржуа с крепостниками, он выбрасывает за борт историческую реальность *революционного* столкновения рабочих и крестьян с крепостниками, *несмотря* на колебания либералов, *несмотря* даже на переход их в партию порядка.

Итог и здесь все тот же: резолюцию партии Мартов отвергает с точки зрения *либеральной* рабочей политики, не противопоставляя, к сожалению, никакой *своей* тактической резолюции (хотя необходимость базировать тактику на оценке «исторического смысла третьешюньского периода» Мартов вынужден признать!).

Вполне понятно поэтому, что Мартов пишет: «...стремлением рабочей партии должно быть... побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий»... Всякий либерал считает вполне законным стремление рабочих «побудить *имущие классы*» к тем или иным шагам — условие либерала: чтобы рабочие не смели побуждать *неимущих* к «шагам», *не нравящимся* либералам. Вся политика английских либералов, так глубоко развративших английских рабочих, сводится к тому, чтобы предоставлять рабочим «побуждать имущие классы» и *не позволять рабочим* отвоевывать себе гегемонию в общенародном движении.

Вполне понятна также ненависть Чацкого, Мартова, Дана к «левоблокстской» тактике. Под ней они понимают не «левый блок» на выборах, а общую тактику, установленную лондонским съездом: *вырывать* крестьян (и мелких буржуа вообще) из-под влияния кадетов; *заставлять* народнические группы *делать выбор* между к.-д. и с.-д. Отказ от этой тактики есть *отречение от демократии*: не видеть этого *теперь*, после «стольпинского периода», после подвигов «стольпинского либерализма к.-д.» (лондонский лозунг Милюкова: «оппозиция его величества!»), *после «Вех»* могут только стольпинские социал-демократы.

Не нужно делать себе иллюзий: избирательных платформ у нас *две*, — это факт. От него нельзя отговориться фразой, сетованиями, пожеланиями. Одна — изложенная выше, основанная на решениях партии. Другая — потресовско-ларивская, развитая и дополненная Левицким, Юрием

Чацким и К^о и подмалеванная Мартовым. Эта последняя, якобы социал-демократическая, платформа есть на деле платформа либеральной рабочей политики.

Кто не понял разницы, непримиримой разницы этих двух платформ рабочей политики, тот не может сознательно вести избирательную кампанию. Того ждут на каждом шагу разочарования, «недоразумения», комические или трагические ошибки.

«Социал-Демократ» № 24,
18 (31) октября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ИТОГ

Полемика Витте и Гучкова усердно подхвачена и «Речью» и «Русскими Ведомостями» в целях выборной агитации. Характер полемики виден ясно из следующей тирады «Речи»:

«Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова, в угоду начальству, оказывались коллегами единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные вворами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!».

Это говорится по поводу того, что Витте в октябре — ноябре 1905 г. совещался о составлении министерства с гг. Урусовым, Трубецким, Гучковым, М. Стаховичем, причем последние трое решительно не соглашались на кандидатуру Дурново в министры внутренних дел.

Упрекая октябристов, гг. кадеты обнаруживают, однако, удивительную забывчивость по отношению к своему собственному прошлому. «Октябристы оказывались коллегами единомышленников Дурново». Это справедливо. И это доказывает, несомненно, что о демократизме октябристов смешно было бы говорить. Но октябристы не претендуют на демократизм. А кадеты называют себя «конституционными демократами». Но разве эти «демократы», например, в лице Урусова, который защищал кандидатуру Дурново на совещаниях с Витте, не оказывались «коллегами единомышленников Дурново»? Разве в обеих первых Думах кадеты, как партия, не оказывались «обращенными взорами к начальству и спиной к общественному мнению»?

Нельзя же забывать или извращать общеизвестные факты. Припомните историю с местными земельными ко-

митетами в I Думе. Кадеты были против именно «в угоду начальству». Кадеты по этому (одному из важнейших для эпохи I Думы политических вопросов) несомненно «обращали взоры к начальству» и «оказывались спиной к общественному мнению». Ибо трудовики и рабочие депутаты, представлявшие $\frac{9}{10}$ населения России, были тогда за местные земельные комитеты. Десятки раз по другим вопросам наблюдалось такое же соотношение партий и в I и во II Думах.

Трудно представить себе, как могли бы кадеты оспорить эти факты. Неужели можно утверждать, что они не расходились с трудовиками и рабочими депутатами в обеих первых Думах, что они не оказывались при этом рука об руку с Гейденами, октябристами и начальством? Что трудовики и рабочие депутаты не представляли громадное большинство населения в силу избирательной системы? Или общественным мнением наши «демократы» назовут мнение «образованного» (с точки зрения казенных дипломов) «общества», а не мнение большинства населения?

Если оценивать исторически период, когда Столыпин был премьером, т. е. пятилетие 1906—1911 годов, то невозможно отрицать того, что и октябристы и кадеты *не были* демократами. А так как только кадеты претендуют на это звание, то именно здесь самообман кадетов и обман ими «общественного мнения», мнения масс, в особенности ощутителен, в особенности вреден.

Мы не хотим сказать, конечно, что октябристы и кадеты «одна реакционная масса», что октябристы не менее либеральны, чем кадеты. Мы хотим сказать им, что одно дело либерализм, другое дело демократия. Либералам естественно считать «общественным мнением» мнение буржуазии, а не мнение крестьян и рабочих. Демократ не может стоять на такой точке зрения и, какие бы иллюзии он ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ *верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы.

Это отличие либерализма от демократии приходится напоминать тем настойчивее, чем больше злоупотребляют именем демократа. Выборы во всех буржуазных странах служат для буржуазных партий целям рекламы. Для рабочего класса выборы и выборная борьба должны служить целям политического просвещения, уяснения

действительной природы партий. О политических партиях нельзя судить по их названиям, заявлениям, программам, а надо судить по их делам.

Но полемика Витте с Гучковым, затронувшая вопрос о начале министерской карьеры Столыпина (Гучков свидетельствует, между прочим, что против кандидатуры Столыпина осенью 1905 г. не возражал никто из «общественных деятелей»), поднимает еще другие, гораздо более важные и интересные вопросы.

Первый раз, когда была выдвинута (осенью 1905 г.) кандидатура Столыпина на пост министра внутренних дел, ее выдвинули на совещании Витте с представителями либеральной буржуазии. Даже в эпоху I Думы Столыпин, как министр внутренних дел, «два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства»; — так пишет газета «Речь» в редакционной статье от 6-го сентября, добавляя осторожно-уклончивое: «Есть указания», что Столыпин поступал таким образом. Достаточно припомнить, что прежде кадеты отделялись молчанием или бранью в ответ на подобные «указания». Теперь они сами приводят эти указания, очевидно, давая тем самым подтверждение их верности.

Пойдем далее. После разгрома I Думы, когда Столыпин стал премьером, были адресованы прямые предложения войти в министерство Гейдену, Львову, М. Стаховичу. После неудачи этой «комбинации», — «во время первого междудумья Столыпин завязал тесные политические сношения с Гучковым», и эти сношения продолжались, как известно, до 1911 года.

Что же мы видим в итоге? Кандидатура Столыпина на пост министра обсуждается с представителями буржуазии, и в течение всей своей министерской карьеры, с 1906 по 1911-ый год, Столыпин делает «предложения» одним представителям буржуазии за другими, завязывая или пытаясь завязать политические сношения сначала с кадетами, потом с мирнообновленцами и, наконец, с октябристами. Сначала Столыпина, как кандидата в министры, «предлагают» «общественным деятелям», т. е. вождям буржуазии, а потом Столыпин, уже как министр, в течение всей своей карьеры, делает «предложения» Муромцевым, Гейденам, Гучковым. Столыпин кончает свою карьеру (известно, что отставка Столыпина была уже предрешена), когда

исчерпывается весь круг всяческих партий и оттенков буржуазии, которым можно было делать «предложения».

Вывод, следующий из этих фактов, ясен. Если кадеты и октябристы пререкаются теперь между собою насчет того, кто из них более холопски держался на переговорах о министрах или с министрами, Урусов или Гучков, Муромцев или Гейден, Милюков или Стахович и т. д., и т. п., то подобные пререкания мелки и служат только к отвлечению внимания публики от серьезного политического вопроса. А этот серьезный вопрос явно сводится к тому, чтобы понять условия и значение той особой эпохи в истории русского государственного строя, когда министры вынуждены были делать систематические «предложения» вождям буржуазии, когда министры *могли* находить хотя бы некоторую общую почву с этими вождями, общую почву для ведения и возобновления переговоров. Не то важно, кто хуже держался при этом, Карп или Сидор — важно то, что, во-1-х, старопомещичий класс не мог уже командовать без «предложений» вождям буржуазии; важно то, во-2-х, что нашлась *общая почва* для переговоров у дикого помещика и у буржуа, и почвой этой была *контрреволюционность*.

Столыпин не просто министр помещиков, переживших 1905-ый год; нет, это вместе с тем министр эпохи контрреволюционных настроений в буржуазии, которой помещики должны были делать предложения и могли их делать вследствие общей вражды к «пятому году». Эти настроения буржуазии — если даже говорить сейчас только о кадетах, о самой левой из «либеральных» партий — выразились и в проповеди «Вех», обливших помоями демократию и движение масс, и в «лондонском» лозунге Милюкова, и в многочисленных лампадных речах Караулова, и в речи по аграрному вопросу Березовского 2-го и т. д.

Вот эту сторону дела слишком склонны забывать все наши либералы, вся либеральная печать, вплоть до либеральных рабочих политиков. А между тем именно эта сторона дела самая важная, объясняющая нам историческое отличие тех условий, при которых помещики становились губернаторами и министрами в XIX или в начале XX века и *после 1905-го года*. Пререкаясь с Гучковым, кадетская «Речь» пишет («Речь» 30 сентября): «русское общество помнит хорошо формуляр октябризма».

О, да! Либеральное общество помнит хорошо мелкую перебранку «своих людей», Урусовых и Милюковых с Гейденами, Львовыми, Гучковыми. Но русская демократия вообще — и рабочая демократия в особенности — *помнит хорошо «формуляр» всей либеральной буржуазии, вплоть до кадетов; она помнит хорошо, что великий сдвиг 1905 года заставил помещиков и помещичью бюрократию искать поддержки у буржуазии, а эта буржуазия использовала свое положение замечательно достойно. Она целиком соглашалась с помещиками в том, что местные земельные комитеты не нужны и вредны, она расходилась с ними в необыкновенно важном, поистине принципиальном вопросе: Дурново или Столыпин!*

«Звезда» № 26, 23 октября 1911 г.
Подпись: В. Ф.

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ДВА ЦЕНТРА

Начало последней сессии третьей Думы сразу же поставило вопрос об итогах работы этого учреждения. Один из важнейших итогов мы можем формулировать словами «Речи»:

«Мы имеем — писал недавно ее передовик — ряд голосований, фактически воспроизводящих господство в Думе «левого центра»... Действительная деятельность Думы, сопрягающаяся с живыми запросами и требованиями жизни, идет с самого начала сессии неизменно и систематическим курсом — несуществующего, конечно, — левого центра».

И, как бы ловя «самого» премьера, газета ликующе восклицает: «Г. Коковцов не постеснялся (в первом своем выступлении) трижды заявить о своей полной солидарности с доводами (кадета) Степанова».

Факт бесспорный: «левый центр» налицо. Вопрос только, о «жизни» или о застое свидетельствует наличие этого факта?

В III Думе с самого начала были два большинства. Марксисты еще в конце 1907-го года, до начала «работ» этой Думы, выставили центральным пунктом своей оценки момента и оценки III Думы признание «двух большинств» и характеристику обоих.

Первое большинство — черносотенно-правоокутябристское, второе — октябристско-кадетское. Избирательный закон в III Думу так и подстроен, чтобы получились эти два большинства. Напрасно наши либералы притворяются, будто они не видят этого.

Не случайность и не какой-нибудь хитрый расчет отдельных лиц, а весь ход классовой борьбы 1905—1907 годов

сделал неизбежным для правительства вступление на этот именно путь. События показали, что «ставить ставку» на массу населения невозможно. Прежде, до «событий», иллюзия казенной «народной политики» еще могла держаться; события ее разбили. Ставку пришлось открыто, голо, цинично поставить на один командующий класс, класс Пуришкевичей и Марковых, и на сочувствие или испуг буржуазии. У одних разрядов буржуазии преобладало стремление к систематической поддержке (октябристы), у других — сочувствие к так называемому порядку или испуг (кадеты), — это различие серьезной роли не играло.

Указанный сдвиг *всей* русской политической системы наметился еще в тех беседах, которые вели с конца 1905 года Витте, Трепов, Столыпин с Урусовым, Трубецким, Гучковым, Муромцевым, Милюковым. Окончательно определялся и отлился в государственно-учредительные формы этот сдвиг в третьей Думе с ее двумя большинствами.

О том, зачем нужно данному политическому строю первое большинство, излишне говорить. Но обыкновенно забывают, что и второе, октябристско-кадетское, большинство для него необходимо: без «буржуазного истца» правительство не могло бы быть тем, что оно есть; без сговора с буржуазией оно не в состоянии существовать; без попыток примирить Пуришкевичей и Марковых с буржуазным строем и буржуазным развитием России ни министерство финансов, ни все министерства вместе — жить не могут.

И теперь, если «левый центр» оказывается неудовлетворенным, несмотря на свою скромность, то это свидетельствует, конечно, о растущем убеждении *всей* буржуазии в тщете ее жертв на алтарь Пуришкевичей.

Но «живые запросы и требования жизни» могут получить удовлетворение не от этих воздыханий и жалоб «левого центра», а только при условии сознания *всей* демократией причин бессилия и жалкого положения центра. Ибо весь центр, и левый в том числе, стоит на почве контрреволюционной: они стонут от Пуришкевичей, но они *не хотят и не могут* обойтись без Пуришкевичей. Вот почему участь их горькая, вот почему ни одной победы, ни одной даже частички победы нет за этим левым центром.

«Левый центр», о котором говорит «Речь», есть смерть, а не жизнь, ибо весь этот центр — в решительные моменты русской истории испугался демократии и отвернулся от нее. А дело демократии есть живое дело, самое живое дело в России.

Живые запросы и требования жизни пролагают себе дорогу в таких областях, которые далеки от заполняющего внимание кадетов «левого центра». Вдумчивый читатель не мог не заметить, конечно, при чтении, например, думских отчетов о прениях по поводу «охраны», — что постановка вопроса в речах Покровского 2-го и особенно Гегечкори, как небо от земли, как жизнь от смерти, отличалась от постановки вопроса у Родичева и его компании.

«Звезда» № 28,
5 ноября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

СТАРОЕ И НОВОЕ

(ИЗ ЗАМЕТОК ГАЗЕТНОГО ЧИТАТЕЛЯ)

Возьмешь в руки газеты — и сразу атмосфера «старой» России надвигается со всех сторон. Дело об армавирском погроме. Избиение с ведома и согласия властей, западня, устроенная начальством, «кем-то внушенное и предписанное» (слова гражданского истца) «избиение русской интеллигенции в широком смысле этого слова». Старая, но вечно новая действительность русской жизни, — горькая насмешка над «конституционными» иллюзиями.

Горькая, но полезная насмешка! Ибо ясно, — и молодому поколению России все более становится ясно, — что никакие осуждения, никакие резолюции тут не помогут. Тут дело идет о всей политической системе в целом, тут историческая правда пробивает себе дорогу сквозь дымку мечтательного обмана, будто возможно влить вино новое в мехи старые.

Голод... Продажа скота, продажа девушек, толпы нищих, тиф, голодная смерть. «У населения есть только одна привилегия — умирать тихо и незаметно», — пишет один корреспондент.

«Земцы, говоря попросту, перепугались того, что они очутятся со своими имениями среди голодных, озлобленных, потерявших всякую веру на какой-нибудь просвет, людей» (из Казанской губернии).

На что, казалось бы, благонадежно нынешнее земство, а между ним и правительством идет спор из-за размеров ссуд. Просят 6 миллионов рублей (Казанская губерния) — казна дает 1 миллион. Просили 600 тысяч (Самара) — переведено 25 тысяч рублей.

По-старому!

В Холмском уезде Псковской губернии на земском собрании против земской агрономии, — для хуторян только! — выступили даже земские начальники. На Кубани состоялся съезд станичных атаманов — все единодушно высказались против принятого III Думой плана укрепления наделов в личную собственность.

В Царицыне уездный съезд постановил не предавать суду старосту, истязавшего женщину («в целях розыскания преступника»). Губернское присутствие отменило постановление.

Под Петербургом рабочие надели мешок на управляющего фабрикой г. Яковлева и поволокли к Неве. Стражники разогнали рабочих. 18 арестовано.

Трудно удивляться тому, что даже газете «Речь» приходится констатировать, при таких картинках жизни, «большую общественную приниженность». А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде*: «оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать словом и делом. Но отошел — и опять затянуло все по-старому».

«Он, этот русский обыватель и интеллигент, богатый и бедный, спокоен. Вот, когда начнут от голода «пухнуть», он возрадуется, со слезами заликует. Ему непременно надо со слезами идти на помощь, с чувствами «благородными». Ему при этом предстоит прекрасный случай о душе своей позаботиться. А без чувств, без слез и работа не работа, и помощь не в помощь. Без слез-то своих он и дела значительным не сочтет и с места не тронется. Нет, ты его сначала растрогай, заставь плакать и в чистый платочек высморкаться. А суровый расчет, вздоровое и трезвое сознание *государственной необходимости* — это скучно, тут нет мягкого настроения».

Да, да, проповедь «суровости» очень не бесполезна в мире «теста» и «резины». Только наш либерал не замечает, с какой стороны ведет он такую проповедь, «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости», — вы это не у Меншикова ли списали, г. Кондурушкин? Ведь именно на почве «теста» и «резины», именно на почве мягкого и слезливого настроения только и возможны подобные речи о государственности. Именно потому, что есть тестообразные люди, чувствуют себя уверенно глашатаи «здоровой и трезвой государственности».

«Русское общество мягко, как резина», — по-старому говорит г. Кондурушкин. Есть общество и общество.

* Охваченный «тоской общерусского неуютя».

Было время, когда слово «общество» все обнимало, все покрывало, выражало разнородные, просыпающиеся к сознательности, элементы населения или просто так называемых «образованных» людей.

Но именно в этом отношении дела обстоят уже в России не по-старому. Когда можно было говорить только об обществе, тогда лучшие люди его проповедывали суровую борьбу, а не «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости».

А теперь об «обществе» вообще говорить нельзя. В старой России обнаружили различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века.

«Общество» мягко и слезливо благодаря бессилию и нерешительности того класса, к которому оно тяготеет и на $\frac{9}{10}$ принадлежит. Проповедь «сурового расчета, трезвого и здорового сознания государственной необходимости» есть только оправдание господства «начальства» над этим дряблым обществом.

А истекшее десятилетие показало элементы населения, к «обществу» не принадлежащие, мягкостью и слезливостью не отличающиеся...

В России все «по-старому» — наверху, но есть кое-что новое — внизу. Кому «тоска общерусского неужюта» поможет увидеть, нащупать, найти это твердое, не слезливое, не тестообразное новое, тот сумеет найти дорогу, ведущую к избавлению от старого.

А у кого сетования на эту тоску перемешиваются с речами о «здоровом и трезвом сознании государственной необходимости», тот едва ли не останется навеки составной частью «теста», дающего себя «мять и тискать». Таких людей как раз во имя «здоровой и трезвой» государственности «мнут и тискают», — и поделом.

Если из ста лиц, подвергаемых таковой операции, один из «общества» подтвердет, результат будет полезный. Без размежевки добра не будет.

**РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ РСДРП
НА ПОХОРОНАХ ПОЛЯ И ЛАУРЫ ЛАФАРГ,
20 НОЯБРЯ (3 ДЕКАБРЯ) 1911 г.**

Товарищи!

Я беру слово, чтобы от имени РСДРП выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Поля и Лауры Лафарг. Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контрреволюции. Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии.

В лице Лафарга соединялись — в умах русских с.-д. рабочих — две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против империи, — и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм.

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого

Лафарг посвятил свою жизнь. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй.

«Социал-Демократ» № 25,
8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ГАЙНДМАН О МАРКСЕ

Недавно вышли в свет объемистые мемуары одного из основателей и вождей английской «социал-демократической партии» Генри Майерса Гайндмана. Книга почти в пятьсот страниц называется: «Записки о полной приключений жизни»* и представляет из себя живо написанные воспоминания о политической деятельности автора и о «знаменитых» людях, с которыми он был знаком. Книга Гайндмана дает много интересного материала для характеристики английского социализма и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Мы думаем поэтому, что будет своевременно посвятить несколько статей книге Гайндмана особенно в виду «выступления» правокadetских «Русских Ведомостей» (от 14 октября) с статьей либерала Дионео, дающего замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения этих вопросов.

Начнем с воспоминаний Гайндмана о Марксе. Г. Гайндман познакомился с ним только в 1880-м году, будучи, видимо, очень мало осведомлен об его учении и о социализме вообще. Характерно для английских отношений, что Гайндман, родившийся в 1842 году, был до тех пор неопределенного цвета «демократом» со связями и симпатиями в консервативной партии (тори). К социализму Гайндман повернул после чтения «Капитала» (во французском переводе) во время одной из своих многочисленных поездок в Америку между 1874 и 1880 гг.

* «The Record of an Adventurous Life», by Henry Mayers Hyndman. London (Macmillan and Co). 1911.

Отправляясь, в сопровождении Карла Гирша, знакомиться с Марксом, Гайндман мысленно сравнивал его с... Мадзини!

В какой плоскости ставил эти сравнения Гайндман, видно из того, что влияние Мадзини на окружающих он называет «личным и индивидуально-этическим», а влияние Маркса «почти всецело интеллектуальным и научным». К Марксу Гайндман шел, как к «великому аналитическому гению», стремясь учиться у него, — в Мадзини его привлекал характер, «возвышенный образ мыслей и поведения». Маркс был, «неоспоримо, более могучим умом». Гайндман, неоспоримо, весьма плохо понимал в 1880-м году (да не совсем понял и теперь — об этом ниже) различие между буржуазным демократом и социалистом.

«Когда я увидел Маркса, — пишет Гайндман, — мое первое впечатление было: сильный, лохматый, неукротимый старик, который готов — чтобы не сказать: стремится — вступить в конфликт и настроен с некоторой подозрительностью, как будто бы ему предстояло сейчас же выдержать нападение. Но он поздоровался со мной любезно, и столь же любезны были его первые слова. Я сказал, что мне доставляет большое удовольствие и честь познать руку автора «Капитала», он ответил, что с удовольствием читал мои статьи об Индии* и лестно отзывался о них в своих корреспонденциях в газеты».

«Когда Маркс говорил с бешеным негодованием о политике либеральной партии, в особенности по отношению к Ирландии, — маленькие, глубоко-сидящие глаза старого борца загорались, тяжелые брови хмурились, широкий большой нос и лицо приходили в движение, и с уст лились рекой горячие, бурные обвинения, которые показали мне и всю страстность его темперамента и превосходное знание английского языка. Контраст был поразительный между его манерой говорить, когда его так глубоко волновал гнев, и всем его обликом, когда он налагал свои взгляды на экономические события известного периода. Без всякого заметного усилия он переходил от роли пророка и могучего трибуна к роли спокойного философа, и я сразу почувствовал, что пройдет много долгих лет, пока я перестану чувствовать себя перед ним в области этих последних вопросов, как ученик перед учителем.

Меня поразило, когда я читал «Капитал» и в особенности мелкие сочинения его, о Парижской Коммуне и «18 брюмера», как он умел соединять самое точное и холодное исследование экономиче-

* Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех поворочных василей, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических «преступников»), которыми прославились себя издавна англичане всех партий в Индии — вплоть до «образованного» и «радикального» писателя Джона Морли (Morley).

ских причин и социальных последствий с самой горячей ненавистью к классам и даже к отдельным лицам, вроде Наполеона III или Тьера, которые, по его же собственной теории, были не более, как мухам на колесах Джаггернаутовой колесницы капиталистического раввития. Не надо забывать, что Маркс был еврей, и мне казалось, что он соединял в себе, в своем характере, в своей фигуре — с его внушительным лбом, большими навислыми бровями, пыльными, сверкающими глазами, широким чувственным носом и подвижным ртом, с лицом, обросшим со всех сторон лохматыми волосами, — праведный гнев великих пророков его расы и холодный аналитический ум Спинозы и еврейских ученых. Это было необыкновенное сочетание различных способностей, подобного которому я не встречал ни в одном человеке.

Когда мы с Гиршем вышли от Маркса и я находился под глубоким впечатлением личности этого великого человека, Гирш спросил меня, что я думаю о Марксе. «Я думаю, — отвечал я, — что это Аристотель XIX века». И однако, сказав это, я сейчас же заметил, что такое определение не охватывает всего «предмета». Взять прежде всего то, что невозможно себе представить Маркса соединяющим функции царедворца по отношению к Александру Македонскому с глубокими научными работами, так могущественно повлиявшими на ряд поколений. А кроме того, Маркс никогда не отделял себя так полно — вопреки тому, что много раз о нем говорили, — от непосредственных человеческих интересов, чтобы рассматривать факты и их обстановку в том холодном, сухом освещении, которое характерно для величайшего философа древности. Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружавшей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная.

Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. «Более терпимым? — отвечал Маркс — *более терпимым?*» Было ясно, что он более терпимым не становится. Я думаю, что именно эта глубокая ненависть Маркса к существующему порядку вещей и его уничтожающая критика своих противников помешала многим из числа образованных людей важиточного класса оценить все значение его великих произведений и сделала такими героями в их глазах третьестепенных полузнаек и логомахов вроде Бем-Баверка только из-за того, что они извращали Маркса и пытались «опровергнуть» его. Мы привыкли теперь, особенно в Англии, бороться всегда с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения Маркса с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски лицемерным ученым дуэлянтам, и они не в состоянии поверить, что такой беспощадный полемист и неистовый враг капитала и капиталистов был на самом деле самым глубоким мыслителем нашей эпохи».

В 1880-м году Маркс был почти незнаком английской публике. Здоровье его в то время уже заметно слабело, усиленные занятия (до 16 часов в сутки и больше умственного труда!) подорвали его организм, доктора запретили

ему заниматься по вечерам, и я пользовался — рассказывает Гайндман — его часами досуга для бесед с ним с конца 1880 до начала 1881-го года.

«Наша манера беседовать была довольно оригинальная, Маркс имел привычку ходить быстро взад и вперед по комнате, когда он оживлялся спором, — как будто бы он гулял по палубе морского судна. Я приобрел за время своих долгих путешествий (в Америку, Австралию и т. д.) такую же привычку шагать взад и вперед, когда голова чем-нибудь особенно занята. И вот, можно было наблюдать такую сцену, что учитель и ученик шагают по два и по три часа вдоль и поперек комнаты вокруг стола, обсуждая вопросы современной эпохи и дела минувших дней».

Какова была позиция Маркса по различным вопросам, которые он обсуждал с Гайндманом, этого последний не передает сколько-нибудь обстоятельно ни по одному вопросу. Из изложенного выше видно, что Гайндман сосредоточивается больше всего и почти исключительно на анекдотической стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобиография Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму; никогда не отделяясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков.

Повторяя филистерские попреки Марксу и Энгельсу, что они будто бы были «самодержцами» в «якобы демократическом» Интернационале, что они не понимали практики, не знали людей и т. д., Гайндман ни разу ни одного из этих попреков не пробует оцепить на основании точного, конкретного изложения обстановки соответственных моментов.

Получается анекдот, а не исторический анализ марксиста. Маркс и Энгельс боролись с делом германского с.-д. объединения (с лассальянцами), а объединение было нужно! Это все, что говорит Гайндман. О том, что Маркс и Энгельс были тысячу раз принципиально правы против Лассаля и лассальянцев, у Гайндмана ни слова. Гайндман этого вопроса даже не ставит. О том, не был ли «демократизм» (организационный) в эпоху Интернационала прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии, Гайндман себя даже не спрашивает.

От этого и история разрыва Гайндмана с Марксом рассказана так, что кроме сплетни (в духе господ Дионео) ровно ничего не выходит. Энгельс, видите ли, был человек «придирчивый, подозрительный, ревнивый», жена Маркса будто бы говорила жене Гайндмана, что Энгельс был «злым гением» (11) Маркса; Энгельс, которого Гайндман никогда даже не встречал (вопреки тому, что написал г. Дионео в «Русских Ведомостях»), был склонен «в отношениях с теми людьми, кому он помогал (деньгами; Энгельс был очень богат, Маркс очень беден), извлекать полную меновую стоимость из своих денежек»: Энгельс будто бы и поссорил Маркса с Гайндманом, боясь, что Гайндман, бывший тогда богатым человеком, займет место Энгельса, как богатого друга при Марксе!!

Господам либералам, конечно, доставляет удовольствие переписывать именно подобные невыразимые пошлости. Познакомиться хотя бы с теми письмами к Зорге (Маркса и Энгельса)⁸⁶, которые указывает сам Гайндман, и *разобраться* в том, где нужно, это, разумеется, совсем не в интересах либеральных писаки! Об этом они не заботятся! А между тем справка с этими письмами, сличение их с «мемуарами» Гайндмана сразу решает дело.

В 1881-м году Гайндман выпустил брошюру «Англия для всех», где он переходит к социализму, оставаясь очень и очень путаным буржуазным демократом. Брошюра написана для возникшей тогда «Демократической федерации» (не социалистической), в которой была масса антисоциалистических элементов. И вот Гайндман, пересказывая и переписывая «Капитал» в двух главах своей брошюры; *не называя Маркса*, говорит в предисловии глухо о некоем «великом мыслителе и оригинальном писателе», которому он многим обязан и т. д. Из-за этого же «поссорил» меня с Марксом Энгельс, — рассказывает Гайндман, — приводящий в то же время одно письмо Маркса к нему (от 8 декабря 1880 года⁸⁷), где Маркс пишет, что по словам Гайндмана он, Гайндман, «не разделяет взглядов моей (Маркса) партии, что касается Англии».

Ясно, в чем было разногласие, не понятое, не замеченное, не оцененное Гайндманом: в том, что Гайндман был тогда (как прямо и пишет Маркс к Зорге от 15 декабря 1881 года) «прекраснодушным мелкобуржуазным писателем», «наполовину буржуа, наполовину пролетарий».

Ясно, что если человек, который знакомится с Марксом, сближается с ним, называет себя учеником его, основывает потом «демократическую» федерацию и пишет для нее брошюру с искажением марксизма и с умалчиванием о Марксе, то Маркс не мог этого оставить без «бешеного» протеста. И, очевидно, протест был, ибо Маркс в том же письме к Зорге приводит выдержки из извинительных писем Гайндмана, оправдывавшегося тем, что «англичане не любят учиться у инородцев», что «имя Маркса так ненавистно» (!) и т. п. (Сам Гайндман сообщает, что он уничтожил почти все письма Маркса к нему, так что с этой стороны ждать раскрытия истины нечего.)

Не правда ли, хороши извинения! И вот, когда вопрос о тогдашних разногласиях Гайндмана с Марксом выясняется с полной определенностью, когда вся даже теперешняя книжка Гайндмана доказывает, что в его взглядах много филистерского и буржуазного (например, какими доводами защищает Гайндман смертную казнь для уголовных!), что преподносят в объяснение разрыва с Марксом — «интриги» Энгельса, сорок лет ведшего одну с Марксом принципиальную линию. Да если бы вся остальная книга Гайндмана была даже сплошной бочкой меда, этой одной ложки дегтя было бы достаточно...

Прехарактерно вскрываются тогдашние разногласия Маркса с Гайндманом из того, что последний передает об оценке Марксом Генри Джорджа. Оценка эта известна из письма Маркса к Зорге от 20 июня 1881 года. Гайндман защищал Г. Джорджа перед Марксом такими доводами, что-де «Джордж научит большему своим вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины».

«Маркс — пишет Гайндман — и слышать не хочет о допустимости подобных доводов. Распространение ошибки никогда не могло быть полезно народу, таково было его мнение. «Оставлять ошибку непровергнутой значит поощрять интеллектуальную нечестность. На десятиях, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами Джорджа, а эта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею». Так говорил Маркс!

А Гайндман сообщает нам, что, с одной стороны, он и посейчас отстаивает свое прежнее мнение о Джордже,

---

а, с другой стороны, Джордж-де был мальчуганом с копеечной свечой, который дурачился рядом с человеком, имевшим электрический прожектор.

Сравнение прекрасное, только... только рискованно было со стороны Гайндмана приводить это прекрасное сравнение рядом с своей мизерной сплетней насчет Энгельса.

«Звезда» № 31, 26 ноября 1911 г.
Подпись: В л. И л ь ч и н

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

Именно такого названия заслуживает статья Н. Р-кова в № 9—10 журнала «Наша Заря»⁹⁸.

Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р-кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний. Интересы дела заставляют признать, что манифест нового ликвидатора приносит большую пользу прямою, ясностью, законченностью его взглядов. Н. Р-ков позволяет и заставляет поставить важнейший и коренной вопрос о «двух партиях» *вне* какого бы то ни было «конфликтного» материала, на чисто идейную почву, в значительной степени даже *вне* деления на большевиков и меньшевиков. После Р-кова нельзя говорить о ликвидаторстве *только попрежнему*, ибо вопрос окончательно поднят им на более высокую почву. И после Р-кова нельзя *только говорить* о ликвидаторстве, ибо перед нами самый цельный, какой только можно себе представить, проект непосредственных практических действий.

Н. Р-ков начинает с изложения «основной объективной задачи в России», переходит затем к оценке революции, далее разбирает текущий момент, говоря ясно и точно о каждом классе, и заканчивает вполне отчетливым описанием всей физиономии нового «открытого политического рабочего общества», которое необходимо-де немедленно основать и «фактически осуществить». Одним словом, Р-ков начинает с самого начала и доходит последовательно до самого конца, как и полагается поступать

человеку, сколько-нибудь сознающему серьезную политическую ответственность за свои речи и за свои действия. И надо отдать справедливость Р-кову: он последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом.

Возьмите исходную точку его рассуждений. Он считает «совершенно несомненным и бесспорным», что «основная объективная задача России в настоящий момент есть окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом». Спорно же, по его мнению, то, достигла ли Россия положения, при котором, «хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми, неизбежными».

Мы считаем совершенно несомненным и бесспорным, что это — чисто либеральная постановка вопроса. Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму» или нет, быть ли «бурям» или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, *какие классы, или слои классов*, в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, напр., тех или иных политических форм так называемого «культурного капитализма». Марксисты и во время «бурь» и во время заведомого отсутствия бури ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще «культурных» форм жизни. Мы все стремимся к «культурному капитализму», говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы, — говорят рабочим и всей демократии марксисты.

Еще более рельефное типично-«профессорское» извращение марксизма преподносит нам Р-ков, критикуя «поверхностных наблюдателей», которым «кажется, что наша революция не удалась». «Слабонервная интеллигенция, — пишет Р-ков, — всегда и везде предавалась хныканью и нытью, затем моральной протрации, ренегатству, мистицизму». «Вдумчивый же наблюдатель» знает, что «в неистовствах реакции часто выражаются глубочайшие социальные перемены», что «в эпоху реакции слагаются и зреют новые социальные группы и силы».

Так рассуждает Р-ков. Он сумел поставить вопрос о «рenegатстве» до такой степени филистерски (хотя и с учеными словами), что связь контрреволюционных настроений в России с положением и интересами *определенных* классов исчезла совершенно. Ни один вековец, т. е. самый ярый контрреволюционный либерал, не станет спорить против того, что во время реакции зреют новые силы, ни один сотрудник ликвидаторского пятитомника, от которого отвернулись лучшие из меньшевиков, не откажется подписаться под этим. Конкретное обличье и классовый характер нашей контрреволюции улетучились у нашего историка, остались избитые и пустейшие фразы о слабонервности одних интеллигентов и о вдумчивой наблюдательности других. Важнейший для марксиста вопрос, как наша революция показала различные методы действия и различные стремления разных классов и почему это вызвало «рenegатское» отношение к борьбе за «культуру» других буржуазных классов, остался незамеченным Р-ковым.

Перейдем к главному: к оценке момента у Р-кова, опирающейся на оценку положения всех классов. Начиная с «представителей нашего крупного землевладения», автор говорит: «Недавно они в массе своей были (были!) настоящими крепостниками, типическими дворянами-помещиками. Теперь немного осталось этих, последних, могикан. Они маленькой кучкой группируются еще вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния... Большинство наших крупных землевладельцев — дворян и недворян, — представленное в Думе националистами и правыми октябристами, постепенно и неуклонно перерождается в сельскохозяйственную буржуазию».

Такова «оценка момента» у Р-кова. Нечего и говорить, что эта оценка есть насмешка над действительностью. На деле «кучка, группирующаяся вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го», не бессильна, а всеильна. Именно ее власть и ее доходы обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями России, именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу доверху. Все это до такой степени общеизвестно, факты господства в России именно этой кучки так ярки и повседневны, что

нужно поистине бесконечное либеральное самоуслаждение, чтобы забыть их. Ошибка Р-кова состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых, позабыл «мелочь», — как раз такую «мелочь», которая отличает марксиста от либерала, — именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства. Чтобы пояснить обе эти ошибки Р-кова, достаточно указать на пример Пруссии, где до сих пор, несмотря на гораздо более высокую степень развития капитализма вообще и перерождения старопомещичьего хозяйства в буржуазное в частности, Ольденбург и Гейдебранды остаются всеильными, держат в руках государственную власть — наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию! В Пруссии до сих пор, 63 года спустя после 1848-го года, несмотря на беспримерно быстрое развитие капитализма, избирательное право в ландтаг остается таким, что обеспечивается всеилие прусских Пуришкевичей. А Р-ков для России шесть лет спустя после 1905 г. рисует аркадскую идиллию «бессилия» Пуришкевичей!

Но дело именно в том, что рисование аркадской идиллии — относительно «неуклонности» пуришкевического перерождения и «торжества весьма умеренного буржуазного прогрессизма» — есть основной мотив *всех* рассуждений Р-кова. Возьмите его рассуждение о современной аграрной политике. «Нет более яркой и широкой иллюстрации» перерождения (крепостнического хозяйства в буржуазное), чем эта политика, заявляет Р-ков. Устраняется чересполосица, а «устранение малоземелья в 20-ти черноземных земледельческих губерниях не представляет больших трудностей и составляет одну из ближайших очередных задач времени, которая и будет разрешена, по всей видимости, путем компромисса между разными группами буржуазии».

«Этот рисующийся впереди неизбежный компромисс по аграрному вопросу имеет уже теперь ряд precedентов»...

Вот вам полный образчик метода политических рассуждений Р-кова. Он начинается с того, что отсекает крайности — без всяких данных, просто на основании своего

либерального благодушия! Он продолжает тем, что компромисс между разными группами буржуазии не труден и вероятен. Он кончает тем, что подобный компромисс «неизбежен». Подобным методом можно было бы доказать невероятность и не необходимость «бурь» и во Франции 1788-го и в Китае 1910-го года. Конечно, компромисс между разными группами буржуазии нетруден, *если принять*, что Марков 2-ой отсечен не в одной только благодушной фантазии Р-кова. Но принимать это и значит переходить на точку зрения либерала, который боится обойтись без Марковых 2-ых и думает, что все всегда будут бояться.

Конечно, компромисс «неизбежен», если (первое «если») нет Марковых; если (второе «если») непробудным политическим сном спят рабочие и разоряемые крестьяне. Но опять-таки сделать такое предположение, принять второе «если», не значит ли это принять желаемое (для либерала) за действительное?

II

Не имея склонности принимать либеральных пожеланий или либеральных предположений за действительность, мы сделали иной вывод: несомненно, что современная аграрная политика носит буржуазный характер. Но именно потому, что направляют эту буржуазную политику Пуришкевичи, оставаясь господами положения, именно поэтому получается такое громадное обострение противоречий, что вероятность компромисса на ближайшее, по крайней мере, время надо признать прямо исключенной.

Другой важный социальный процесс — продолжает свой анализ Р-ков — есть процесс консолидации крупной промышленной и торговой буржуазии. Правильно указывая на «взаимные уступки» к.-д. и октябристов, автор делает вывод: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного «прогрессизма»».

Торжество где? над кем? На выборах в IV Думу, о которых только что говорил Р-ков? Если да, то это будет «торжество» в тех узких рамках, которыми является избирательный закон 3-го июня 1907 г. А отсюда неизбежно вытекает одно из двух: либо это «торжество», не создав никакой волны, ровнехонько ничего не изменит

в фактическом господстве Пуришкевичей, либо это «торжество» косвенно выразит демократический подъем, который не может не придти в резкое столкновение с указанными «узкими рамками» и с господством Пуришкевичей.

В обоих случаях от торжества умеренности на поставленных в умеренные рамки выборах не получается ни малейшего торжества умеренности в жизни. Но в том-то и дело, что Р-ков уже впал в такой «парламентский кретинизм», который позволяет ему смешивать третьеиюньские выборы и жизнь! Чтобы доказать читателю этот невероятный факт, приходится цитировать Р-кова полностью:

«И это торжество тем вероятнее, что масса городской мелкой буржуазии, по-обывательски унывающая в созерцании призрака «разбитого корыта», беспомощно потянется за умеренным прогрессизмом. Крестьянство же слишком слабо на выборах, в силу особенностей нашей избирательной системы, дающей возможность преобладающим в коллегии губернских выборщиков землевладельцам выбирать в депутаты от крестьян — «правых». Такова картина социальных перемен, совершающихся в настоящее время в России, если оставить пока в стороне рабочий класс. Она далека от застоя, или попятного движения. Новая буржуазная Россия, несомненно, крепнет и идет вперед. Политической санкцией грядущего господства умеренно-прогрессивной промышленной и торговой буржуазии рядом с консервативной сельскохозяйственной буржуазией (Англия, да и только!) служит Государственная дума, основанная на избирательных нормах, установленных 3 июня 1907 г. (Опускаем сравнение с Францией и Пруссией, о чем ниже.) Резюмируя, таким образом, все сейчас сказанное, приходится признать, что имеются налицо все предпосылки медленного, крайне болезненного для масс, но все же несомненного движения вперед буржуазного общественного и государственного строя в России. Возможность бурь и потрясений, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции».

Философия премудрая, нечего сказать. Если крестьянство оставить в стороне, потому что оно «слабо на выборах», а рабочий класс просто «пока оставить в стороне», то, разумеется, возможность бурь совсем исключена! Но это сводится к тому, что если по-либеральному смотреть на Россию, то кроме либерального «прогрессизма» ничего и увидеть нельзя. Снимите либеральные очки, и картина будет иная. Так как крестьянство в жизни играет совсем не ту роль, что в системе выборов 3-го июня, то «слабость на выборах» обостряет противоречие между всем крестьянством и всей системой, а вовсе не открывает

ворота «умеренному прогрессизму». Так как рабочий класс *нельзя* «оставить в стороне» ни в капиталистической стране вообще, ни в России, пережившей первые 10 лет XX века, в особенности, то рассуждение Р-кова никуда не годится. Так как у нас господствует (и в III Думе и над нею) пуришкевичевщина, умеряемая воркотней Гучковых и Милюковых, то фразы о «грядущем господстве» умеренно-прогрессивной буржуазии есть просто либеральное баушки-бау. Так как Гучковы и Милюковы в силу их классового положения не в состоянии противопоставить господству Пуришкевичей ничего, кроме воркотни, то конфликт новой буржуазной России с Пуришкевичами неизбежен, а его движущими силами являются те, кого Р-ков, вслед за либералами, «оставил в стороне». Именно потому, что Милюковы и Гучковы «делают взаимные уступки» в деле угодничества перед Пуришкевичами, на рабочих все резче падает задача отграничения демократии от либерализма. Н. Р-ков не понял ни условий возникновения бурь в России, ни сейчас указанной задачи, обязательной и при заведомом отсутствии бури.

Вульгарный демократ способен все дело сводить к тому, буря или нет. Для марксиста в первую голову ставится вопрос о той линии политической размежки классов, которая *одинакова* и при буре и без бури. Если Р-ков заявляет, что «рабочие должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй», то это прямой курьез после всего написанного им в его манифесте. Это значит: Р-ков берет от буржуазии расписку о признании за рабочими гегемонии, а сам дает буржуазии расписку, что рабочие отказываются от задач, составляющих содержание гегемонии! Р-ков выпотрошил дочиста это содержание, а потом наивно повторяет пустое слово. Р-ков сначала дает оценку момента, из которой видно, что для него гегемония либералов — факт совершившийся, бесповоротный и непреборимый, а потом уверяет нас в своем признании гегемонии рабочего класса! «Реально» значение Думы — рассуждает Р-ков — «не меньше, чем значение французского Законодательного Корпуса в последние годы второй империи, или значение того среднего пропорционального между германским рейхстагом и прусским ландтагом, которое характерно для Пруссии 80-х годов прошлого века».

Подобное сравнение есть образчик игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно. Во Франции 60-х годов была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией, бонапартизм выражал собой лавирование власти между этими двумя классами. Смешно сравнивать это с современной Россией. III Дума больше похожа на *Chambre introuvable*⁹⁹ 1815 года! В Пруссии 80-х годов мы видим тоже эпоху полного завершения буржуазной революции, закончившей свое дело к 1870-му году: буржуазия вся, вплоть до мелкой городской и крестьянской, удовлетворена и реакционна.

Может быть, Р-кову мерещилось сравнение роли депутатов от демократии и от пролетариата в Законодательном корпусе и в рейхстаге с ролью соответствующих депутатов в III Думе? Такое сравнение возможно, но оно как раз говорит против Р-кова, ибо поведение Гегечкори, а отчасти также Петрова 3-го, свидетельствует о такой силе, уверенности в себе и готовности к борьбе тех классов, которые они представляют, что «компромисс» с Пуришкевичами рисуется не только невероятным, но прямо исключенным.

III

На оценке роли классов у Р-кова надо было остановиться особенно подробно, ибо именно здесь идейные корни нашего безусловного расхождения. Практические выводы, которые Р-ков делает — надо отдать ему справедливость — с редкой безбоязненностью и прямоотой, интересны более всего как доведение до абсурда «теории» автора. Р-ков тысячу раз прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос о возможности открытой политической организации рабочих с оценкой момента, с оценкой коренных изменений политического строя. Но в том-то и беда, что вместо таких изменений *в жизни* он нам может преподнести лишь прекраснотушные профессорские силлогизмы: переход к «культурному капитализму» «предполагает» необходимость открытой политической организации рабочих. На бумаге написать подобную вещь легко, но в жизни русский политический строй ни на йоту не станет от этого «культурным».

«Прогрессизм, хотя бы и самый умеренный, несомненно, должен будет расширить существующие слишком узкие

рамки.» Прогресси́зм кадетов в IV Думе — ответим мы на это — ничего не должен будет и не сможет «расширить», пока не пошевелятся далеко не по-думски далеко не кадетские элементы.

«Без такой организации — говорит Р-ков об открытой и широкой политической организации рабочих — борьба неизбежно приняла бы анархический характер, вредный не только для рабочего класса, но и для культурной буржуазии.»

На последней части фразы мы не будем останавливаться, чтобы не ослаблять «перла» комментариями. Первая же часть исторически неверна: в Германии 1878—1890 годов не было анархизма, хотя не было «открытой и широкой» политической организации.

Р-ков тысячу раз прав, далее, когда выдвигает конкретный план открытой рабочей политической «организации» и предлагает начать с основания «политического общества защиты интересов рабочего класса», — прав в том смысле, что болтать месяцы и годы о возможности «открытой» партии, не делая простого и естественного шага к ее открытию, могут лишь пустые говорюны. Р-ков начинает с начала и доходит до конца, как человек дела, а не фразы.

Но «дело»-то его есть либеральное дело, «знамя», которое он «развертывает» (стр. 35 цитируемой статьи), есть знамя либеральной рабочей политики. Нужды нет, что в программе основываемого Р-ковым общества значится «установление нового общества на основе общественной собственности на средства производства» и т. д. На деле признание этого великого принципа не мешало части немецких с.-д. в 60-х годах вести «королевско-прусскую рабочую политику», не мешает Рамсею Макдональду (вождю английской «независимой» от социализма рабочей партии) вести либеральную рабочую политику. А Р-ков, говоря о политических задачах ближайшей, нашей, данной эпохи, дал как раз систематическое изложение либеральных принципов. «Знамя», которое Р-ков «развертывает», уже давно развернуто гг. Прокоповичами, Потресовыми, Лариными и т. д., и, чем больше это знамя «развертывается», тем яснее становится всем и каждому, что перед нами истасканная, грязная либеральная тряпочка.

«Тут нет ни грана утопии» — уговаривает Р-ков. Приходится ответить автору перефразировкой известного

изречения: большой ты утопист, да утопия у тебя маленькая. В самом деле, отвечать иначе, как шуткой, на явно несерьезную вещь было бы, пожалуй, несерьезно. В эпоху, когда закрывают абсолютно мирные, чинные, не политические профессиональные союзы, считать не утопичным основание открытого политического рабочего общества! Писать от «а» до «зет» либеральную оценку роли классов — и уверять, что тут нет вползания в режим обновленной толмачевщины! «Здесь не проповедуетсся никакое насилие, — усердствует добрый Р-ков, — нет ни слова, ни мысли о необходимости насильственного переворота, так как и в действительности этой необходимости может и не быть. Если бы кто-либо, в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинить членов такого «общества» в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя!»

Красноречиво пишет Н. Р-ков! Совсем как г. П. Б. Струве в 1901-ом году обрушивал столь же страшные громы «на голову» гонителей земства¹⁰⁰. Картина: Н. Р-ков доказывает обвиняющим его Думбадзе, что так как у него нет теперь никаких «мыслей», то тяжесть юридически ничтожных обвинений падет на голову самих Думбадзе. Да, да, парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно. Очевидно, что из нового общества таких членов, как марксист Гегечкори или даже не марксист, но честный демократ Петров 3-й, исключили бы немедленно на первом же общем собрании... если бы собравшихся не разослали по ошибке в разные прохладные места раньше, чем они открыли собрание.

«Ликвидаторы» «Нашей Зари» обрадовались, что Р-ков пришел к ним. Восторгающиеся ликвидаторы недооценили горячности тех объятий, с которыми адресуется к ним ставший ликвидатором Н. Р-ков. А объятия эти так горячи и так могучи, что можно ручаться: ликвидаторство будет задушено горячими объятиями Р-кова, как рабочий съезд был задушен горячими объятиями Ю. Ларина. Ю. Ларин произвел это бескровное убийство посредством задушения просто тем, что после его брошюры люди стали — собственно из боязни конфуза — остерегаться защищать идею рабочего съезда. После нового «манифеста» ликвидаторства, опубликованного в «Нашей Заре»

Р-ковым, люди станут остерегаться — собственно из боязни конфуза — защищать идею открытой ликвидаторской партии.

А в идее этой — надо же под конец хоть в чем-нибудь согласиться с Р-ковым! — есть «гран» неутопии. Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный, и вы увидите, что «общество», которое вы собираетесь «фактически осуществить» (после того, как тяжесть ваших увещаний «падет на голову» Мымрецовых)¹⁰¹, уже *два года как осуществлено*. И вы в нем уже находитесь! Это «общество защиты интересов рабочего класса» и есть журнал (как идейный коллектив, а не как типографское сборное понятие) «*Наша Заря*». Утопична открытая и широкая организация рабочих, но отнюдь не утопичны, отнюдь, отнюдь не утопичны «открытые» и откровенные журналы оппортунистических интеллигентов. Что они по-своему защищают интересы рабочего класса, это неоспоримо, но всякий, кто не перестал быть марксистом, видит воочию, что их «общество» есть общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса.

«Звезда» № 32, 3 декабря 1911 г.
Подпись: В. И. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Звезда», сверенному
с текстом сборника:
«Марксизм и ликвидаторство»,
1914 г.

О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ II ДУМЫ ¹⁰²

ИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕГО ДЕЛА

Прошло уже четыре года с тех пор, как вся социал-демократическая фракция второй Думы, жертва гнусного заговора нашего правительства, была предана суду и, подобно тяжким преступникам, сослана на каторгу. Русский пролетариат прекрасно понимал, что обвинение против его представителей основано на подлоге; но это было время разгула реакции, и к тому же приговор был вынесен при закрытых дверях, так что налицо не было достаточных доказательств преступления, совершенного царизмом. Лишь совсем недавно убедительные факты, в которых признался агент охраны Бродский, представили в полном свете отвратительные махинации наших властей.

Вот как все это произошло:

Несмотря на весьма урезанное избирательное право, русский пролетариат послал во вторую Думу 55 социал-демократов.

Эта социал-демократическая фракция была не только многочисленной, но весьма выдающейся и в идейном отношении. Рожденная революцией, она носила на себе ее печать, и ее выступления, в которых все еще слышались отзвуки великой борьбы, охватившей всю страну, подвергали глубокой и хорошо обоснованной критике не только вносимые на рассмотрение Думы законопроекты, но также и всю царскую и капиталистическую систему правления в целом.

Вооруженная непобедимым оружием современного социализма, эта социал-демократическая фракция из всех фракций левой была самой революционной, самой

последовательной и наиболее проникнутой классовым сознанием. Она увлекала их за собой и налагала на Думу свой революционный отпечаток. Наши власти считали фракцию последним очагом революции, ее последним символом, живым доказательством мощного влияния социал-демократии на пролетарские массы, и вследствие этого она была постоянной угрозой для реакции, последним препятствием в ее триумфальном шествии. Поэтому правительство считало необходимым не только избавиться от чересчур революционной Думы, но, кроме того, ограничить до минимума избирательное право пролетариата и демократически настроенного крестьянства, воспрепятствовать тому, чтобы в будущем могла быть выбрана подобная Дума. Самым лучшим средством осуществления этого государственного переворота было избавиться от социалистической фракции, скомпрометировав ее в глазах страны: отрубить голову, чтобы таким образом умертвить все тело.

Однако для этого нужен был предлог: например, возможность обвинить фракцию в каком-нибудь тяжком политическом преступлении. Изобретательность полиции и охраны быстро помогла отыскать такой предлог. Решили скомпрометировать социалистическую парламентскую фракцию, обвинив ее в тесной связи с социал-демократической боевой организацией и с социал-демократической военной организацией. С этой целью генерал Герасимов, начальник охраны (все эти данные взяты из 1-го номера газеты «Будущее» («L'Avenir») ¹⁰³, выходящей под редакцией Бурцева в Париже, 50, boulevard Saint-Jacques), предложил своему агенту Бродскому вступить в означенные организации. Бродскому удалось проникнуть туда сперва в качестве рядового члена, затем он стал секретарем. У некоторых членов военной организации явилась мысль послать в социалистическую парламентскую фракцию делегацию солдат. Охранка решила использовать это в своих целях, и Бродский, сумевший завоевать доверие военной организации, взялся осуществить этот план. Было выбрано несколько солдат, составили наказ с солдатскими требованиями и, не предупредив даже социалистическую фракцию, назначили день, когда делегация должна была посетить фракцию в ее официальном помещении. Так как солдатам нельзя было пойти туда в своей

военной форме, то их заставили переодеться, причем это было сделано на квартире одного агента охраны, где они надели платье, купленное и приготовленное для них охранкой. Согласно гнусному плану Герасимова, Бродский должен был одновременно с солдатами явиться в помещение социалистической фракции и принести туда революционные документы, чтобы таким образом еще больше скомпрометировать наших депутатов. Далее было условлено, что Бродского арестуют вместе с другими, а потом, с помощью охраны, которая должна была предоставить ему возможность совершить мнимый побег, он должен был очутиться на свободе. Но Бродский явился слишком поздно, и когда он хотел проникнуть с компрометирующими документами в помещение фракции, там уже начался обыск, и его туда не пропустили.

Такова была инсценировка, самым тщательным образом подготовленная охранкой и давшая возможность реакции не только осудить и отправить на каторгу представителей пролетариата, но, кроме того, распустить вторую Думу и совершить свой государственный переворот 3 (16) июня 1907 г. Действительно, правительство объявило в своем манифесте от того же числа (этот манифест, как все царские манифесты, поражает своим бесстыдным лицемерием), что оно вынуждено распустить Думу, так как, вместо того чтобы оказывать поддержку и помогать правительству в его стремлении снова водворить спокойствие в стране, Дума, наоборот, действовала против всех предложений и намерений правительства и между прочим не хотела скреплять своей подписью репрессивные мероприятия против революционных элементов страны. И более того (я привожу текст дословно): «свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебную властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допуская никакого отлагательства».

Между прочим, доказательства преступления царя были известны не одному только правительству и его ближайшим

друзьям. Наши милые конституционные демократы, все время без устали болтающие о законности, справедливости, правде и т. д. и т. д., украсившие свою партию высокопарным названием «партия народной свободы», точно так же в продолжение четырех лет знали все державшиеся в тайне гнусные подробности этого грязного дела. В продолжение четырех долгих лет они в качестве безучастных свидетелей взирали на то, как вопреки всякому праву были осуждены наши депутаты, как они страдали в каторжных тюрьмах, как некоторые из них умирали и сходили с ума, и... осторожно молчали. А между тем, они имели полную возможность высказаться, так как у них были депутаты в Думе и в их распоряжении было много ежедневных газет. Зажатые между реакцией и революцией, они больше всего боялись революции. Поэтому они кокетничали с правительством и прикрывали его в продолжение четырех долгих лет своим молчанием, превратившись таким образом в соучастников его преступления. Лишь в самое последнее время (заседание Думы от 17 октября 1911 г.) в ходе обсуждения запроса об охране один из них, депутат Тесленко, наконец, решился выболтать так тщательно хранимую тайну. Вот часть его выступления (текст дается дословно по официальному стенографическому отчету): «Когда зашла речь о том, чтобы возбудить преследование против 53 членов¹⁰⁴ второй Государственной думы, была образована в ней комиссия. В эту комиссию были принесены все документы, которые должны были свидетельствовать о том, что 53 члена Государственной думы составили заговор с целью учредить в России, путем вооруженного восстания, республику. Комиссия при второй Государственной думе — я был ее докладчиком — пришла к убеждению, к единодушному убеждению, что дело идет не о заговоре, учиненном социал-демократами против государства, а о заговоре, учиненном Петербургским охранным отделением против второй Государственной думы. Когда доклад комиссии, основанный на документах, был готов, накануне того дня, когда все эти данные должны были быть сказаны с этой трибуны, Государственная дума была распущена и нельзя было сказать о том, с этой трибуны, что было раскрыто. Когда начался процесс, подсудимые, эти 53 члена Государственной думы, требовали, чтобы дело слушалось при

открытых дверях и чтобы общественное мнение узнало, что преступники не они, а преступники Петербургское охранное отделение, двери были закрыты, и общество никогда этого не узнало».

Таковы факты. В течение четырех лет наши депутаты томятся закованные в кандалы, в отвратительных русских тюрьмах, суровость и жестокость которых вам, конечно, известны. Многие там уже умерли. Один из депутатов лишился рассудка, у многих других вследствие невыносимых условий жизни уже подорвано здоровье, и они могут не сегодня-завтра погибнуть. Русский пролетариат не может больше спокойно смотреть, как его представители, единственное преступление которых состоит лишь в том, что они сумели непреклонно бороться за его интересы, гибнут в царских тюрьмах. Он тем более не может спокойно смотреть на это, что ставшие известными благодаря признанию Бродского факты с юридической точки зрения дают полное основание требовать пересмотра дела. И в России уже началась кампания за освобождение наших депутатов.

Рабочая газета «Звезда», выходящая в Петербурге, посвящает этому вопросу значительную часть своего номера от 29 октября 1911 года. Она обращается с воззванием к печати, к депутатам-либералам и к депутатам левой, к обществам и союзам и главным образом к пролетариату. «Нет и не может быть, — восклицает газета, — спокойствия, душевного равновесия там, где каждый должен слышать ежечасно и ежеминутно этот кандалный ляг замурованных, лишенных свободы и всех гражданских и политических прав людей только потому, что эти люди имели смелость перед лицом всей страны исполнить свой долг человека и гражданина. Общественная совесть не может и не должна быть спокойна после раскрытия ужасающей правды. Какие бы ни были трудности, — их надо преодолеть и требовать пересмотра судебного процесса над социал-демократическими депутатами второй Государственной думы!.. Но в первую очередь пролетариат должен сказать свое мощное слово: ведь это его представителей облыжно осудили, и в настоящий момент они томятся в каторжных тюрьмах».

Начиная эту борьбу, русский пролетариат обращается к социалистам всех стран с просьбой оказать ему

поддержку и вместе с ним громко заявить на весь мир о своем возмущении жестокостями и гнусностями нашего, в настоящий момент господствующего абсолютизма, который, прикрываясь маской жалкого лицемерия, превосходит даже варварство и некультурность азиатских правительств.

Во Франции товарищ Шарль Дюма уже начал кампанию и в статье, напечатанной в газете «L'Avenir», предложил оказать энергичную поддержку русскому пролетариату в эту трудную минуту. Пусть социалисты всех стран последуют этому примеру; пусть они в парламентах, в своей печати, на своих народных собраниях, повсюду выразят свое негодование и потребуют пересмотра дела социал-демократической фракции второй Думы.

*Напечатано на немецком,
французском и английском языках
в декабре 1911 г. в «Bulletin
Périodique du Bureau Socialiste
International» № 8*

*Печатается по тексту «Bulletin»
Перевод с немецкого*

*На русском языке впервые напечатано
в 1940 г. в журнале «Пролетарская
Революция» № 4
Подпись: Н. Ленин*

О ЛОЗУНГАХ И О ПОСТАНОВКЕ ДУМСКОЙ И ВНЕДУМСКОЙ С.-Д. РАБОТЫ

Запрос, внесенный с.-д. фракцией III Думы относительно гнусной провокации охранников, подстроивших каторжный процесс с.-д. депутатам II Думы¹⁰⁵, знаменует, повидимому, некий поворот и во всей нашей партийной деятельности, и в положении демократии вообще, и в настроении рабочих масс.

Едва ли не впервые с трибуны III Думы раздается такой решительный, революционный по тону и содержанию, протест против «хозяев 3-го июня», протест, поддержанный всей оппозицией вплоть до самой умеренной, либерально-монархической, веховской «оппозиции его величества», т. е. партии к.-д., вплоть даже до «прогрессистов». Едва ли не впервые в период лихолетия, с 1908-го года, страна видит, чувствует, осязает, как в связи с революционным протестом депутатов революционного пролетариата в черной Думе шевелится рабочая масса, поднимается брожение в рабочих кварталах столицы, устраиваются рабочими митинги (снова митинги!) с революционными с.-д. речами (митинги на Путиловском, Кабельном и др. заводах), появляются толки и слухи о политической массовой забастовке (см. известие из Петербурга в октябристском «Голосе Москвы» от 19 ноября).

Без сомнения, революционные выступления с.-д. депутатов в III Думе бывали не раз и прежде: наши товарищи из с.-д. фракции не раз превосходно исполняли свой долг, прямо, ясно, резко говоря с трибуны черно-желтого пуришкевичевского «парламента» о крахе монархии, о республике, о второй революции. Эту заслугу с.-д. депутатов

III Думы тем определеннее необходимо подчеркнуть, чем чаще слышатся подленькие оппортунистические речи недовольных такими выступлениями лжесоциал-демократов из «Голоса Социал-Демократа» или «Дела Жизни».

Но такого сочетания политических симптомов поворота: присоединение всей оппозиции к с.-д., заявление в либерально-монархической, «лояльной», «ответственной» и трусливой «Речи» о конфликтном положении, брожение в массах в связи с запросом в Думе, известия цензурной печати о «тревожном настроении» деревни, — такого сочетания еще не бывало. После прошлогодних демонстраций «муромцевских» и «толстовских» — после стачек 1910 и 1911 годов — после прошлогодней студенческой «истории», отмеченное явление, несомненно, еще подкрепляет убеждение в том, что первый период русской контрреволюции, период полного затишья, мертвого успокоения, виселиц и самоубийств, разгула реакции и разгула всяческого, особенно либерального, ренегатства, — этот период *кончился*. Начался второй период в истории контрреволюции: период, когда полное уныние и зачастую «дикий» испуг проходит, когда заметно крепнет в самых различных и в самых широких слоях сознание — или, если не сознание, то ощущение, что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы.

Разумеется, было бы легкомысленно преувеличивать значение этих симптомов и воображать, что подъем налицо. Этого еще нет. В контрреволюции чувствуются *не те* черты, которые отличают первый ее период, но контрреволюция еще царит, мнит себя непоколебимой. На очереди дня попрежнему стоит, говоря словами декабрьской 1908 года революции РСДРП, «длительная задача воспитания, обучения и организации» пролетариата¹⁰⁶. Но начало поворота заставляет нас с особой внимательностью остановиться на отношении с.-д. партии к другим партиям и на ближайших задачах рабочего движения.

«Оппозиция его величества», вплоть до кадетов и прогрессистов, как бы признала на минуту гегемонию с.-д. и ушла вслед за рабочими депутатами из Думы помещиков и октябристов, Думы, созданной черносотенно-погромной монархией Николая Романова, — ушла на время изде-

вательских проделок большинства, боявшегося огласки дела о провокации.

Что же это значит? Перестали кадеты быть контрреволюционной партией или они никогда ею не были, как уверяют оппортунисты с.-д.? Должны ли мы поставить своей задачей «поддержку» кадетов и подумать о каком-нибудь лозунге «общенациональной оппозиции»?

Противники революционной социал-демократии искони, можно сказать, пускали в ход прием доведения до абсурда ее взглядов и малевания ради удобств полемики — карикатурного марксизма. Так, во второй половине девяностых годов прошлого века, когда социал-демократия рождалась в России, как массовое движение, народники малевали карикатурный марксизм в виде «стачкизма». И ирония истории сделала так, что карикатурные марксисты нашлись — в лице «экономистов». Честь и доброе имя соц.-дем. не могли быть спасены иначе как беспощадной борьбой с «экономизмом». Так, после революции 1905 г., когда большевизм, как применение революционного марксизма к особым условиям эпохи, одержал крупную победу в рабочем движении, победу, признаваемую теперь даже его врагами, наши противники малевали карикатурный большевизм в виде «бойкотизма», «боевизма» и т. п. И опять ирония истории сделала так, что нашлись карикатурные большевики — в лице «впередовцев».

Эти уроки истории должны предостеречь от карикатурного искажения взглядов революционных с.-д. на отношение к к.-д. (см., напр., «Вперед» № 2). Кадеты, несомненно, контрреволюционная партия, отрицать это могут только совсем невежественные или недобросовестные люди, разъяряться это повсюду, в том числе и с думской трибуны, безусловный долг с.-д. Но кадеты партия контрреволюционных *либералов*, и эта их либеральная природа, как подчеркнуто и в резолюции о непролетарских партиях, принятой на Лондонском съезде (1907 г.) РСДРП¹⁰⁷, обязывает нас «использовать» своеобразное положение, своеобразные конфликты или трения, им порождаемые, использовать, напр., их фальшивый демократизм для проповеди истинного, последовательного, беззаветного демократизма.

Раз возник в стране контрреволюционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него; она не должна

ни на минуту забывать грани между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контрреволюционный либерализм с контрреволюционным, скажем, феодализмом, — чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контрреволюционный либерализм именно потому, что он контрреволюционен, *никогда* не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он *неминуемо* будет попадать в «конфликтное» положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением «левое», демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п.

Припомним историю Франции; буржуазный либерализм уже во время великой революции обнаружил свою контрреволюционность — см., напр., об этом в очень хорошей книге Кунова о революционной газетной литературе Франции. Но не только после великой буржуазной революции, а даже после революции 1848 года, когда контрреволюционность либералов довела до расстрела рабочих республиканцами, — эти либералы в эпоху конца второй империи, в 1868—1870 годах, своей оппозицией выразили перемену настроения и начало демократического, революционного, республиканского подъема.

Если кадеты теперь играют, как дразнят их октябристы, в «равнение налево», то это один из признаков и один из результатов того, что «левее» страна, что шевелится в утробе матери, готовясь снова выйти на свет божий, революционная демократия. Утроба-то пуришкевичевски-романовской России такова, что она не может не рожать революционной демократии!

Какой практический вывод отсюда? Вывод тот, что надо с величайшим вниманием следить за ростом этой новой революционной демократии. Именно потому, что она новая, что рождается она после 1905 г. и после контрреволюции, а не до нее, она, наверное, будет расти *по-новому*, — а чтобы уметь подойти к этому новому, уметь повлиять на него, уметь помочь его успешному росту, надо не ограничиваться старыми методами, надо искать и новых, надо вмешиваться в толпу, нащупывая пульс жизни, надо пробираться иногда не только в толпу, но даже и в либеральную гостиную.

Вот, напр., газетка г. Бурцева «Будущее» очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый, октябристски-надетский лозунг «пересмотра положения 3-го июня», там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах. Но все же, когда г. Мартов поспешил залезть туда, то упрекнуть его можно бы было лишь в бестактной торопливости, а не в принципиальной фальши, *если бы... если бы* он не держал себя в ней по-либеральному. Ибо можно оправдать — а иногда даже похвалить — социал-демократа за выступление в либеральной гостиной лишь тогда, если он выступает как социал-демократ. А г. Мартов понес в либеральной гостиной либеральную ахинею о какой-то устанавливаемой «на время выборов» «солидарности в борьбе за самую свободу выборов и выборной агитации» («Будущее» № 5)!!

Растет в новой обстановке, по-новому, новая демократия; надо учиться подходить к ней — это бесспорно. Но подходить к ней надо затем, чтобы отстаивать и проповедывать лозунги действительной демократии, а не затем, чтобы сюсюкать с ней по-либеральному. Новой демократии социал-демократия должна проповедывать *три* лозунга, единственно достойных нашего великого дела, единственно соответствующих *реальным* условиям достижения *свободы* на Руси; лозунги эти — республика; 8-мичасовой рабочий день; конфискация всей помещичьей земли.

Такова единственно правильная общенациональная программа борьбы за свободную Россию. Кто не понял этой программы, тот еще не демократ. Кто отрицает эту программу, называя себя демократом, тот слишком хорошо понял необходимость надувать народ для осуществления своих антидемократических (т. е. контрреволюционных) целей.

Почему борьба за 8-мичасовой рабочий день есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт показал невозможность свободы без самоотверженной борьбы пролетариата, а таковая борьба неразрывно связана с улучшением условий жизни рабочих. Образец этих улучшений, знамя их и есть 8-мичасовой рабочий день.

Почему борьба за конфискацию всей помещичьей земли есть реальное условие достижения свободы на Руси?

Потому, что без коренных мер помощи миллионам крестьян, доведенных Пуришкевичами, Романовыми и Марковыми до неслыханного разорения, мучений и голодной смерти, нелепы, лживы насквозь всякие речи о демократии, о «народной свободе». А без конфискации помещичьих земель в пользу крестьян ни о каких *серьезных* мерах помощи мужику, ни о какой серьезной решимости покончить с Россией «мужиков», т. е. с крепостнической Россией, и создать Россию свободных земледельцев, демократическую буржуазную Россию, не может быть и речи.

Почему борьба за республику есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт, великий, незабвенный опыт одного из величайших десятилетий русской истории, именно: первого десятилетия XX века, говорит с непререкаемой ясностью и очевидностью о *несовместимости* нашей монархии с какими бы то ни было элементарными гарантиями политической свободы. История России, многовековая история царизма сделала то, что в начале XX века у нас нет и *не может быть* иной монархии, кроме *черносотенно-погромной монархии*. Русская монархия не может в данной социальной, в данной классовой обстановке поступать иначе, как организовывать банды убийц, чтобы подстреливать из-за угла наших либеральных и демократических депутатов или поджигать дома, где собрались демократы. Русская монархия не может поступать иначе, как отвечать на демонстрации народа в пользу свободы устройством отрядов людей, хватющих за ноги еврейских детей и разбивающих им головы о камни, людей, насилующих еврейских, грузинских женщин и распарывающих животы старикам.

Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов.

Если социал-демократия чему-нибудь научилась из первой русской революции, то она должна теперь до-

биться того, чтобы ни в одной нашей речи, ни в одном листке не выставлялся доказавший свою негодность, свою неопределенность лозунг: «долой самодержавие», а выставлялся *исключительно* лозунг: «долой царскую монархию, да здравствует республика».

И пусть не говорят нам, что лозунг республики не соответствует стадии политического развития рабочих и крестьян. Десять-двенадцать лет тому назад не только такие были «народники», которые и думать не дерзали о лозунге «долой самодержавие», но даже находились социал-демократы — так называемые «экономисты» — восстававшие против своевременности этого лозунга. А в 1903—1904 годах лозунг «долой самодержавие» сделался «известной народной поговоркой»! Не может быть и тени сомнения в том, что систематическая, упорная республиканская пропаганда найдет теперь в России самую благодарную почву, ибо массы самые широкие и в частности массы крестьянские безусловно думают тяжелую и крепкую думу о значении разгона двух Дум, о связи царской власти с господской III Думой и разорением деревни Марковыми и К^о. С какой быстротой будет расти брошенное в землю зерно республиканской пропаганды, этого никто не сможет теперь определить — но не в этом дело, дело в том, чтобы посев был сделан правильно, действительно демократически.

Разбирая вопрос о лозунгах предстоящей избирательной кампании в IV Думу и о лозунгах всей нашей внедумской работы, нельзя не коснуться одного очень важного и очень неправильного выступления с.-д. депутата Кузнецова в III Думе. В шестилетнюю годовщину первой победы русской революции, 17 октября 1911 г., Кузнецов выступал в Думе по вопросу о проекте страхования рабочих. Выступал он вообще, надо отдать ему справедливость, очень хорошо, энергично отстаивал интересы пролетариата, не обинуясь говорил правду в лицо не только большинству черной Думы, но и кадетам. Вполне признавая эту заслугу Кузнецова, надо отметить тоже без обиняков его ошибку.

«Я думаю, — говорил Кузнецов, — что рабочие, внимательно прислушиваясь к прениям, которые имели место как при обсуждении этих вопросов в целом, так и при обсуждении отдельных статей настоящего законопроекта, придут к тому заключению, что их очередным лозунгом теперь, в настоящее время, должен быть лозунг: «долой

Думу 3 июня, да адравствует всеобщее избирательное право». Почему? Я скажу: да потому, что для рабочего класса его интересы правильно могут быть разрешены только тогда и в тех случаях, если рабочий класс путем всеобщего избирательного права пришлет в законодательное учреждение достаточное количество своих депутатов; исключительно они одни могут решить правильно вопросы страхования для рабочего класса».

С Кузнецовым случилось здесь несчастье, которого он, наверное, не подозревал, но которое давно было нами предсказано; это несчастье — совпадение ошибок, делаемых ликвидаторами и отзовистами.

Выставляя с думской трибуны лозунг, навеянный ликвидаторскими журналами «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», Кузнецов не заметил, что первая (и существеннейшая) часть этого лозунга («долой III Думу») целиком повторяет лозунг, выдвинутый три года тому назад отзовистами открыто и защищавшийся с тех пор — прикровенно и тайком — только «впередовцами», т. е. трусливыми отзовистами.

Три года тому назад «Пролетарий» № 38 от 1 (14) ноября 1908 года писал по поводу этого лозунга, выставлявшегося отзовистами:

«При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т. е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архиреакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие острореволюционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому ни другому случаю мы не видим у нас»*.

* Дальше «Пролетарий» защищал лозунг «долой самодержавие», — этот лозунг, как мы уже показали, должен быть заменен теперь лозунгом: «долой царскую монархию, да адравствует республика». (См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 249. Ред.)

В приложении к № 44 «Пролетария» (от 4 (17) апреля 1909 г.) была приведена резолюция петербургских отаэвистов, прямо постановлявшая «начать широкую агитацию в массах за лозунг долой III Государственную Думу». Против этого предложения «Пролетарий» писал там же: «Этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотаэвистов, — неверен. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии» (вышло так, что это написано в начале 1909-го года как раз против постановки вопроса Кузнецовым в конце 1911 года!)... «либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контрреволюционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага»*.

Отсюда ясно, в чем ошибка Кузнецова. Он выставил в качестве обобщенного лозунга кадетский лозунг избирательной реформы, не имеющий никакого смысла при сохранении всех прочих прелестей монархии Романовых, Государственного совета, всевластия чиновников, черносоленно-погромных организаций царской шайки и т. д. Кузнецов должен был сказать — предполагая, что именно так подходим к вопросу, как он это сделал, предполагая неизменным общий тон его речи, — примерно следующее:

«Именно на примере законопроекта о страховании рабочие еще и еще раз убедятся, что ни непосредственные интересы своего класса, ни права и нужды всего народа не могут быть защищены без таких преобразований, как всеобщее избирательное право, полная свобода коалиций, печати и т. д. Но не ясно ли, что осуществления таких преобразований нечего ждать, пока остается неизменным современный политический строй России, — нечего ждать, пока могут быть ниспровергаемы какие угодно решения какой угодно Думы, — нечего ждать, пока остается в государстве хоть одна невыборная власть».

Мы прекрасно знаем, что с трибуны III Думы с.-д. депутатам удавалось — и в этом их заслуга — делать гораздо более прямые и ясные республиканские заявления. Депутаты Думы могут вполне легально вести из Думы республиканскую пропаганду и они должны это делать.

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 362. Ред.

Нашим примерным исправлением речи Кузнецова мы хотим лишь иллюстрировать, как мог бы он избегнуть ошибки, выдерживая общий тон речи, отмечая и подчеркивая громадное значение таких безусловно необходимых преобразований, как всеобщее избирательное право, свобода коалиций и т. д.

О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

Не будем забывать ни на минуту главного: в России просыпается к новой жизни и новой борьбе новая демократия. Обязанность сознательных рабочих — этого авангарда русской революции и руководителя народных масс в борьбе за свободу — разъяснить задачи последовательной демократии: республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

АГЕНТУРА ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

Настоящий номер был уже почти совсем закончен, когда мы получили № 9 «Будущего». Мы назвали эту газету либеральной гостиной. Оказывается, что в этой гостиной выступают иногда агенты русской либеральной буржуазии, чтобы попытаться вести на поводу революционеров. Таким агентом написана передовица № 9, *приветствующая* решение кадетов идти на блоки с октябристами!! «Мы желали бы, — пишут либералы с бомбой, — чтоб *в том же духе* высказались и теми же начальниками руководствовались... все левые партии, не исключая и социалистических и революционных!!»

Еще бы не желать этого контрреволюционному либералу! Надо только, чтобы публика знала, в чем тут соль: когда передовик «Будущего» говорит: «мы социалисты», «мы революционеры» — надо читать: «мы либералы».

Сейчас получены газеты с известием об исключении Войлошникова на 15 заседаний¹⁰⁸. Кадеты были *за* исключение на *пять* заседаний!! Да здравствует кадетско-октябристский блок — для исключения демократов и социал-демократов на 10 заседаний!!

«Социал-Демократ» № 25,
8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

РАЗВЯЗКА ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА

Два года тому назад в с.-д. печати можно было встретить речи об «объединительном кризисе» партии*. Развал и распад контрреволюционной эпохи вызвали новые перегруппировки и расколы, новое обострение заграничной борьбы, и немало малoverов или слабонервных людей падало духом при виде тяжелого внутреннего положения с.-д. рабочей партии. Теперь, с образованием Российской организационной комиссии (РОК)¹⁰⁹, наступает, явным образом, если не конец кризиса, то, во всяком случае, новый и решительный перелом к лучшему в развитии партии. Поэтому своевременна будет попытка бросить общий взгляд на пройденный этап внутрипартийной эволюции и на перспективы ближайшего будущего.

Революция оставила после себя РСДРП в виде трех отдельных, автономных, национальных с.-д. организаций и двух фракций российских в тесном смысле. Глубокие корни этих фракций в тенденциях развития пролетариата, в обстановке его жизни в данную эпоху буржуазной революции, доказаны опытом величайших по богатству событий 1905-го, 1906-го и 1907-го годов. Контрреволюция сбросила нас опять с горы, на которую мы уже высоко взобрались, в долину. Пролетариат должен был перестраивать ряды и собирать силы заново в обстановке столыпинских виселиц и веховских иеремиад.

Новая обстановка вызвала новую группировку тенденций внутри с.-д. партии. От обеих новых фракций стали отделяться — под тяжелым гнетом безвременья — наи-

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 187—234. Ред.

менее устойчивые с.-д. элементы, всякого рода *буржуазные попутчики* пролетариата. Два течения рельефнее всего выразили этот *уход* от социал-демократии: ликвидаторство и отзовизм. Они же породили неизбежно тенденцию к сближению остающихся верными марксизму основных ядер обеих фракций. Таково было положение дел, из которого родился пленум января 1910 г. — исходный пункт плюсов и минусов, шагов вперед и шатаний назад в дальнейшем развитии с.-д. партии.

Неотъемлемую идейную заслугу дела, совершенного пленумом, и громадную «примиренческую» ошибку, допущенную им, многие не поняли хорошенько до сих пор. А не поняв этого, нельзя понять ровно ничего и в теперешнем положении партии. Поэтому еще и еще раз мы должны остановиться на выяснении исходного пункта теперешнего кризиса.

Следующая цитата из статьи «примиренца», писанной перед самым пленумом и напечатанной тотчас после него, может помочь этому выяснению больше, чем длинные рассуждения или цитаты из более непосредственных и более многочисленных «документов». Один из главарей господствовавшего на пленуме «примиренчества», т. Ионов, бундовец, писал в статье: «Возможно ли партийное единство?» в № 1 «Дискуссионного Листка» (19 марта 1910 г.; на стр. 6 примечание редакции: «статья написана до пленума») следующее:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции, кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм — по отношению к большевизму».

Вот оценка дела, данная «примиренцем» во время пленума и обрисовывающая *точно* психологию и идеи восторжествовавшего на пленуме примиренчества. В приведенной цитате верна, тысячу раз верна основная мысль, и именно потому, что она верна, большевики (еще до пленума вполне развернувшие борьбу и с ликвидаторством и с отзовизмом) *не могли* разойтись с примиренцами на пленуме. Не могли потому, что в основной мысли было согласие;

расхождение касалось формы проведения ее в жизнь; форма подчинится содержанию — думали большевики, и они оказались правы, хотя это «приспособление формы к содержанию» отняло у партии, благодаря ошибке примиренцев, *два года жизни* почти «задаром».

В чем состояла эта ошибка? В том, что вместо узаконения тех и только тех течений, которые очищаются (и лишь в мере, в какой они очищаются) от «нарывов», примиренцы узаконили всех и вся на основании голого обещания очиститься. И впередовцы, и голосовцы, и Троцкий «подписали» резолюцию против отзовизма и ликвидаторства, — значит, обещали «очиститься», — и баста. Примиренцы «поверили» обещанию и запутали партию с непартийными, «нарывными», по их собственному признанию, группками. Это было ребячеством с точки зрения практической политики и бездейственностью, беспринципностью, интриганством с более глубокой точки зрения: в самом деле, кто был серьезно убежден, что ликвидаторство и отзовизм-ультиматизм суть нарывы, тот не мог бы не понять, что нарывы, назревая, должны *оттягивать* от организма вредные элементы, должны выводить их прочь из организма. Тот не мог бы помогать отравлению организма попытками загнать внутрь «нарывные» яды.

Первый год, прошедший после пленума, разоблачил на деле бездействие примиренцев. Фактически работу партийную (— очищение, оздоровление от нарывов) вели большевики и плехановцы за весь этот год. И «Социал-Демократ» и «Рабочая Газета» (после изгнания Троцким представителя ЦК) доказывают этот факт. Некоторые, всем известные, легальные издания 1910 года¹¹⁰ тоже доказывают этот факт. Тут не слова, а именно факты: совместная работа в руководящих органах партии.

И голосовцы, и «впередовцы», и Троцкий фактически за этот год (1910-ый) отошли от партии как раз к ликвидаторству и к отзовизму-ультиматизму. «Доброкачественные нарывы» оставались нарывами, которые вели себя недоброкачественно постольку, поскольку «вредные элементы» не удалялись ими из организма партии, а продолжали заражать этот организм, держать его в болезненном состоянии, делать его неспособным к партийной работе. Эту партийную работу (в литературе, открытой для всех) вели большевики и плехановцы *вопреки* «примиренческим»

резолуциям и коллегиям, созданным пленумом, *против* голосовцев и впередовцев, а не вместе с ними (ибо нельзя было работать вместе с ликвидаторами и отзовистами-ультиматистами).

А русская работа? За год ни единого собрания ЦК! Отчего? Оттого, что русские цекисты (примиренцы, удостоившиеся поделом поцелуев «Голоса ликвидаторов») всё «приглашали» ликвидаторов, да так за год, за год с четвертью, ни разу не смогли «пригласить» их! Институт «насильственного привода» в ЦК не был, к сожалению, предусмотрен на пленуме нашими добрыми примиренцами. Получилось именно то абсурдное, позорное для партии положение, которое предсказывали большевики на пленуме, борясь против доверчивости и наивности примиренцев: русская работа стоит, партия связана, а со страниц «Нашей Зари» и «Вперед» льется отвратительный поток либеральных и анархистских нападок на партию! Михаил, Роман и Юрий, с одной стороны, отзовисты и богостроители, с другой, изо всех сил *разоряют* с.-д. работу, а цекисты-примиренцы «приглашают» ликвидаторов и «ждут» их!

«Заявкой» 5-го декабря 1910 года большевики открыто и формально заявили, что договор со всеми остальными фракциями они расторгают. Срыв «мира», на пленуме заключенного, срыв его «Голосом», «Впередом», Троцким стал окончательно признанным фактом.

Около полгода (до июня 1911 г.) прошли в попытках созвать заграничный пленум, обязательный по договору, в срок не более трех месяцев. Ликвидаторы (голосовцы — бундовцы — Шварц) сорвали и заграничный пленум. Тогда блок трех групп, большевиков, поляков и «примиренцев», делает последнюю попытку спасти дело: созвать конференцию, создать Российскую организационную комиссию. Большевики попрежнему имеют меньшинство: с января 1910 г. по июнь 1911 г. преобладание в руках ликвидаторов (в ЗБЦК голосовцы — бундовец — Шварц; в России «приглашающие» ликвидаторов «примиренцы»); с июня 1911 г. по 1 ноября 1911 (срок, установленный третьейским судом держателей)¹¹¹ преобладание у примиренцев, к которым перешли поляки.

Вопрос встал так: и деньги и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев)¹¹²;

большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли во-всю, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» (кто хочет и может работать по социал-демократически, тот в приглашениях не нуждается!), или продолжать торги и переторжки с Троцким, «Впередом» и т. п. Большевики выбрали первый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цеккистов в Париже. Тышко с К^о выбрал (и навязал и Технической комиссии и Заграничной организационной комиссии) второй путь, объективно сводившийся — как было подробно показано в фельетоне № 24 «Социал-Демократа»* — к пустому и жалкому интриганству.

Результат теперь у всех перед глазами. К 1-му ноября *Российская организационная комиссия* была образована. На деле создали ее большевики и русские меньшевики-партийцы. «Союз двух сильных (сильных своей идейной прочностью, своей работой очищения от «нарывов») фракций», против которого так бесновались слабоголовые люди на пленуме и после пленума (См. «Голос», «Вперед», «Отклики Бунда»¹¹³, «Правду» и т. д.), оказался фактом. В таких образцовых и передовых для России 1910 и 1911-го годов с.-д. организациях, как бакинская и киевская¹¹⁴, этот союз, к величайшей радости большевиков, превращался почти в полное слияние, в единый неразрывный организм с.-д. партийцев.

Хныканье о распущении «всех» фракций оказалось, после проверки двухлетним опытом, жалкой фразой пустоголовых людей, которых дурачили гг. Потресовы и гг. отзовисты. «Союз двух сильных фракций» сделал свое дело и подошел — в лице указанных передовых коллективов — вплотную к полному слиянию в единую партию. Колéбания заграничных меньшевиков-партийцев уже бессильны изменить этот совершившийся факт.

Два года после пленума, которые кажутся многим маловерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота

* См. настоящий том, стр. 226—244. *Ред.*

ликвидаторских и отзовистских шатаний. 1910-ый год дал нам совместную работу большевиков и партийцев-меньшеви́ков во *всех* руководящих (и официальных и неофициальных, легальных и пелегальных) органах партии: это был первый шаг «союза двух сильных фракций», шаг идейной подготовки, соби́рания сил под одним знаменем, антиликвидаторским и антиотзовистским. 1911-ый год дал второй шаг: создание Российской организационной комиссии. Председательство партийца-меньшевика на первом собрании ее есть знаменательный факт: второй шаг, создание практически действующего русского центра, теперь сделан. Паровоз поднят и поставлен на рельсы.

Впервые после *четырёх* лет развала и разброда собрался — вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и *tutti quanti** — русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра¹¹⁵. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целюно охватила (за какие-нибудь три меснца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, — ибо Росс. орг. ком. собралась *после* объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место *рядом* с восстановлением Петербургского комитета и устройством им ряда рабочих митингов, с резолюциями московских районов за партию и т. д.

Конечно, было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские; полицейская травля удесятерилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра; возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!

Чем же ответили заграничные «примиренцы» и Тышко с Ледером на этот гигантский шаг вперед русской работы? Последней вспышкой мизерного интриганства: «процесс нарывания», столь пророчески предсказанный накануне

* — всех прочих. Ред.

пленума Ионовым, неприятен, что и говорить. Но, кто не понимает, что этот неприглядный процесс *оздоравливает* социал-демократию, тому нечего и браться за революционную работу! Техн. ком. и Загр. орг. ком. отказываются подчиниться Росс. орг. ком. — Большевики, конечно, с презрением отходят от заграничных интриганов. — Тогда начинаются колебания: в начале ноября обломкам ЗОК (два поляка плюс примиренец) доставлен доклад о созыве РОК. Доклад настолько обстоятельно рисует всю работу, что противники большевиков, расхваленные «Голосом» примиренцы *вынуждены* признать РОК. — Принимается резолюция ЗОК от 13-го ноября 1911 г.: «руководствоваться решениями РОК». Из имеющихся у ЗОК денег $\frac{4}{5}$ передаются в кассу РОК — значит, сами поляки, сами примиренцы *не* в состоянии подвергать сомнению серьезность постановки всего дела.

И тем не менее — еще через несколько дней и ТК, и ЗОК опять отказываются подчиниться РОК!! Где разгадка этой игры?

В руках редакции ЦО есть документ¹¹⁶, который будет представлен конференции и из которого видно, что Тышко агитирует за неучастие в РОК, за неучастие в конференции.

Можно ли себе представить более гнусное интриганство? Взялись в ТК и ЗОК помогать созыву конференции и созданию РОК — нахвастали, что они пригласят «всех», и не пригласили никого (хотя имели право приглашать, будучи большинством, и ставить любые условия), — не нашли никаких работников, кроме большевиков и партийных меньшевиков, — потерпели полное поражение на арене, ими же выбранной, — и опустили до «подножек» той же самой РОК, которой по доброй воле выдали, как полномочному центру, $\frac{4}{5}$ средств на конференцию!!

Да, нарыв — неприятная вещь, особенно «в процессе нарывания». Почему теоретикам союза всех и всяких заграничных группок ничего не осталось, кроме интриганства, это уже показано было в № 24 ЦО. И теперь российские с.-д. рабочие без труда сделают выбор: отстоять ли им свою РОК и свою конференцию или позволить Тышке, Ледеру и К^о интригами тормозить их конференцию. Интриганы погубили себя, это факт, — Тышко и Ледер уже вошли с бубновыми тузами в историю РСДРП, — а конференции им не затормозить, РОК им не подорвать.

А ликвидаторы? В течение целого года с половиной, с января 1910 до июня 1911-го, когда они имели большинство в ЗБЦК и верных «друзей» в лице примиренцев русского Бюро ЦК, они ровно ничего, ровнехонько ничего для русской работы не сделали! Когда у них было большинство, работа стояла. Когда же большевики разрушили ликвидаторский ЗБЦК и приступили к созыву конференции, тогда ликвидаторы зашевелились. И прехарактерно наблюдать, в чем выразилось это «шевеление». Бундовцы, которые все время служат самую верную службу ликвидаторам, — захотели недавно воспользоваться теперешним «смутным временем» (у латышей, напр., исход борьбы двух течений, ликвидаторского и партийного, еще не определился), достали откуда-то одного кавказца, и вся компания поехала в город Z.¹¹⁷, чтобы вырвать подпись для резолюций, составленных Троцким и Даном в Café Vubenberg (город Берн, август 1911 г.). Но латышскую руководящую организацию и не разыскали, подписи не достали и никакой бумаги с громкой фирмой: «ОК трех сильнейших организаций» не изготовили. Таковы факты*.

Пусть ознакомятся русские рабочие с тем, как бундовцы пытаются вести дело срыва РОК в России! Подумайте только: в то время, когда работники над конференцией объезжают Урал, Поволжье, Петербург, Москву, Киев, Екатеринослав, Ростов, Тифлис, Баку, бундовцы «достаю» «кавказца» (вероятно, из числа тех заседателей, которые владеют «печатью» Областного кавказского комитета и которые посылали представителями на конференцию РСДРП в декабре 1908 г. Дана и Аксельрода!) и едут «срывать подпись» у латышей. Немного недоставало, чтобы эта шайка интриганов, служащих ликвидаторам и абсолютно чуждых всякой работе в России, действительно выступила, как «ОК» «трех организаций», в том числе двух «сильнейших» владельцев печати! Или, может быть, господа бундовцы и кавказец поведают партии, какие русские организации, когда именно они объезжали, где

* Кроме неунывающих бундовцев послакали срывать резолюции и впередцы. От этой группы — отнюдь не отовистойкой, боже упаси! — послакали один известный отовист ¹¹⁸, «скакал» в Киев, в Москву, в Шинный. «примирялся» с примиренцами и отъехал отовсюду, ничего не добившись. Персдают, что группа «Вперед» обвиняет в неуспехе плохого бога, сочиненного Луначарским, и что она приняла единогласное постановление выдумать бога получше.

восстанавливали работу, где делали доклады? Попробуйте-ка, любезные, расскажите!

А заграничные дипломатических дел мастера с важным видом знатока судят и рьят: «нельзя изолироваться», «надо переговорить с Бундом и с Областным кавказским комитетом».

О, комедианты! —

Пусть учатся, вдумываясь в значение истории партии за эти два года, те, кто колеблется теперь, жалея об «изоляции» большевиков. О, мы чувствуем себя лучше, чем когда-либо, от *такой* изоляции, когда мы отрезали заграничные интриганские коллекции нулей и когда мы помогли сплочению русских с.-д. рабочих Петербурга, Москвы, Урала, Поволжья, Кавказа и Юга!

Кто сетует насчет изоляции, тот ровно ничего не понял ни в идейном великом деле пленума, ни в его примиренческой ошибке. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в России. Полгода или треть года в 1911 г. сделали то, что максимальная кажущаяся изоляция большевиков впервые двинула с места русскую с.-д. работу, впервые восстановила российский с.-д. центр.

Кто все еще не разобрал идейной гнилости и мертвенности таких «нарывов», как ликвидаторство и отзовизм, того доучит теперь история бессильной склоки и жалкого интриганства, до которого опустились группки «Голоса» и «Вперед», увлекая за собой — в свое падение — всех и всякого, пробовавшего защищать их.

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками. Сплачивайтесь вокруг РОК, помогайте ей созвать конференцию и укрепить работу на местах. РСДРП пережила тяжкую болезнь: кризис кончается.

Да здравствует единая, нелегальная, революционная Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия!

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

Крупнейшим событием в этом лагере является статья Н. Р-кова в № 9—10 ликвидаторской «Нашей Зари». Это — настоящее «Credo» или манифест либеральной рабочей партии. Начиная с начала, с оценки революции и роли всех классов, и доходя с замечательной последовательностью до конца, до проекта легальной рабочей (?) партии, Р-ков во всех своих рассуждениях подменяет марксизм либерализмом.

Какова объективная задача, стоящая перед Россией? Завершение смены полукрепостнического хозяйства «культурным капитализмом». — Это не по-марксистски, а по-либеральному, ибо марксист различает классы с различным, октябристским, кадетским, трудовическим, пролетарским пониманием того, что есть «культурный» капитализм.

В чем гвоздь вопроса об оценке революции? Р-ков осуждает хныканье и ренегатство кричащих о «неудаче» революции и противопоставляет им... великую профессорскую истину, что и во время «реакций» зреют новые социальные силы. Ясно, что подобный ответ Р-кова прикрывает *суть* дела именно так, как это выгодно контрреволюционным либералам, которые вполне признают вновь открытую Р-ковым истину. Суть в том, какие классы в революции оказались способны к непосредственной, массовой, революционной борьбе и какие классы изменили ей, став прямо или косвенно на сторону контрреволюции. Эту суть Р-ков спрятал, подготавливая тем замалчивание разницы между революционной демократией и либерально-монархической «прогрессивной» оппозицией.

По вопросу о роли помещичьего класса Р-ков сразу благополучно договорился до абсурда. Недавно-де представители этого класса «были» настоящими крепостниками, теперь «они маленькой кучкой группируются еще вокруг Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния». Большинство дворян-помещиков «постепенно и неуклонно перерождается в сельскохозяйственную буржуазию».

На деле, как всякий знает, Марковы 2-ые и Пуришкевичи у нас *всесильны*, и в Думе, и еще более в Государственном совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией. Именно «их власть и их доходы» (резолюция 1908 г. декабрьской конференции) обеспечивает шаг по пути *такого* превращения царизма в буржуазную монархию. Перерождение хозяйства крепостников в буржуазное отнюдь не устраняет непосредственно политической власти этих черносотенцев: это ясно и с точки зрения азбуки марксизма, это видно хотя бы из опыта Пруссии после 60-летнего «перерождения» (с 1848-го года). У Р-кова выходит так, что в России нет ни абсолютизма, ни монархии! Р-ков применяет школьный либеральный метод: благодушное отсечение (на бумаге) социальных крайностей служит «доказательством «неизбежности компромисса».

Современная аграрная политика означает, по Р-кову, «рисующийся впереди неизбежный (!) компромисс» — между кем? «Между разными группами буржуазии». Какая же социальная сила — спросим мы нашего «марксиста» — заставит пойти на компромисс Пуришкевичей, у коих в руках вся власть? Р-ков не отвечает на этот вопрос. Но так как рядом у него стоит указание на процесс консолидации крупной торговой и промышленной буржуазии, на «грядущее господство умеренно-прогрессивной» буржуазии, то вывод возможен лишь один: Р-ков рассчитывает на мирное отнятие власти у Пуришкевичей и Романовых умеренно-прогрессивной буржуазией.

Это невероятно, но это факт. Именно такая пошлейшая из либеральных утопий лежит в основе концепций Р-кова, похваляющегося, что у него нет «ни грана утопии». Между крайними ликвидаторами, которые все от Ларина до Череванина, Дана и Мартова преподносят под чуточку измененными формами и фразами *именно эту основную*

мысль мирного завоевания власти буржуазией (самое большое: при *давлении* «снизу»), и Н. Р-ковым разницы на деле нет.

Но в жизни, а не в либеральной утопии, мы видим господство пуришкевичевщины, умеряемой воркотней Гучковых и Милюковых. «Умеренно-прогрессивные» октябристы и кадеты увековечивают, а не подрывают это господство. Противоречие между этим господством и несомненно идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее (а не слабее, как думают теоретики «неизбежного компромисса»). Движущей силой разрешения этого противоречия могут быть только массы, т. е. пролетариат, ведущий за собою крестьянство.

Бывший большевик, а теперь ликвидатор отодвигает прочь эти массы так легко, как будто бы столыпинские виселицы и веховская река помоев вытеснила их не только с арены открытой политики, не только со страниц либеральных изданий, но также и из жизни. Крестьянство слабо на выборах — говорит наш либерал в своем «анализе», — а рабочий класс он условно «оставляет в стороне»!!

Р-ков взялся доказать, что революция в России («буря»), хотя и возможна, не необходима. Если «оставить в стороне» — хотя бы условно, хотя бы «пока», хотя бы по случаю «слабости на выборах» рабочий класс и крестьянство, то революция, разумеется, невозможна, а не только не необходима! Но от либерального благодушия из жизни не исчезнет ни всевластие Пуришкевича и Романова, ни революционный отпор, нарастающий в зреющем пролетариате и в голодном, истязуемом крестьянстве. Все дело в том, что *линию* марксиста, т. е. революционного социал-демократа, который при всяких обстоятельствах, в самых различных формах, и в речи на митинге, и с трибуны III Думы, и в Совете рабочих депутатов, и в самом мирном, легальном рабочем обществе отстаивает поддержку этого отпора, укрепление его, развитие, правильное направление к полной победе, — эту *линию* Н. Р-ков подменил везде и повсюду в своих рассуждениях *линией* либерала, который не хочет видеть того, что загнано в подполье, не хочет смотреть ни на что, кроме «перерождающихся» в «культурных юнкеров» Пуришкевичей или «умеренно-прогрессивных» Милюковых.

Это — именно та специфическая слепота, которая характерна для всей «Нашей Зари», для всей столыпинской рабочей партии. В неразрывной связи с этой ослепленной либеральными шорами концепцией стоит исключительное устремление внимания на легализацию рабочей партии. Если «компромисс неизбежен», то против неизбежного бороться нечего, остается рабочему классу — подобно остальным классам вполне установившегося буржуазного строя — вить себе скромное мещанское гнездышко в уголке этого строя. Таково реальное значение проповеди легалистов, как бы ни прикрывал ее «революционными» фразами Мартов, посаженный на это ампула гг. Потресовыми, Юриями Чацкими, Лариными, Данами и К^о.

У Р-кова это реальное значение легального «общества защиты интересов рабочего класса» яснее ясного. Что такого общества — даже при гегемонии в нем Прокоповичей — «начальство» не разрешит и «фактического существования» не допустит, это ясно. Только либеральные слепцы могут не видеть этого. Но *общество* интеллигентов, несущих, под видом социализма, *либеральную* проповедь в рабочие массы, уже осуществлено фактически. Это «общество» и есть круг сотрудников «Нашей Зари» и «Дела Жизни»; их «знамя», идейное знамя либерализма, «развертывает» Н. Р-ков, когда уверяет, что без открытой организации борьба неизбежно (!) приняла бы анархический характер, — что старые лозунги превратились в мертвые слова, — что тактику нельзя сводить к «драке», — что в новом «обществе» нет *ни мысли* (!) о необходимости насильственного переворота» и т. п. Вот эта либеральная, ренегатская проповедь интеллигентов есть реальность, а открытое рабочее общество есть фраза. Общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса есть реальность, это «общество» и есть «Наша Заря», а «открытая и широкая политическая организация» рабочих в современной России — невинное, пустое, фальшивое либеральное мечтание.

Устраивать легальные проф. союзы — понимая, что ни широкими, ни «политическими», ни прочными они ныне стать не могут, — дело полезное. Проповедывать либеральные вещи о политическом рабочем обществе без мысли о насилии — дело пустое и вредное.

В заключение два курьеза. Курьез первый. «Если бы кто-либо, — пишет Р-ков, — в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинять членов такого общества в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически-ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя». Картина: на голову Щегловитова и К^о падает тяжесть обвинений, юридически ничтожных, и «тяжестью» этой убивает их Н. Р-ков — а не Родичев...

Курьез второй. Рабочие — пишет Р-ков — «должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй». Р-ков признает гегемонию после того, как он выпотрошил все *содержание* гегемонии. Рабочие, говорит Р-ков, вы не должны бороться против «неизбежного» компромисса, но вы должны называть себя гегемонами, — а быть гегемоном как раз и значит разяснять фиктивность идеи о «неизбежности» компромисса и бороться по линии пролетарского и пролетарски-крестьянского отпора буржуазным недемократическим компромиссам.

Н. Р-ков принесет такую же пользу делу борьбы с ликвидаторами, как Ю. Ларин принес пользу делу борьбы с фальшивой идеей рабочего съезда. Н. Р-ков и Ю. Ларин имели смелость показаться... голенькими. Р-ков — честный ликвидатор. Он заставит своей безбоязненностью *думать* об идейных корнях ликвидаторства. Он подтвердит еще и еще раз правильность декабрьских резолюций РСДРП 1908 года, ибо он систематически ставит (и сплошь фальшиво разрешает) как раз те вопросы, которые в этих резолюциях разобраны и решены правильно. Р-ков сделает особенно мизерными, в глазах рабочих, тех дипломатов ликвидаторства, которые, подобно редакторам «Нашей Зари» (или «Голоса»), вертятся и виляют, громоздят оговорочку на оговорочке, снимая с себя ответственность за «отдельные места» статьи Р-кова или за «конкретизацию» его плана. Как будто бы дело шло об отдельных местах и т. п., а не о единой, цельной, сплошной линии — линии либеральной рабочей политики!

О ДИПЛОМАТИИ ТРОЦКОГО И ОБ ОДНОЙ ПЛАТФОРМЕ ПАРТИЙЦЕВ

Процесс умирания заграничных группок, пытавшихся построить свое существование на дипломатической игре с несоциал-демократическими течениями ликвидаторства и отзовизма, наглядно иллюстрируется вышедшим недавно, после долгого перерыва, № 22 газеты Троцкого «Правда».

Газета вышла 29 ноября нов. ст. — почти месяц спустя после выхода извещения Российской организационной комиссии. *Троцкий о нем ни слова!*

Для Троцкого РОК не существует. Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль! Или, может быть, наоборот, товарищи, Троцкий с его заграничной группкой есть ноль для русских с.-д. организаций?

Самым жирным шрифтом печатает Троцкий свое заверение, — как божиться-то не лень? — что его газета «не фракционная, а партийная». Присмотритесь чуточку повнимательнее к содержанию № 22, и вы увидите сразу нехитрую механику игры с непартийными фракциями впередовцев и ликвидаторов.

Вот корреспонденция из Петербурга, подписанная С. В. и рекламирующая группу «Вперед». С. В. упрекает Троцкого, что он не напечатал давным-давно посланную ему резолюцию питерцев против петиционной кампании. Троцкий, обвиненный впередовцами в «узкой фракционности» (какая черная неблагодарность!), вертится и виляет, ссылаясь на бедность его газеты и редкий ее выход. Игра шита белыми нитками: мы вам — вы нам; мы (Троцкий) помолчим о борьбе партийцев с отзовистами и, обратно,

мы (Троцкий) поможем рекламировать «Вперед», а вы (С. В.) уступите уж ликвидаторам «петиционную кампанию». Дипломатическая защита обеих непартийных фракций — разве же это не есть истинная партийность?

Вот фразистая передовица под громким названием: «Вперед!». «Сознательные рабочие! — читаем мы здесь — у вас нет сейчас более важного (вот как!) «и всеобъемлющего» (зарапортовался бедняга) «лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек». «Социал-демократия — читаем дальше — зовет пролетариат на борьбу за республику. Но чтоб борьба за республику не была голым (II) лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование».

Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих. Почему лозунг республики есть *голый* лозунг для *немногих*, когда республика означает невозможность разогнать Думу? — свободу коалиций и печати? — свободу крестьян от насилий и грабежа Марковых, Романовых, Пуришкевичей? Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «голым» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга лозунг «свободы союзов» *вне связи* с лозунгом республики?

Бессмысленно требовать от царской монархии «свободы союзов», если не разъяснить массам несовместимость такой свободы с царизмом и необходимость для такой свободы — республики. Внесение законопроектов в Думу о свободе союзов, запросы и речи на подобные темы должны служить нам, социал-демократам, как раз и поводом и материалом к агитации за республику.

«Сознательные рабочие должны научить массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций!» Старая погудка старого, истасканного еще «экономистами», русского оппортунизма! *Опыт* масс есть то, когда министры закрывают их союзы, губернаторы и урядники ежедневно чинят насилия — вот это действительно *опыт масс*. А превознесение, в противовес республике, лозунга «свободы союзов» есть фраза оппортунистического интеллигента, чуждого массам. Это — фраза интеллигента, воображающего, что «опыт» с «петицией» (имеющей 1300 подписей) или с

положенным под сукно законопроектом есть нечто, воспитывающее «массы». На деле их воспитывает иной, живой, а не бумажный, опыт, их просвещает агитация сознательных рабочих именно за республику — единственно всеобъемлющий в смысле политического демократизма лозунг.

Троцкий превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз *соединяют* лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: долой нелегальную партию, долой борьбу за республику. Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прекрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим.

С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы.

Поспорить надо с авторами тезисов платформы, попавших в № 22 «Правды». Их ошибка происходит либо оттого, что они незнакомы с декабрьскими (1908 г.) резолюциями РСДРП, либо оттого, что они не вполне освободились от некоторых ликвидаторских и «впередовских» шатаний мысли.

Тезис 1-ый говорит, что 3-тьеиюньский режим есть «фактическое неограниченное господство дворян-помещиков феодального типа», причем дальше указывается, что они «прикрывают самодержавно-бюрократический характер своего господства лже-конституционной маской фактически бесправной Гос. думы».

Если помещичья Дума «фактически бесправна» — а это справедливо — то как же может быть «неограниченным» господство помещиков?

Авторы забывают, что классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее *непосредственно* к «чистому» господству верхних классов — делали отзовисты в 1908—1909 году (см. «Пролетарий», приложение к № 44)¹¹⁹, делал Ларин в 1910 году, делают неко-

торые отдельные писатели (напр., М. Александров¹²⁰), делает ушедший к ликвидаторам Н. Р-ков.

В декабрьских (1908 г.) резолюциях дан как раз такой анализ господства феодалов при поддержке буржуазии, который отсекает корни этой ошибки.

Тезис 2-й состоит в ссылке на программу-минимум РСДРП, причем «особенно видное место» отводится многим требованиям, вроде свободы коалиций и конфискации помещичьих земель, но не упоминается о республике. Мы думаем, что это неправильно. Вполне признавая безусловную необходимость агитации за свободу коалиций, мы думаем, что лозунг республики надо ставить на самое видное место.

Тезис 3-ий: «Необходимость новых революционных выступлений широких народных масс», без чего невозможно осуществление наших требований.

Последнее архиверно, но это только половина истины. Марксисты не могут ограничиться ссылкой на «необходимость» новых выступлений масс, они должны сначала показать, какие причины вызывают (если вызывают) наступление нового революционного кризиса. Без такого кризиса «выступления» — они всегда, если хотите, «необходимы!» — невозможны.

У авторов самые лучшие революционные намерения, но в их образе мыслей есть некоторый пробел. Декабрьские (1908 г.) резолюции выводят «необходимость» новых выступлений не так просто, но зато более правильно.

Тезис 4-ый: «Возможность такого нового революционного выступления масс в более или менее ближайшем будущем и беспощадная критика... контрреволюционной роли буржуазии» и т. д.

Критика нужна всегда, независимо от «возможности выступлений», даже в такое время, когда выступления масс заведомо невозможны. Связывать возможность выступлений и критику значит смешивать всегда обязательную линию марксизма с одним из видов борьбы (особенно высоким). Это первая ошибка. А вторая та, что «не хвались едучи на рать, а хвались едучи с рати»: о возможности выступлений говорить не к чему, надо доказать ее делами. В платформе достаточно отметить начало подъема и подчеркнуть важность агитации и подготовки выступления масс. В ближайшем или неближайшем будущем выступления масс наступят, это покажут события.

Тезис 5-ый превосходен, ибо подчеркивает огромное значение Гос. думы, как агитационной трибуны.

Мы не знаем, кто авторы листка. Но если это — русские впередовцы (как можно думать по некоторым признакам), то их надо горячо приветствовать за избавление от одной ошибки группки «Вперед». У таких впередовцев есть совесть партийцев, ибо они дают прямой, ясный ответ на один из «больных» вопросов. Группа же «Вперед» обманывает партию самым бессовестным образом, защищая, прикрывая отзовизм и до сих пор, до декабря 1911 года, не давая прямого ответа на вопрос об участии в IV Думе. Признавать такую группу социал-демократической значит издеваться над социал-демократизмом.

«Социал-Демократ» № 25,
8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ИТОГИ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА «ДЕРЖАТЕЛЕЙ»

На пленуме ЦК в январе 1910 г. представители фракции большевиков (единогласно признанные, как представители этой фракции, всеми членами пленума) заключили, как известно, договор со всеми остальными фракциями нашей партии. Договор этот опубликован в № 11 ЦО и сводится к тому, что большевики распускали свою фракцию и отдавали ее имущество в ЦК *под условием* распускания всех остальных фракций и ведения им партийной, т. е. антиликвидаторской и антиотзовистской, линии. В случае нарушения этих условий договор, принятый ЦК, прямо предусматривал возвращение денег большевикам (см. резолюцию, опубликованную в № 11 ЦО).

Известные всем факты нарушения этого договора остальными фракциями заставили большевиков год тому назад, 5 декабря 1910 г., подать заявку, т. е. заявление о расторжении договора и требовать вернуть им деньги.

Рассмотрение этого требования подлежало разбору третейского суда «держателей»: Каутского, Меринга и Цеткиной. Третейский суд постановил: предварительно, до 1 ноября 1911 г., отдать часть денег в подотчетное расходование Технической комиссии и Заграничной организационной комиссии, состоявших из представителей большевиков, примиренцев и поляков.

В течение октября 1911 г. двое третейских судей, Меринг, Каутский, сложили с себя свою должность. Третий судья не имел права после этого оставаться судьей один и,

после некоторых колебаний, тоже сложил с себя свою должность.

Большевицкая фракция, 5-го декабря 1910 года расторгнувшая договор с остальными фракциями, оказалась таким образом с 2-го ноября 1911 года вне договорных отношений с бывшими держателями. Поэтому она вступила во владение своей типографией и вступает во владение остальным фракционным имуществом.

Само собою разумеется, что, освободившись от «связи» с ликвидаторскими, отзовистскими и просто интриганскими заграничными группами, большевицкая фракция все силы употребит — как доказала уже работа ее членов по созданию Российской организационной комиссии — на сплочение всех партийных элементов вокруг РОК и созываемой ею общепартийной конференции.

Представители большевицкой фракции, заключившие договор на пленуме в январе 1910 г.¹²¹

P. S.* Настоящее заявление было уже сдано в редакцию ЦО, когда мы прочли листок так называемого ЗБЦК с письмом двух бывших третейских судей от 18 ноября 1911 года. Кого хотят обмануть Игорев и Либер, изображая из себя ЗБЦК, когда латыши и *даже* Тышко ушли из него? Почему молчат они об этом уходе? Почему молчат, что с 18-го ноября прошло уже 2½ недели после того, как суд перестал существовать? что поэтому никакого значения письмо от 18-го ноября 1911 г. не имеет и иметь не может? Или, может быть, гг. Игорев и Мартов *не* признавали третейский суд *до* 1-го ноября 1911 года? Скажите же и докажите это, господа! Может быть, вы признаете третейский суд *после* 1-го ноября 1911 года? До 1-го ноября 1911 г. третейский суд, всеми признанный, *осудил вас*, ибо ни сантима не дано было ни вам, ни Троцкому, вопреки вашим просьбам и требованиям и «протестам». Господа, осужденные законным, всеми признанным третейским судом, пытаются спрятаться теперь за частное мнение бывших третейских судей, ни для кого не обязательное. После 1-го ноября 1911 г. третейского суда нет, и мы все вернулись в этом смысле в то поло-

* — Postscriptum — приписка. Ред.

жение, которое было до пленума. Удержание большевистских денег бывшим держателем было бы противозаконным удержанием.

Но в том-то и суть, что гг. Игорев и Либер гонятся за «сенсацией», а изложить историю суда на основании точных документов они боятся. Не обманешь — не продашь, вот их девиз.

*«Социал-Демократ» № 25,
8 (21) декабря 1911 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Кадетская партия, лучше обставленная из так называемых оппозиционных партий в смысле открытого существования, только что сделала крайне важный шаг по определению своей политики в избирательной кампании. Кадетская политика, как свидетельствуют наилучшие доступные нам и сочувствующие кадетам источники, определена следующим образом:

1) К.-д. проводят своих кандидатов там, где выбор их обеспечен.

2) Там, где нельзя рассчитывать на абсолютное большинство голосов в пользу кадетского кандидата, — к.-д. поддерживают того *прогрессивного* кандидата, без различия партий, который может собрать максимум голосов.

3) В том случае, если кандидат оппозиции не имеет никаких шансов и существует черносотенная опасность, поддержка октябристского кандидата допускается лишь тогда, если он является настоящим конституционалистом, что иногда, к удивлению, случается.

4) Ни с правыми октябристами, ни с националистами и монархистами ни в какие избирательные соглашения к.-д. не входят. Вообще же, не забывая интересов партии, они не приносят им в жертву высших интересов оппозиции, в широком смысле слова.

Такова кадетская политика. Рабочая демократия должна с величайшим вниманием отнестись к ней, разобрав действительную классовую сущность и настоящее значение ее, прикрываемые обычными условными фразами. Эти фразы о «высших интересах оппозиции» и т. п. сразу бросаются в глаза при чтении кадетских решений. Суть

же дела в том, что кадетская политика определена теперь вполне и окончательно, как политика *октябристско-кадетского* блока. Эту суть надо понять, надо выделить ясно из шелухи казенно-либеральных словечек.

1) Ни слова о блоках с левыми, с демократами. 2) Запрещены блоки только с правыми октябристами — это ничтожное меньшинство октябристов, «гололобовцы». 3) Фраза о «высших интересах оппозиции в широком смысле слова» может означать на деле *только* одно: фактическое разрешение (и рекомендацию!) блоков с октябристами, как общего правила.

Эти три вывода относительно *действительной* политики к.-д. надо твердо усвоить.

Каково их значение? «Левый центр» буржуазного либерализма определил свою политику, как политику блока с правым центром буржуазного, с позволения сказать, либерализма, — открыто говоря о своей вражде к черносотенцам и выражая свою вражду к левым, к демократии, посредством умолчания о каких бы то ни было блоках с трудовиками, беспартийными левыми и рабочими кандидатами.

Сказанное нами в № 28 «Звезды» в статье «Два центра»* подтвердилось полностью.

В России есть три *основные* политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархическая буржуазия, «центр» — левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики, народники, беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого деления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX века, а это десятилетие было необыкновенно важным и богатым событиями.

Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны; изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «на границе» основных делений, неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется

* См. настоящий том, стр. 263—265. Ред.

именно указанным «тройственным» делением. Смешение буржуазного либерализма (к.-д. во главе его) с буржуазной демократией принесло не мало вреда русскому освободительному движению, и надо приложить все усилия, чтобы опыт великого десятилетия (1900—1910) помог всей демократии окончательно усвоить себе ошибочность и гибельность такого смешения. Перед рабочей демократией нашей эпохи стоят поэтому две, неразрывно связанные одна с другой, задачи: во-первых, самостоятельная политическая организация класса наемных рабочих, отдельная от всех хозяев и хозяйчиков, хотя бы самых демократических, и соподчиненная всему международному, мировому движению указанного класса; а во-вторых, развитие и укрепление сил русской демократии (во главе ее также неизбежно стоят рабочие, как во главе буржуазного либерализма неизбежно стоят социальные элементы типа к.-д.). Эта последняя задача не может быть выполнена без неуклонного разъяснения самым широким массам классовых корней и политического значения грани между буржуазным либерализмом (к.-д.) и буржуазной демократией (трудовики и т. п.).

Либеральная буржуазия не хочет и не может обойтись без Марковых и Пуришкевичей, господство которых она стремится лишь умерять. Буржуазная демократия и рабочие не могут не стремиться, с большей или меньшей последовательностью и сознательностью, к уничтожению всех экономических и политических основ этого господства.

Таково основное содержание избирательной кампании в IV Государственную думу с точки зрения рабочей демократии. Именно это содержание и должно быть выдвинуто на первый план в противовес кадетской политике, запутывающей умышленно все коренные принципиальные вопросы посредством общих фраз о «прогрессивности» и «оппозиционности».

Кадетско-октябристский блок не новость. Его давно предвидели марксисты, указывая на внутреннее, классовое родство обеих составных частей этого блока еще в 1905—1907 годах. В III Думе сразу определилось два большинства, и уже в конце 1907-го года марксисты сделали этот вывод краеугольным камнем своей политики.

Пятилетие III Думы подтвердило этот вывод. В крупных чертах состав этой Думы таков*:

правые.....	160	} 234 — первое большинство
октябристы.....	124	
либералы.....	127	} 251 — второе большинство
демократия.....	29	
<hr/>		
Всего.....	440	

Все время III Дума опиралась на два эти большинства, являющиеся необходимыми составными элементами всей третьейюньской системы: первое большинство есть полное сохранение у власти «старого», — второе означает «шаг по пути» к буржуазной монархии. Первое нужно третьейюньской системе, чтобы удерживать «власть и доходы» за Марковыми, Пуришкевичами и К^о, второе — чтобы умерять это господство и двигаться по-буржуазному вперед (по формуле: шаг вперед, два назад). Опыт показал теперь ясно, что такое движение вперед равняется застою, а «умерения» пуришкевичевщины не получается.

Целый ряд голосований III Думы был голосованием «второго большинства»; недавно «Речь» признала это определенно, говоря, что «ряд голосований» в начале последней сессии «фактически воспроизводит в Думе господство левого центра» (читай: кадетско-октябристского блока). Такие голосования возможны лишь потому, что и второе большинство, подобно первому, стоит на контрреволюционной почве: достаточно вспомнить «Вежи», или богомольные речи Караулова, или «лондонские» лозунги, чтобы иллюстрировать это.

А где результаты этих «побед» второго большинства? Где факты, подтверждающие то поистине удивительное открытие кадетской партии, что среди октябристов есть «настоящие конституционалисты»? Не свидетельствует ли это открытие о безмерном принижении в сознании кадетов понятия о «настоящем конституционализме»?

Первый и основной вопрос избирательной кампании есть вопрос о политическом содержании ее, об идейной

* Расчет составлен по данным официального «Справочника» за 1910 год (выпуск II). Правые — собственно правые — 51; националисты — 89; правые октябристы — 11; и 1/3 беспартийных — 9; либералы-прогрессисты — 39; к.-д. — 52; все национальные группы — 27; и 1/3 беспартийных — 9; демократия — трудовики — 14 и с.-д. — 15.

линии, выражающейся в ней. Решение кадетской партии еще и еще раз показывает ее антидемократическую природу, ибо содержание избирательной кампании к.-д. сводится к дальнейшему принижению понятия «конституционализма» в сознании масс. Учить народ тому, что среди «левых» октябристов могут быть настоящие конституционалисты, — вот что хочет делать к.-д. партия, вот смысл ее избирательной политики.

Задача демократии иная: не принижать понятия конституционализма, а разъяснять всю фиктивность его, дондеже власть и доходы остаются у Марковых и К^о. Содержание избирательной кампании рабочих демократов определяется задачей выяснять отличие либерализма от демократии, группировать силы этой последней, сплачивать ряды наемных рабочих во всем мире.

Кадеты еще более отдаляются от демократии решениями своей конференции. Наша задача — собирать силы демократии против всякого средневековья и в противовес кадетско-октябристским блокам.

II. РОЛЬ РАБОЧИХ ВЫБОРЩИКОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Избирательная кампания по выборам в IV Думу открыта. Открыло ее правительство своими циркулярами насчет содействия «национальной» партии, своими «мероприятиями» насчет цензов для правительственных кандидатов и насчет устранения кандидатов оппозиции вообще и демократии в особенности.

Открыла избирательную кампанию и оппозиционная печать. Открыла эту кампанию и кадетская партия своими решениями насчет блока с «левыми» октябристами.

Рабочей демократии следует поэтому немедленно уделить величайшее внимание вопросу о выборах и заранее, не откладывая дела ни на неделю, систематически обсудить свою тактику, заранее подготовить всех и всяческих сторонников демократии к выполнению их важной и ответственной роли.

В настоящей статье мы намерены остановиться на вопросе о роли рабочих выборщиков. Разумеется, на первый план выдвигается и здесь, как и всегда, содержание работы, т. е. идейно-политическая линия кампании.

Просвещение и организация рабочего класса, сплочение его в самостоятельную партию, солидарную с западноевропейскими, выяснение ему его исторических целей преобразования коренных условий товарного хозяйства и капитализма, неуклонное отграничение его партии от *всех* направлений буржуазной демократии, хотя бы «левых», народнических и т. д. — такова основная задача.

Эта основная задача одинакова для рабочей демократии всех стран. И именно поэтому применение ее к современной эпохе в одной из стран, в России, требует учета — *во имя* этой общей задачи — особых, конкретных задач нашего времени. Из области этих задач русской рабочей демократии выдвигаются сейчас — в силу объективных условий — на первый план две, неразрывно между собою связанные, задачи. Эти задачи следующие: во-первых, ясное сознание связи ликвидаторского течения (представленного, как известно, журналами «Наша Заря» и «Дело Жизни») с широко распространенным буржуазным контрреволюционным течением, «веховством». Ясное сознание вреда от буржуазного влияния на пролетариат необходимо для преодоления этого влияния и для решения тех очередных, ближайших целей, касающихся самого *существования* рабочей демократии, которые *отрицаются* ликвидаторами. Во-вторых, это — задача организации левой демократии, при ясной размежевке демократии (буржуазной) от буржуазного либерализма. Без этого неосуществима гегемония рабочей демократии — одно из необходимых условий всякого шага вперед на пути освободительного движения вообще.

Смещение либерализма (партия к.-д.) с демократией (трудовики, «народники» левого толка) принципиально в корне фальшиво и на практике ведет к измене интересам демократии. На рабочих выборщиков ложится задача отстаивать правильное понимание освободительного движения, разъяснять классовую сущность партий (не давая себя обманывать «вывескам», громким словам и эффектным названиям), ясно разделять *правых* (от черной сотни до октябристов), буржуазных *либералов* (к.-д. и все, иже с ними) и *демократию* (буржуазные демократы суть трудовики и родственные им течения; затем марксисты представляют демократию пролетарскую).

Рабочие выборщики, в системе выборов по закону 3 июня 1907 года, играют особенную роль в губернских избирательных собраниях. Добиться того, чтобы *все* эти выборщики были верными, надежными представителями рабочей демократии, — такова ближайшая практическая задача.

По шести губерниям, как известно, из состава рабочих выборщиков обеспечено по одному депутату в Думу: Губернии эти: Петербургская, Московская, Владимирская, Екатеринославская, Костромская и Харьковская. Но выбор депутата производится *всем* составом губернского избирательного собрания, т. е. почти всегда *правыми* выборщиками, землевладельцами и крупными буржуа, октябристами. Чтобы обеспечить рабочих демократов в депутаты Думы, надо добиться, чтобы все без исключения рабочие выборщики принадлежали к рабочей демократии и твердо стояли на одном определенном кандидате из своей среды. Достаточно одного «перебежчика» или одного либерального, «правого» выборщика, чтобы октябристы провели именно его, вопреки большинству рабочих выборщиков!

Но рабочие выборщики имеются в составе губернских избирательных собраний не только по этим шести губерниям. Всего имеются 112 рабочих выборщиков в 44 губерниях (из 53 губерний).

Какова роль этих выборщиков? Во-первых, они должны всегда вести идейную линию, организуя демократию (в особенности крестьянскую), высвобождая ее из-под влияния либералов. Поприще деятельности тут крайне важное. Во-вторых, рабочие выборщики могут (и должны стремиться к этому) пройти в Думу при разделении голосов правых и либералов.

Поясним эту последнюю задачу примером. От Вятской губернии в III Думе два депутата с.-д.: Астраханцев и Путятин. Между тем в Вятской губернии, по закону, депутата от рабочей курии нет. Выборщиков в Вятском губ. избир. собрании 109, из них 4 от рабочих. Каким же образом *четыре* рабочих (из 109) провели *двоих* в Думу? Вероятно, голоса в губ. избир. собрании разделились, и либералы не могли победить правых без помощи рабочих. Вынужденные блокироваться с рабочими, либералы должны были поделиться с рабочими местами, и они провели в Думу двух с.-д. Состав депутатов Думы

от Вятской губ. получился такой: 1 прогрессист, 3 кадет, 2 трудовика, 2 с.-д. — 4 либерала и 4 демократа. В этой губернии рабочие могли бы завоевать себе и три места, если бы удалось отделить демократических выборщиков от либеральных при условии большинства первых над вторыми. Допустим, что из 109 выборщиков 54 правых (50 из 53 выборщиков от землевладельцев и 4 из 17 выборщиков от 1-го съезда городских избирателей). Допустим далее, что из остальных 55 — либералов 20 (трое землевладельцев, 13 перворазрядных горожан и 4 горожан второразрядных); демократов 35 (23 крестьянских выборщика, 8 второразрядных горожан и 4 рабочих). При таких условиях демократы должны бы получить 5 мест из 8, и рабочие могли бы добиться себе трех мест при доверии к ним крестьянской демократии.

В Уфимской губернии *все* депутатские места захвачены либералами (относя сюда и мусульман). Демократов ни одного. Между тем трое рабочих выборщиков Уфимской губ., при 30-ти выборщиках от крестьян, несомненно могли бы, при большем умении организовывать демократию, отвоевать места и трудовикам и себе.

От Пермской губ. в III Думе 6 либералов и 3 демократа, из них только один с.-д. Между тем число крестьянских выборщиков здесь 26 — из них *либералами*, которые имели большинство в губ. избир. собрании, избран трудовик, значит, крестьянскую курию можно считать сплошь трудовической (будь хоть один из крестьян перебежчиком от демократов к либералам, либералы выбрали бы перебежчика!). То же относится к второразрядной курии (13 выборщиков), ибо от нее тоже избран *либералами* трудовик. Итого, значит, число демократов среди выборщиков можно принять в $26 + 13 + 5$ рабочих = 44. Всего выборщиков 120, в том числе 59 от землевладельцев и 17 от перворазрядных горожан. Если даже все, кроме демократов, либералы, то их число = 76, т. е. менее двух третей. Вероятнее, конечно, что часть выборщиков были правые. Значит, либералы захватили две трети мест в Думе, не имея двух третей выборщиков. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что демократия, будь она сознательнее и лучше организована (а об этом надо позаботиться в первую голову рабочим!), не дала бы себя в обиду либералам. С.-д. Егоров избран от Пермской губ. общим съездом выборщиков,

т. е. либералами, значит, либералы *нуждались* в помощи рабочих, и рабочие делали прямую ошибку, нарушали прямо интересы демократии, оказывая эту помощь *без* того, чтобы добиться *пропорциональной* доли депутатских мест для демократии.

Мы приводим эти расчеты, подчеркивая их примерное, пояснительное значение, ибо точных данных о партийном составе выборщиков вообще и выборщиков каждой курии в отдельности у нас не имеется. В действительности дело обстоит сложнее, пестрее, чем рисуется по нашим примерным данным. Но рабочие должны усвоить себе *основные* соотношения сил в нашей «хитрой механике» третьиюньских выборов, а усвоив главное, они сумеют разобратся и в частности.

Две курии, наиболее демократические (после рабочей курии, конечно, которая может и должна быть сплошь марксистской, сплошь антиликвидаторской), это — курия крестьянская и второразрядная, городская. Из них первая более демократична, чем вторая, — несмотря на неизмеримо большее отсутствие свободы выборов в деревне, неизмеримо худшие условия агитации и организации у крестьян, по сравнению с горожанами.

В самом деле, особые депутаты от 2-го съезда городских избирателей выбраны в III Думу от 28 губерний. Выбрано 16 правых, 10 либералов и 2 демократа (Розанов от Саратовской губ. и Петров 3-й от Пермской). Особые депутаты от крестьян имеются по всем 53 губерниям: выбрано 23 правых, 17 либералов, 5 демократов и 8 беспартийных. Доля беспартийных поровну между правыми и оппозицией, получаем следующие сравнительные данные:

Депутатов III Думы:	От второразрядной городской курии	От крестьянской курии
правых.....	16	27
оппозиции.....	12 = 43 проц.	26 = 49 проц.

От второразрядной городской курии прошло 43 проц. депутатов оппозиции, а от крестьянской — 49 проц. Если принять во внимание, что крестьянские депутаты III Думы внесли, как известно, аграрный законопроект, который по содержанию своему *демократичнее* кадетского, причем подписались под этим законопроектом и беспартийные и *правые* крестьяне, то станет ясно, что в действительности демократизм крестьянской курии *еще больше* пре-

вышает демократизм второразрядной городской курии, чем это видно из наших данных.

Значит, больше всего внимания рабочие вообще и рабочие выборщики в особенности должны обратить именно на крестьянскую курию и на крестьянских выборщиков. Как организаторы демократии, рабочие должны действовать в первую голову среди крестьян, затем среди второразрядных горожан. В обеих этих куриях смешение либералов с демократами особенно сильно, особенно часто наблюдается, особенно усердно культивируется кадетами, которые прямо обманывают политически неразвитых людей, пользуясь своей «парламентской» опытностью «дельцов» и своей «демократической» кличкой («конституционные демократы», «партия народной свободы»), прикрывающей антидемократическую, веховскую, контрреволюционную, сущность.

Идейно-политическая задача рабочих в данный момент русского освободительного движения состоит в организации демократии. Этой задаче должна быть подчинена избирательно-техническая деятельность. Отсюда — главное внимание на крестьянскую, затем на второразрядную городскую курию. В губ. избир. собрании первая задача рабочего выборщика — сплочение демократов. Чтобы выставить свою кандидатуру, нужно иметь три голоса: необходимо найти двух демократов из крестьян, а в крайнем случае убедить двух либералов, которые ничем не рискуют, выставляя кандидатуру рабочего. Демократы должны в губ. избир. собраниях блокироваться с либералами против правых. Если такой блок сразу не может состояться (в большинстве случаев, вероятно, бывает именно так в силу незнакомства выборщиков друг с другом), то демократы должны сначала проваливаться с либералами правых, *с правыми либералов*. Тогда ни те, ни другие пройти не могут (при условии, что ни правые, ни либералы не имеют одни абсолютного большинства; если нет этого условия, то демократам в Думу не попасть). На основании ст. 119 положения о выборах назначается перерыв. Демократы, подсчитав результаты голосований, блокируются с либералами, имея уже точные данные и добиваясь пропорционального дележа депутатских мест. *При этом необходимо, чтобы сначала либералы выбирали демократа, а не обратно, ибо вся история и весь опыт Европы*

свидетельствует, что либералы часто обманывали демократов, демократы же никогда не обманывали либералов.

Зная, какие курии дают демократов, умея отделять демократов от либералов, рабочие выборщики в 44-х губерниях могут сыграть громадную роль и в деле организации демократии вообще, и в деле проведения в Думу большого числа рабочих демократов и буржуазных демократов (трудовиков). Теперь первых 15, вторых 14. При правильной тактике рабочих можно добиться, в случае благоприятном, удвоения числа тех и других. Либералам обеспечена в IV Думе сильная группа, человек в 100 и свыше, «ответственной», способной блокироваться с октябристами, «оппозиции» (лондонского типа). Надо добиваться, чтобы оппозиция действительно демократическая, а не веховская, составила группу в несколько десятков человек, и этого можно добиться.

Закон дает рабочим право избирать выборщиков в 44 губерниях. Сознательные рабочие на каждой фабрике должны немедленно ознакомиться с законом, обдумать свои задачи и свое положение, озаботиться о том, чтобы выборщиками от них были настоящие рабочие демократы, а не ликвидаторы.

Сто двенадцать рабочих выборщиков, если их провести именно таким образом, сознательно, заботливо, систематично, могут принести громадную пользу и в деле сплочения рабочего класса, стремящегося к великим, мировым целям повсюду в Европе, и в деле организации демократии в России.

Время не ждет. На всякого сознательного рабочего ложится трудная, но трижды благодарная задача.

III. КРЕСТЬЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫБОРЩИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

В предыдущей статье («Звезда» № 34)* мы говорили о роли рабочих выборщиков в избирательной кампании. Итог наших рассуждений был тот, что главная задача рабочей демократии двоякая: сплочение класса наемных рабочих и развитие его сознания, понимания его великих исторических целей, а затем организация демократии.

* См. настоящий том, стр. 332. Ред.

Перейдем к разбору вопроса о непролетарской, т. е. буржуазной, демократии. Какова ее главная классовая опора в России? в чем ее особенности? ее ближайшие задачи? какова роль на выборах?

Главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство. Положение громадной массы его настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью. Такого выхода из этого положения, какой рисуется либеральной буржуазии (с кадетской партией во главе ее), именно: раздел власти с Пуришкевичами, совместное господство Пуришкевичей и Гучковых (или Милюковых) над массами, — этого выхода для миллионов крестьян быть *не может*. Вот почему именно классовое положение крестьянства, с одной стороны, крупной буржуазии, с другой — неминуемо порождает глубокую разницу между демократизмом и либерализмом.

Полной определенности того и другого политического направления, полной сознательности обыкновенно не бывает, но *тяготение* крестьян к демократизму, буржуазии — к монархическому либерализму есть факт, доказанный окончательно столь богатым событиями первым десятилетием XX века в России. Не только в освободительном движении 1905-го года, не только в этих первых Думах крестьянская масса показала себя демократической, но даже и в господской III Думе *сорок три* крестьянских депутата, в том числе правые и беспартийные, внесли земельный проект, более демократический, чем кадетский.

Вообще земельный вопрос есть главный вопрос современного русского крестьянства. В Европейской России менее чем 30 000 помещиков владеют 70 миллионами десятин земли, и почти столько же находится у 10 миллионов беднейших крестьянских дворов. С одной стороны, в среднем по 2 300 десятин на хозяйство, с другой — по семи. Экономический результат, на данном уровне исторического развития России, не мог быть иной, как самое широкое распространение всяческих видов «отработочного» хозяйства, т. е. пережитков старой барщины.

Крестьянская кабала, нищета, давно уже нигде не виданная в Европе, и средневековые голодовки — вот последствия этого.

Кадетская буржуазия хочет решить аграрный вопрос по-либеральному, сохраняя помещичьи землевладения, выкупая часть земель по «справедливой оценке», давая перевес помещикам над крестьянами в учреждениях, осуществляющих «реформу». Крестьяне не могут не склоняться к демократическому решению аграрного вопроса. Это демократическое решение нисколько не затрагивает и не может затронуть — даже при полном переходе всей земли к крестьянству без выкупа — основ капиталистического общества, власти денег, товарного производства, господства рынка. Крестьянам дело рисуется большею частью довольно туманно, и народники создали целую идеологию, целое учение, представляющее этот туман в виде чего-то «социалистического», — тогда как ничего социалистического в наиболее даже радикальном аграрном перевороте нет.

Но чем шире и сильнее становится крестьянское движение, тем на практике меньше значение этого тумана, тем больше выступает действительное, демократическое, содержание крестьянских земельных стремлений и требований. И в этой области, и еще более в области вопросов политических, всего важнее роль рабочей демократии, ее борьба против подчинения крестьян либеральному руководству. Не будет преувеличением сказать, что все успехи русской демократии вообще — и в прошлом, и в будущем — неразрывно связаны с переходом политического руководства крестьянством к рабочей демократии от либералов. Без такого перехода невозможны скольнибудь серьезные успехи демократии в России.

Избирательный закон 3-го июня 1907 г., как известно, всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что число выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1952 до 2594, т. е. на 32,9%, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более, чем вдвое: с 2659 до 1168, т. е. на 56,1%. Кроме того, по закону 3-го июня, депутаты в Думу от крестьянской курии (официальное название: «от съездов уполномоченных от волостей») выбираются не крестьянскими только выборщиками, как прежде, а всем составом

губернских избирательных собраний, т. е. большинством помещиков и крупных капиталистов.

При таком порядке крестьянские демократы (трудовики) могут обеспечить себе места в Думе только при условии, если все без исключения выборщики от крестьян будут трудовиками. Тогда правые помещики будут вынуждены проводить от крестьянской курии трудовиков, — подобно тому, как от рабочей курии они вынуждены были проводить социал-демократов. Но, разумеется, сплоченность, организованность, сознательность крестьян гораздо ниже, чем у рабочих. В этой области остается еще мало початый уголок серьезной и благодарной работы полптического воспитания. Именно на эту область и должно быть обращено главное внимание всех демократов и всех «идущих в другие классы населения»* марксистов, а не на область перемигивания и заигрывания с контрреволюционными либералами (кадетами), область, излюбленную ликвидаторами из «Нашей Зари» и т. п.

Мы уже отметили прошлый раз, что крестьянская курия на выборах в III Думу оказалась наиболее демократичной из непролетарских курий. От крестьянской курии прошло в III Думу 26 депутатов оппозиции из 53, т. е. 49%, тогда как от второразрядной городской курии (от «2-го съезда городских избирателей») только 12 из 28, т. е. 43%. Демократов прошло в III Думу от крестьянской курии 5 из 53, т. е. 10%, а от второразрядной городской курии 2 из 28, т. е. 7%.

Интересно рассмотреть, от скольких губерний и при каком составе депутатов по всей губернии прошли в III Думу представители оппозиции от крестьянской курии. Из 53 губерний, посылающих в Думу по одному обязательному депутату от крестьянской курии, 23 послали от нее *правых* (включая октябристов), затем 17 губерний дали *либералов* (к.-д., прогрессисты и мусульмане) и только пять губерний дали *демократов* (трудовиков). От 8 губерний прошли беспартийные крестьяне.

Рассматривая дело ближе, мы видим, что ни одна губерния с преобладанием правых депутатов не пропустила в III Думу ни одного демократа от крестьянской курии. Демократы (трудовики) прошли исключительно по

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 437. Ред.

губерниям, в которых нет ни одного правого депутата. Эти пять губерний, Архангельская, Вятская, Пермская, Ставропольская и Томская, дали всего в III Думу 15 либералов, 8 трудовиков и 3 социал-демократа. Едва ли можно сомневаться в том, что при большей сознательности и организованности крестьян и рабочих в этих губерниях удалось бы увеличить число демократов на счет либералов.

Здесь уместно будет, пожалуй, отметить, что всего мы насчитали 24 губернии с преобладанием депутатов оппозиции в III Думе над правыми; в 18 губерниях из этих 24 прошли в Думу исключительно депутаты оппозиции. Эти 24 губернии послали в Думу 9 правых депутатов, 2 беспартийных, 55 либералов, 14 трудовиков и 8 социал-демократов. Попроще, как видит читатель, довольно широкое для увеличения числа демократических депутатов на счет либеральных и вообще для вырывания мелкой буржуазии и крестьянства из-под влияния либералов.

Небезинтересно отметить, далее, что из 17-ти губерний, давших в Думу от крестьянской курии либералов, в десяти губерниях правые депутаты преобладают над оппозиционными. Приходится предположить, что среди крестьянских выборщиков этих губерний, по общему правилу, *вовсе не было правых*, ибо иначе их бы и выбрало правое большинство губернских избирательных собраний...

Задачи рабочей демократии по отношению к крестьянству на выборах ясны. Надо нести чисто классовую проповедь в среду пролетаризирующегося крестьянства. Надо помочь сплочению крестьян на выборах, чтобы и на основе избирательного закона 3-го июня они могли создать *свое* — возможно более солидное — представительство в IV Думе, вопреки препятствиям как со стороны приверженцев старого строя, так и со стороны либералов. Надо стремиться к упрочению гегемонии рабочей демократии и разъяснять весь вред колебаний крестьянской демократии в сторону либерализма.

IV. ВЫВОДЫ ИЗ ПРАКТИКИ ТРЕТЬЕДУМСКИХ ВЫБОРОВ

Для конкретного определения задач рабочей демократии во время выборной кампании мы считаем полезным рассмотреть возможно более подробно данные о выборах в III Думу по нескольким отдельным губерниям. Такое

рассмотрение, во-1-х, поможет яснее понять и тверже усвоить сложную и запутанную избирательную систему 3-го июня, а, во-2-х, — оно даст всем работникам избирательной кампании самое конкретное представление об их положении, как демократов, об «обстановке», в которой приходится действовать. Изучение данных по каждой губернии местными демократами пополнит наши материалы, исправит их и заинтересует сейчас же всех и каждого, кто сознает свою обязанность участия в выборах для политического просвещения наемных рабочих и для организации демократии.

Возьмем для примера хотя бы Казанскую губернию. Ее представляют в III Думе 10 депутатов, поровну разделяющиеся между правыми и оппозицией: 5 правых (в том числе 4 октябриста и 1 националист) и 5 либералов (в том числе 1 прогрессист, 2 кадет и 2 мусульманина). Ни трудовиков, ни с.-д. нет.

Между тем, данные относительно Казанской губернии таковы, что они заставляют признать шансы демократии здесь довольно серьезными. Правые выбраны: один от съезда землевладельцев (Сазонов), трое октябристов от 1-го и 2-го съездов городских избирателей (в том числе один из заядлых контрреволюционеров г. Капустин от 2-го съезда гор. избир.) и один октябрист от общего съезда выборщиков. Либералы выбраны: 1 от съезда землевладельцев, 1 от крестьян (кадет Лунин) и трое от общего съезда выборщиков.

Судя по тому, что от общего съезда выборщиков прошло три либерала и один правый, либералы были в большинстве в губернском избирательном собрании, но большинство это было не прочное: иначе не пропустили бы ни одного правого от общего съезда выборщиков. На непрочность либерального большинства указывает, повидимому, и то обстоятельство, что от землевладельцев выбраны один прогрессист и один правый: последнего не должны бы были пропускать, будь либеральное большинство прочным.

Состав выборщиков в Казанской губернии по куриям следующий: всего 117; в том числе от крестьян 33, от землевладельцев 50, от 1-го съезда городских избирателей 18, от 2-го 14 и от рабочих 2. Следовательно, землевладельцы вместе с горожанами 1-й курии составляют большинство ($50 + 18 = 68$ из 117); — известно, что по закону

3-го июня во всех губерниях *обеспечено* либо такое большинство, либо еще более «надежное», т. е. из одних только землевладельцев (одна землевладельческая курия знает абсолютное большинство выборщиков в губернское избирательное собрание).

Либералы отвоевали себе половину мест в Думе благодаря тому, что среди землевладельцев, видимо, они представлены очень сильно. Среди горожан, наоборот, царят как будто бы правые почти безраздельно: без такого допущения трудно объяснить, каким образом, при либеральном большинстве в губернском избирательном собрании, от обоих городских съездов прошли правые. Кадеты вынуждены были проводить правых. При отмеченной выше непрочности либерального большинства среди выборщиков, для рабочей демократии открывается удобное поле действия: использовать раздоры среди помещиков и капиталистов для организации сил демократии вообще и проведения в Думу с.-д. и трудовиков в частности.

Если бы, например, среди выборщиков было 57 правых и столько же либералов при 3-х демократах (в том числе два рабочих с.-д. и один трудовик крестьянин), то даже этой тройки было бы достаточно, чтобы провести с.-д. в Думу, — не говоря уже о той благодарной задаче демократического собрания сил, которая открывалась бы перед этой тройкой при наличии 33-х выборщиков от крестьян. Мы взяли тройку, как минимум, необходимый по закону (ст. 125 положения о выборах) при выставлении кандидатов посредством записок: кандидаты, получившие по запискам менее трех голосов, баллотировке не подвергаются. Само собой разумеется, эта требуемая законом тройка могла бы состояться присоединением к демократу либералов, если только последние не «спрогрессируют» (в «веховском» направлении) до того, чтобы даже в губернском избирательном собрании предпочесть социал-демократу октябриста.

При равенстве сил у правых и у либералов даже одного демократа достаточно, чтобы, голосуя с правыми против либералов и с либералами против правых, не пропустить никого в Думу, добиться этим (на основании ст. 119 положения о выборах) перерыва, — продолжительность которого, по указанной статье, определяется самим собранием, но не может превышать 12 часов, — и организовать

затем соглашение либералов и демократов под условием проведения последних в Думу.

Пример Казанской губернии может иллюстрировать две возможные линии рабочей политики на выборах в IV Думу (а следовательно, и линии рабочей политики вообще, ибо политика на выборах есть лишь применение к частному случаю общей политики). Первая линия: голосовать, по общему правилу, за более прогрессивного кандидата, без всяких дальнейших определений. Вторая линия: организовать демократию, используя для этого антагонизм правых и либералов. Идеиное значение первой линии — пассивное подчинение гегемонии кадетов; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение октябристско-кадетского большинства в IV Думе на счет правооктябристского большинства (при возможном *уменьшении* демократического меньшинства). Идеиное значение второй линии: борьба против гегемонии кадетов над крестьянами и над буржуазной демократией вообще; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение и сплочение, укрепление группы демократов в IV Думе.

Первая линия на практике свелась бы к линии либеральной рабочей политики. Вторая есть марксистская рабочая политика. К более подробному выяснению значения той и другой линии нам еще неоднократно придется вернуться.

«Звезда» №№ 33, 34, 36 и 1 (37);

10, 17, 31 декабря 1911 г.

и 6 января 1912 г.

Подпись: Вильям Фрей
и В. Фрей

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

СТАРОЕ И НОВОЕ

Статья Ник. Николина в № 29 «Звезды» под характерным заглавием: «Новое в старом» поднимает ряд чрезвычайно интересных и важных вопросов. Дискуссия по этим вопросам, несомненно, желательна в интересах выяснения точной, ясной и определенной линии поведения сторонников российской рабочей демократии.

Главным недостатком статьи Ник. Николина является крайняя неопределенность многих его положений. Если автор говорит, не поясняя своих слов, что он, «быть может, во многом не согласился» бы со мной, то я, с своей стороны, должен сказать, что у Н. Николина нет положений, вызывающих разногласия, ибо нет вообще договоренных положений.

Например, Н. Николин решительно восстает против людей, которые полагают, что «наше теперешнее положение... приблизительно такое же, что и в начале 1900-ых годов». Он толкует подобный взгляд в том смысле, что люди отрицают *новое* в старом. Разумеется, они неправы, если они отрицают это. Разумеется, Н. Николин тысячу раз прав, что в старом есть новое, которое надо уметь учесть, уметь использовать. Но каково именно это новое, как именно его учесть и т. д., этого не говорит Николин, — а, с другой стороны, из его цитаты не видно, что именно разумеют его оппоненты под словом «приблизительно». Если учесть новое в старом так, как учили его русские марксисты ровно три года тому назад, оценивая политическое положение, создавшееся после трехлетия бури и натиска (т. е. после 1905—1907 годов), то, по моему мнению, не было бы неправильно сказать: «наше теперешнее

положение *приблизительно* такое же, что и в начале девятисотых годов». Если же подобное положение выставляется без предварительной, точной, ясной, определенной оценки момента и оценки задач, тогда оно, конечно, неверно.

Старые задачи, старые методы их решения, новые приемы подготовки к решению — вот как можно бы было, на мой взгляд, передать приблизительно ответ, данный три года тому назад. Участие в III Думе, которое так горячо и так правильно защищает Ник. Николин, представляется, с точки зрения этого ответа, *безусловно* необходимым. То «течение», которое отрицает это участие или до сих пор колеблется прямо, ясно, без всяких обиняков высказаться за участие в III Думе, всеу приемлет имя рабочей демократии. На деле это течение стоит вне ее, будучи «законным оттенком» анархистского круга идей, а отнюдь не марксистского.

Возьмем вопрос о «надстройке». «Раньше могло казаться, — пишет Ник. Николин, — что бюрократия является единственным и главным врагом «всей России», — теперь этого уже никто не думает... Мы знаем достаточно хорошо, что Марковы, Крестовниковы, Волконские, Пуришкевичи, Гучковы, Хомяковы, Авдаковы и пр. — все это представители той социальной среды, откуда бюрократия почерпает свои силы и получает мотивы для своей деятельности».

Вполне верно и чрезвычайно ценно здесь подчеркивание Ник. Николиным связи «бюрократии» с верхами торгово-промышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию» могут только люди, совершенно не вдумывавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием XX века, совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значения III Думы.

Но недостаточно признать связь, надо указать точно конкретный характер этой связи. Шаг по пути превращения в нечто новое несколько не устраняет старого, скажем, «бюрократического» строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его толмачевски-рейнботовским (и пр. и пр.) «своеобразием», с его финансовой бесконтрольностью. «Почерпая силы» от поддержки верхов

буржуазии, бюрократия рекрутируется не из них, а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства. «Получая мотивы для своей деятельности» в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто-крепостническое, исключительно-крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности. Ибо, если есть разница между буржуазностью прусского юнкера и американского фермера (хотя оба они, несомненно, буржуа), то не менее очевидна и не менее велика разница между буржуазностью прусского юнкера и «буржуазностью» Маркова и Пуришкевича. По сравнению с этими последними прусский юнкер прямо-таки «европеец»!

Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке, а Н. Р-ков в № 9—10 ликвидаторской «Нашей Зари» доводит эту ошибку до абсурда. Точное определение того, насколько осталось в области так называемого «бюрократического» строя старое и какое именно изменение, вернее: видоизменение, внесено «новым», дано только в вышеуказанном, три года тому назад данном, ответе.

Отнюдь не отрицая «искания иных путей и средств», придавая громадное значение обсуждению, вторичному и повторному, обсуждению прямых ответов на проклятые вопросы, я не могу, однако, не протестовать против той контрабанды, которую проводят, например, ликвидаторы под флагом «исканий». Очевидно, что разногласия между «ищущим» Н. Р-ковым и «пшущими» Потресовыми, Ежовыми, Чацкими суть разногласия, касающиеся *частностей* либеральной рабочей политики. Все эти «ищущие» стоят на почве именно либеральной, а не марксистской рабочей политики! Одно дело «искать путей» и обсуждать их, с точки зрения марксизма, в книгах, журналах и т. п., — другое дело выступать с определенными ответами в практически руководящих органах.

Возьмем вопрос о «романтизме». Осуждая романтизм, как безнадежно отжившее «старое», Ник. Николин приводит пример: «либералу казалось, что он выступает в роли защитника всех угнетенных, а социалисту, что за ним стоит вся мыслящая и трудовая Россия». Пример относится

к непониманию классовой борьбы, и, конечно, Николин вполне был бы прав, если бы сказал, что подобный «социалист» — очевидно, народник — на деле вовсе не социалист, а *демократ*, облакающий свой демократизм псевдо-социалистической фразеологией. Но, говоря о романтизме, нельзя обходить господствующее в наиболее распространенной, именно: либеральной, печати, веховское, т. е. контрреволюционное, толкование этого термина. Нельзя не восстать против такого толкования. Нельзя не отметить того «нового», что либерализм создал в России либеральное веховское направление, от которого гг. Милоковы отрекаются чисто словесно, чисто дипломатически, ведя на деле веховскую политику.

Отсюда первостепенной важности и практический вывод: миска между либерализмом и демократией должна быть, на основании «нового» опыта первых десяти лет XX века, проведена яснее. «Смешивать либеральную оппозицию с реакцией», конечно, абсурд, но этого вывода (делаемого Николиным) без вывода, указанного мной сейчас, решительно недостаточно.

Вообще, именно на выводах Ник. Николина сказался его основной грех неопределенности и недоговоренности. Возьмите его первый вывод: «одинаково вредно как безрассудное увлечение старыми способами действия, так и резко-отрицательное к ним отношение». Этот вывод, по-моему; не диалектический, а эклектический. Безрассудное безрассудно и поэтому всегда и безусловно вредно; об этом нечего и говорить. Чтобы придать этой части вывода живое, диалектическое, значение, надо бы сказать, примерно: попытка оправдать отказ от участия в III или IV Думе ссылкой на старые способы действия была бы величайшей ошибкой, пустой фразой, бессодержательным выкриком, — несмотря на то, а вернее: именно потому, что необходимо резко-положительное отношение к этим способам.

Мимоходом, не имея возможности останавливаться на этом вопросе дольше, я отметил таким образом, как следовало бы, на мой взгляд, исправить вторую часть цитированного мною вывода.

СОВЕЩАНИЕ ЗАГРАНИЧНЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГРУПП¹²²

14—17 (27—30) ДЕКАБРЯ 1911 ГОДА

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ДОКЛАДУ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ С.-Д. СИЛ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ

Состояние с.-д. организаций за границей в настоящее время до крайности ненормально.

Начиная с 1908 года, когда с.-д. издательство стало все более передвигаться за границу, и до пленума, за границей существовал во всех важнейших центрах полный организационный раскол в силу полного отделения от партии меньшевистских групп.

Пленум (января 1910 г.) сделал попытку создать единство на основе единогласно утвержденной им антиликвидаторской и антиотзовистской линии, причем был сделан особенно энергичный призыв к установлению полного единства за границей.

На деле однако, в силу невыполнения условий пленума ликвидаторами и отзовистами, после пленума нигде не последовало объединения заграничных групп. Напротив, получился еще больший распад, ибо фактически обособились впередовцы от большевиков, плехановцы от меньшевиков. Параллельные, — «первые» и «вторые» или меньшевистские и большевистские, — группы продолжали существовать по традиции, на деле отнюдь не объединяя сколько-нибудь солидарные и способные вести совместную с.-д. работу элементы.

В настоящее время фактически за границей существуют фракционно обособленные — связанные между собой чисто формально, а зачастую вовсе не связанные — большевистские, «примиренческие», впередовские, «голосовские» и «плехановские» группы, совершенно независимые друг

от друга, ведущие различные идейные линии и имеющие обособленные связи с теми или иными с.-д. элементами в России.

Образование РОК в России силами большевиков и партийных меньшевиков и энергичный приступ этой коллегии РОК к созыву общепартийной конференции РСДРП создает решительный перелом в истории партии и указывает единственно возможный и наметившийся жизнью выход из состояния дезорганизации и распада.

Фактически работу действительно социал-демократическую вели после пленума — особенно дружно в течение 1910 г. — только большевики и партийные меньшевики. Голосовцы не представляют из себя ровню ничего кроме заграничного отделения русской ликвидаторской группы «Дела Жизни» и «Нашей Зари», поставившей себя вне партии, а заграничная группа «Вперед», продолжая прикрывать отзовизм и вести через своего лидера Луначарского религиозную пропаганду, ведет совершенно не социал-демократическую работу.

Теперь РОК, созданная большевиками и партийными меньшевиками и поддержанная почти всеми местными с.-д. организациями в России, является фактически единственным и вполне правомочным центром с.-д. партийной работы.

Объединяясь в единую заграничную с.-д. организацию большевиков, совещание возлагает ответственность за продолжающийся раскол за границей на те группы, которые не желают поддерживать русского центра, РОК, или продолжают «игру в соглашение» оторвавшихся от России, поддерживая этим несоциал-демократические, оторвавшиеся от русской работы.

Большевистская организация за границей попрежнему будет употреблять все усилия, чтобы привлекать, без различия течений, всех социал-демократов, готовых поддерживать РОК и вести партийную, т. е. антиликвидаторскую и антиотзовистскую (а равно антибожественную) линию, [чтобы они] присоединились к ней и слились в единую партийную организацию.

Борьба с ликвидаторским и отзовистским течениями, — борьба с распадом безидейных заграничных групп — содействие сплочению всех действительных с.-д. партийцев и партийцев меков в особенности — содействие РОК, —

такова практическая задача заграничной партийной организации. Органами, которые должны поддерживать партийцы, мы считаем одновременно Центральный Орган и «Рабочую Газету», ибо отстранение (заграничных) партийцев меков не может быть оправдано ничем и никакого измененя *линии*, соответствующей партийным решениям, в указанных органах нет.

*Написано в первой половине
декабря 1911 г.*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

2

РЕЗОЛЮЦИЯ
О РОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ
ПО СОЗЫВУ КОНФЕРЕНЦИИ¹²³

Совещание констатирует, что партия давно уже, в течение не менее как двух лет, признает неотложнейшую необходимость созыва партийной конференции. В настоящее время сделан наконец, вопреки всяческим препятствиям, решительный шаг к осуществлению этого дела. В России образована РОК, поддержанная всеми местными организациями (Киевской, Бакинской, Тифлисской, Екатеринославской, Екатеринбургской, С.-Петербургской, Московской, Николаевской, Саратовской, Казанской, Виленской, Двинской, Нижегородской, Сормовской, Самарской, Тюменской, Ростовской и др.).

Совещание приветствует образование РОК и заявляет, что всеми силами поддерживать ее есть долг каждого партийца.

*Написано в первой половине
декабря 1911 г.*

*Напечатано 12 января 1912 г.
в «Известиях» Комитета
заграничной организации*

*Печатается по тексту
«Известия»*

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

I

Выборы в IV Думу уже не за горами, и вопрос об избирательной кампании естественно становится на очередь дня. Нечего и говорить, что какие бы то ни было колебания относительно того, необходимо ли с точки зрения марксизма участие в выборах, совершенно недопустимы: не внутри пределов марксизма и рабочей партии, а лишь *вне* пределов и первого и второй могут быть признаны «законными» оттенки взглядов, отрицательно или неопределенно, или даже безразлично относящиеся к участию. Эту элементарную истину, уже много лет тому назад (с конца 1907 г.) доказанную и подтвержденную опытом, как-то, пожалуй, неловко повторять, но ее приходится повторить, ибо худшим злом для нас является теперь распад и разброд. А этот разброд и распад поддерживают не только те, кто дает неопределенные или уклончивые ответы на элементарные вопросы, но и те, кто по дипломатии, безидейности и т. п. защищает неопределенность и уклончивость.

Выборы в Государственную думу естественно заставляют всех марксистов, всех участников рабочего движения напрячь силы для самой энергичной, упорной, инициативной работы во всех областях этого движения. Те ответы на вопросы о принципиально-программном, политическом, организационном содержании и направлении этой работы, которые выработаны в течение последних лет, должны найти теперь себе непосредственное практическое применение в специальной области «выборной» деятельности.

Мы нарочно говорим о выработанных уже ответах. Смешно было бы думать, в самом деле, что теперь, за

несколько месяцев или хотя бы даже за год до выборов, можно успеть «найти» ответы, если они не найдены еще, не обдуманы, не проверены опытом деятельности за несколько лет. Речь ведь идет об ответах на *все* «проклятые вопросы», касающиеся и общего мирозерцания, и оценки предыдущего, необыкновенно богатого событиями, периода русской истории, и оценки переживаемого периода (определившегося в основных чертах не позже как с 1908 г.), и задач политических и организационных, которые решались так или иначе всяким участником рабочего движения за последние, скажем, четыре года. Применить выработанные ответы и приемы деятельности к данной особой отрасли работы, к выборам в IV Думу, вот о чем только и может идти теперь речь; говорить о том, что «в процессе выборной кампании, т. е. одной из отраслей деятельности, могут быть выработаны ответы на вопросы, касающиеся *всех* отраслей деятельности, касающиеся не только 1912-го года, а всего периода, начиная с 1908 года», говорить об этом значило бы утешать себя иллюзиями или прикрывать, оправдывать царящий разброд и распад.

Речь идет об ответе на вопросы, прежде всего, программные. Что дало в этом отношении последнее четырехлетие русской жизни? Все и каждый должны будут признать, что оно не дало никаких попыток пересмотра, или исправления, или дальнейшей разработки старой программы марксистов в ее принципиальной части. Характерным для «текущего момента», — его вернее бы было во многих отношениях назвать «застойным» или «гнилым» моментом, — является презрительное махание рукой на программу и стремление всячески укоротить, урезать ее без малейшей попытки прямого, решительного пересмотра. «Ревизионизм», в его специфическом значении буржуазного оскотления марксистских истин, характерен для переживаемой эпохи не как боевой ревизионизм, поднимающий «знамя восстания» (хотя бы даже так, как это делал Бернштейн в Германии около 10 лет тому назад, а в России Струве лет 15 назад или Прокопович несколько позже), а как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы практическими, соображениями. Преемники и продолжатели «дела» Струве и Прокоповича, гг. Потресовы, Масловы, Левицкие и К^о «участвовали» в царящем разброде и поддерживали

его (как с другой стороны Юшкевич, Богданов, Луначарский и т. д.) посредством большей частью робких и несистематичных попыток выбросить за борт «старый» марксизм и заменить его «новым» буржуазным учением. Теоретические вопросы не случайно, не по капризу «групп» выдвинулись на одно из первых мест в последнее четырехлетие. К числу «пустяков» относили эти вопросы, хотя бы в той или иной их части, только люди, боязливо отрекающиеся от старого. И теперь, если говорить о защите программы и мировоззрения марксизма в связи с выборной кампанией, в «процессе» выборной кампании и т. д., — если говорить об этом не только для выполнения «казенной» обязанности и не для того, чтобы ничего не сказать, то учитывать следует не слова, не обещания, не заверения, а именно *опыт* пережитого четырехлетия. Оно показало нам фактически еще и еще раз целый ряд «ненадежных попутчиков» марксизма в нашей интеллигенции (зачастую желающей быть марксистской), оно научило недоверию к таким попутчикам, оно *подняло* в умах думающих рабочих значение марксистской теории и марксистской программы в неурезанном ее виде.

Есть область вопросов, в которых программа сближается с тактикой и переходит в нее. Эти вопросы, разумеется, во время избирательной кампании приобретают гораздо большее непосредственное практическое значение. По этим вопросам дух отречения и разброда проявил себя несравненно сильнее. Старые задачи отпадают, говорили одни, ибо в России уже, в сущности, власть стала буржуазной. Развитие России отныне, заявляли другие, может идти, подобно германскому или австрийскому после 1848-го года, без всяких «скачков». Идея гегемонии рабочего класса устарела, говорили третьи, марксисты должны стремиться «не к гегемонии, а к классовой партии» и т. д.

Нечего и говорить, что ни одного, буквально ни одного, вопроса тактики нельзя разрешить, нельзя осветить сколько-нибудь цельно, полно, свясно без разбора этих идей, справедливо названных «ликвидаторскими» и связанных неразрывно с широким потоком буржуазного общественного мнения, поворачивающего вспять от демократизма. Кто сколько-нибудь присматривался к практической жизни, тот знает, что разброд в области этих вопросов во сто раз сильнее, чем видно по литературе.

Иначе и не может быть, конечно, в годы, следующие за событиями конца 1905 и 1906—1907 годов. Но чем «естественнее» (в буржуазной обстановке) этот распад, тем настоятельнее и насущнее для марксистов задача всесторонней и упорной борьбы с ним.

В такие периоды, как последнее четырехлетие в России, распад и отречение были свойственны всем странам: бывало и так, что не оставалось даже групп, а были лишь отдельные лица, на десять и более лет умевшие в подобной обстановке «высоко держать знамя», хранить идеи преемственности, применять эти идеи впоследствии в сильно измененной социально-политической обстановке. В России дело еще не так плохо, ибо в «наследство» осталась нам и программа и оформленные ответы на основные тактические и организационные вопросы «момента». Ликвидаторское течение, отрекаясь от этого ответа, не в состоянии противопоставить ему ничего, абсолютно ничего похожего на точный и ясный ответ.

Выборная кампания есть приложение определенного решения политических вопросов к сложной пропагандистской, агитационной, организационной и т. д. деятельности. Нельзя подступиться к этой кампании, не имея определенного решения. И тот оформленный ответ, который с 1908 года дан марксизмом, вполне подтвердил себя опытом четырех лет. Новое, буржуазное, содержание аграрной политики правительства; организация помещиков и буржуазии в III Думе; поведение даже самой «левой» из буржуазных партий — кадетской, столь ярко освещенное «лондонской» поездкой, и далеко не ею одной; идейные течения «веховского» типа, имевшие громадные успехи в «образованном» обществе, все это показало ясно, что старые задачи не решены, но подход к их решению идет в новой обстановке, более буржуазной, при систематическом повороте буржуазии от демократизма к «оппозиции» ответственной, партийной, «лояльной» и т. д. Новая обстановка, новые приемы подготовки к старому решению старых проблем; большая ясность раскола между демократией и антидемократичной либеральной буржуазией; — вот основные черты оформленного ответа марксистов на коренные политические вопросы современности.

В неразрывной связи с общим мирозерцанием марксистов, с их оценкой политического смысла и значения

«третьейюньюского» периода, стоит ответ на организационные вопросы. Сохранение старого в основе и приспособление его, — всяческие так называемые «возможности»: открытые общества, союзы и т. п., — к новой обстановке. Ячейки и сеть вокруг них, в связи с ними, направляемые ими. Большая гибкость «ячеек», принятие ими более подвижных, не во всем похожих на старые, форм, — и обязательное использование не только думской трибуны, но и всяческих аналогичных «возможностей». Отплюдь не связывая рук никакой однообразной нормой, никакими обязательными формами, оставляя громадный простор выработке целесообразных приемов и методов сочетания, этот ответ непоколебимо «тверд» принципиально — именно, он противопоставляет царящему разброду, отреченству, растерянности не только словесное провозглашение верности старому, но и основной организационный принцип, позволяющий воплотить в жизнь идейную устойчивость. Те, хотя бы и немногие, кто «накопили запас», объединяются и систематически оберегают «иерархию»: ее дух, ее учение, ее принципы, ее традиции, а не ее формы, конечно.

Ликвидаторство, наоборот, *пасует* пред царящей (*вовсе* не у нас одних, отнюдь не в рабочем только классе, а еще сильнее в других классах и партиях) бесформенностью, бросает работу над старым, превращая поиски «нового» в узаконение разброда. В широком идейном течении буржуазного общества, направленном против демократии вообще, против движения масс в частности, против недавних форм организации и руководства этим движением в особенности, ликвидаторство среди марксистов есть лишь один ручеек.

Таковы общие положения марксизма, отношение его к задачам и вопросам современности, выработанное, повторяем, не со вчерашнего дня, и подлежащее теперь претворению в «избирательную кампанию» с цельным содержанием — идейным, программным, тактическим, организационным.

II

Обратимся к рассмотрению той позиции по вопросу об избирательной кампании, которая занята главным органом ликвидаторского течения, «Нашей Зарей».

Нет ничего более противного духу марксизма, как фраза. II, что прежде всего неприятно поражает в №№ 6 и 7 — 8

«Нашей Зари», так это невероятный разгул прямо-таки тартареновской фразы. Такая обычная для марксистов всех стран, даже уже в России *дважды* в широком масштабе проведенная кампания, как избирательная, превращена Тартаренами нашего ликвидаторства в нечто, обставленное такими велеречивыми словами, словами и словами, что прямо невтерпеж становится.

Г. Юрий Чацкий в статье «Пора начать» *начинает* изложение взглядов ликвидаторов и, в сущности, *кончает* это изложение, как хозяин, оставляя г. Л. Мартову украшения, ретушовку, литературную орнаментику.

Вот образчик писаний Юрия-Тартарена:

...«Вряд ли можно уверенно рассчитывать, что выборная кампания будет проведена в организационном отношении совершенно централизованно, хотя стремиться к этому нужно всеми теми путями, о которых мы говорили..., закрепляя организационно результаты политического объединения с.-д. рабочих в ходе политической кампании»...

Побойтесь бога, любезнейший конкурент Троцкого! Ну, к чему оглушать читателя вообще, а рабочего в особенности, этим набором слов о результатах политического объединения в ходе политической кампании! О закреплении этих результатов! Ведь это — набор слов, важничанье тяжеловесными повторениями простой вещи. Организационное «закрепление» нужно всегда, и до выборов, и после. Назвав выборы политической кампанией и, «для ради важности», поговоривши еще о «ряде (!) всероссийских (!) политических кампаний», вы этим шумом и треском слов *заслоняете* действительно насущный, жизненный, практический вопрос: *как* организовать. Нужны ли «ячейки» и около них сеть более или менее открытых непрочных союзов? да или нет? Если да, то это нужно и до выборов, и после; выборы — одна из работ, одна из многих. Если не велось систематической работы *издавна*, вы *ничего* не «закрепите» в ходе выборной кампании. Всякий практик понимает, что это пустяки. Звонкими фразами здесь прикрывается отсутствие точного ответа на *основной* вопрос о том, как нужно организовать для всякой, а не только избирательной, деятельности.

Говорить по поводу выборов о «*боевой мобилизации пролетариата*» (sic! * с. 49), о «широкой и открытой

* — так! Ред.

мобилизации рабочих масс» (54) и т. д., и т. п. — значит не только не иметь никакого чувства меры, но прямо вредить скромной, по необходимости скромной, работе, поспитывая фразерство *совершенно такого же качества*, как у «отзовистов», «ультиматистов» и т. п. У тех выходит, что бойкотом надо особо подчеркнуть, что не похоронен «дух» (а «дух» работы должен пронизывать все ее области, выборную в том числе), — у крикунов ликвидаторства выходит, что выборы дадут все, и «боевую мобилизацию» (как только не стыдно русскому тоже-«марксисту» выписывать такие вещи!) и «закрепление организационное результатов политического объединения в ходе политической кампании!» Все мы знаем прекрасно, что *ни «широкой», ни «открытой» «мобилизации масс» выборы 1912 года (если не наступит условий, в корне меняющих обстановку 1908 и 1911 годов) не дадут и дать не могут. Дадут скромную возможность не широкой и не очень открытой работы, и этой возможностью надо пользоваться, а Троцкому подражать в надутых фразах не следует.*

Крик об «открытых» организациях по поводу выборов прямо неумен: давайте-ка лучше делать *не очень* открыто, коллеги-рабочие, скажем мы, — это будет вернее, уместнее, разумнее, *полезнее* для воздействия на *более широкие слои*, чем болтовня об «открытом» существовании. В такие времена, как наши, кричать и хвастать: «а я все открыты могу» могут лишь люди или совсем дурные или совсем легкомысленные.

...«Партия (классовая) появится лишь как продукт организационного творчества самостоятельного рабочего авангарда» (41).

Уф! Пощадите! Ведь в мире партию складывали и выращивали в течение десятилетий и передовые рабочие и действительно марксистские, переходящие вполне на сторону рабочих, «интеллигенты». И у нас *не может быть* иначе, и не к чему это отпугивание русского читателя-рабочего пышным вздором о «творчестве» (когда приходится азы твердить и маленькие, простенькие камушки для фундамента носить), «самодетельном» авангарде и пр. Г. Мартов тоже увлечен Чацким-Тартареном и договаривается до «самосознательных элементов рабочего класса» (№ 7—8, с. 42), идущих на смену «самоликвидации» старого персонала (там же).

Чтобы покрепче было! «Самодеятельные», «самосознательные», «творческие», «мобилизация боевая», «самое широкое», «самое открытое»... Как это не тошнит людей от этого — употребляю щедринское выражение — языкоблудия?

А дело в том, что вычурными, вымученными, оглушающими и отупляющими рабочего (а интеллигента еще больше, ибо рабочие смеются над стилем à la* Юрий Чацкий, а больше *увлекаются* им гимназисты) фразами *приходится* оперировать, когда на простые, ясные, близкие вопросы *нет* у писателя простого, прямого, ясного ответа. На вопросе об избирательной платформе мы можем в особенности наглядно иллюстрировать эту истину о превращении *неясной* мысли в неясные, напыщенные, велсречивые фразы.

III

Г. Юрий Чацкий о важности избирательной платформы говорит тоже с большущим, большущим пафосом. Вопрос о платформе — «один из самых кардинальных вопросов». Очень хорошо! «Рабочие с.-д. должны прочувствовать (!) ее (платформу), продумать, считать *своей*» (курсив Юрия Чацкого).

Что *продумать* платформу должны рабочие, это верно. Также и интеллигентам, пишущим в почти-марксистских журналах, очень бы не мешало продумать платформу. Но вот что значит «прочувствовать» платформу, — это понять мудрено. Может быть, гг. Неведомский и Луначарский в следующем номере «Нашей Зари» напишут «прочувствованные» статьи о «прочувствовании» избирательной платформы самодеятельным авангардом самосознательных мобилизуемых масс?

Или не угодно ли следующий перл из статьи г. Ф. Дана: ... «избирательная тактика совершенно меняет свой смысл и свое политическое содержание в зависимости от того, кто же является ее творцом и носителем: самоуправляющийся коллектив рабочего с.-д. авангарда со всеми его пролетарскими и интеллигентскими силами, или те или иные группки интеллигенции, хотя бы и «социал-демократической», но не выдвинутой таким коллективом,

* — вроде. Ред.

не действующей под его контролем и давлением»... Кто может сомневаться в самом деле, что Потресов и Дан отнюдь не «группка интеллигенции», а люди, «выдвинутые самоуправляющимся коллективом авангарда» и «действующие под его контролем»! О, Тартарены ликвидаторства!

Продумал ли Юрий Чацкий, Л. Мартов и Ф. Дан платформу? «Стыдно признаться, да грех утаить — пишет первый из них — у нас бывало и так, что платформа сама по себе, а в предвыборных речах и писаниях говорят другое, идут кто в лес, кто по дрова».

Что правда, то правда. «У нас» это очень часто бывало.

Например, Юрий Чацкий, после прочувствованных слов о прочувствованной платформе принимается говорить длинные, длинные и не менее прочувствованные слова о важности и необходимости *единой* платформы. Прочувствованными словами нарочито заслоняется простой вопрос о том, может ли быть *единая* платформа, если нет единства в политических воззрениях? А если единство воззрений есть, то к чему терять напрасно слова и ломиться в открытую дверь: ведь платформа есть изложение воззрений!

Юрий же Чацкий, поговорив «кругом да около» о «единой» платформе, пробалтывает очень неловко свой «секрет». «Крупнейшее значение — пишет он — мы придаем санкции (платформы) думской с.-д. фракции, при том, однако, непременно условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками» (50)...

Это называется: *der König absolut, wenn er unseren Willen tut*, — король самодержавен, если он творит *нашу* волю. Платформа желательна единая, если не будет санкционирована платформа, «навязанная заграничными кружками». Значит, платформы-то *есть налицо* две? одна, которую вы ругаете «навязанной из-за границы» (терминология, достойная Пуришкевича! подумайте только: Юрий Чацкий, в журнале Потресова, пишет, рука об руку с Мартовым и Даном, о навязывании из-за границы! Как низко надо пасть, чтобы такими приемами науськивать неразвитых людей против «заграницы»!). Другая платформа, очевидно, та, которая идет не из-за границы, а из самоуправляющегося коллектива широких и открытых орга-

низаций мобилизуемой массы. Говоря проще и без выкрутас: «другими элементами возможной централизации является группа с.-д. (?) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением и приобретающих все большую устойчивость и авторитет в процессе ведения политических кампаний. Мы имеем в виду в особенности Петербург и его руководящую роль в политических кампаниях последнего года». Так пишет Юрий Чацкий.

Ларчик просто открывается: «группа» петербургских ликвидаторов, всем хорошо известных по журналу г. Потресова, вот вам «элемент централизации». Ясно, очень ясно, любезный Юрий Чацкий!

Платформа должна быть единой, но... так, чтобы она не «навязывалась заграничными кружками», а удовлетворяла «группу» петербургских ликвидаторов... Горячий сторонник «единства» этот Юрий Чацкий!

IV

Посмотрим на «основные положения платформы» у Л. Мартова... В основу ее он кладет, — как и следовало, конечно, — программу. По частям и своими словами программа эта пересказывается у Мартова. Остается неясным, *ту* ли программу проповедует Мартов, которая *им* изложена в № 7—8 «Нашей Зари»: *эта* частичка старой программы приемлема и для Ларина, и для Левицкого, и для Прокоповича, вероятно. Или Мартов приемлет *всю старую* программу?

Справедливость требует отметить, что одно местечко в статье Мартова указывает на последнее; именно: это — местечко на стр. 48, где говорится, что иногда приходится «не договаривать в ясной форме» (это правда), но, дескать, не следует *отказываться*. «Нас не заставят» — «*урезать* содержание наших требований». Это очень хорошие слова. К сожалению, этим словам не соответствует *дело*, ибо мы прекрасно знаем, напр., что «не подозреваемый (Мартовым) в реформизме» Ларин *урезывает и отказывается*. Нам придется убедиться очень скоро, что и Мартов в той же самой своей статье, обещая «не урезывать» и «не отказываться», на деле урезывает и отказывается.

Фактическое положение, следовательно, таково, что по вопросу о программе, как о основной части и базе

платформы, имеется налицо не одна, а две платформы: без урезывания и отказов, и с теми урезками и отказами, направление которых ясно указано характером проповеди Ларина, Левицкого, Потресова.

Далее идет вопрос о тактике. Исторический смысл третьей-июньского периода должен быть оценен, и на такой оценке должны базироваться *все* определения наших задач, *все* наши «высказывания» по каким бы то ни было общим и частным вопросам современной политики. Мартов вынужден признать и сам, — несмотря на обычные у ликвидаторов и характерные для ликвидаторства насмешки над «оценкой текущего момента», — что вопрос этот кардинальный. И вот, по отношению к «старому», оформленному ответу на этот вопрос Мартов заявляет:

«Исторический смысл «третьеиюньского» периода пытались определить неудачной, ибо способной вводить в заблуждение, формулой, говоря о «шаге на пути к превращению (по пути превращения) было бы точной цитатой) в буржуазную монархию»...

«Неудачная» формула... Как это мягко сказано! А давно ли коллеги Мартова видели в этой формуле полное принципиальное отрицание той точки зрения, которая им кажется единственно спасающей? Давно ли Ф. Дан говорил: «хотя переть туда, где были раз разбиты»? В чем же дело? Есть ли коренное расхождение по вопросу об историческом смысле третьеиюньского периода или нет?

Слушайте дальше:

...«В такой формулировке исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством. Из сказанного выше следует, что те формы, в которых после событий 1905 года только и мог совершаться этот раздел, создали благоприятные условия для мобилизации и организации тех социальных сил, которых исторической миссией является работать над созданием «буржуазной монархии»...

Эти социальные силы, по Мартову, буржуазия, которой третьеиюньский период «дал право быть легальной или терпимой оппозицией».

Присмотритесь же к рассуждению Мартова. Он упрекает «неудачную формулу» *как будто бы* только в том, что она забывает шаг назад, сделанный *властью*. Во-1-х, это фактически неверно. Мартову поразительно не везет с «формулой» 1908-го года: как только примется говорить о ней, так сейчас же оказывается странное неумение (или

нежелание?) точно передать очень хорошо известную ему «формулу». В «формуле» говорится прямо и точно о сохранении за *крепостниками*-землевладельцами (а не буржуазными землевладельцами, как следовало бы говорить по Ларину), «их власти и их доходов»! Значит, ежели этаким раздел власти называть «шагом назад», то этот шаг назад не только не исчезает в нашей формуле, а напротив, констатируется самым точным образом. Во-2-х, и это главное, говоря о шаге назад, сделанном властью, Мартов прикрывает, затушевывает этим *шаг назад*, сделанный либеральной буржуазией. Вот где зарыта собака! Вот в чем суть рассуждения, затемняемая Мартовым.

Шаг назад, сделанный либеральной буржуазией, есть *веховство* этой буржуазии, ее отречение от демократизма, ее *приближение* к «партиям порядка», ее поддержка (прямая и косвенная, идейная и политическая) попыток старого режима удержаться ценою минимальных «шагов по пути превращения в буржуазную монархию». Буржуазная монархия не может не только сложиться, но даже и начать складываться без контрреволюционной — (веховской) либеральной буржуазии. Мартов «забывает» это прежде всего и больше всего по той простой причине, что он сам «веховец»... среди марксистов.

Либерал обращает все внимание при оценке третьиюньского периода на то, что власть сделала «шаг назад», к Пуришкевичам: если бы та же самая власть при сохранении тех же самых основных черт режима (и прижима против *демократии*) сделала «шаг» к нему, к либералу, то это все, что ему требуется. Я доказал «Вехами», веховской политикой («Лондон» Милюкова), что я, либерал, искренний, серьезный, беспощадный враг демократии «противогосударственной», отщепенской, ребячьей, преступной, «воровской», безнравственной, безбожной и как там еще говорится в «Вехах». И, несмотря на это, власть делится не со мной, а с Пуришкевичем! — вот каков *смысл* либеральной политики третьиюньского периода, вот каков *смысл* «столыпинского либерализма» господ Струве и Милюковых. Я к тебе всей душой, говорит либерал, обращая взоры к власти, а ты мне предпочитаешь Пуришкевича! Наоборот, точка зрения пролетарской демократии на третьиюньский период принципиально, коренным образом иная. «Шаг назад», к Пуришкевичам, сделан властью на

иной, гораздо более высокой ступени развития, чем прежде. И в 80-ых годах был «шаг назад» к дворянству, но это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента. Так и теперь, «шаг назад» к Пуришкевичам происходит на базе буржуазной аграрной политики, на базе организованного и прочного участия буржуазии в представительстве: это — гегемония Пуришкевича в общем, и пуришкевичевском и мялюковском, повороте *против* демократии, против движения масс, против так называемых «эксцессов», против так называемой «интеллигентской (Вехи) революции» и т. д.

Задача либерала — «попугать» Пуришкевича так, чтобы он «потеснился», побольше места уступил либерализму, но так, чтобы отнюдь не могли при этом вовсе устранить с лица земли все экономические и политические основы пуришкевичевщины. Задача демократа вообще и представителя пролетарской демократии, марксиста, в особенности, использовать резкий конфликт, чтобы втянуть на арену низы как раз для такого устранения. С точки зрения задачи преобразования России вообще, исторический смысл третьейюньского периода в том и состоит, что этот новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию есть шаг к большей размежевке классов во всех отношениях и, в частности, к большей размежевке либерализма («ответственная» оппозиция Пуришкевичам) и демократии (устранение всех основ пуришкевичевщины).

Отсюда ясно, что Мартов, якобы критикующий лишь «неудачную формулировку», *на деле* дает платформу *либеральной рабочей политики*. Он видит «шаг назад», сделанный старой властью к Пуришкевичам, и не видит шага назад, сделанного либеральной буржуазией к старой власти. Он видит, что события 1905 года создали благоприятные условия для «мобилизации и организации» либеральных буржуа против Пуришкевичей и рядом с Пуришкевичами, но он *не* видит, что эти события создали «благоприятные условия» для мобилизации и организации веховской, контрреволюционной, либеральной буржуазии против демократии, против движения масс. Из цитаты Мартова неизбежно вытекает поэтому, что рабочие должны «поддержать» либералов в *их* борьбе с Пуришкевичами,

должны предоставить гегемонию либералам, — и отнюдь не вытекает, что рабочие должны, *вопреки* веховству либералов, *вопреки* стремлению Милюковых усесться рядом с Пуришкевичами, поднимать низы на работу полного устранения самых глубоких корней (и самых высоких вершин) пуришкевичевщины.

Отсюда ясно, далее, почему Мартов может и должен соглашаться с Лариным в основном, расходясь с ним лишь в частности, лишь в приемах формулировки задач либеральной рабочей политики. У нас уже есть буржуазная монархия, говорит Ларин, у нас уже теперь землевладельцы не «крепостники», а аграрии, т. е. буржуазные, сельские предприниматели. У нас поэтому не стоят на очереди исторические «скачки», у нас должна быть *«не гегемония, а классовая партия»* (Левицкий), у нас задача поддерживать либералов-конституционалистов, сохраняя свою самостоятельность*. У нас нет еще буржуазной монархии, возражает Мартов, но для нас «вполне достаточно» знать, что сочетание абсолютизма и конституционализма противоречиво и что мы должны «ухватить старый режим за Ахиллесову пята противоречий». Оба спорящие не видят связи родившейся или рождающейся буржуазной монархии с контрреволюционностью либеральной буржуазии, у обоих исчезает со сцены деятельность «гегемона» по определению не только объема, но и типа буржуазного преобразования России; у обоих — говорят ли они это или нет — рабочий класс «устраивается» в новой, буржуазной России, а не *устраивает* ее, ведя за собою демократию, способную к отрицанию всех основ пуришкевичевщины.

V

Небезинтересно, что дальнейшие рассуждения Мартова побивают его еще более наглядно.

...«Так, — продолжает Мартов, — реставрированные в 1815 г. Бурбоны не создали буржуазной монархии, но вынуждены были облечь господство свое и стоявшего за ними дворянства в политические формы, ускорившие организацию буржуазного класса и позволившие ему вырасти в силу, способную создать буржуазную монархию 1830 года»...

* «Постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении», писал Ларин.

Прекрасно. До Бурбонов 1815-го года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т. е. монархия 1815—1830 года? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». Пример Мартова говорит великолепно против него! Далее. Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной монархии, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871-го года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («левобллокпстских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левобллокпстскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу.

Есть буржуазия и буржуазия. Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX века из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова значит опошлять марксизм до либерализма.

«Так, — продолжает Мартов, — после обуздания революции 1848 года, прусская власть оказалась вынужденной ввести конституцию и законодательное представительство, организованное в интересах землевладения; а на почве этих жалких зачатков конституционно-парламентского строя политически организовалась буржуазия, которой, однако, и до сих пор не удалось закончить преращения государства в «буржуазную монархию».

Вышеупомянутая формулировка грешит, таким образом, тем, что в ней отсутствует момент решительного столкновения классов, без которого проявляющаяся в актах третьейиюньского типа объективная тенденция не может реализоваться в жизни!»

Не правда ли, это поистине великолепно? Мартов, положительно, виртуоз по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффектно-марксистского и эффектно-революционного вида! По поводу той самой «формулы», которую критикует Мартов, Ф. Дан громил людей, желающих «переть туда, где были раз разбиты». Ю. Ларин писал, что рабочий класс должен организовать не в «ожидании революции», а просто-таки «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов». Теперь же Мартов делает открытие: формула грешит тем, что в ней *отсутствует момент решительного столкновения классов*. Прямо прелесть!

Но в этой фразе Мартова, кроме комического, есть еще нечто. Мартов выразился с виртуозной уклончивостью. Он не сказал, о *каких* классах идет у него речь. В предыдущем пла речь о землевладельцах и буржуазии. Можно предположить, что Мартов говорит здесь о решительном столкновении *только* между землевладельцами и буржуазией. Только с точки зрения *такого* предположения можно «взять всерьез» цитированные слова Мартова. Но зато *такое* предположение выдает его с особенной наглядностью, как проповедника или защитника либеральной рабочей политики.

В нашей формуле «отсутствует момент решительного столкновения» между классами землевладельческим и буржуазным! Позвольте: в нашей формуле говорится прямо, определенно, точно о «*мелких раздорах*» этих классов. С нашей точки зрения, раздоры между этими классами *мелки*. Крупное значение имеет столкновение *не* этих классов, а других классов, о которых в «формуле» говорится далее столь же прямо и столь же определенно.

Вопрос стоит, следовательно, таким образом. Кто стоит на марксистской точке зрения, тот не может ждать избавления России от «третьеиюньского периода» ни от чего иного, как от «решительного столкновения классов». Надо уяснить себе исторический смысл «третьеиюньского периода», чтобы знать, *какие* классы в современной России могут и должны (в смысле объективной необходимости, а не субъективного долженствования) прийти в решительное столкновение. Мартов думает, видимо, — как думают и все ликвидаторы, — что решительное столкновение предстоит в России между поместным дворянством и либеральной буржуазией. (Заметим в скобках, что если в проекте платформы «Нашей Зари» и «Дела Жизни» будет высказан *прямо* этот взгляд, то ликвидаторы окажут большую услугу рабочему движению, разъяснив рабочим, в чем тут дело; если же в платформе этих литературных органов *не* будет высказан *прямо* этот взгляд, то это будет означать, что платформа пишется для сокрытия взглядов, что платформа расходится с действительным идейным содержанием проповеди обоих журналов.)

Мы думаем — и в нашей «формуле» это сказано прямо, что решительное столкновение между поместным землевладением старого типа и либеральной буржуазией России *не* предстоит; столкновения между этими классами неизбежны, но в виде «мелких раздоров», которые *ничего «не решают»* в судьбах России, никакого решительного, серьезного изменения к лучшему принести не могут*.

Столкновение действительно решительное предстоит между *другими* классами — столкновение на почве и в пределах буржуазного общества, т. е. товарного производства и капитализма.

---

* Из этого не следует, конечно, что либеральная буржуазия составляет вместе с поместным землевладением «одну реакционную массу», что конфликты первой со второй не играют никакой роли в политике, что они не могут давать повода к демократическому движению, что эти конфликты позволительно игнорировать. Подобные выводы были бы доведением до абсурда правильного положения, были бы непониманием того, в каких границах верно это положение. Известно ведь, что «величайшая справедливость», доведенная до абсурда при непонимании границ и условий справедливого и несправедливого, превращается в «величайшую несправедливость»: *summum jus — summa iniuria*. Напомним тот факт из истории русского марксизма, что на известном Лондонском конгрессе оценка либерально-буржуазных партий в России (с кадетской партией во главе их) дана именно та, которая изложена в тексте, причем признана необходимость «использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий».

На чем основано такое мнение? И на теоретических соображениях и на опыте 1905—1907 годов. В это трехлетие Россия пережила такое резкое столкновение классов, которое занимает одно из первых мест в всемирной истории резких столкновений между классами. И тем не менее, даже в это трехлетие, в обстановке буржуазного общества, не имевшего тогда самых элементарных условий и гарантий буржуазной свободы, столкновение между помещным землевладением и либеральной буржуазией, между этой последней и старой властью не было ни резким, ни решительным. Напротив, резки и решительны — сколько-нибудь резки и решительны — были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочими и капиталистами.

Чем объясняется это явление? В первую голову тем, что либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с помещным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, и при данном экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе *не может*.

Далее, если взять, напр., стачечное движение, то окажется, что Россия в указанное трехлетие развила его до высоты, невиданной ни в одной из самых передовых, наиболее капиталистических стран мира. Отсюда *неизбежность* такого рассуждения либеральной буржуазии, что лучше самое медленное, незаметно-медленное реформирование устарелых условий труда, чем решительный разрыв с старым; лучше сохранить старое, чем решительно разорвать с ним. Напротив, для крестьянства и для рабочих экономическое положение их делало *невозможным* подобное рассуждение; экономическое положение порождало здесь столкновения действительно резкие, действительно решительные. Ошибочно думать, как думают народники относительно крестьянства, Троцкий относительно рабочих, что эти столкновения выходят за пределы буржуазного общества. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что *все* старое, ветхое, добуржуазное

этими столкновениями и *только ими* может быть (при известном исходе столкновений) устранено дочиста, уничтожено совершенно.

Русские помещики, от Пуришкевича вплоть до Долгокурова, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервиллизма, косности, боязни перемен. Русские крестьяне — *при данном* экономическом и политическом положении России — представляют из себя *буржуазный* слой населения, из которого эпоха «столкновений», эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова) *воспитывает*, при направляющем участии со стороны рабочих, буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами. Воспитает ли? на этот вопрос ответ можно будет дать лишь тогда, когда эпоха буржуазных движений в России будет закончена. До тех же пор все прогрессивные направления политической мысли в России будут неизбежно делиться на два основных типа, смотря по тому, тяготеют ли они к гегемонии либерализма, стремящегося переделать, обновить Россию безобидным для Пуришкевичей образом, или к гегемонии рабочего класса, ведущего за собой лучшие элементы крестьянства.

Я сказал: «тяготеют», ибо сознательность в смысле понимания классовых корней той или иной политики предполагать во всех прогрессивных направлениях не приходится. Но марксистам нельзя быть марксистами, если они не доискались этих корней, если они не поняли, что и защита особых интересов рабочего класса и подготовка его к его будущей роли в буржуазной России неизбежно, в силу объективного соотношения общественных сил, направляются по тем же двум главным руслам: идти *за* либерализмом (который идет за Пуришкевичами или рядом с ними) или вести демократические элементы вперед *вопреки* колебаниям, переметыванью, веховству либерализма.

VI

Мы подошли таким образом вплотную к вопросу о пресловутом «левоблокизме». Юрий Чацкий и Ф. Дан, без преувеличения можно сказать, рвут и мечут против левоблокизма; со стороны последнего из названных политиков это тем естественнее, что надо же прикрыть ему чем-

нпбудь свою измену делу рабочих и раскол организации рабочих весной 1907 г. в Петербурге ради блока с кадетами! Но вопрос о левоблоклизме есть интересный и важный принципиальный вопрос, если говорить не только и даже не столько об избирательных соглашениях (при настоящем избирательном законе «левый блок» весьма редко применялся на практике), а об общем характере и содержании всей избирательной пропаганды и агитации. «Заставлять» наиболее многочисленную в стране демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледельческой мелкой буржуазии) «делать выбор между кадетами и марксистами»; вести линию «совместных действий» рабочих и крестьянской демократии и против старого режима и против колеблющейся контрреволюционной либеральной буржуазии — вот в чем основа и суть «левоблоккистской» тактики, освященной и ходом событий 1905 года (рабочее и крестьянское движение), и голосованиями «трудовой» и рабочей групп в обеих первых Думах, и отношением прессы разных партий к коренным вопросам демократии, и даже позицией «крестьянской группы» III Думы (при обилии правых элементов в этой группе!) по аграрному вопросу. Известно, что земельный проект 43 крестьян третьей Думы¹²⁴ гораздо демократичнее кадетского, либерального проекта, как признали и сами кадеты!

Несомненно, что именно в этом, общепринципиальном, смысле отвергают «левоблоклизм» ликвидаторы. И так же несомненно, что их отречение от левоблоклизма есть измена делу демократии. Не было ни одного буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблоккистской» тактики, причем все победоносные моменты этих движений связаны всегда с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблоккистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассаля в 1859 году. По поводу трагедии Лассаля

«Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах всю линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев, упрекал Лассалья, что он впадает в ошибку «тем, что ставит лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской»¹²⁵.

Нас не касается здесь вопрос о том, правилен или неправилен упрек Маркса: мы думаем, что правилен, хотя Лассаль энергично защищался от этого упрека. Важно то, что ставить «лютеровско-рыцарскую» (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию *выше* «плебейско-мюнцеровской» (пролетарско-крестьянской, в таком же переводе) и Маркс и Энгельс считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!

Ругаясь и бранясь по адресу левоблокистской тактики, ликвидаторы пытаются шумом слов заглушить встающий при этом коренной принципиальный вопрос об обязательности «левоблокизма» для всякой рабочей партии во всяком буржуазно-демократическом движении. Не будучи в состоянии поставить вопрос принципиально, они впадают в курьезные противоречия, сами себя побивая. Пример: тот же Л. Мартов, который как чумы боится «левого блока», пишет, формулируя в «основных положениях платформы» аграрную программу: «попрежнему наиболее верным, наиболее безболезненным и наиболее выгодным для культурного развития остается изъятие помещичьей земли из рук ее нынешних владельцев и передача ее народу». Нечаянно договорился — о ужас! — до национализации! Это во-первых. А во-вторых, высказав верную мысль, Мартов высказал (вопреки своему коллеге Череванину: см. его *веховскую* книгу о «Современном положении» в 1908 году) левоблокистскую мысль, ибо намеченная им аграрная программа есть программа левоблокистских действий и против старого режима и против либеральных партий вроде к.-д.!! «Гони природу в дверь, она влетит в окно»!!

Аграрная программа, формулированная Л. Мартовым, такова, что на ней объединяются (фактически объеди-

няются, т. е. сходятся *независимо* от каких бы то ни было «соглашений») и рабочие и крестьяне-трудовики с их идеологическими вождями в лице народников. Напротив, такая аграрная программа *отделяет* и рабочих и крестьян-трудовиков, вместе взятых, *от* кадетов (и от либеральной буржуазии вообще). Если вы в добавление к этому совершенно бесспорному политическому выводу примете в соображение, что аграрный вопрос (вопрос о демократическом аграрном преобразовании) стоит в центре вопросов нашего освободительного движения, то вы увидите, что Мартов *вынужден* был формулировать «левоблокистскую» тактику *по центральному* вопросу нашей эпохи!

Как и почему случилось с нашим противником «лево-блокизма» такое несчастье? Очень просто. Ему пришлось либо *порывать* прямо и ясно со старой программой — на это он не решился; он еще не «догнал» смелого (в ренегатстве) Череванина и Ларина. Либо надо было пересказать, хотя бы приблизительно верно, старую программу, а из нее «левоблокизм» вытекает неизбежно. Такова уже горькая судьба наших ликвидаторов.

VII

Нам осталось еще указать на два важных места в статье Мартова. «Стремлением рабочей партии — пишет он — должно быть, при возникновении каждого такого конфликта внутри третьейюньской системы» (речь шла о конфликтах и трениях, разлагающих и подтачивающих эту систему) «побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий и, что представляет для нас наибольшую самостоятельную ценность, — расширения сферы нестесненной организации народных сил» (с. 50, «Наша Заря» № 7—8).

Формулировка, данная здесь Мартовым, очень удачна. Но это именно формулировка задач и линии либеральной рабочей политики. «Побудить имущие классы сделать шаг», «расширить сферу нестесненной организации труда» — эти фразы Мартова точь-в-точь повторяют *все*, сколько-нибудь образованные, сколько-нибудь проникнутые «европейским» духом, либеральные буржуа всего мира. Отличие либеральной рабочей политики от марксистской рабочей политики начинается *только* там и тогда,

где и когда мы видим разъяснение рабочим недостаточности, неудовлетворительности, обмана приведенной сейчас либеральной формулировки. Побудить неимущие классы сделать шаг к изменению *самой той «сферы»*, которую либералы обещают «расширять», к замене ее *принципиально* иной «сферой» — вот как (приблизительно) следует определить задачи и стремления рабочей партии, если нет желания строить либеральную рабочую партию.

Как курьез, отметим, что Л. Мартов сам замечает по поводу своей формулировки в примечании к цитированному месту: «Эта формулировка, конечно, не преминет вызвать обвинения в оппортунизме и легализме во что бы то ни стало». И чем же он опровергает эти обвинения, как бы вы думали? Ссылкой на статью Н. Рожкова, — в № 171 «Обской Жизни»¹²⁶. Из статьи этой Мартов приводит 5 строк, крайне неудачно сформулированных и невразумительных об «открытых политических союзах». Мы не читали этой статьи. Допустим, что Рожков стоит за «открытую партию». Но при чем же это, раз речь идет о формулировке *либеральной рабочей политики у Мартова?* С которых пор для оправдания *одной* своей ошибки можно ссылаться на *другую* ошибку *другого* писателя?

Но всего рельефнее, всего лучше передает весь *дух* статьи Мартова следующая тирада из заключительного абзаца в заключительном параграфе ее:

«Вся избирательная кампания должна нами вестись под знаменем борьбы пролетариата за свободу своего политического самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни (слушайте!) должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

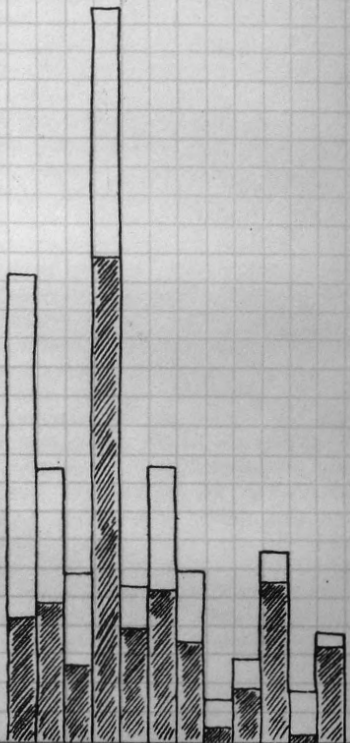
Вот слова, *правильно* выражающие «принцип», определяющий «содержание» всей избирательной агитации (и всей политики) ликвидаторов! Хорошие слова «не урезать ничего, не отказываться ни от чего», которыми Мартов утешал марксистского читателя, оказываются только словами, пустыми словами при *такой* формулировке «принципа». Принцип-то оказывается принципом либеральной рабочей политики, вот в чем суть.

Диаграмма числа бастовавших рабочих
по четвертям года. — 1910 г.
Зачерченная часть — участники стачек политических,
незачерченная — экономических.
(Из черновой тетради В. И. Ленина
«Статистика стачек в России»,
Ленинский сборник XXV)

19

Alcorn
Farmer-
Kobi:

1275
1250
1200
1150
1100
1050
1000
950
900
850
800
750
700
650
600
550
500
450
400
350
300
250
200
150
100
50
0

Temperatur udara:
Total:

I II III IV I II III IV I II III IV
1905 1906 1907

Либеральный буржуа говорит рабочим: вы вправе бороться, вам необходимо бороться за свободу *своего* политического самоопределения, за право иметь *свою* классовую партию, свободно развивать свою деятельность, за *участие* в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Именно эти принципы либеральной, образованной, радикальной — если употреблять английский или французский термин — буржуазии и преподносит рабочим Мартов под названием марксизма.

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему последовательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов. Чтобы ваша партия действительно стояла на высоте понимания задач класса, чтобы ее деятельность была на деле классовой, а не цеховой, надо, чтобы она не только участвовала в политической жизни, но направляла — вопреки всем колебаниям либералов — политическую жизнь и самодеятельность широких слоев на арену более высокую, чем та, которую указывают либералы, на цели более существенные, более коренные. Не понимает задач класса тот, кто отводит ему «самостоятельный» уголок «деятельности» на арене, пределы которой, форма и вид которой определяется или допускается либералами. Задачи класса понимает лишь тот, кто направляет внимание (и сознание, и практическую работу, и т. д.) на такое пересоздание самой этой арены, всей формы ее, всего вида ее, которое бы не ограничивалось нормами либерализма.

В чем разница обеих формулировок? Да именно в том *между прочим*, что первая *исключает* идею «гегемонии» рабочего класса, а вторая нарочито определяет именно эту идею; первая есть современный, новейший вариант старого экономизма («рабочим экономическая, либералам политическая борьба»), вторая стремится вырвать в умах всякую почву и у старого экономизма и у неэкономизма.

Теперь остается поставить заключительный вопрос: в чем разница между Левицким и Мартовым? В том, что первый — ликвидатор из молодых, нового поколения,

свободный от традиций и воспоминаний о старом. С задором и прямою, свойственными молодости, он говорит напрямик: «не гегемония, а классовая партия!» А Мартов «видывал виды», был некогда староискровцем, в нем перемешаны старые традиции, еще не вполне выветрившиеся*, и новое ликвидаторство, еще не вполне осмелевшее; поэтому он усердно клянется и божится: «ничего не урезать, ни от чего не отказываться», а потом, после долгих, долгих окольных рассуждений проговаривается, что «принцип»-то всей избирательной агитации должен быть ликвидаторский.

А все дело как раз в «принципе» избирательной кампании.

«Просвещение» №№ 1 и 2,
декабрь 1911 г. и январь 1912 г.
Подпись: К. Тулин

* Печатается по тексту
журнала «Просвещение»

---

* Вернее: содержание этих традиций, идейное ядро их выветрилось уже вполне у Мартова, но слова остались, привычка к «приличной вывеске» «непримиримого интернационалиста» сглаживается.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНИЙ О ПЕРЕГОВОРАХ ПАРТИИ К.-Д. С МИНИСТРАМИ

Те, кто шесть и пять с половиной лет тому назад били тревогу по поводу переговоров к.-д. с министрами вообще и о министерских портфелях в особенности, не могут не испытывать теперь чувства глубокого удовлетворения. Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с которой менее всего можно бы было ожидать правды. Теперь разоблачения начаты и, несмотря на все усилия «заинтересованных» лиц (и партий) замаять их, разоблачения не остановятся. С полной уверенностью можно сказать, что эти разоблачения будут подтверждать и подтвердят вполне правильность наших тогдашних нападений на кадетов.

Разоблачения начал Витте своей полемикой с Гучковым. Цель выступления Витте и характер его выступления — самые низменные; интрига худшего сорта, желание подставить ножку и пододвинуться к портфелю, вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится.

В письме Витте самым существенным было, конечно, то, что он должен был волей-неволей установить некоторые *факты*, — открывая возможность (и вызывая необходимость) проверять эти факты опросом всех участников дела. Основные факты из письма Витте вытекают следующие:

1) На совещании с Витте участвовали Шипов, Гучков, Урусов, Е. Трубецкой и М. Стахович, т. е. деятели партий кадетской, мирнообновленческой и октябристской.

2) «В первом заседании совещания между графом Витте (мы цитируем его письмо) и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутренних дел».

3) «Граф Витте настаивал на назначении Дурново, а общественные деятели, за исключением князя Урусова, высказывались против этого назначения. Князь же Урусов убеждал своих коллег по совещанию, в виду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству... В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново»...

4) Кандидатура Столыпина была выдвинута, но на ней не сошлись, одни были за, другие — против.

Спрашивается, какие поправки внес в это изложение дела Гучков? Он подтвердил, что «горячим защитником кандидатуры Дурново явился кн. Урусов, впоследствии член I Гос. думы». Витте, по словам Гучкова, колебался и готов был один момент отказаться от Дурново, ибо в печати готовились разоблачения и громовые статьи против него. «Все описываемое происшествие — добавлял Гучков — имело место сейчас же после манифеста 17 октября, когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати».

Переговоры были долгие: Гучков пишет о «томительных днях делящихся переговоров». О Столыпине, дескать, «никто не делал отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте». Характеризуя тогдашнее положение вообще, Гучков говорит: «Много явилось теперь «спасателей» отечества... А где они тогда были?.. Многие из них тогда еще не решились, по какую сторону баррикады встать».

Таковы существенные пункты разоблачений Витте и Гучкова; мелочи, конечно, оставляем в стороне. Историческая правда выступает наружу вполне определенно:

1) *Никаких серьезных различий между кадетами и октябристами в этот серьезнейший момент русской истории не было;* 2) «многие» (из буржуазных деятелей, а по «тонкому» намеку Гучкова, пожалуй, и из министров) «тогда еще не решились, по какую сторону баррикады встать».

Но факт тот, что собирались на совещание, и не раз, люди *одной определенной «стороны баррикады»*. И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контрреволюционной, либеральной буржуазией.

Теперь взгляните на поведение кадетов. После разоблачений Витте и Гучкова (письма того и другого напечатаны в Петербурге 26-го, в Москве 27-го сентября ст. ст.) кадеты *хранят полное молчание о своем участии*, пытаясь только «дразнить» Гучкова. И «Речь» от 28-го сентября и «Русские Ведомости» от того же числа именно «дразнят» Гучкова, что он-де потом был коллегой единомышленников Дурново, но *ни поправок, ни опровержений насчет исторических фактов не печатают*. Третий вопрос надеется, что за спором Витте и Гучкова его не заметят!

Тогда октябристы начинают «мстить» и Витте и кадетам сразу. В «Голосе Москвы» от 14-го октября (две недели разведок у октябристов, трусливого и подлого молчания у кадетов!) появляется «справка» под заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Новые разоблачения сводятся к следующему: 1) Е. Трубецкой в то время состоял членом к.-д. партии. 2) «Не желая вводить графа Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой счел себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными деятелями» (понятно, что рабочих и крестьянских демократов к «общественным деятелям» ни октябристы ни кадеты не относят: в октябре 1905 года рабочие и крестьяне были, очевидно, «деятелями» внеобщественными!) «он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого». 3) Против кандидатуры Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич, находивший, «что в крайнем случае (sic!*) надо посоветовать графу Витте назначить министром внутренних дел скорее Дурново, чем Столыпин. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и князю Трубецкому было поручено передать графу Витте заключение общественных

* — там! Ред.

деятели, заседавших в квартире Петражицкого». Трубецкой на следующее утро поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Подтвердил ли Е. Трубецкой ссылку на него? Вполне подтвердил, назвав сообщение «Голоса Москвы» *«совершенно точным»* — и корреспонденту «Нового Времени» (№ от 15-го октября) и корреспонденту «Речи» (№ от 19-го октября). *«Пожалуй, не годится слово «бюро»»,* — говорил Трубецкой, — «следовало бы сказать: руководители партии» (к.-д.), другая, столь же несущественная, «поправка» Трубецкого относится к тому, что он ездил к Витте «может быть, и не на другое утро, а через 2—3 дня». Наконец, корреспонденту «Речи» Трубецкой сказал:

«Следовало бы возразить на одно утверждение Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так (не совсем так!) по отношению ко мне и, если не ошибаюсь, к Шипову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого условия не ставил». Осторожно выражается по этому пункту г. Трубецкой: «не совсем так», «сколько помнится»!

Г. Петрункевич выступает в «Речи» 19-го октября — через *три недели* после начала разоблачений!! И посмотрите, *как* выступает.

Начинает он с длинного рассуждения (27 строк) о том, что на память полагаться нельзя, а мемуары вел один Шипов.

К чему это рассуждение? Хотите вы оглашения истины немедленно и полно? Тогда нет ничего легче, как *назвать всех* участников и опросить их. Если же вы не хотите оглашения истины о *своей* партии, то не к чему играть в прятки, ссылаясь на Шипова.

Далее, *на 27 строках* идет рассуждение о склонности октябристов к «уткам». — При чем это рассуждение, раз «Голос Москвы» назвал *лицо*, подтвердившее сообщение?? Г. Петрункевич явно стремится загроздить простой и ясный вопрос кучей литераторского и дипломатического сора. Это — прием *не честный*.

Следует *20 строк* колкостей по адресу г. Трубецкого: «личное воспоминание» — никаких других воспоминаний,

кроме личных, не бывает! — князь об этом «*никому ни слова не говорил*» — курсив Петрункевича, явно упрекающего этим Трубецкого за нескромность. Вместо прямого ответа на вопрос кадеты начинают упрекать друг друга за нескромность! Какой смысл *может* иметь подобный прием, кроме того, что он выдает *досаду* кадетов за разоблачения? выдает их попытки *замять* дело (дескать, не будьте, князь, нескромным дальше!).

После 74-х строк предисловия следует, наконец, опровержение по существу: 1) бюро к.-д. партии было в Москве и не могло поэтому собираться у Петражицкого; 2) Петражицкий «в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии»; 3) «некоторые члены (бюро к.-д. партии), находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в союзы с графом Витте, Дурново или с кем-либо другим». 4) «Лично я (г. Петрункевич) был у Петражицкого *один* (курсив г. Петрункевича) раз, и в этот раз, действительно, происходила беседа о возможности кандидатуры кн. Е. Трубецкого в мин. нар. просв., причем все присутствующие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего министерства, вполне соответствующей условиям политического момента, притом министерства, которому «общество» (припомните, *что* понимают под «обществом» *все* спорящие: рабочие и крестьяне — не «общество») могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе Дурново и Столыпина, но ни моя память не сохранила горячей речи, убедившей всех присутствовавших, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился».

Вот и все деловое «опровержение» г-на Петрункевича, добавляющего на 48-ми строках еще ряд колкостей по адресу Трубецкого, что-де память ему изменила, что партия к.-д. союза с Дурново не заключала «и не допустила члена своей партии кн. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать».

Ничего нового не прибавляют письма Трубецкого и Петрункевича в «Речи» от 27-го октября: первый настаивает, что именно Петрункевич «советовал предпочесть Дурново Столыпину», второй отрицает это.

Что же получается в итоге?

Г. Петрункевич заявил, что некоторые члены бюро, находившиеся в Петербурге, *не были уполномочены входить в какие-либо переговоры*, но факт переговоров он подтверждает против своей воли! «На совещании у Петражицкого — пишет сам г. Петрункевич («Речь» 27. X) — мы обсуждали кандидатуру кн. Трубецкого».

Значит, *переговоры были*. Если «партия», как пишет тот же г. Петрункевич, «не допустила» Трубецкого, значит, переговоры *велись от имени партии!*

Г. Петрункевич побивает сам себя с замечательным искусством. Не было переговоров, но... но было «совещание о кандидатуре». Не было заседаний бюро партии, но... но было решение партии. Подобные жалкие увертки характеризуют людей, тщетно пытающихся *спрятаться*. Чего бы проще, в самом деле, как назвать *всех* участников совещания? как привести точное решение «бюро» или партии, или руководящих лиц? Как изложить будто бы ясную, будто бы определенную программу, которой требовали (будто бы) кадеты от министерства Витте? Но в том-то и беда наших либералов, что они *не могут* сказать правды, что они *боятся* ее, что она их *губит*.

Вот и являются мелкие, мизерные уловки, увертки, отговорки, затрудняющие (для невнимательного, по крайней мере, читателя) уяснение великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905-го года.

Почему правда губит кадетов? Потому, что факт переговоров, обстановка и условия их опровергают басню о «демократизме» кадетов и доказывают контрреволюционность их либерализма.

Могла ли вообще демократическая на деле партия вступать в переговоры с таким человеком, как Витте, в такое время, как октябрь 1905-го года? Нет, не могла; для подобных переговоров неизбежна была известная общая почва, именно общая почва контрреволюционных стремлений, настроений, поползновений*. Не о чем было вести

* См. прекрасное выяснение *этой* общей почвы на основании статей самого г. Милюкова («Год борьбы») в статье Ю. К.: «Из истории русского либерализма» в сборнике «Зарядцы», СПб., 1907. «Отставка гр. Витте равносильна потере последнего шанса сговориться», писал г. Милюков 18-го апреля 1906 года, признавая тем самым вполне ясно и определенно, что *сговоры* были и были шансы, был смысл в *последних* попытках к сговору.

переговоры с Витте, кроме как о прекращении демократического, массового движения.

Далее. Если даже допустить на минуту, что кадеты вступали в переговоры *не без демократических целей*, то могла ли бы демократическая партия умолчать перед народом об этих переговорах, когда они были прерваны? Никким образом не могла. Тут-то и проявляется различие между контрреволюционным либерализмом и незаслуживающим подобной характеристики демократизмом. Либерал *хочет* расширения свободы, *но так*, чтобы демократия от этого не усилилась, чтобы переговоры и сближение с старой властью продолжались, укреплялись, упрочивались; поэтому либерал *не может* после разрыва переговоров публиковать об них, ибо этим он затруднит возобновление переговоров, «выдаст себя» демократии, порвет с властью, а именно с ней-то либерал рвать и не в состоянии. Напротив, демократ, если бы он попал в положение переговаривающегося с Витте и увидел бы тщету переговоров, тотчас опубликовал бы их, осрамив этим господ Витте, разоблачив их игру, вызвав дальнейшее движение демократии вперед.

Обратите также внимание на вопрос о программе министерства и о составе его. О втором говорят все участники и говорят точно, ясно: портфели такие-то предлагались такому-то. О *первом* же, т. е. о программе, *ни единого* ясного и точного слова! Каковы были претенденты на портфели, это и Трубецкой и Петрункевич хорошо помнят и говорят. Какова была «программа», *ни один из них не говорит!!* Что же это, случайность? Конечно, нет. Это — результат того (и несомненное доказательство того), что «программы» стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью» — на деле никакой иной программы, кроме укрепления власти и ослабления демократии, Витте иметь не мог, и при любых обещаниях, посулах и заявлениях он *вел* бы только такую политику, — «живым» же делом было для них распределение портфелей. Только поэтому мог, например, Витте *совсем* забыть о программе (по словам Витте, было даже полное принципиальное согласие!), а вот о том, кто лучше (или кто хуже?), Дурново или Столыпин, об этом споре все помнят, все говорят, все приводят ссылки то на речи, то на аргументы того или иного лица.

Шила в мешке не утаишь. Историческая правда даже из умышленно подкрашиваемых рассказов трех-четырёх лиц выступает с достаточной определенностью.

Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Миллюкова, — который, несомненно, политически ответствен за Трубецкого, — повернула сейчас же после 17-го октября *от* демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию. Только стоя на этой позиции, могли кадеты переговариваться с Витте через Трубецкого в 1905 году, с Треповым через Муромцева в 1906-м и т. д. Не поняв отличия контрреволюционного либерализма от демократии, нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах.

«Просвещение» № 1, декабрь 1911 г.
Подпись: П.

Печатается по тексту
журнала «Просвещение»

ТРИ ЗАПРОСА

Стенографические отчеты Государственной думы — даже III Думы — представляют из себя замечательно интересный и поучительный политический материал. Не будет преувеличением сказать, что приложение к бутербродной газете «Россия» ценнее всех либеральных газет. Ибо либеральные газеты прикрашивают либералов, притупляют острые углы в постановке вопросов «правыми», с одной стороны, и представителями действительных масс населения, с другой, вносят всегда и неизменно фальшь в оценку *суть* нашей «внутренней политики». А именно в *постановке* соответствующих вопросов, именно в оценке *суть* дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности.

Попытаемся пояснить сказанное, насколько возможно, на прениях к трем запросам: об охране, о голоде, о «временном» положении 1881-го года¹²⁷.

Первое заседание текущей сессии Думы открылось речью председателя-октябриста о Столыпине. Интересно было тут то, что, по словам вождя октябристов, «неусыпной заботой его (Столыпина) было неуклонное, хотя и осторожное, осмотнительное движение вперед по пути развития политической и общественной жизни России». Не правда ли, хорошо? Столыпин в качестве «прогрессиста»! Почему *иного* «прогресса», кроме настоящего, данного — не удовлетворяющего даже октябристов — не может быть при всей той системе управления, при том государственном устройстве, при сохранении того класса, политику которого проводил Столыпин, на этом, вероятно, останавливалась мысль не одного демократического

читателя родзянковской речи. К сожалению, никто из тех думских депутатов, присутствовавших при произнесении этой речи* и причислявших себя к демократии, не пожелал остановиться на разъяснении *классовых* корней столыпинской формы «прогресса».

А повод для этого был удобный при прениях об охране.

Столыпин «верил достопочтенному А. И. Гучкову — гремел Марков 2-й — и его не менее достопочтенным друзьям из середины Думы. Он был наказан смертью за свою доверчивость. Успокоение, которое нам пришлось пережить, это есть успокоение могилы. Другого успокоения нет (голоса слева: правильно). Есть подъем революции... Нет успокоения, а грядет революция. С революцией надо биться, биться грудью, лоб о лоб (смех слева), нужно вешать этих негодяев, изуверов и мерзавцев. Вот что я имею сказать против спешности этого запроса».

Такова была постановка вопроса у представителя помещиков.

После Маркова 2-го говорил — уже по существу запроса — Родичев. Он говорил, как всегда, красно. Но постановка вопроса у этого красноречивого либерала до невероятия убогая. Либеральные фразы, фразы и больше ничего. «Когда центральный комитет (октябристов) — восклицал г. Родичев — заявляет по отношению к оппозиции, что она стремится к убийству своих политических противников, это есть постыдная ложь. И эту ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью, покончить с шпионократией» (см. 23 стр. стенографического отчета «России», и на стр. 24 еще раз, тоже с «клятвой»).

Эффектно, «ужас» как эффектно! Родичев готов простить октябристов, если они «поклонятся» покончить! Полноте врать, г. говорун: не только октябристы, но и *вы*, кадеты, сколько бы ни «клялись», — *покончить* ни с каким серьезным злом не можете. Фразами о «клят-

* Из речи Марнова 2-го мы узнаем, что рабочие депутаты не присутствовали. «Вы — обращаясь к ним, сказал Марнов 2-й — откровенно выразили свое отношение... когда пустовали ваши снамьи сейчас... Вы ушли... Я за это вас, если не уважаю, то понимаю». Марнов 2-й ведет себя в Думе очень часто совершенно по-хулигански. Но в приведенных его словах, как и в очень многих изъяснениях его коллег, видна прямая постановка вопроса с точки зрения определенного класса. Эта прямота сплошь да рядом во сто раз полезнее для развития политического сознания масс, чем избитые фразы либералов, претендующих на «надклассовую» позицию.

вах» по такому серьезному вопросу вы *затемняете* политическое сознание масс вместо того, чтобы просветлять его, вы *засоряете* головы шумихой слов вместо того, чтобы объяснять спокойно, просто, ясно излагать, *почему* эта «змея» овладела, могла овладеть, должна была овладеть данной властью.

Не объясняя этого, боясь просто и прямо взглянуть на корень и на суть вопроса, г. Родичев отличается от октябристов именно не постановкой вопроса, отличается от них не принципиально, а только размахом красноречия. Он стоит, если посмотреть чуточку повнимательнее на его речь, если подумать над ней хоть слегка, — он стоит, в сущности, на точке зрения октябристов: *только* поэтому он и может обещать им «прощение», если они «поклонятся». Все эти прощения, все эти клятвы — одна сплошная комедия, которую играют боящиеся скольконибудь последовательной демократии либералы. Отсюда та постановка вопроса, которую мы видим у Родичева в словах о «пропорции», в защите Лопухина и т. д. Отличия по существу в позициях октябристов и либералов *нет*.

Напротив, вдумайтесь в речь Покровского 2-го. Он начинает с указания на то, что запрос его и его коллег «по существу совершенно отличен» от запроса октябристов. И хотя в запросе Покровского 2-го и его коллег есть не совсем удачные места, но это отличие *по существу* было отмечено правильно. «Нас беспокоит не то, — говорил Покровский 2-ой, — что охрана губительна для правительства, что беспокоит вас; нас беспокоит то, что охрана, которая культивируется правительством при вашем содействии, что эта охрана несет гибель стране»...

И Покровский 2-ой старается *объяснить* — не декламировать, а объяснить, — почему нужна власти охрана, каковы классовые корни подобного учреждения (классовые корни «клятвами» и «прощениями» не затрагиваются). «Правительство, — говорил Покровский 2-ой, — ставшее совершенно чуждым обществу, оно, не имевшее в обществе никакой опоры, так как оно стало врагом демократии, оно имело в самом себе только жалкие остатки из вымершего класса дворянства, оно *должно было* (курсив наш) окопаться, отделиться и изолироваться от общества — и вот оно создало охрану... И вот, по мере роста широкого

общественного движения, по мере того, как все широкие слои демократии захватываются этим движением, растет значение и влияние охраны».

Покровский 2-ой видимо сам чувствовал, что слово «общество» тут не точно, и потому стал заменять его *верным* словом: демократия. Во всяком случае он дал — и в этом его громадная заслуга — попытку *объяснения* сущности охраны, к уяснению ее классовых корней, ее связи со *всею* государственным устройством.

Если даже оставить в стороне необузданное и безвкусное фразерство г. Родичева, неужели не очевидно, что постановка вопроса у Покровского 2-го и у Гегечкори, как небо от земли, отличается от постановки вопроса у Родичевых? А, между тем, в постановке вопроса рабочими депутатами существенным было последовательное применение демократизма, только демократизма. Выяснение глубокой разницы между демократизмом настоящим и кадетским либерализмом (либерализмом «общества»), всеу приемлющим имя демократии, есть одна из важнейших задач в III Думе вообще, после периода 1906—1911 гг. в частности, перед выборами в IV Думу в особенности.

Перейдем к второму запросу, о голоде. Первым говорил г. Дзюбинский и говорил из рук вон плохо. Не то, чтобы у него не было верных фактов, — нет, он подобрал факты, безусловно верные, и просто, ясно, правдиво изложил их. Не то, чтобы у него не было сочувствия к голодающим, — нет, такое сочувствие у него несомненно есть. Не то, чтобы он упустил из виду критику правительства, — он критиковал его все время. Но он говорил не как демократ, а как либеральный чиновник, и в этом коренной грех его речи, в этом коренной грех всей позиции «интеллигентов» трудовой группы, еще яснее выступающий, напр., из протоколов первой и второй Думы. Дзюбинский отличался от кадетов только тем, что у него не было контрреволюционных ноток, которые всякий внимательный человек всегда заметит у кадетов; по своей постановке вопроса дальше точки зрения либерального чиновника Дзюбинский не пошел. Поэтому его речь так бесконечно слаба, так убийственно скучна, так убога — особенно по сравнению с речью его коллеги по партии, крестьянина Петрова 3-го,

в котором чувствуется (как и во всех почти *крестьянах-трудовиках* и первой и второй Думы) настоящий, нутряной, «почвенный» демократ.

Посмотрите, как начинает г. Дзюбинский. Говоря о голоде, он во главу угла ставит... что бы вы думали?.. продовольственный устав «временных правил 12 июня 1900 года»!! Вы чувствуете сразу, что этот человек, этот политический деятель самые живые впечатления о голоде почерпнул не из личного опыта, не из наблюдения над жизнью масс, не из ясного представления об этой жизни, а из учебника полицейского права, причем, разумеется, он взял новейший и лучший учебник самого либерального, самого, что ни на есть, либерального профессора.

Г. Дзюбинский критикует правила 12 июня 1900 года. Посмотрите, *как* он критикует: «почти со времени издания правил 12 июня 1900 года они были признаны и самим правительством и самим обществом неудовлетворительными»... Самим правительством признаны неудовлетворительными — значит, задача демократии исправлять правила 12-го июня 1900 года, чтобы их могло само правительство «признать удовлетворительными»! Так и переносишься мысленно в обстановку российского провинциального присутственного места. Воздух затхлый. Пахнет канцелярией. Присутствуют губернатор, прокурор, жандармский полковник, неперемный член, два либеральных земца. Либеральный земец доказывает, что надо возбудить ходатайство об исправлении правил 12 июня 1900 года, ибо они «признаны самим правительством неудовлетворительными»... Помилосердствуйте, г. Дзюбинский! К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и *в нее* будем переносить язык и манеру, образ «политического» мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии, в уютном мещанском «гнездышке» — кабинете либерального инженера, адвоката, профессора, земца? Для этого не нужна никакой Думы!

Пословица говорит: «скажи мне, с кем ты знаком, и я тебе скажу, кто ты такой». Когда читаешь стенографические отчеты Думы, то хочется переделать эту поговорку по адресу того или иного депутата следующим образом: «покажи мне, с кем ты говоришь, когда ты выходишь на трибуну Гос. думы, и я тебе скажу, кто ты такой».

Г. Родичев, напр., говорит всегда, как и все кадеты, с правительством и с октябристами. Г. Родичев, как и все кадеты, приглашает их «поклониться» и под этим условием соглашается их «простить». В сущности, эта гениальная родичевская фраза — (нечаянно до правды договорился!) — великолепно передает весь дух кадетской политической позиции вообще, во *всех* Думах, во всех важнейших выступлениях к.-д. партии и в парламенте, и в печати, и в передней у министра. «Ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью», — эти слова следует выгравировать на памятнике, который пора уже поставить г. Родичеву.

Но г. Дзюбинский не кадет; он не принадлежит к числу тех политически безграмотных людей, которые считают кадетов демократической партией; он называет себя трудовиком, народником. И у него настолько нет демократического чутья, что он, входя на трибуну Гос. думы, продолжает говорить с чиновниками. У него настолько нет чутья, что он адресуется — а это возможно в России именно из Думы и пока-что едва ли не только из Думы — не к миллионам крестьян, которые голодают, а к сотням чиновников, знающих про правила 12 июня 1900 года.

«Правила 12 июня — говорит г. Дзюбинский — имели чисто политическое значение; они имели в виду устранить земские общественные организации и передать это дело продовольственной помощи населению, передать его всецело в руки правительства».

«Правила 12 июня имели чисто политическое значение»... Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25—30 тому назад, в проклятой памяти 80-ые годы прошлого века, «Русские Ведомости» писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время, что вы изволили почивать, старая Россия умерла, народилась новая Россия. *Нельзя* говорить с этой новой Россией таким языком, что в упрек правительству ставится «чисто политическое» значение его правил. Это — язык гораздо более реакционный, при всей его благонамеренности, чинности и аккуратной благожелательности, чем язык реакционеров III Думы. Это — язык такого народа — или такого отпуганного от всякой политики провинциального чиновника — который счи-

тает «политику» чем-то вроде навождения и мечтает о продовольственной кампании «без политики». С современной Россией можно говорить, только апеллируя от одной политики к другой политике, от политики одного класса к политике другого класса или других классов, от одного политического устройства к другому: это азбука не только демократизма, но даже самого узкого либерализма, если брать серьезное значение этих политических терминов.

Вся речь Дзюбинского проникнута тем же духом, что ее начало. Он говорит о циркулярах насчет взимания податей, о податном винте, о льготных тарифах для косарей и ходоков, о том, что семена получают позже посевов, о выдаче ссуд под корову — ибо правительству нужнее прокормление скота, чем прокормление людей, — о том, что крестьяне предпочитают занять 75 000 р. из 12% в частном банке, чем *волокиту* беспроцентного займа 70 000 р. у казны, он приводит в заключение поучительнейшие письма с мест, рисующие нужду ужасных размеров. Но во всей этой благонамереннейшей речи нет ни искорки демократического чувства, ни капли понимания задач демократической *политики*. Из речи вытекает несомненно, — и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский, — что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его речи «следует» в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника.

Через оратора после Дзюбинского говорил граф Толстой, депутат от Уфимской губернии, очень далекий от трудовичества, но говорил он точь-в-точь подобно Дзюбинскому: «из-за каких-то политических соображений, которыми руководствуется правительство, систематически устраняя земство от участия в продовольственном деле, от этого страдает громадная часть простого народа»... Речи Дзюбинского и гр. Толстого могли быть сказаны и двадцать и пятьдесят лет тому назад. В этих речах еще живет старая, к счастью уже умершая, Россия, в которой не было классов, сознавших или начавших сознавать различие «политики» различных элементов населения, научившихся или начавших учиться бороться открыто и прямо за свои противоположные интересы, Россия «простого народа» внизу и либерального земца при нелиберальном в большинстве случаев чиновнике сверху. И «простой народ»

и либеральный земец пуше огня боялись тогда «каких-то политических соображений».

Переверните пару страниц стенографического отчета. Перед вами речи, которые не могли быть сказаны в России ни пятьдесят, ни двадцать, ни даже семь лет тому назад, если взять эти речи в их совокупности. Дуэль Маркова 2-го и Петрова 3-го — люди с номерами, как нарочно, чтобы показать, что перед нами типичные представители соответствующих классов, такие, каких много. Марков 2-ой нападает по-старому, Петров 3-ий обороняется и переходит от обороны к наступлению *не* по-старому.

Марков 2-ой: ...«Голословные и совершенно не вызванные фактическим положением дела нападки объясняются, конечно,... тем, что, что бы ни делало правительство русское, необходимо наш народ бунтовать»... «в западных губерниях... люди трудятся на земле и делают то, чего у вас на Волге не хотят делать» — (к кому обращается оратор со словами: «у вас на Волге», не совсем ясно, ибо раньше него говорил лишь трудовик Кропотков из Вятской губернии; очевидно, «у вас на Волге», — это сказано *не* про думских депутатов, *не* про то, что есть или было в Думе, а про нечто другое), — «ибо на Волге слишком много лодырей, и это надо помнить... Мы знаем, что у вас много среди голодающих тех, кого действительно надо заставить поголодать, дабы он работал, а не бездельничал».

Петров 3-ий, хотя он не с Волги, а от Пермской губернии, отвечает: «Опять напоминаю, господа, если Марков 2-ой не лодырь, то он должен вспомнить 1905 и 1906 года, после которых господа помещики получили миллионные пособия из государственного казначейства. Что это значит? Прежде об этом должны вспомнить, а бросать вызов крестьянам вы не имели на то права».

Марков 2-ой (с места): «Потипе, любезный».

— Как грубо ведут себя эти «вторые» и «третьи», не правда ли?

Какая разнузданность — по сравнению с тем чинным, достойным, государственным языком, которым Дзюбинские доказывали предводителям дворянства несовершенство продовольственных правил 1850-го... то-бишь 1900-го года! — Точно из приличного кабинета приличного «общественного деятеля» мы попали куда-то на площадь, на улицу, в толкотню, суматоху. Какое неприличие,

какое беспокойство! Но мы увидим сейчас, как водворил «порядок» — не подумайте: председатель, нет — приличный общественный деятель, член конституционно-демократической партии г. Шингарев. Но сначала покончим с современной картинкой нравов.

Петров 3-ий: ... «Говорят, что если вы отпустите средства на продовольствие, то они их снесут в кабаки. Господа, это неправильно. От кого зависит предупредить это? Ведь в настоящее время население многих губерний просит убрать кабаки, а их не убирают. Может быть, да, известную часть пропивает население. Но надо Маркову 2-му и другим посмотреть на себя, на сколько вы, господа дворяне, пропиваете? Может быть, если мы разложим на единицы, то получится, что вы пропиваете куда как больше, чем крестьяне... Пока та земля, которая должна принадлежать крестьянам, находится в руках таких Марковых, Пуришкевичей и компании, само собою, голодовки непрерывно будут продолжаться. А эти господа будут говорить, что голодовки оттого, что крестьяне лодыри.

Марков 2-й (с места). Наши не голодают.

Петров 3-ий. Я думаю, господа, коренной вопрос, как уничтожить всякие голодовки, именно заключается в том, чтобы взять землю из рук тех, которые ее не возделывают, этих господ «не лодырей», и передать тем, которые ее возделывают, и до тех пор, пока вы не передадите, — а вы ее не передадите, я это знаю наверно, — крестьянское население будет голодать. Само собою ясно, что та война, которая была в 1905 году, она неизбежна, к этому ведете вы, потому что голодный человек, он что зверь, и в этом отношении вы вызываете население на то, чтобы оно создало революцию и силой вырвало то, что ему принадлежит по праву».

Если бы председателем III Думы был Муромцев, он, наверное бы, оборвал оратора: в первой Думе он обрывал за такие неуместные речи. За отсутствием Муромцева «порядок» водворил следующий оратор Шингарев. Маркова 2-го он прямо пристыдил за «балаганные ноты», а Петрову 3-му преподал урок, как следует полемизировать с Марковыми. Товарищ Маркова по фракции, Вишневский — сказал г. Шингарев — «говорил искренно» и говорил за принятие запроса. Он, Шингарев, «надеется, что правительство будет умнее, чем речь депутата Маркова...

долг русского народного представителя сказать таким господам: стыдно вам».

Родичев и Шингарев окончательно пристыдили Маркова, а Шингарев своей образцовой полемикой с Марковым уничтожил совсем «третьего».

Последний из запросов, которым посвящены настоящие заметки, был запрос о «временных» правилах 14 августа 1881 года, т. е. о знаменитом Положении об охране, возобновляемом неуклонно в течение тридцати лет и представляющем из себя фактическую российскую конституцию. Главные речи по этому запросу произнесли Тесленко и Милюков, причем заключительным эпизодом явилось «исключение Иеллинека», т. е. исключение на 15 заседаний Тесленко за цитату из Иеллинека¹²⁸, *несмотря* на заявление Тесленко, что его слова «были чужды того смысла, который, очевидно, хотят придать теперь те, кто желает голосовать» за исключение.

Не входя подробнее в оценку этого интересного эпизода, отметим только, что даже по этому — политически столь простому и ясному — вопросу о положении 14 августа 1881-го года лидер партии к.-д. г. Милюков сумел проявить во всем «блеске» специфически кадетскую увость и фальшь постановки вопроса. «Господа, — восклицал Милюков, — нет вопроса более жгучего, чем тот вопрос, который мы поставили, ибо это есть основное, коренное противоречие русской жизни (можно ли назвать противоречие между бумагой и русской жизнью противоречием русской жизни?), это есть противоречие между существующей формой государственного строя и приемами государственного управления»...

Неправда, г. Милюков. Именно положение 14 августа 1881-го года, именно его тридцатилетний юбилей, именно его «своеобразная» «юридическая природа» доказывает, что между «существующей формой государственного строя» и приемами управления есть *полнейшее* соответствие, а вовсе не «противоречие». Усматривая тут противоречие, пытаюсь конструировать пропасть между «строим» и «управлением», г. Милюков *тем самым* низводит свою критику ала с уровня демократической борьбы до уровня либеральных благопожеланий. Создавая на словах, фиктивно,

пропасть между тем, что в жизни неразрывно связано, Милюков именно этим поддерживает юридические и государственно-правовые фикции, облегчающие оправдание зла, затемняющие его действительные корни. Милюков именно этим становится на почву октябризма, который тоже зла не отрицает, но старается устранить формальные противоречия, не устраняя реального всевластия бюрократии снизу доверху и сверху донизу.

Как настоящий кадет, Милюков не только не замечает того, что он безнадежно запутался, как «демократ», что он рассуждает по-октябристски, — мало того, он даже гордится своей «государственной» постановкой вопроса. Немедленно вслед за приведенными словами его речи читаем:

...«Противоречие это, господа, настолько очевидно, что даже из вашей среды (г. Милюков разговаривает, конечно, только с «руководящей партией III Думы», с октябристами) не раз и довольно часто на него указывали, но очень редко доходили до существа, до того корня, до той первопричины, о которой мы говорим сегодня. Обыкновенно, к чему вы сводили этот вопрос о противоречии строя и управления? Вы ссылались на то, что нравы администрации нельзя уничтожить сразу»... (правильная ссылка, — если... если не устранить всей «администрации», на что не идут и кадеты) ...«вы ссылались на то, что местная администрация не слушается центральных указаний, указаний из центра, самое большее, на что вы решались, это — вы обвиняли центр в том, что он не дает надлежащих указаний. Всегда вы ставили вопрос об этом, как вопрос факта, мы ставим, как вопрос права».

Вы побиваете себя великолепно, г. Милюков! Октябристы правы, вполне и всецело правы, когда они указывают на тесную, неразрывную, теснейшую, неразрывнейшую связь центра с местной администрацией. Отсюда надо делать вывод демократический, ибо отрицать эту связь — после всего, что знает Россия о Толмачеве, Думбадзе, Рейнботе, Илиодоре, убийцах Герценштейна и т. д. — было бы смешно. А вы делаете отсюда наивный в своей половинчатости «вопрос права». Кто же будет определять размеры этого права? Как вы достигнете здесь «соглашения»? Что такое политическое право, как не формулировка, регистрация отношений силы? Вы списываете свои определения права из западноевропейских

учебников, *записавших* то, что явилось в результате целого периода долгих битв на Западе, в результате установившихся (впредь до принципиально иных движений рабочего класса) отношений силы между разными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д. В России этот период только еще начался, вопрос *стоит* у нас — такова данная историческая обстановка — именно, как вопрос «факта», а вы пятитесь назад от прямой и ясной постановки, прячете голову под крыло, одеваете себе шапку-невидимку из фикций «права». Вы стоите на точке зрения либерального чиновника, а не на точке зрения демократа.

«Просвещение» № 1, декабрь 1911 г.
Подпись: П е т е р б у р ж с е ч

Печатается по тексту
журнала «Просвещение»

ГОЛОД И ЧЕРНАЯ ДУМА

Еще не так давно, под впечатлением прошлогоднего урожая, продажные писаки гордо вещали о благих последствиях «нового аграрного курса», а за ними некоторые наивные люди провозглашали наступивший поворот в нашем сельском хозяйстве, общероссийский подъем его.

Теперь, как раз к 5-летней годовщине указа 9 ноября 1906 г., охвативший чуть не половину России голод и неурожай самым наглядным и неотразимым образом свидетельствует, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на столыпинскую аграрную политику.

Даже по правительственным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний; 20 миллионов душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т. е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство.

Коковцов не был бы министром финансов и главою контрреволюционного правительства, если бы не «ободрял»: неурожая видите ли нет, а есть только — «недород»; голод «не ведет к болезням», наоборот, «иногда помогает» от них, рассказы о бедствии голодающих — сплошная газетная выдумка — об этом красноречиво свидетельствуют губернаторы; наоборот, «экономические условия vastигнутых недородом местностей вовсе не так плохи»; «идея даровой кормежки населения вредна»; наконец, меры, принятые правительством, «достаточны и своевременны».

Глава конституционного правительства забыл еще упомянуть о своем гениальном изобретении в борьбе с голодом: о предоставлении сыщикам полномочий организовывать «помощь голодающим».

Теперь «общественная помощь» даже со стороны легальных либеральных обществ устранена, и саратовский сыщик, в качестве монопольного радетеля о голодающих, мог невозбранно пропивать в кабаках вверенные ему для голодающих ссуды.

Разумеется, правые крепостники в восторге от «обстоятельной и, так сказать, всеобъемлющей речи г. председателя Совета министров» (депутат Вишневецкий, заседание 9 ноября); разумеется, холопствующие октябристы поспешили засвидетельствовать в своей думской формуле перехода, что «правительство своевременно озаботилось принятием мер борьбы с последствиями неурожая»; а один из их лидеров (не простых смертных!) глубокомысленно рассуждал о «свободной циркуляции рыбных консервов для того, чтобы обеспечить населению целесообразную пищу».

Голодный тиф, цынга, питание падалью, отбиваемой у собак, или зольно-навозным хлебом, который показывали в заседаниях Государственной думы, — все это не существует для октябристов. Для них слово министра — закон.

А кадеты? Даже в таком вопросе они вместо честной оценки гнусного поведения правительства не нашли ничего лучшего, как устами своего оратора Кутлера «делать успокоительные выводы из обширной речи председателя Совета министров» (заседание 9 ноября); а в своей формуле перехода нежно называли деятельность правительства лишь «мало (!) планомерной, недостаточной и далеко не всегда (!) своевременной»...

Вопрос о способах продовольственной помощи и об организации ее, как правильно заметил в своей речи с.-д. депутат, товарищ Белоусов, лишь одна сторона дела. Не менее важен основной вопрос, возникающий каждый раз, когда заходит речь о голоде, — вопрос о *причинах* голодовок и мерах борьбы с неурожаем.

Для правых крепостников решение — «очень просто»: нужно заставить работать мужиков-«лодырей» еще больше и тогда — «ён достанет». Курский зубр Марков 2-ой находит «ужасным», что «из 365 дней мужик работает 55—

70 дней, а 300 дней ничего не делает» и лежа на печи «требуется казенного пайка».

Полу-крепостники из националистов и октябристов смотрят «глубже»: по обязанности славословить начальство они пробуют еще убеждать, что «радикально вопрос о голоде будет решен тогда, когда земля уйдет из рук слабых и пьяных в руки сильных и трезвых», «когда осуществится реформа, намеченная покойным П. А. Столыпиным, когда ставка на сильных будет выиграна» (речь Келеповского в заседании Думы 9 ноября).

Но более дальновидные из недавних защитников указа 9 ноября уже начинают чувствовать, что над этой «великой реформой» веет дыханием смерти. Саратовский депутат Н. Львов, стоявший и «стоящий за закон 9-го ноября», делится с Думой следующими впечатлениями, вынесенными «от соприкосновения с действительностью»: — «как-то страшно далеко все то, что вы здесь говорите в Гос. думе, от той непосредственной ближайшей нужды, которую вы видите своими глазами». «Нужна большая осторожность и нужно щадить то население, которым некоторые хотят пренебречь. Благодаря закону 9 ноября, в некоторых губерниях, и в том числе в Саратовской, появилось много новых людей, цена на землю поднялась и положение беднейшего населения стало крайне тяжким... В крестьянском населении растет страшная ненависть и проклятие бедноты, против которых следовало бы принять какие-нибудь меры... Ведь ставка на сильных вовсе не означает, что надо беднейших доконать и оставить их погибать в нищенстве» и т. д. и т. д.

Словом, впечатления, «вынесенные от соприкосновения с действительностью», начинают протирать глаза этому помещику, «стоявшему за закон 9-го ноября».

Несравненно более глубокое сомнение в спасительности столыпинской «земельной реформы» голод нынешнего года посеял в душах правых крестьян; и предложение правого крестьянина Андрейчука, «чтобы правительство в скором времени внесло в Гос. думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения», — это предложение, поддержанное всеми правыми крестьянами и даже сельскими священниками, лучше всего показывает, как крестьяне, хотя бы и правые, понимают «борьбу с голодом».

«Нутряное» мужицкое требование Андрейчука еще и еще раз (вспомним заявление правых и левых крестьян о наделении малоземельных путем принудительного отчуждения помещичьих земель, вспомним выступления крестьян в прениях об указе 9 ноября и т. д.) свидетельствует о том, насколько необходимость земельной революции проникает в сознание даже правых крестьян, насколько борьба с голодом мыслится и у них неразрывно с борьбой «за землю».

Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель — без революции.

И в этом смысле неурожай нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии.

«Рабочая Газета» № 7,
22 декабря 1911 г.
(4 января 1912 г.)

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

**VI («ПРАЖСКАЯ») ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП¹²⁹**

5—17 (18—30) ЯНВАРЯ 1912 г.

1

**ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
О КОНСТИТУИРОВАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ¹⁸⁰****РЕЗОЛЮЦИЯ О КОНСТИТУИРОВАНИИ**

Принимая во внимание,

1) что вызванные широким потоком контрреволюционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение Российской С.-Д. Р. Партии;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и что на этой почве проявлена громадная и успешная инициатива большинства местных организаций РСДРП по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, политической агитацией и пролетарскими митингами, выборы в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимыми немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции РСДРП и более чем двухлетних многократных попыток созвать собрание представителей всех организаций партии, в настоящее время удалось наконец сплотить 20 русских организаций вокруг созывавшей данную конференцию Российской организационной комиссии, которая оповестила о конференции уже

несколько месяцев, тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все, без единого исключения, организации нашей партии, причем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на запоздание ее и на ряд тяжелых провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России организации, —

— конференция конституируется как общепартийная конференция РСДРП, являющаяся верховным органом партии и обязанная создать правомочные центральные учреждения.

*Написано не позднее 5 (18) января
1912 г.*

*Впервые напечатано 18 января 1937 г.
в газете «Правда» № 18*

Печатается по рукописи

2

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ
И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию «о современном моменте и задачах партии», принятую партийной конференцией в декабре 1908 года. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего третьейюньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса, с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция в частности отмечает следующее:

а) Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так и контрреволюционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянское население от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную потерю производительных сил.

б) Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемо все более на задний план в Европе, самодержавие в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северозападный край), и путем колониальных захватов, направленных

против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Монголия).

в) Начинаящийся экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и полным разложением бюрократического аппарата, а с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения.

г) В связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа, и в антинародном характере главенствующих в ней партий.

д) В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — все это есть признаки нарастающего революционного настроения масс против режима 3-го июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, и обращает особое внимание товарищей на

1) то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата;

2) необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все учающимися политическими его выступлениями;

3) необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии.

Республиканская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута между прочим и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и приспособления к существующей «легальности».

*Написано в первой половине января
1912 г.*

*Впервые напечатано в 1941 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 1*

Печатается по рукописи

3

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЗАДАЧАХ С.-Д.
В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ¹⁸¹

Принимая во внимание,

1) что голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, невыносимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение крестьянской массы, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) что настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих в виде правых партий, и в III Думе и в Государственном совете и в придворных сферах Николая II;

3) что черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей-крестьян» довели бесстыдство грабщей Россию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение;

4) что правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитеты и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в буржуазии и голоса протеста даже среди такой отсталой и контрреволюционной буржуазии как октябристская;

5) что либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, заняла в лице к.-д.

Кутлера в III Думе такую умеренно-оппозиционную позицию, которая ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

б) что среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи и что это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами;

— конференция постановляет, что

а) необходимо напрячь все силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревнях в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространяя политические требования социал-демократии, в первую голову, свержение царской монархии и учреждение демократической республики, а затем конфискацию помещичьей земли;

б) поддержать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты или комиссии помощи голодающим;

в) стараться направлять демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм начала революционной борьбы масс против царизма.

*Написано в первой половине января
1912 г.*

*Впервые напечатано 18 января 1937 г.
в газете «Правда» № 18*

Печатается по рукописи

4

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЛИКВИДАТОРСТВЕ
И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ

О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ

Принимая во внимание,

1) что РСДРП Партия уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской конференции партии 1908-го года было определено как

«попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум ЦК в январе 1910 года, продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его «проявлением влияния буржуазии на пролетариат» и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями меньшевизма, часть меньшевиков, группирующаяся вокруг журнальчиков «Наша Заря» и «Дело Жизни», отказалась помочь восстановлению ЦК (отказ Михапла, Юрия и Романа не только войти в ЦК весной 1910 года, но даже явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов);

4) что названные издания именно после пленума 1910-го года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решению пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая

ее, объявляя уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая ее со страниц подцензурных журналов насмешками и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

б) что немногочисленные, состоящие главным образом из представителей интеллигенции, местные группы ликвидаторов, продолжая свою работу по разрушению партии, не только отказались от повторенного в 1911-ом году призыва помочь восстановлению нелегальной партии и созыву ее конференции, но, сплотившись в совершенно независимые группы, вели прямую агитацию среди рабочих против нелегальной партии и прямую борьбу против ее восстановления, — также и там, где преобладали партийные меньшевики (напр., в Екатеринославе, Баку, Кieve и т. д.);

— Конференция заявляет, что названная группа своим поведением окончательно поставила себя вне партии.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП Партии.

*Написано в первой половине января
1912 г.*

*Впервые напечатано в 1929—1930 гг.
в 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XV*

Печатается по рукописи

5

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ

О РОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ
ПО СОЗЫВУ КОНФЕРЕНЦИИ

Выслушав и обсудив отчет представителя РОК о деятельности ее по созыву общепартийной конференции —

Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации.

Деятельность РОК, в которой дружно работали совместно большевики и российские меньшевики-партийцы, тем более заслуживает одобрения, что РОК пришлось работать при неслыханно тяжелых полицейских условиях и при целом ряде препятствий и затруднений, обусловленных внутривнутрипартийным положением.

О КОНСТИТУИРОВАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Принимая во внимание,

1) что вызванные широким потоком контрреволюционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии, при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение РСДРП в период 1908—1911 гг.;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и к постановке систематической легальной и нелегальной с.-д. работы, и что на этой почве проявлена громадная и усиленная инициатива большинства местных организаций РСДРП по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, общеполитической агитацией, пролетарскими митингами, избирательной кампанией в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимым немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции РСДРП и более чем двухлетних попыток созвать собрание представителей всех организаций партии в настоящее время удалось наконец сплотить свыше 20 русских организаций (С.-Петербург, Москва, Саратов, Казань, Самара, Нижний, Сормово, Ростов, Екатеринослав, Киев, Николаев, Луганск, Баку, Тифлисская группа, Виленская группа, Двинская группа, Екатеринбург, Уфа, Тюмень, ряд пунктов в центральной области и друг.) вокруг созывавшей данную конференцию Российской организационной комиссии, которая оповестила о конференции уже несколько месяцев тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все, без единого исключения, организации нашей партии, причем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на ряд тяжелых полицейских провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России партийные организации;

6) что на конференцию приглашены и ей выразили сочувствие с.-д. группы деятелей легального рабочего движения ряда крупнейших городов России (Петербург, Москва, Кавказ); —

Конференция конституируется, как общепартийная конференция РСДРП, являющаяся верховным органом партии.

ОБ ОТСУТСТВИИ ДЕЛЕГАТОВ ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ НА ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Признавая чрезвычайно важным укрепление единства с.-д. рабочих всех национальностей России, находя безусловно необходимым установление единства

с «националами» на местах и упрочение связи национальных организаций с общероссийским центром, конференция вместе с тем вынуждена констатировать нижеследующее:

1) опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором «националы», работающие совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа и — часто независимо от своего желания — ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих, — РСДРП не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важных партийных начинаний.

2) Один из национальных центров (Бунда) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в РСДРП, а другие (центры латышей и ПСД) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии — ликвидаторов.

3) Партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочие-партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни *русских* организаций, решительно высказываются за единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, за поддержку РОК и за борьбу с ликвидаторством.

4) ЦК-ты всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию (ЗОК, РОК и делегатами конференции) и им обеспечена полная возможность прислать своих делегатов.

Ввиду всего этого и находя невозможным откладывать работу РСДРП из-за нежелания национальных центров прислать своих делегатов на общепартийную конференцию, — конференция возлагает всю ответственность за неявку «националов» на их центры и поручает ЦК РСДРП неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в РСДРП.

Конференция выражает свою уверенность, что, вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

ОБ ОТЧЕТАХ С МЕСТ

По поводу выслушанных отчетов с мест конференция констатирует:

1) всюду на местах среди с.-д. рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп;

2) всюду признана необходимость сочетания нелегальной и легальной с.-д. работы, всюду социал-демократами признано, что наши нелегальные партийные организации должны иметь опорными пунктами работы среди масс все и всякого рода легальные рабочие общества. Но для практической с.-д. работы в профессиональных союзах, кооперативах, клубах и т. д., для распространения марксистской литературы, для использования думских выступлений с.-д. и т. д. — сделано все-таки еще недостаточно, и в этой области безусловно необходимо усилить энергию нелегальных с.-д. групп;

3) на местах всюду, без единого исключения, партийная работа ведется совместно и дружно главным образом большевиками и меньшевиками-партийцами, а также русскими впередовцами, там, где они имеются, и всеми другими с.-д., признающими необходимость нелегальной РСДРП — причем вся работа ведется в духе защиты партийности и борьбы против ликвидаторства.

Конференция выражает уверенность, что в связи с начинающимся оживлением в рабочем движении будет продолжаться энергичная работа по укреплению старых и созданию новых, достаточно гибких, организационных форм, которые помогут борьбе с.-д. партии за *старые* революционные цели и революционные методы, при *новой* обстановке.

О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию о 3-ьеиюньском режиме и задачах партии, принятую партийной конференцией в декабре 1908 г. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего 3-ьеиюньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса, с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция в частности отмечает следующее:

а) Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так, на деле, и контрреволюционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны.

б) Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняем все более на задний план в Европе, царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северозападный Край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай).

в) Экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и разложением бюрократического аппарата, а с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения.

г) В связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа и в антинародном характере главенствующих в ней партий.

д) В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3-го июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, особо указывая, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России. Конференция особо обращает внимание товарищей

1) на то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата;

2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все участвующимися политическими его выступлениями;

3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии. Республиканская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута между прочим и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и ограничения работы рамками существующей «легальности».

О ВЫВОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

I

Конференция признает безусловно необходимым участие РСДРП Партии в предстоящей избирательной кампании в IV Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции, подчиненной, как часть, нашей партии в целом.

Главной задачей партии на выборах, а равно и будущей с.-д. фракции в самой Думе — задачей, которой должны быть подчинены все остальные — является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

- 1) *Демократическая республика*
- 2) *8-ми часовой рабочий день*
- 3) *конфискация всей помещичьей земли.*

Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства как в области центрального управления, так и местного.

В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.

II

Общая тактическая линия РСДРП на выборах должна быть следующая: партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контрреволюционные взгляды буржуазных либералов (с партией к.-д. во главе их) и их фальшивый демократизм.

Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от *всех* непролетарских партий и разъяснению как мелкобуржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народнических, с.-р.-овских) групп, так и вреда, проистекающего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы.

Что касается избирательных соглашений, то партия, оставаясь на почве решений Лондонского съезда, должна:

1) в рабочей курии повсюду выставить своих кандидатов и не допускать здесь *никаких* соглашений с другими партиями или группами (ликвидаторами);

2) имея в виду большое агитационное значение уже одного факта выставления самостоятельных с.-д. кандидатур, необходимо озаботиться о том, чтобы и во 2-ых съездах городских избирателей, а по возможности и в крестьянской курии партия имела своих собственных кандидатов;

3) на перебаллотировках (ст. 106-ая положения о выборах) при избрании выборщиков по 2-му съезду городских избирателей допустимо заключать соглашения с буржу-

азной демократией против либералов, а затем и с либералами против всех правительственных партий. Одной из форм соглашения может быть составление общих списков выборщиков по одному или нескольким городам, пропорционально числу голосов, поданных на первоначальных выборах;

4) в тех 5-ти городах (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Киев), в которых существуют прямые выборы с перебаллотировками, необходимо на первоначальных выборах выставить самостоятельные с.-д. кандидатуры по второму разряду городских избирателей. В случае перебаллотировки здесь, в виду явного отсутствия черносотенной опасности, допустимы соглашения только с демократическими группами против либералов;

5) никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать с.-д. кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать с.-д. в деле решительной критики контрреволюционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов;

6) на 2-ой стадии выборов (в уездных собраниях уполномоченных, в губернских избирательных собраниях и пр.) необходимо всюду, где для провала октябристско-черносотенного или вообще правительственного списка встретится надобность, заключать соглашения о разделе депутатских мест в первую очередь с буржуазной демократией (трудовики, народные социалисты и т. п.), а затем и с либералами (к.-д.), беспартийными, прогрессистами и т. п.

III

Подготовку к избирательной кампании все с.-д. должны начать *немедленно* и для этого обратить особое внимание на следующее:

1) необходимо неотложное образование нелегальных с.-д. ячеек повсюду, с тем, чтобы они занялись без отлагательства подготовкой с.-д. избирательной кампании;

2) обратить должное внимание на укрепление и расширение легальной рабочей печати;

3) вся избирательная работа должна вестись в тесном союзе с рабочими профессиональными союзами и всеми другими рабочими обществами, — причем при выборе форм

участия этих обществ необходимо считаться с их легальностью;

4) обратить особое внимание на организационную и агитационную подготовку выборов по рабочей курии в тех 6-ти губерниях, в которых обеспечено избрание депутата в Думу от рабочей курии (губернии: Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Харьковская и Екатеринославская). Все до одного рабочие выборщики — и здесь и в других губерниях — должны быть социал-демократами-партийцами;

5) собрания уполномоченных от рабочих должны, руководясь решением партийных, нелегальных организаций, постановлять, *кто именно* подлежит избранию в Думу от рабочих, и обязывать всех выборщиков, под страхом бойкота и суда за измену, снимать свою кандидатуру в пользу партийного кандидата;

6) ввиду правительственных преследований, ареста с.-д. кандидатов и т. п., необходима особенно выдержанная, систематическая и осторожная работа, чтобы всеми способами, быстро сообразуясь с различными приемами полицейской тактики, парализовать все ухищрения и насилия царского правительства и провести с.-д. в IV Государственную думу, а затем и вообще укрепить группу демократических депутатов в этой Думе;

7) кандидаты с.-д. партии утверждаются и директивы, касающиеся выборов, даются местными нелегальными организациями и группами партии, под общим контролем и руководством ЦК партии;

8) если, вопреки всем усилиям, не удастся до выборов в IV Думу собрать партийного съезда или новой конференции, — то конференция дает полномочия ЦК или тому учреждению, которое будет назначено последним, давать конкретные указания по вопросам проведения избирательной кампании в отдельных местностях или сообразно с могущими возникнуть особыми условиями и т. п.

О ДУМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ

Конференция признает, что думская с.-д. фракция использовала думскую трибуну согласно той линии, которая была определена декабрьской (1908-го года) конференцией партии и которая должна остаться руководящей для направления думской работы партии.

Конференция в особенности подчеркивает, как соответствующую задачам пролетариата, ту черту в деятельности фракции, что она, самым энергичным образом отстаивая интересы рабочих и все меры, могущие улучшить их положение (напр., по рабочим законопроектам), стремилась освещать все частные задачи с точки зрения общих задач руководимого пролетариатом освободительного движения, указывая на движение масс, как на единственный путь к избавлению России от тех бедствий и от того позора, до которых довел ее царизм.

Конференция приветствует начало открытых выступлений рабочих в связи с достойным поведением с.-д. думской фракции, поднявшей в черной Думе знамя втородумских с.-д. депутатов и разоблачившей перед лицом рабочих всего мира всю провокационную грязь черносотенной царской шайки, организовавшей государственный переворот 1907 года. Конференция призывает всех сознательных рабочих России к самой всесторонней поддержке указанных выступлений с.-д. в III Думе и начатой петербургскими рабочими кампании пролетарских митингов.

Конференция признает, что ввиду предстоящей избирательной кампании в IV Думу с.-д. думская фракция должна уделить еще больше внимания выяснению народу классовой сущности всех непролетарских партий (и в частности разоблачению контрреволюционной и предательской сущности к.-д. партии), руководясь при этом резолюцией Лондонского (1907 г.) съезда, которая во всех своих существеннейших частях подтверждена опытом контрреволюции. При этом центральными лозунгами, которые должны объединять выступления с.-д. фракции, направлять характер ее работ, сосредоточивать на главных пунктах все частные требования и преобразования, должны быть следующие три лозунга: 1) демократическая республика; 2) 8-мичасовой рабочий день; 3) конфискация всей помещичьей земли в пользу крестьян.

О ХАРАКТЕРЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ

Признавая, что опыт 3-х последних лет безусловно подтвердил основные положения резолюции по организационному вопросу, вынесенной декабрьской (1908 г.) конференцией, и полагая, что на почве начинающегося

оживления в рабочем движении становится возможным дальнейшее развитие организационных форм партийной работы по тому же пути — т. е. по пути создания нелегальных с.-д. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ, —

Конференция находит, что:

1) необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве *экономической борьбой* (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности — с с.-д. ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения;

2) ячейки с.-д. в профессиональных союзах, организованные по признаку *профессиональному*, желательно — сообразуясь при этом с местными условиями — сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку *территориальному*;

3) необходима возможно большая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV Думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., с.-д. агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.;

4) необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганды таких форм массовой нелегальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.;

5) кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной *практической* работе: распространение нелегальной социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.;

6) необходимо иметь в виду, что систематическая литературная с.-д. агитация и особенно регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между с.-д. ячейками в легальных рабочих обществах.

О ЗАДАЧАХ С.-Д. В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ

1) Голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, невыносимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение масс крестьянской бедноты, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих, в лице правых партий, и в Думе 3-го июня, и в Государственном совете, и в придворных сферах Николая II;

3) черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей крестьян» довели бесстыдство грабящей Россию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение;

4) правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитеты и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в среде земств и городской буржуазии;

5) либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, в лице к.-д. фракции в III Думе выступила в качестве такой умеренной оппозиции, что ее поведение ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

б) среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи. Это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами.

Принимая все это во внимание —

Конференция постановляет, что необходимо:

а) напрячь все социал-демократические силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространять политические требования социал-демократии: свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли;

б) поддержать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты и в комиссии помощи голодающим;

в) стараться направить демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, масовок и других форм борьбы масс против царизма.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ДУМСКОМУ ЗАКОНОПРОЕКТУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ РАБОЧИХ

I

1. Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства.

Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития.

2. Наилучшей формой страхования рабочих является *государственное* страхование их, построенное на следующих основаниях: а) оно должно обеспечивать рабочих во *всех* случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; б) страхование должно охватывать *всех* лиц наемного труда и их семейств; в) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения *полного* заработка, причем *все* расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; д) всеми видами страхования должны вестись *единые* страховые организации, построенные по *территориальному* типу и на началах *полного* самоуправления застрахованных.

3. Всем этим основным требованиям рационально построенного страхования коренным образом противоречит правительственный законопроект, принятый Государственной думой; он а) касается лишь *двух* видов страхования — от несчастных случаев и болезней; б) он охватывает лишь небольшую (по самым снисходительным подсчетам — одну шестую) часть русского пролетариата, оставляя за бортом страхования целые области (Сибирь, в правительственной редакции еще — Кавказ) и целые категории рабочих, особенно нуждающихся в страховании (сельскохозяйственные, строительные, железнодорожные, почтово-телеграфные, приказчики и т. д.); в) устанавливает нищенские размеры вознаграждения (максимальное вознаграждение при *полном* увечьи — две трети заработка, притом исчисляемого на основаниях, ниже действительного) и в то же время возлагает на плечи рабочих главную часть расходов по страхованию: за счет рабочих проектируется страхование не только от болезней, но и от «мелких» — на практике наиболее частых — увечий. Этот новый порядок является ухудшением даже по сравнению с нынешним законом, который обязанность вознаграждения за увечья возлагал исключительно на предпринимателей; д) лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор

чиновников (из «Присутствий» и «Совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней; обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.).

4. Только такой закон, грубейшим образом издающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата.

II

Исходя из всего этого, конференция постановляет, что:

1) Неотложной задачей как нелегальных партийных организаций, так и товарищей, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т. д.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрогиваются интересы всего русского пролетариата, как класса, и который грубейшим образом нарушает эти интересы.

2) Конференция считает нужным подчеркнуть, что вся с.-д. агитация по поводу страхового законопроекта должна ставиться в связь с классовым положением пролетариата в современном капиталистическом обществе, с критикой буржуазных иллюзий, распространяемых социал-реформаторами, и вообще с нашими основными социалистическими задачами; с другой стороны, в этой агитации характер думской «реформы» должен ставиться в связь с переживаемым политическим моментом и вообще с нашими революционно-демократическими задачами и лозунгами.

3) Вполне одобряя голосование с.-д. думской фракции против думского законопроекта, конференция обращает

внимание товарищей на тот громадный и ценный материал, который дали думские прения по данному вопросу для уяснения отношения различных классов к рабочим реформам; конференция в особенности подчеркивает ярко выразившиеся в дебатах явно враждебные рабочим стремления октябристских представителей отсталого капитала, а также лицемерные, прикрытые социал-реформаторскими фразами о «социальном мире», выступления партии к.-д.; кадеты в Думе по существу высказывались против самостоятельности рабочего класса и с ненавистью боролись против основных поправок с.-д. думской фракции к проекту.

4) Конференция самым решительным образом предостерегает рабочих против всяких попыток урезать и совершенно извратить с.-д. агитацию, ограничивая ее рамками легально допустимого в период господства контрреволюции; наоборот, конференция подчеркивает, что основным моментом в этой агитации должно быть уяснение широким массам пролетариата той истины, что без нового революционного подъема невозможно никакое действительное улучшение положения рабочего; что всякий, кто хочет добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую победоносную революцию.

5) На случай, если думский законопроект, несмотря на протест сознательного пролетариата, войдет в жизнь, конференция приглашает товарищей использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм.

О «ПЕТИЦИОННОЙ КАМПАНИИ» 132

1. Видя своего главнейшего врага в рабочем движении, контрреволюция в лице правительства и III Думы преследует его во всех его формах, систематически нарушая даже те «законные возможности», которые остались у рабочего класса в результате революции.

2. Этот режим постоянно ставит широкие рабочие массы перед тем фактом, что даже их элементарные права

(в первую очередь: свобода коалиций) не могут быть осуществлены без полного свержения царской монархии.

3. Пущенная в обращение зимой 1910 г. группой петиция с.-петербургских ликвидаторов и агитация, которой они ее сопровождали, вырывали требование свободы коалиций из всей суммы революционных требований рабочего класса. Вместо того, чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиций в России необходима революционная борьба масс за основные требования демократии — ликвидаторы проповедывали на деле так называемую «борьбу за право», т. е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством частичных улучшений.

4. Названная кампания в силу конкретных условий русской политической жизни и положения рабочих масс неизбежно превратилась в чисто-формальное и мертвое подписывание бумажки, не встретив никакого отклика и не пробуждая политического интереса в массах.

5. Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1300 подписей, причем во всех партийных организациях, *без различия фракций и течений*, петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки, а равно не сочла возможным принять участия в ней и наша думская с.-д. фракция.

6. Кампания рабочих митингов в связи с судьбой втородумских депутатов и демонстрации рабочих в отдельных городах 9 января 1912 года показали, что самостоятельность рабочих масс направляется вовсе не в сторону таких средств, как петиционная кампания, и идет вовсе не под знаменем «частичных прав».

Конференция, исходя из всего вышесказанного,

1) призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, причем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах;

2) признавая, что при известных условиях массовая рабочая петиция может быть весьма пригодной формой протеста, находит, что в России в переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации.

О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ

Принимая во внимание,

1) что РСДРП уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 г. конференции партии было определено как «попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум ЦК в январе 1910 г., продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены ЦК М—л, Юрий и Роман не только отказались войти в ЦК весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование ЦК партии «вредным»;

5) что названные главные издания ликвидаторов «Наша Заря» и «Дело Жизни» именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решениям пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы, без различия фракций, объединились над очередным делом

созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группки, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев), и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями РСДРП; —

конференция заявляет, что группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением окончательно поставила себя вне партии.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП.

О ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРГАНЕ

Выслушав и обсудив доклад представителя ЦО, конференция, одобряя принципиальную линию ЦО, —

выражает пожелание, чтобы в ЦО больше уделялось внимания статьям пропагандистского характера и чтобы статьи писались более популярно и доступно для рабочих.

О «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЕ»

Признавая, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности и встречает полное сочувствие со стороны партийных работников на местах без различия фракций,

Конференция

1) призывает всех товарищей на местах оказывать всестороннюю поддержку «Рабочей Газете».

2) Признает «Рабочую Газету» официальным органом Центрального Комитета партии.

О ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» 188

Конференция отменяет то соглашение с редакцией «Правды», которое было заключено пленумом ЦК в январе 1910 г.

ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УСТАВА ПАРТИИ

К § 2-му прибавляется:

Признается допустимой кооптация — согласно решениям декабрьской (1908 г.) конференции.

§ 8 вычеркивается и вместо него вставляется:

ЦК собирает по возможности чаще конференции от представителей всех организаций партии.

§ 9, абзац третий, о представительстве на съезде, изменяется так:

Нормы представительства на будущие съезды партии устанавливаются ЦК после предварительных сношений с местными организациями.

ОБ ИМУЩЕСТВЕ, НАХОДЯЩЕМСЯ В РУКАХ БЫВШЕГО ДЕРЖАТЕЛЯ,
И О ДЕНЕЖНЫХ ОТЧЕТАХ

Принимая к сведению заявление уполномоченных представителей большевиков, с которыми пленум ЦК в январе 1910 г. заключил договор об условной передаче большевиками их фракционного имущества в кассу ЦК, конференция

1) признает, что представители большевиков, в силу нарушения договора ликвидаторами и в силу отказа держателей от роли третейских судей, имеют все формальные права распоряжаться как находящимся в их распоряжении, так и находящимся в руках бывшего держателя, т. Цеткиной, имуществом;

2) после сделанного заявления представителей большевиков конференция считает находящиеся у т. Цеткиной суммы безусловно принадлежащими партии в лице выбранного конференцией ЦК и

3) поручает ЦК принять все меры для немедленного получения от т. Цеткиной партийного имущества.

* *
*

Ревизионная комиссия, рассмотрев денежные отчеты и оправдательные документы редакции «Рабочей Газеты», утвержденной теперь конференцией, как орган ЦК, а также группы большевиков, которым пленум ЦК выдал деньги на с.-д. литературу, признала отчеты правильными и предлагает конференции утвердить их.

О «КРАСНОМ КРЕСТЕ»

Конференция предлагает всем товарищам на местах приложить все усилия к воссозданию «Красного Креста», столь необходимого для помощи заключенным и ссыльным.

О ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Конференция признает безусловно необходимым существование за границей единой партийной организации, ведущей работу содействия партии под контролем и руководством ЦК.

Конференция утверждает Комитет заграничной организации¹³⁴ как одну из партийных организаций за границей и приглашает все партийные элементы, без различия фракций и течений, стоящие на стороне нелегальной партии и ведущие непримиримую борьбу с антипартийными течениями (ликвидаторство), — сплотиться вокруг ЦК для содействия российской партийной работе и для создания единой заграничной организации.

Все заграничные группы, без всякого исключения, могут сноситься с российскими организациями только через ЦК.

Конференция признает, что заграничные группы, не подчиняющиеся русскому центру с.-д. работы, т. е. ЦК, и вносящие дезорганизацию путем особых сношений с Россией помимо ЦК, не могут пользоваться именем РСДРП.

О НАПАДЕНИИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПЕРСИЮ

Российская социал-демократическая рабочая партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задуть свободу персидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами.

Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз русского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками.

О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая,

пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, — констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма.

О ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФИНЛЯНДИИ

Конференция РСДРП, собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контрреволюции законов, уничтожающих права и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность с братской финляндской соц.-дем. партией, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контрреволюционного правительства и контрреволюционной буржуазии, попирающих права народа, и выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов.

ПРИВЕТСТВИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

По поручению конференции центральному органу германской социал-демократии послана была следующая телеграмма:

Российская социал-демократическая рабочая партия в лице Российской организационной комиссии и Центрального Органа партии шлет горячий привет братской германской социал-демократии, одержавшей на выборах блестящую победу над всем буржуазным миром¹³⁵.

Да здравствует международная, да здравствует германская социал-демократия!

Написано в январе 1912 г.

Напечатано в феврале 1912 г.

в брошюре: «Всероссийская конференция Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии». Изд. ЦК, Париж

Печатается по тексту брошюры

ОРГАН ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ

Передо мной лежат три номера петербургской еженедельной газеты «Живое Дело»¹⁸⁶, начавшей выходить в январе текущего года.

Предлагаю читателям присмотреться к содержанию проповедей.

Главный политический вопрос дня — выборы в IV Думу. Этому вопросу посвящена статья Мартова в № 2. Лозунг, бросаемый им, гласит: «Надо стремиться выбить реакцию из ее думских позиций». А Дан вторит в № 3: «Наилучшее средство ослабить его (Государственного совета) пагубное влияние — это вырвать Думу из рук реакции».

Лозунг ясный. И, конечно, всякий сознательный рабочий без труда увидит, что это лозунг не марксистский, не пролетарский, не демократический даже, а *либеральный*. Это — лозунг либеральной рабочей политики.

Вот защита этого лозунга Мартовым: «Достижима ли эта задача при нынешнем избирательном законе? Безусловно — да. Правда, этот избирательный закон заранее обеспечивает в значительной (?) части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской (капиталистической) курии»...

Защита худого дела сразу толкнула Мартова к вопиюще неверному утверждению. Не в «значительной части» губернских собраний, а *безусловно во всех* (по Европейской России) землевладельческие выборщики плюс 1-ая городская курия дают абсолютное большинство. Мало того. В 28 губерниях из 53 *одни* землевладельческие выборщики составляют *абсолютное большинство* губернских собраний. И эти 28 губерний дают 255 депутатов

Думы из всего числа 442, т. е. опять-таки абсолютное большинство!

Чтобы защитить либеральный лозунг о «выбивании реакции из ее думских позиций», Мартову пришлось начать с либерального прикрашивания российских землевладельцев. Начало не дурно!

«Но — продолжает Мартов — прошлые выборы показали, что и среди землевладельцев и среди крупной городской буржуазии есть элементы, враждебные черносотенной, националистической и октябристской реакции».

Несомненно. Часть выборщиков даже от землевладельцев — оппозиция, кадеты. Но какой же отсюда вывод? Только тот, что *дальше помещичьей* «либеральной» оппозиции передвинуть большинство Думы, выбираемой по закону 3 июня 1907 г., нельзя. Помещик решает. Этот факт, который пытался обойти Мартов, остается фактом. Значит, переход помещика в оппозицию один только в состоянии дать перевес (*помещичьей*) «оппозиции». Но тут-то и заключается гвоздь вопроса: можно ли сказать, не превращаясь в либерала, что (*помещичья*) «либеральная оппозиция способна выбить реакцию из ее думских позиций»?

Не следует, во-1-х, подкрашивать помещичий характер нашего избирательного закона. Не следует, во-2-х, забывать, что помещичья «оппозиция» отличается всеми чертами так называемого «*левого октябризма*» (с которым кадеты допустили блоки на своей последней конференции! — об этом тоже напрасно умалчивает Мартов). Говорить по поводу возможной победы «левых октябристов» о «вырывании Думы из рук реакции» или «о выбивании реакции из ее думских позиций» могут только комические либеральные политики.

Задача рабочей демократии *использовать* конфликты либералов с теперешним большинством Думы для усиления демократии в Думе, а вовсе не поддержка либеральной иллюзии, будто бы можно было «вырвать Думу из рук реакции».

Еще хуже обстоит дело у нашего автора, когда он переходит к *принципиальному* вопросу о том, какое *значение* имело бы, если бы «*вся оппозиция*» сломила черносотенно-октябристское большинство в Думе».

«Рабочие заинтересованы в том, — рассуждает Мартов, — чтобы власть в классовом государстве перешла из рук дикого помещика в руки более культурного буржуа».

Превосходное рассуждение! Только забыта мелочь... совсем маленькая мелочь: русские «более культурные буржуа», либералы, кадеты, *«заинтересованы в том»*, чтобы *не подрывать* власти дикого помещика. Либералы *«заинтересованы в том»*, чтобы разделить с ним власть, не подрывая его власти и не давая ни одного оружия в руки демократии.

Вот в чем гвоздь! Напрасно изволите вы, обходя серьезный вопрос, разжевывать с важным видом бессодержательные банальности.

«Усилив свое представительство в Думе, кадеты и прогрессисты — говорит Мартов — еще не станут у власти, но облегчат себе прохождение к ней». Так. Так. Отчего же это немецкие кадеты и прогрессисты много раз, с 1848 года, «усиливали свое представительство» в парламенте, но так до сих пор и не «прошли к власти»? Отчего в течение 64 лет они оставляли и *оставляют теперь* власть в руках юнкера? Отчего русские кадеты, «усилив свое представительство в Думе» I и II, не «облегчили себе прохождение к власти»?

Мартов признает марксизм лишь постольку, поскольку он *приемлем* для *всякого* образованного либерала. Рабочие заинтересованы в переходе власти из рук помещика в руки более культурного буржуа — все либералы в мире подпишут такое «понимание» *«интересов рабочего»*. Но это еще не марксизм. Марксизм говорит дальше: 1) либералы заинтересованы в том, чтобы, не подрывая власти помещика, сесть рядом с ним; 2) либералы заинтересованы в таком разделе власти с помещиком, чтобы ни рабочему, ни демократии ровнехонько ничего не досталось; 3) власть *действительно* «выпадает» из рук помещика и «переходит в руки» либерала *лишь тогда*, когда побеждает демократия *вопреки* либералу. Доказательства? Вся история Франции и новейшая история Китая: власть никогда бы не перешла даже временно, даже условно, к либералу Юаньшикаю, если бы не победила китайская демократия *вопреки* Юаньшикаю.

Но, если плоская истина: либерал лучше черносотенца составляет *весь* «марксизм», приемлемый для гг. Струве, Изгоева и Комп., то диалектика классовой борьбы есть книга за семью печатями и для либерала, и для Мартова.

Резюмирую: именно для того, чтобы в России власть действительно «перешла» из рук помещика в руки буржуа, не следует обманывать и обессиливать демократию вообще, рабочих в особенности, *фальшивым* лозунгом «вырвать Думу из рук реакции». Практическая задача на выборах у нас совсем не «выбивание реакции из ее думских позиций», а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее, — и для пролетариата полезнее, — пять лишних демократов, чем 50 лишних либералов.

Отсюда следующий вывод, которого не желает Мартов, хотя и признает будто бы, что кадеты — либералы, а не демократы: 1) в пяти больших городах¹³⁷ на перебаллотировках допустимы соглашения *только* с демократами против либералов; 2) при *всех* баллотировках и при *всех* соглашениях на второй стадии *в первую очередь* должны идти соглашения с демократами против либералов, и лишь затем — с либералами против правых.

«Звезда» № 11 (47), 19 февраля 1912 г.
Подпись: Ф. Л — ко

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ — С ЛИКВИДАТОРАМИ

В № 7 ликвидаторской газеты «Живое Дело» помещена редакционная статья «За объединение — против раскола». Статья эта касается вопроса, несомненно, чрезвычайно интересного и важного, над которым размышляют все и каждый думающий рабочий. Мы считаем своим долгом, хотя бы неполно, хотя бы вкратце, высказаться относительно тех пунктов, по которым «Живое Дело» осведомляет своих читателей явно и очевидно неправильно.

«Живое Дело», на основании сообщений газет «Голоса Земли», «Русского Слова» и «Киевской Мысли»¹³⁸ — сообщений, «не расходящихся с имеющимися у «Живого Дела» сведениями», — устанавливает тот факт, что за границей состоялась общепартийная конференция, которая-де «навязала всем марксистам России определенную тактику в избирательной кампании» и, между прочим, объявила *вне партии* (курсив «Живого Дела») группу «Нашей Зари» и «Дела Жизни». По этому поводу «Живое Дело» (уснащая свою статью обычными клеветами и инсинуациями по адресу антиликвидаторов) старается изо всех сил, во-1-х, дискредитировать конференцию, во-2-х, защитить «Нашу Зарю и К^о», говоря, что они не могут быть поставлены «вне», что «литераторы» этого направления «отвечают презрительным пожатием плеч на подобное постановление» и т. д.

Мы заметим прежде всего, что все содержание статьи «Живого Дела», весь истеричный тон ее, все крики «за объединение» свидетельствуют воочию о том, как живо затронуты ликвидаторы и как неудачно пытаются они замазать *суть дела*. К этой *сущности дела* мы и переходим.

Разумеется, ни защищать конференцию, ни дополнять или исправлять приведенные в названных газетах (к ним следует присоединить теперь «Голос Москвы») сведения мы не можем. Да и не входит это в нашу задачу. Да и достаточно воспроизвести *буквально* хотя бы одну фразу из «Живого Дела»: «Мы спрашиваем, — восклицают ликвидаторы, — кто их (делегатов конференции) выбирал, кто уполномочивал их говорить и решать именем московских, петербургских и т. д. марксистов?» Было бы вполне естественно, если бы открыто *спрашивал* об этом, напр., г. Пуришкевич или г. Замысловский. Если же ликвидаторы *спрашивают* об этом публику со страниц «Живого Дела», то одним этим вопросом они так великолепно вскрывают свою ликвидаторскую природу, так превосходно разоблачают себя, что нам приходится только указать пальцем на приемы ликвидаторов и поставить точку.

Мы касаемся затрогиваемых здесь вопросов, повторяем, исключительно постольку, поскольку наш долг — отзывать на все голоса печати и отмечать относящееся к рабочей избирательной кампании. Надо, чтобы читатели знали правду. Если ликвидаторы говорят: «за объединение — против раскола», то наш долг вскрыть заключающуюся тут неправду. Первое: нечего играть в прятки и говорить об «объединении» вообще, когда речь идет, по сути, *только об объединении с ликвидаторами*. Зачем прячется «Живое Дело»? почему оно не говорит прямо, согласно оно или не согласно с точкой зрения «Нашей Зарю» и «Дела Жизни»? Второе: преждевременно говорить о *расколе*, пока нет налицо двух организованных, цельных политических коллективов, действующих в одной среде.

Об этой *сущности дела* надо бы говорить «Живому Делу», а кричать и браниться — пустое занятие.

Объединение с ликвидаторами не новый, а очень старый вопрос. Свыше двух лет тому назад, в январе 1910 г., была сделана самая решительная, оформленная попытка такого объединения, скрепленная и договором и единогласным решением. Попытка не удалась — это признают *все*, в том числе и ликвидаторы (см. «Нашу Зарю» 1911 г., № 11, стр. 130). Почему не удалась? В этом вопросе люди, серьезно интересующиеся делом, должны самостоятельно равобратся *по документам*. Мы приведем лишь немногие — но решающие — документы.

Известный участник попытки объединения с ликвидаторами и «объединитель» или «примиренец» г. Ионов писал *как раз во время* этой попытки:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции (речь идет о фракциях меньшевиков и большевиков), кажется, вне сомнения. Патология знает двойного рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм по отношению к большевизму».

Вот одно из документальных подтверждений того, что условием объединения с ликвидаторами заявлено было их полное отречение от ликвидаторства. Это было в январе 1910 г. В феврале 1910 г., в № 2 «Нашей Зари» г. Потресов писал буквально следующее:

«Может ли существовать в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого» («Наша Заря» 1910 г., № 2, стр. 61).

Все практики знают, что ликвидаторы *поступали на деле* именно так, как направлял их г. Потресов. Другой известный орган ликвидаторов «Возрождение», где участвовали те же гг. Мартовы, Ларины, Левицкие и К^о, писал 30 марта 1910 г. от имени редакции, сочувственно цитируя приведенные слова г. Потресова: «Ликвидировать нечего — и, прибавим мы (т. е. редакция «Возрождения») от себя, мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия...» («Возрождение» 1910 г., № 5, стр. 51).

Были ли другими лицами и направлениями, кроме нашего, оценены эти заявления, как *разрыв* ликвидаторов со старым, прежним политическим коллективом? Несомненно, да. Доказательства: 1) Статья г. Изгоева в «Русской Мысли» 1910 г., № 8: «Вехист среди марксистов». Г. Изгоев оценивает всегда события среди марксистов с последовательно «вехистской» точки зрения. «Ответ (г. По-

тресова на вопросы рабочего движения) совершенно согласуется — писал г. Изгоев — с тем, что писалось в поносимых им «Вехах», что говорят публицисты «Русской Мысли» («Русская Мысль» 1910, № 8, с. 67). 2) Меньшевик Плеханов писал в мае 1910 г. по поводу приведенных слов г. Потрессова: «Несомненно, однако, то, что человек, для которого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии (курсив Плеханова). Теперь все ее члены должны будут сказать, что г. Потрессов им не товарищ, а некоторые из них, может быть, перестанут обвинять меня в том, что я уже давно не считал его таковым».

Факт налицо. Никакие увертки и отговорки тут не помогут. Ликвидаторы в 1910-м еще году порвали с прежним политическим коллективом. Ни один историк русской политической жизни не сможет обойти этот факт, если не захочет отступить от истины. А в 1911 году гг. Левицкий, Мартов, Дан, Ларин, Чацкий и К^о не раз повторяли заявления вполне «потрессовского» содержания. Напомним хотя бы, как в «Деле Жизни» (за 1911 г., № 6, с. 15) Ларин поучал рабочих, что «слепить в каждом городе кружки... в пару сот человек» нетрудное, но «маскарадное» предприятие!

По нашему глубокому убеждению, отсюда, из опыта более чем двух лет, неизбежен вывод, что никакое объединение с ликвидаторами невозможно. Никакое соглашение тут тоже невозможно. Тут *немыслимы* соглашения, ибо вопрос идет о существовании или несуществовании того, что ликвидаторы презрительно окрестили «иерархией». И никакая брань «Живого Дела» — органа тех же ликвидаторов того же направления — ничего изменить не может. Ликвидаторы стоят *вне*... — это факт окончательный.

Этот факт и означает раскол, возразят нам, пожалуй. Нет. Расколом называется образование *двух* политических коллективов вместо одного. В настоящее же время, в марте 1912 года, наблюдатель нашей политической жизни, вооруженный лучшим телескопом и смотрящий из Петербурга, Москвы, Киева, Нью-Йорка, откуда угодно, — в состоянии увидеть *только один* организованный, цельный политический коллектив, который от брани ликвидаторов только усиливается среди рабочих.

В том-то и беда ликвидаторов, что со старым они действительно *ликвидировали* свои отношения, а нового *не создали*. Когда создадут, тогда мы посмотрим и, по должности политических обозревателей, оповестим читателей. А пока факт остается фактом: нет другого цельного политического коллектива, значит, нет и раскола.

Ликвидаторы давно сулят создать «открытое» политическое общество. Но посулы — не факты. И «сам» г. Левицкий, ближайший единомышленник Потресова и Мартова, писал в передовой статье № 11 «Нашей Зари» (1911 г.) с сожалением, что «мы не видим ни одной сколько-нибудь значительной попытки организовать легальное политическое (курсив г. Левицкого) общество». Г. Левицкий обвиняет в этом и «массы» и «руководителей». Но дело сейчас идет не об обвинениях, а об установлении факта. Если г. Левицкий и его друзья создадут легальное политическое общество, если оно поведет на деле марксистскую (а не либеральную) рабочую политику, тогда... тогда мы посмотрим. Только торопитесь, господа, до выборов осталось мало времени, и нужны усилия геркулесовы, чтобы в месяцы наверстать (или переделать прямо обратно тому, что делалось раньше) опущенное годами.

Ликвидаторы сами у себя сняли голову. Снявши голову, по волосам не плачут.

Наблюдатель русской политической жизни может разыскать только один политический коллектив в интересующей нас области. Вокруг него есть отдельные лица и неорганизованные, не имеющие даже цельных ответов на *насуцнейшие* политические вопросы группки. Другими словами, кругом — распад. Как и при всяком распаде, есть тут и колеблющиеся, и люди, надеющиеся (увы, тщетно!) побудить ликвидаторов *на деле* порвать с ликвидаторством. Но надеждами пробовать прокормиться за какие-нибудь полгода до выборов могут только безнадежные политики.

Возьмите хотя бы вопрос о лозунгах выборной кампании, о тактике, о соглашениях. Есть только один ответ, оформленный, ясный, точный, полный, известный всем руководящим рабочим уже теперь во всех концах России. *Другого ответа нет*. Еще раз, господа ликвидаторы: снявши голову, по волосам не плачут.

Р. С.* К числу «надеющихся» на исправление ликвидаторов относит себя, должно быть, и Троцкий, который в «Живом Деле» популярно пересказывает начало декабрьских 1908 года решений о сущности 3-лешюньского режима. Мы будем очень рады, если Троцкому удастся убедить хотя бы, напр., Ларина и Мартова, так, чтобы все они сошлись на одном определенном, точном, ясном ответе на вопрос о сущности нашей теперешней «конституции». Кричат люди о пользе «объединения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать объединенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! Зато фразе раздолье: «социал-демократия — пишет Троцкий — свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки»... Красиво пишет Троцкий, не хуже Потресева и Неведомского!

«Просвещение» № 3—4,
Февраль-март 1912 г.
Подпись: М. Б.

Печатается по тексту
журнала «Просвещение»

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЗА 5 ЛЕТ ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ

I

В «Ежегоднике» газеты «Речь» на 1912 год — этой маленькой политической энциклопедии либерализма — напечатана статья г. Милюкова: «Политические партии в Гос. Думе за пять лет». Принадлежащая перу признанного вождя либерализма и выдающегося историка, эта статья заслуживает тем большего внимания, что посвящена она *главной*, можно сказать, *предвыборной теме*. Политические итоги деятельности партий, вопросы о значении их, научные обобщения о соотношении общественных сил, лозунги предстоящей избирательной кампании — все это невольно напрашивается под перо, раз взята такая тема, все это *пришлось* затронуть и г. Милюкову, как ни старался он ограничиться простым пересказом фактов «внешней истории» Думы.

Получилась интересная картинка, иллюстрирующая старый, но вечно новый сюжет: как отражается русская политическая жизнь в глазах либерала?

«Господствовавшая в I Думе численно, а во II морально, партия народной свободы — пишет г. Милюков — была в III Думе представлена только 56—53 депутатами. Из положения руководящего большинства она перешла на положение оппозиции, сохранив, однако, в рядах оппозиции преобладающее значение как по своей численности, так и по качественному составу своих членов и по строгой фракционной дисциплине своих выступлений и голосований».

Вождь партии в статье о политических партиях объявляет свою партию «преобладающей» по «качественному составу ее членов». Это недурно. Только реклама могла бы быть и потоньше... И верно ли это, что кадеты преобладали по строгой фракционной дисциплине? Неверно,

ибо все помнят неоднократные выступления, напр., г. Маклакова, обособлявшегося от к.-д. фракции вправо. Неосторожно поступил г. Милюков: если рекламировать «качества» своей партии безопасно в том смысле, что оценка эта вполне субъективна, то относительно партийной дисциплины факты сразу опровергают рекламу. Характерно, что именно правое крыло кадетов и в Думе — в лице Маклакова — и в печати — в лице г. Струве и К^о «Русской Мысли» — обособлялось, разрушая не только строгую, но даже какую бы то ни было дисциплину кадетской партии.

«Слева от себя — продолжает г. Милюков — фракция народной свободы имела только 14 трудовиков и 15 социал-демократов. Группа трудовиков сохранила только тень того значения, которое имела в первых двух Думах. Несколько лучше организованная группа социал-демократов от времени до времени посвящала свои выступления резкому обличению «классовых противоречий», но, в сущности, не могла вести никакой иной тактики, кроме той, которую вела и «буржуазная» оппозиция».

Это все, буквально все, что сообщает выдающийся историк на 20 страницах своей статьи о партиях левее к.-д. Но ведь статья посвящена политическим партиям в Гос. думе, — в статье подробнейшим образом рассмотрены все мельчайшие передвижения внутри помещиков, разные там «умеренно-правые» или «право-октябристские фракции», рассмотрены отдельные шаги этих фракций. Почему же сведены на-нет трудовики и с.-д.? — ибо *так* обрисовать их, как делает г. Милюков, значит явно сводить их на-нет.

Единственный возможный ответ на этот вопрос состоит в том: потому, что эти партии г. Милюкову особенно не нравятся, и даже самое простое констатирование общеизвестных фактов относительно этих партий противоречит *интересам* либерализма. В самом деле, г. Милюков прекрасно знает, какие перетасовки состава выборщиков свели трудовиков к «тени прежнего значения» в Думах. Эти перетасовки, произведенные г. Крыжановским и другими героями 3-го июня 1907 года, подорвали большинство кадетов. Но разве это оправдывает игнорирование и, даже более, искажение данных о значении партий, представляемых очень слабо в помещичьей Думе? Трудовики очень и очень слабо представлены в III Думе, но роль их за пять лет велика, ибо они представляли

миллионы крестьянства. Интересы помещиков заставили урезать именно крестьянское представительство. Спрашивается, какие интересы заставляют либералов отмахиваться от трудовиков??

Или возьмите сердитую выходку г. Милюкова против с.-д. Неужели он не знает, что отличие «тактики» этих последних от тактики к.-д. состоит не только в отличии пролетарской оппозиции от буржуазной, но и в отличии демократизма от либерализма? Конечно, г. Милюков очень хорошо знает это, и на примерах из новейшей истории всех европейских стран он мог бы пояснить различия демократов от либералов. Вся суть в том, что раз касается дело России, то русский либерал *не хочет* видеть своего отличия от русских демократов. Русскому либералу *выгодно* представлять себя перед русским читателем представителем всей вообще «демократической оппозиции». Но истина не имеет с этой выгодой ничего общего.

На деле всякий знает, что с.-д. вели в III Думе *совершенно* иную тактику, чем буржуазная оппозиция вообще, кадетская (либеральная) оппозиция в частности. Если бы г. Милюков попробовал поставить перед читателем любые конкретные вопросы политики, то можно ручаться, что он не нашел бы *ни одного*, по которому с.-д. не вели бы принципиально *иной* тактики. Взявши тему о политических партиях в III Думе, г. Милюков извратил главное и коренное: три основных группы политических партий вели три различные тактики, партии правительства (от Пуришкевича до Гучкова), партии либерализма (к.-д., националисты и прогрессисты), партии демократические (трудовики — буржуазная демократия, и рабочая демократия). Два первые обобщения г-ну Милюкову ясны, он прекрасно видит ту суть дела, которая роднит, с одной стороны, Пуришкевича и Гучкова, с другой, всех либералов. Но отличия этих последних от демократов он не видит, потому, что *не хочет* видеть.

II

То же самое повторяется и по вопросу о классовой основе разных партий. Направо г. Милюков видит и вскрывает эту основу, налево он становится сразу слепым. «Уже самый закон 3 июня — пишет он — был продиктован объединенным дворянством. Защиту дворянских интересов и взял на себя правый фланг думского большинства. Левый фланг этого большинства присоединил сюда защиту интересов

крупной городской буржуазии». Не правда ли, как это поучительно? Когда кадет смотрит направо, он сильно ставит грани «классовых противоречий»: там дворяне, там крупные буржуа. Как только взгляд либерала направляется налево, — тотчас же слова «классовые противоречия» берутся в иронические кавычки. Классовые различия исчезают: либералы представляют и крестьян, и рабочих, и городскую демократию в качестве обще-«демократической оппозиции»!

Нет, господа, это не научная история, это не серьезная политика, это политиканство и реклама.

Ни крестьян ни рабочих либералы не представляют, а представляют лишь часть буржуазии — городской, землевладельческой и т. д.

Факты из истории III Думы так общеизвестны, что и г. Милюков не может не признать нередких совместных голосований октябристов с либералами — не только *против* (против правительства), но и *за* определенные пожелательные мероприятия. Эти факты, в связи с общей историей октябризма и кадетизма (слитых в 1904—1905 году, до 17 октября), *доказывают* для всякого, кто сколько-нибудь считает с исторической действительностью, что октябристы и кадеты — два фланга *одного класса*, два фланга буржуазного центра, колеблющегося между правительством и помещиками, с одной стороны, демократией (рабочими и крестьянством), с другой. Этого *основного* вывода из истории «политических партий в III Думе» г. Милюков не видит исключительно потому, что ему невыгодно его видеть.

Третья Дума с новой стороны, в новой обстановке *подтвердила* то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определено наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепилось на открытой арене борьбы масс в 1905—1907 годах, оставаясь таковым же и в 1908—1912 годах. Почему это деление остается в силе и поныне? Потому, что не решены еще те объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года, до Китая 1911 года.

На этой почве неизбежно упорное сопротивление «бюрократии» и помещиков, а также колебания буржуазии, для которой преобразования необходимы, по которой боится

их использования демократией вообще, рабочими в особенности. Эта боязнь в особенности ясно была видна — в области думской политики — у кадетов I и II Думы, у октябристов III Думы, т. е. именно тогда, когда эти партии составляли «руководящее» большинство. Кадеты борются с октябристами, оставаясь на той же принципиальной позиции с ними, они конкурируют с ними больше, чем борются. Они делят с ними местечко у власти *рядом* с помещиками, — отсюда та кажущаяся острота конфликта власть имущих с кадетами, как с самыми близкими конкурентами.

Игнорируя различие демократии и либерализма, г. Милюков с необыкновенной подробностью, детальностью, со вкусом, можно сказать, рассматривает передвижения внутри помещиков: правые, умеренно-правые, националисты вообще, националисты независимые, правые октябристы, октябристы просто, октябристы левые. Ни малейшего серьезного значения эти деления и передвижки в этих пределах не имеют: связаны они, самое большое, с заменой какого-нибудь Твердоонто каким-нибудь Угрюм-Бурчеевым в администрации, с переменной лиц, с победой кружков или котерий. Все сколько-нибудь существенное в политической линии тут совершенно одинаково.

«Бороться (на выборах в IV Думу) будут два лагеря», твердит г. Милюков, как твердит неустанно и вся кадетская печать. Неверно, господа. *Борются* и будут бороться *три* главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле *свою*, а не либеральную рабочую политику, *используя* конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной *демократии*, — таковы задачи рабочих. Таков вывод и из истории политических партий в III Думе.

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО О ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП¹³⁹

Последние годы были для РСДРП годами шатаний и дезорганизации. В течение трех лет партия не могла созвать ни конференции, ни съезда, а за два последних года ЦК не мог развернуть никакой деятельности. Партия, правда, продолжала существовать, но в виде отдельных групп во всех сколько-нибудь значительных городах, — групп, которые, при отсутствии Центрального Комитета, жили каждая своей несколько обособленной жизнью.

С недавних пор, под влиянием нового пробуждения русского пролетариата, партия начала вновь крепнуть, и совсем недавно мы, наконец, получили возможность созвать конференцию (что невозможно было за все время с 1908 г.), на которой были представлены организации обоих столичных городов, Северо-Запада и Юга, Кавказа и центрально-промышленного района. В общем, 20 организаций тесно связались с Организационной комиссией, создавшей эту конференцию, т. е. почти все организации, и меньшевистские и большевистские, существующие в настоящий момент в России.

В течение своих 23 заседаний конференция, признавая за собой права и обязанности высшего партийного органа, обсудила все стоявшие в порядке дня вопросы, среди которых был ряд чрезвычайно важных. Так, конференция дала глубокую и весьма всестороннюю оценку современного политического положения и политики партии, оценку, находящуюся в полном соответствии с резолюциями конференции 1908 г. и решениями пленума ЦК 1910 г. Особенное внимание конференция уделила предстоящим через несколько месяцев выборам в Думу и приняла по этому поводу резолюцию из трех частей, которая весьма отчетливо и обстоятельно освещает наш запутанный избирательный закон, разбирает вопрос об

избирательных соглашениях с другими партиями и все-сторонне выясняет позицию и тактику партии на время предстоящей избирательной кампании. Вопросы о борьбе с голодом, о страховании рабочих, о профессиональных союзах и о забастовках и др. равным образом обсуждались, и по ним приняты решения.

Конференция рассмотрела также вопрос о «ликвидаторах». Это течение отрицает существование нелегальной партии, объявляет эту партию уже ликвидированною, объявляет реакционной утопией восстановление нелегальной партии и уверяет, что возрождение партии возможно только в легальной форме. Тем не менее, это течение, порвавшее с нелегальной партией, до настоящего времени никакой легальной партии основать не смогло. Конференция констатировала, что партия уже четыре года ведет борьбу против этого течения, что конференция 1908 г. и пленум ЦК 1910 г. высказались против ликвидаторов, что вопреки всем усилиям партии это течение попрежнему сохраняет фракционную обособленность и ведет борьбу против партии на страницах легальной печати. Конференция поэтому заявила, что ликвидаторы, группирующиеся вокруг журналов «Наша Заря», «Дело Жизни» (к которым в настоящее время следует добавить «Живое Дело»), поставили себя вне РСДРП.

Наконец, конференция избрала ЦК и редакцию ЦО «Социал-Демократ». Кроме того, конференция особо подчеркнула, что есть за границей множество групп, которые являются более или менее социалистическими, но которые во всяком случае совершенно оторваны от российского пролетариата и от его социалистической деятельности и, следовательно, совершенно безответственны; что эти группы ни в коем случае не могут ни представлять, ни выступать от имени РСДРП; что партия ни в какой мере не принимает на себя ответственности или поручительства за эти группы и что все сношения с РСДРП могут вестись только через посредство ЦК, заграничный адрес которого мы здесь даем: Владимир Ульянов, 4 Rue Marie Rose, Париж XIV (для Центрального Комитета).

Написано в начале марта 1912 г.

*Напечатано 13 марта (н. ст.) 1912 г.
в циркуляре № 4 Международного
социалистического бюро*

*Печатается по тексту циркуляра
Перевод с немецкого*

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА РСДРП¹⁴⁰

Товарищи-рабочие и все граждане России!

В самом недалеком будущем предстоят выборы в IV Государственную думу. И различные политические партии и само правительство изо всех сил готовятся уже к выборам. Партия сознательного пролетариата, своей славной борьбой 1905 года нанесшего первый серьезный удар царизму и вырвавшего у него представительные учреждения, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия призывает всех и каждого, как имеющих избирательные права, так и громадное большинство «бесправных» принять самое энергичное участие в выборах. Все те, кто стремится к освобождению рабочего класса от наемного рабства, все те, кому дорого дело русской свободы, должны приняться немедленно за работу, чтобы и на выборах в четвертую, помещичью, Думу сплотить и укрепить борцов за свободу, двинуть вперед сознательность и организованность российской демократии.

Пять лет прошло со времени государственного переворота 3-го июня 1907 года, когда Николай Кровавый, царь ходынский, «победитель и истребитель» первой и второй Думы, отбросил в сторону свои клятвы, обещания и манифесты, чтобы вместе с черной сотней помещиков, вместе с октябристскими купцами приняться мстить рабочему классу и всем революционным элементам России, т. е. громадному большинству народа, за пятый год.

Местью за революцию отмечена вся эпоха III Думы. Никогда еще не было в России такого разгула преследований со стороны царизма. Виселицы за эти пять лет побили рекорд трех столетий русской истории. Места ссылки,

каторга и тюрьмы переполнились политиками, как никогда, и никогда не применялись к побежденным такие истязания и пытки, как при Николае II. Никогда не было такого разгула казнокрадства, такого бесчинства и произвола чиновников, — которым все сходит с рук за ретивость в борьбе с «крамолой», — такого издевательства над обывателем вообще и над мужиком в особенности со стороны любого представителя власти. Никогда еще не травили с таким запоем, с такой злобой, с такой беспашашностью евреев, а вслед за ними и другие народности, не принадлежащие к господствующей нации.

Антисемитизм и самый грубый национализм стали единственной политической платформой партий правительства, а фигура Пуришкевича стала единственно полным, цельным, правильным выражением всех приемов управления теперешней царской монархии.

И каков результат этих бешенств контрреволюции?

Даже в «высшие», эксплуататорские, классы общества проникает сознание, что так дальше жить нельзя. Сами октябристы, господствовавшая в III Думе партия, партия помещика и купца, напуганного революцией и пресмыкающегося перед начальством, все больше и больше, в своей собственной печати, выражают убеждение в том, что царь и дворяне, которым октябристы служили верой и правдой, завели Россию в тупик.

Было время, когда царская монархия являлась европейским жандармом, охраняя реакцию в России и помогая насильственно подавлять всякое движение к свободе в Европе. Николай II довел дело до того, что царь является теперь не только европейским, но и азиатским жандармом, который интригами, деньгами и самым зверским насилием стремится подавить всякое движение к свободе в Турции, Персии, Китае.

Но никакие зверства царизма не могут остановить развития России. Как ни уродуют, как ни калечат Россию Пуришкевичи, Романовы, Марковы, эти крепостники-последыши, она все же идет вперед. И с каждым шагом ее развития все настоятельнее становится требование политической свободы. Без политической свободы не может жить Россия, как и ни одна страна в XX веке. А разве мыслимо ждать политических реформ от царской монархии, когда царь разогнал обе первые Думы и растоптал ногами свой

же манифест 17-го октября 1905 года? Разве мыслимы политические реформы в современной России, когда над всякими законами издевается чиновничья шайка, зная, что все покроет царь и его присные? Разве не видим мы, как, пользуясь защитой самого царя или его родни, вчера Илиодор, сегодня Распутин, вчера Толмачев, сегодня Хвостов, вчера Столыпин, сегодня Макаров — топчут ногами все и всякие законы? Разве не видим мы, что даже мелочные, до смешного ничтожные «реформы» помещичьей Думы, реформы, направленные к подновлению и укреплению царской власти, отвергаются и уродуются Государственным советом или личным указом Николая Кровавого? Разве не знаем мы, что черносотенная банда убийц, из-за угла стреляющая в депутатов, неугодных начальству, заточающая на каторгу с.-д. депутатов II Думы, всегда готовящая погромы, повсюду нагло грабящая казну, — пользуется особым благоволением царя и получает от него худо прикрытую помощь, направление, руководство? Посмотрите на то, что случилось при Николае Романове с основными политическими требованиями русского народа, во имя которых в течение более $\frac{3}{4}$ века шли на геройскую борьбу лучшие представители народа, во имя которых в пятом году поднялись миллионы. Совместимо ли с монархией Романовых всеобщее, равное, прямое избирательное право, когда даже не всеобщее, неравное, не прямое избирательное право в первую и вторую Думу было растоптано царизмом? Совместима ли с монархией царя свобода союзов, коалиций, стачек, когда даже реакционный, уродливый закон 4-го марта 1906 года¹⁴¹ сведен всецело на-нет губернаторами и министрами? Не звучат ли издевательством слова манифеста 17-го октября 1905-го года о «незыблемых основах гражданской свободы», о «действительной неприкосновенности личности», о «свободе совести, слова, собраний, союзов»? Каждый день каждый «подданный» царя наблюдает это издевательство.

Нет! Довольно с нас либеральной лжи, будто возможно соединение свободы и старой власти, будто мыслимы политические реформы при царской монархии. Тяжелыми уроками контрреволюции заплатился русский народ за эти детские иллюзии! Кто серьезно и искренно хочет политической свободы, тот должен гордо и смело поднять знамя *республики*, и под это знамя политика царско-помещичьей

шайки неуклонно будет стягивать *все* живые силы русской демократии.

Было время — и не так давно — когда клич: долой самодержавие! казался слишком передовым для России. Но РСДРП Партия бросила этот клич, рабочие передовых отрядов подхватили его и разнесли по всей стране; в 2—3 года этот клич стал «народной поговоркой». За работу же, товарищи-рабочие и все граждане России, кто не хочет, чтобы наша страна погрязла окончательно в застое, дикости, бесправии и убийственной нужде десятков миллионов! Российские социал-демократы, российские рабочие добьются того, чтобы народной поговоркой на Руси стало: долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика российская!

Рабочие! Вспомните пятый год: стачечной борьбой вы подняли к новой жизни, к сознательности, к свободе миллионы трудящихся. И десятилетия царских реформ не давали, не могут дать десятой доли тех улучшений вашей жизни, которых вы добились тогда борьбой масс. Судьба проекта закона о страховании рабочих, изуродованного — при участии кадетов — помещичьей Думой, лишней раз показала, чего могут ждать рабочие «сверху».

Контрреволюция отняла почти все наши завоевания, но она не отняла и не сможет отнять силы, бодрости, веры в свое дело у рабочей молодежи, у растущего и крепнущего всероссийского пролетариата.

Да здравствует новая борьба за улучшение жизни рабочих, которые не хотят оставаться рабами на каторге фабрик и заводов! *Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!* Кто хочет свободы на Руси, тот должен помочь тому классу, который вырыл могилу царской монархии в 1905 году и который свалит в эту могилу величайшего врага всех народов России в грядущую русскую революцию.

Крестьяне! Вы посылали своих депутатов трудовиков в I и II Думу, веря в царя и надеясь миром добиться его согласия на передачу помещичьих земель народу. Вы могли теперь убедиться в том, что царь — самый крупный помещик в России — в защите помещиков и чиновников не останавливается ни перед каким клятвопреступлением, ни перед каким беззаконием, ни перед каким насилием и кровопролитием. Терпеть ли иго последней-крепостников, сносить ли молча издевательства и надругательства

чиновников и умирать сотнями тысяч и миллионами от мучений голода, от порожденных голодом и крайней нищетой болезней, — или умереть в борьбе против царской монархии и царско-помещичьей Думы, чтобы завоевать сколько-нибудь сносную и человеческую жизнь для наших детей?

Вот вопрос, который надвигается на русских крестьян. И рабочая социал-демократическая партия зовет крестьян на борьбу за полную свободу, за переход всех помещичьих земель к крестьянам без всякого выкупа. Подачками не излечить крестьянской нищеты, не избавить крестьян от голода. Не милостыни требуют крестьяне, а той земли, которую веками поливали они своим потом и кровью. Не попечение начальства и царя пужно крестьянам, а свобода от чиновников и от царя, свобода самим устраивать свои дела.

Пусть же выборы в IV Думу послужат для уяснения политического сознания масс, для вовлечения их снова в решительную борьбу. Три главные партии борются на выборах: 1) черносотенцы, 2) либералы и 3) социал-демократы.

К черносотенцам принадлежат и правые, и «националисты», и октябристы. Они все стоят за правительство — значит, различия между ними не могут иметь никакого сколько-нибудь серьезного значения. Беспощадная борьба со всеми этими черносотенными партиями — вот наш лозунг!

Либералы, это партия кадетов («конституционно-демократическая» или «народной свободы»). Это партия либеральной буржуазии, которая хочет разделить власть с царем и крепостниками-помещиками так, чтобы не разрушать до основания их власти, так, чтобы не давать власти народу. Ненавидя оттесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс, относятся с еще большими колебаниями и нерешительностью к освободительной борьбе народа, изменнически переходя в решительные моменты на сторону монархии. За время контрреволюции либералы, подпевая «славянским» мечтаниям царизма, разыгрывая из себя «ответственную оппозицию», пресмыкаясь перед царем как «оппозиция его величества» и обливая грязью революционеров и революционную борьбу масс, отворачивались все более и более от борьбы за свободу.

Российская социал-демократическая рабочая партия и в черной III Думе сумела поднять знамя революции, сумела помочь и оттуда делу организации и революционного просвещения рабочих, делу крестьянской борьбы с помещиками. Партия пролетариата — единственная партия передового класса, способного завоевать России свободу. И теперь наша партия идет в Думу не для того, чтобы играть там «в реформы», не для того, чтобы «отстаивать конституцию», «убеждать» октябристов или «вытеснять реакцию» из Думы, как говорят обманывающие народ либералы, а для того, чтобы с думской трибуны звать массы к борьбе, разъяснять учение социализма, вскрывать всякий правительственный и либеральный обман, разоблачать монархические предрассудки отсталых слоев народа и классовые корни буржуазных партий, — одним словом для того, чтобы готовить армию сознательных борцов новой русской революции.

Царское правительство и черносотенные помещики вполне оценили, какую силу революции представляла из себя с.-д. фракция в Думе. Все усилия полиции и министерства внутренних дел направлены теперь на то, чтобы не пропустить с.-д. в IV Думу. Объединяйтесь же, рабочие и граждане! сплывайтесь вокруг РСДРП, которая на своей недавней конференции, оправляясь от развала времен лихолетья, снова собрала свои силы и подняла свое знамя! Пусть все и каждый примет участие в выборах и в выборной агитации — и усилия правительства будут разбиты, красное знамя революционной социал-демократии будет с думской трибуны водружено и в полицейской, бесправной, залитой кровью, задавленной и голодной России!

Да здравствует демократическая республика российская!

Да здравствует 8-мичасовой рабочий день!

Да здравствует конфискация помещичьей земли!

Рабочие и граждане! Поддерживайте выборную агитацию РСДРП! Выбирайте кандидатов РСДРП Партии!

*Центральный Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии*

Написано в начале марта 1912 г.

Напечатано в марте 1912 г.
отдельной листовкой

Печатается по тексту листовки,
сверенному с текстом рукописной
нотки с поправками В. И. Ленина

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА»

(ПРИПИСКА К ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ РСДРП)¹⁴³

Сия платформа* посылается только для *осведомления* всех, особенно *сочинителей* платформы. Пора бросить *сочинения* платформы, когда *есть* утвержденная и изданная Центральным Комитетом (в России *уже вышла* листовка об этом, но у нас *лишь один* экземпляр и мы не можем его послать; поэтому переписываем и посылаем копию). Особенно глупо было бы сочинять *легальные* платформы. *Все и всякие* статьи о платформе и об «основах платформы» надо печатать обязательно с подписью автора и с *пометкой*: опыт комментария.

В частности я *очень и очень* советовал бы известной вам коллегии *не* утверждать никакой платформы. Это ликвидаторская затея, чтобы платформу утверждал кто-либо кроме ЦК! Кроме того добра не будет и по существу дела от утверждения платформы коллегией. Пусть коллегия или одобрит эту или промолчит.

Написано 13 (26) марта 1912 г.

Печатается впервые, по рукописи

* См. настоящий том, стр. 453. Ред.

КАРТЫ НА СТОЛ ¹⁴³

Язык княжества Монако ¹⁴⁴ есть язык, хорошо знакомый нашей знати, господам министрам, членам Гос. совета и т. д. Известно, кто ввел в употребление этот язык в нашем Гос. совете! Поэтому мы несколько удивились, встретив в газете «Живое Дело», № 8, то выражение, которое поставлено в заголовке статьи.

Но дело не в способе выражения. Авторитетность — среди ликвидаторов — лица, употребившего его (Л. Мартов), важность затронутой темы («карты на стол» в вопросах об избирательной кампании, ее принципах, ее тактике и т. д.), все это заставляет нас подхватить лозунг, независимо от того, как он выражен.

«Карты на стол», это — превосходный лозунг. И нам прежде всего хотелось бы, чтобы он был применен к газете «Живое Дело». Карты на стол, господа!

Люди, опытные в литературных делах, сразу определяют характер издания по составу сотрудников, по отдельным даже выражениям, указывающим на *направление* органа, если это направление принадлежит к числу сколько-нибудь установившихся и известных. Таким людям достаточно было одного взгляда на газету «Живое Дело», чтобы определить его принадлежность к ликвидаторскому направлению.

Но широкая публика не так легко разбирается в направлении органов, особенно когда речь идет не о теоретических обоснованиях, а о живой политике. Здесь особенно важно и особенно уместно напоминать столь кстати выдвинутый Л. Мартовым лозунг: «карты на стол». Ибо как раз у «Живого Дела» — карты-то под столом!

(3)

Карты на столе.

Эткая каменность Шонко еще здесь, хорошо знакомой каменной укари, сохотачи иленинград, иленин то Советов и т. д. Цифры ко, это вканд в утробеблениа зрота зрота в келаме то. Советов! Подрусу ил. Шонко ко удивилем, вкандув в гудит "Иленин Шонко", и т. д. то вкандии, которое кудр. вканд в гудит вканд.

Но Шонко и вканд вкандии. Шонко оторуженности — среди вкандиинотров — Шонко, утробеблениа его (Ш. Шонко), вкандиинот рупотурии Шонко ("Карты на столе" в вкандиинот от утробеблениа келамии, вкандиинот, вкандиинот и т. д.) Шонко это гудит вканд келамиинот вкандиинот, келамиинот Шонко, келамиинот от вкандиинот.

"Карты на столе", это — вкандиинот Шонко. Шонко келамиинот вкандиинот Шонко,

Те идеи, которые начинает проводить «Живое Дело», разрабатывались сколько-нибудь последовательно и систематически *только* в течение двух последних лет в органах «Наша Заря», «Жизнь», «Возрождение», «Дело Жизни». Материал за два года собрался здесь довольно значительный. Недостаёт только *сводки* и в особенности сводки, произведенной именно теми, кто два года занимался такой разработкой. Недостаёт *открытого* изложения проводниками ликвидаторских идей тех итогов, к которым привели их два года «работы» «Нашей Зари».

И как раз тут любители разговоров об «открытой рабочей партии» оказываются любителями *закрытой* игры! Вы читаете, напр., в № 8, в передовице, что «путь борьбы за общее, за общее улучшение и *коренное* изменение условий труда и жизни» лежит *через* «отстаивание *частичных* (курсив автора статьи) прав». Вы читаете в заметке того же номера о каких-то «петербургских деятелях открытого рабочего движения», что они «*как и до сих пор*», будут «популярить в с.-д. те методы возрождения и создания пролетарской с.-д. партии, которые отстаивались ими до сих пор».

Карты на стол! Что это за теория отстаивания *частичных* прав? Ни в каких оформленных, официальных, группами рабочих или представителями групп признанных, *открыто* провозглашенных положениях эта теория не заявлена. Та ли это теория, о которой нам поведал, напр., г. В. Левицкий в № 11 «Нашей Зари» за 1911 год? Далее, как же могут знать читатели газеты, *какие* методы отстаивали для «возрождения и *создания* партии» — очевидно, не созданной, т. е. не существующей, — какие-то не названные деятели открытого движения? Почему бы не назвать этих деятелей, ежели это действительно деятели «открытого» движения, ежели эти слова не одна только *условная* фраза?

Ведь вопрос о «методах возрождения и *создания* партии» не какой-нибудь частный вопрос, который может быть затронут и разрешен попутно, среди прочих политических вопросов, интересующих всякую газету. Нет. Это — основной вопрос. Нельзя говорить ни об избирательной кампании партии, ни об избирательной тактике партии, ни о кандидатах партии, пока этот вопрос не решен. И решен он должен быть самым недвусмысленным, положительным

образом, ибо тут кроме ясного теоретического ответа требуется *практическое* решение.

Софизмами — и софизмами худшего сорта — являются нередко встречаемые рассуждения, что-де в процессе избирательной кампании создадутся или сплотятся элементы возрождения и создания партии и т. д. и т. п. Это — софизм, ибо партия есть нечто *организованное*. Избирательной кампании рабочего класса нет и не может быть, если нет *единых* решений, единой *тактики*, единой платформы, единых кандидатур всего класса или по крайней мере передового его слоя.

Софизмы подобного рода, глухие заявления от имени анонимных, неизвестных и неуловимых *для пролетариата* открытых деятелей — кто только не называет себя «деятелем открытого рабочего движения!» каких только буржуа не прикрывает эта кличка! — все это представляет величайшую опасность, от которой нельзя не предостеречь рабочих. Опасность в том, что об «открытом»-то выступлении говорится *лишь для отвода глаз*, а на деле получается худший вид *закрытой диктатуры кружка!*

Кричат против «подполья», хотя там мы видим открытые решения — теперь ставшие известными в изрядной мере благодаря буржуазной прессе («Голосу Земли», «Киевской Мысли», «Русскому Слову», «Голосу Москвы», «Новому Времени» — сколько *сотен тысяч* читателей *открыто* оповещены теперь о вполне определенных решениях, означающих действительное единство избирательной кампании). Но кричащие *против* подполья или *за* «открытую политическую деятельность» являют нам как раз образчик того, когда они от одного берега отстали, к другому не пристали. Старое брошено, о новом одни только разговоры.

«Методы возрождения и создания», о которых говорит «Ж. Дело», мы знаем — и все *открыто* знают — только те, которые в «Нашей Заре» развивались и защищались. Иных мы не знаем ни открыто, ни как-либо иначе. Ни единой попытки обсудить эти методы — открыто или иначе — представителями групп не было, ни единого формального и оформленного, официального *изложения* этих методов нет. Под прикрытием *слов* открытый, открытого, об открытом и — получается нечто совершенно закрытое и в самом подлинном смысле слова кружковое, литераторски-кружковое.

Отдельных литераторов, ни перед кем не ответственных, ничем от вольных стрелков буржуазной прессы не отличающихся, мы знаем. Их речи о «методах», о ликвидации старого мы знаем.

Ничего больше мы не знаем и не знает никто в *открытой* политической деятельности. Вот вам парадокс, — кажущийся парадокс, а на деле прямой и естественный продукт *всех* условий русской жизни, — что упомянутая выше серия распространеннейших буржуазных органов о «неоткрытой» политической деятельности, решениях, лозунгах, тактике и проч. точнее, быстрее, прямее оповестила массы, чем о *несуществующих* решениях «деятели открытого движения»!

Или может быть кто-нибудь станет утверждать, что без оформленных решений возможна избирательная кампания?? Без оформленных решений возможно определение — десятками и сотнями тысяч избирателей в разных концах страны — и тактики, и платформы, и соглашений, и кандидатур??

Заговорив о «картах на столе», Мартов задел самое болезненное место ликвидаторов и нельзя преувеличить энергии, с которой надо предостеречь рабочих. Без оформленных решений, без всяких определенных ответов на практические вопросы, без участия хотя бы десятков или сотен передовиков в обсуждении каждой фразы, каждого слова важных решений рабочей массе преподносят... мысли и наброски *не названных открыто* «деятели открытого движения», т. е. гг. Потресовых, Левицких, Чацких, Ежовых, Лариных.

Карты прячут, ибо малейшая попытка раскрыть их перед рабочими покажет им яснее ясного, что тут не о рабочей партии идет речь, не о рабочей политике, а о проповеди *либеральных* публицистов, по либеральному пекущихся о рабочих, ликвидирующих старое и бессильных дать взамен хоть что-либо новое.

Опасность велика. За фразами об «открытом»... завтрашнем дне оставляют рабочих *не только* без открытого, но *без всякого* решения неотложнейших практических вопросов сегодняшней избирательной кампании, сегодняшней партийной жизни.

Пусть сознательные рабочие вдумаются в это опасное положение.

P. S.*

(1) Непременно пришлите поскорее книги об избирательном законе З. VI. 07. Либо еще экземпляр справочника 1910 г.¹⁴⁵ А кроме того закон (избирательный) с комментариями юриста. Справьтесь у «ваших» и вышлите скорее. Без этого спутник избирателя¹⁴⁶ невозможен. (2) Я опять неаккуратно получаю «Звезду». Повторите в экспедиции. Дайте мой адрес (старый). Нельзя же так неаккуратно посылать. (3) Статью «Основы платформы» не надо проводить через коллегия; пустите ее за подписью и с подзаголовком (опыт комментария); коллегия не должна «утверждать» никакой платформы: имейте в виду, что тут один неловкий шаг и бучи не оберетесь. Пусть коллегия воздержится и промолчит. Утверждение платформы — дело совсем иной инстанции. (4) Посылайте газеты, журналы, книги. Без этого беда. (5) Пишите точно, когда же ежедневная газета, какой формат и пр. (6) С «Живым Делом» воюйте живее — тогда победа обеспечена. Иначе беда. Не бойтесь полемики. Обязательно 2—3 полемических статьи в неделю.

Написано 12 или 13 (25 или 26)
марта 1912 г.

Впервые напечатано 21 января 1935 г.
в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ПО ПОВОДУ УХОДА ДЕПУТАТА Т. О. БЕЛОУСОВА ИЗ С.-Д. ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ

С большим удивлением прочли мы в № 7 «Живого Дела» перепечатку из «Речи» бранчливого заявления г. Белоусова¹⁴⁷. Что «Речь» приняла это заявление нового перебежчика, в этом нет ничего удивительного. «Речи» естественно печатать выкрики бывшего социал-демократа, будто «чувством мести» продиктована была оценка с.-д. думской фракцией его бегства. Но с какой стати перепечатывает это «Живое Дело»? И не странно ли видеть в том же «Живом Деле» статью «К уходу депутата Белоусова», в которой ведутся кислосладкие речи о том, что «нас не должны смущать те случаи дезертирства, какие имели место»?

С одной стороны, «Живое Дело» «не считает себя вправе останавливаться на оценке шага Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие». С другой стороны, оно все же *останавливается...* на полдороге, говоря с ужимками о «подобном дезертирстве»!

К чему эта игра? Не пора ли печати исполнить свой долг открытого обсуждения фактов, имеющих политическое значение?

Думская с.-д. фракция *единогласно* высказалась, что г. Белоусову следовало бы *сложить немедленно свои депутатские полномочия*, ибо он прошел в Думу эсдековскими голосами и четыре с половиной года был в думской с.-д. фракции.

Г. Белоусов печатает в «Речи» ответ, *обходя* эту суть дела совершенно. Но общественное мнение сознательных рабочих *не должно позволить* обходить этот вопрос молчанием. Если г. Белоусов желает отмалчиваться, то мы

не вправе молчать. К чему же тогда рабочая пресса, если не для обсуждения фактов, важных для думского представительства рабочего класса?

Допустимо ли это с точки зрения обязанностей всякого демократа, если депутат, прошедший в качестве социал-демократа и четыре с половиной года пробывший в с.-д. думской фракции, уходит из фракции за несколько месяцев до выборов, *не уходя из Думы?* Вот вопрос, имеющий общее значение. Ни один демократ, сознающий свои обязанности перед избирателями — не в смысле обязанностей «ходателя» за местные интересы, а в смысле обязанностей *политического* деятеля, который *перед всем народом* выступал на выборах с *определенным* знаменем, — ни один демократ не станет отрицать, что вопрос этот принципиальный и крайне важный.

Пусть все рабочие, читающие рабочую прессу и интересующиеся вопросом о представительстве рабочих в Гос. думе, отнесутся с величайшим вниманием к уходу г. Белоусова, обдумают и обсудят этот вопрос. *Нельзя молчать.* Недостойно сознательного рабочего молчать в таких случаях. Надо уметь отстаивать *свое право*, право всякого избирателя на то, чтобы выбранные ими депутаты оставались верны своему знамени, чтобы они *не смели* дезертировать безнаказанно.

Права или нет думская фракция, что депутат, пробывший в ней четыре с половиной года и прошедший в Гос. думу с.-д. голосами, *обязан*, уходя *теперь* из фракции, уйти из Думы? Да! С.-д. фракция вполне права! Если мы не на словах только, а *на деле* стоим за единство, сплоченность, цельность, принципиальную выдержанность рабочего представительства, мы должны заявить свое мнение, мы должны, все и каждый, поодиночке и совместно, обратиться и в «Звезду», и в думскую фракцию с письмами (которые надо сообщать и местной прессе), что поступок г. Белоусова мы решительно и бесповоротно осуждаем, что не только всякий сторонник рабочего класса, но и всякий *демократ* должен выразить осуждение подобным поступкам. Подумайте только, какое же это будет «народное представительство», если депутаты, выбранные под определенным знаменем, пробывшие под ним девять десятых думской сессии, *накануне выборов* будут заявлять: *ухожу из фракции, но остаюсь депутатом, желаю оставаться «народным» представителем!*

Позвольте, господин перебежчик! Какой *народ* теперь вы представляете? *Не* тот, который вас выбирал, как эсдека! *Не* тот, который вас видел в течение $\frac{9}{10}$ думской сессии в рядах с.-д. думской фракции! Вы не представитель народа, а обманщик народа, ибо за оставшееся до выборов время *нельзя*, физически невозможно этому народу (даже если бы этот народ пользовался полной политической свободой) изучить теперь на деле, на основании ваших поступков, *кто* вы такой, *чем* вы стали, *куда* вы покатались, *к кому или к чему* вас потянуло. Вы должны уйти из Думы, или все и каждый вправе будут третировать вас, как политического авантюриста и обманщика!

Бывают уходы и уходы. Бывают перемены взглядов столь явные, определенные, открытые, мотивированные известными всем фактами, что разногласий при оценке некоторых уходов не возникает, предосудительного, бесчестного в некоторых уходах не бывает. Но, ведь, не случайно же теперь и *только* теперь, *только* в данном случае думская фракция выступила с печатным протестом! С.-д. фракция говорит прямо, что г. Белоусов «выразил пожелание, чтобы не предавать гласности факта его ухода из фракции». Г. Белоусов бранится в своем ответе, перепечатанном «Живым Делом», но не опровергает факта. Мы спрашиваем: что должен думать каждый рабочий о человеке, который, уходя из фракции, выражает пожелание скрыть свой уход? Если это не обман, то что же называется на свете обманом?

С.-д. фракция говорит прямо, что «она совершенно не может выяснить себе границ дальнейшей эволюции своего бывшего сочлена». Пусть подумает читатель над этими многозначительными словами! Не про всех ушедших, а только про одного данного ушедшего говорит такие серьезные вещи думская с.-д. фракция. Это есть вотум (решение принято по голосованию) полного недоверия. Больше того. Это есть предупреждение всех избирателей, всего народа, что такому-то депутату доверять совершенно невозможно. С.-д. думская фракция единогласно предупреждает об этом всех и каждого. Всякий сознательный рабочий должен ответить теперь, что он это предупреждение получил, что он его понял, что он его разделяет, что он не будет молча смотреть на установление в России, в среде людей, причисляющих себя к

демократии, таких парламентских нравов (вернее: такой парламентской безнравственности), когда депутаты ловят мандаты, как добычу, для «свободных» проделок с этой добычей. Так бывало, так бывает во всех буржуазных парламентах, и везде рабочие, понявшие свою историческую роль, борются с этим, *борьбой* воспитывают себе своих, рабочих, депутатов, не ловцов мандата, не дельцов парламентских афер, а доверенных рабочего класса.

И пусть рабочие не дадут обмануть себя софизмами. Таким софизмом является рассуждение «Живого Дела»: «мы не считаем себя вправе останавливаться на оценке шага Т. О. Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие».

Во-первых, в заявлении думской с.-д. фракции мы читаем: «уход свой г. Белоусов мотивировал тем, что фракция еще два года тому назад стала для него совершенно чуждою средою». Разве это не есть оглашение мотивов? Разве это не ясные русские слова? Если «Живое Дело» не верит заявлению фракции, пусть оно скажет это прямо, а не виляет, не вертится, не говорит, что оно «не вправе останавливаться», когда фракция *уже* остановилась, уже огласила мотивы или мотив, сочтенный фракцией главнейшим.

Во-вторых, в ответе г. Белоусова, напечатанном кадетской «Речью» и ликвидаторским «Живым Делом», мы читаем: «Сообщу, что фракция в своем заявлении ровно ничего (??!) не сказала о действительных мотивах моего с нею разрыва. Я знаю, что независящие обстоятельства не позволяют фракции огласить мои разногласия с нею, изложенные как в устном, так и письменном объяснении».

Посмотрите-ка, что это такое выходит. Фракция официально оглашает мотивировку г. Белоусова. Г. Белоусов бранится («инсинуации, наветы» и т. п.), но не опровергает этой мотивировки. Он заявляет, что независящие обстоятельства *не позволяют* фракции «огласить» еще нечто. (Если действительно обстоятельства не позволяют *огласить*, то к чему же вы, милостивый государь, *оглашаете* намек на то, чего нельзя огласить? Не приближается ли ваш прием к инсинуации?) А «Живое Дело», перепечатавшая вопиющую фальшь г. Белоусова, которая бьет в лицо, тут же говорит от себя: «мы не вправе останавливаться, пока не будут оглашены мотивы»... оглашения которых

«не позволяют» независящие обстоятельства!! Другими словами: для оценки ухода г. Белоусова «Живое Дело» будет ждать оглашения того, чего огласить (по заявлению самого г. Белоусова) нельзя.

Неужели не ясно, что «Живое Дело» вместо того, чтобы разоблачить перепечатаваемую им фальшь г. Белоусова, прикрывает эту фальшь?

Нам остается добавить немного. Ссылаться на неоглашение того, чего огласить нельзя, значит разоблачать самого себя. А оценить то, что уже оглашено, что уже известно, необходимо и обязательно для всякого, кто дорожит думским представительством рабочего класса. Г. Белоусов уверяет: «мой выход из фракции ни на йоту не изменил направления моей политической и общественной деятельности». Это — пустые слова, повторяемые всеми ренегатами. Слова эти противоречат заявлению фракции. Мы верим с.-д. фракции, а не перебежчику. О «направлении» г. Белоусова нам, как и большинству марксистов, известно лишь одно: это было направление резко *ликвидаторское*. Г. Белоусов дошел в ликвидаторстве до того, что фракция окончательно «ликвидировала» его связь с социал-демократией. Тем лучше для нее, для рабочих, для рабочего дела.

А ухода из Думы г. Белоусова должны требовать не только все рабочие, но и все демократы.

ГОЛОД

Снова голод — как попрежнему, в старой России, до 1905 года. Неурожаи бывают везде, но *только* в России они ведут к отчаянным бедствиям, к голодовкам миллионов крестьян. А теперешнее бедствие, как вынуждены признать даже сторонники правительства и помещиков, превышает по размерам голод 1891 года.

Население в 30 миллионов человек пострадало в сильнейшей степени. Крестьяне за бесценок распродают наделы, скот и все, что только можно продавать. Продаются девушки — возвращаются худшие времена рабства. Народное бедствие показывает сраву настоящую суть всего нашего якобы «цивилизованного» общественного строя: в других формах, в другой оболочке, при иной «культуре» этот строй есть *старое рабство*, рабство миллионов трудящихся ради богатства, роскоши, тунеядства «верхних» десяти тысяч. Каторжная работа, как всегда у рабов, и полная беззаботность богачей насчет судьбы рабов: прежде прямо морили голодом рабов, прямо брали женщин в гаремы барина, прямо подвергали рабов истязаниям. Теперь крестьян ограбили — посредством всех ухищрений, завоеваний и прогрессов цивилизации — ограбили так, что они пухнут от голода, едят лебеду, едят комья грязи вместо хлеба, болеют цынгой и умирают в мучениях. А русские помещики, с Николаем II во главе, и русские капиталисты загребают деньги миллионами: владельцы увеселительных заведений в столицах говорят, что давно они так бойко не торговали. Давно не было такой наглой, разнузданной выставки роскоши, как теперь в больших городах.

Почему в России и только в России сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир — капитал — падвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием. Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века.

Но голод в современной России, после стольких хвастливых речей царского правительства о благе нового землеустройства, о прогрессе хуторского хозяйства и т. д., не пройдет без того, чтобы многому *научить* крестьян. Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты.

Разъяснять это — долг каждого сознательного рабочего, долг каждого сознательного крестьянина. Это — наша главная задача в связи с голодом. Организовать, где можно, сборы от рабочих в пользу голодающих крестьян и пересылать эти деньги через с.-д. депутатов — это, разумеется, тоже одно из необходимых дел.

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЫБОРЫ В IV ДУМУ

Правительство начало уже «готовиться» к выборам в IV Думу. Стараются земские начальники, подгоняемые циркулярами от губернаторов и министра, усердствуют становые и черносотенцы, из кожи лезут «батюшки», которым велено хлопотать из всех сил за «правые» партии. Крестьянам также пора подумать о выборах.

Для крестьян выборы имеют особенно важное значение, а положение крестьян на выборах очень трудное. У крестьянства всего слабее политическая организованность — и по сравнению с рабочими и по сравнению с либеральной, кадетской партией. А без политической организации крестьяне, будучи из всех слоев населения наиболее раздробленными по условиям своей жизни, совершенно не в состоянии дать отпор помещикам и чиновникам, которые и дают теперь крестьян, надругаются над ними так, как никогда прежде. Группа крестьянских депутатов в IV Думе, действительно преданных крестьянскому делу, сознательных и способных отстаивать по всем вопросам интересы крестьянства, политически организованных и неуклонно работающих над расширением и упрочением связей с крестьянами на местах, такая группа могла бы принести громадную пользу делу сплочения крестьянских масс в их борьбе за волю и за жизнь.

Возможно ли образование такой группы в IV Думе? В III Думе была группа *трудовиков* в 14 человек, которая отстаивала интересы крестьянской демократии, — к сожалению, слишком часто становясь при этом в зависимость от либералов, кадетов, которые водят крестьян за нос, обманывая призраком «мира» крестьян с помещиками

и с помещичьей царской монархией. Кроме того известно, что даже «правые» крестьяне в III Думе по вопросу о земле выступают более демократически, чем кадеты. Земельный проект 43-х третьедумских крестьянских депутатов свидетельствует об этом неопровержимо, а недавнее «выступление» Пуришкевича против правых депутатов крестьян показывает, что черносотенцы имеют основание быть вообще недовольными «правыми» крестьянами депутатами.

Итак, по настроению своему крестьянство — получившее за время III Думы жестокие уроки и от новой земельной политики, от «землерасстройства», и от величайшего бедствия: голода — крестьянство вполне способно дать демократических представителей в IV Думу. Вся загвоздка в избирательном законе! Составленный помещиками в пользу помещиков и утвержденный помещичьим царем, закон этот предоставляет выбор депутата в Думу от крестьян не крестьянским выборщикам, а помещикам. Кого хотят помещики, того они и выберут в Думу от крестьян из числа крестьянских выборщиков! Ясно, что помещики всегда будут выбирать черносотенных крестьян.

Значит, чтобы провести своих депутатов в Думу, действительно надежных и стойких защитников крестьянских интересов, у крестьян есть только одно средство. Это средство — сделать так, как сделали рабочие, т. е. не пропускать в выборщики ни одного человека, кроме партийных, сознательных, вполне преданных крестьянству и надежных людей.

Рабочая социал-демократическая партия постановила на своей конференции: рабочие уже на собрании уполномоченных (выбирающих выборщиков) должны постановлять, кто именно должен быть выбран от рабочих в Думу. Все остальные выборщики должны отказываться, под угрозой бойкота и суда за измену.

Пусть крестьяне делают то же самое. Немедленно надо начать подготовку к выборам, разъясняя крестьянам их положение, сплывая всюду, где возможно, по деревням хотя бы самые небольшие группы сознательных крестьян для руководства выборами. На собрании своих уполномоченных, прежде чем выбирать выборщиков, крестьяне должны постановлять, кто именно от крестьян должен пройти в Думу, требуя от всех остальных крестьянских

выборщиков, под угрозой бойкота и суда за измену, чтобы они не принимали помещичьих предложений, чтобы они обязательно *отказывались* в пользу *крестьянского* кандидата.

Все сознательные рабочие, все социал-демократы, все истинные демократы должны придти на помощь крестьянству в деле выборов в IV Думу. Пусть тяжелые уроки голода и грабежа крестьянских земель не пропадут даром. Пусть усилится и окрепнет группа преданных крестьянству, действительно демократических крестьянских депутатов в IV Думе.

«Рабочая Газета» № 8,
17 (30) марта 1912 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

АНОНИМ ИЗ «VORWÄRTS'А»
И ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РСДРП¹⁴⁸

Написано в марте 1912 г.

*Напечатано на немецком языке
в 1912 г.*

*в Париже отдельной брошюрой
Подпись: Редакция ЦО РСДРП
«Социал-Демократ»*

*Печатается по тексту брошюры
Перевод с немецкого*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «Vorwärts'e» от 26 марта появились официальное сообщение о конференции РСДРП и анонимная статья, где автор, следуя примеру резолюции заграничных групп русских социал-демократов¹⁴⁹, осыпает конференцию бранью. Конференция эта явилась завершением четырехлетней борьбы РСДРП с ликвидаторами и состоялась, несмотря на все интриги ликвидаторов, которые хотели во что бы то ни стало помешать восстановлению партии. Конференция объявила ликвидаторов вне партии. Естественно, что ликвидаторы и все к ним примыкающие нападают теперь на конференцию.

Так как «Vorwärts» отказывается дать место нашему ответу на лживую, клеветническую статью анонима и продолжает свою кампанию в пользу ликвидаторов, то мы выпускаем этот ответ для информации немецких товарищей в виде отдельной брошюры. Она посвящена, главным образом, краткому изложению значения, хода и исхода борьбы с ликвидаторами.

Редакция ЦО РСДРП «Социал-Демократ»

Р. С.* Наша брошюра была уже сдана в печать, когда появился № 16 плехановского «Дневника Социал-Демократа» (апрель 1912 г.). Этот № дает лучшее доказательство того, что «Vorwärts» был обманут анонимом и с своей стороны вводил в заблуждение немецких рабочих.

* — Postscriptum — приписка. Ред.

Плеханов, определенно заявляя, что он попрежнему не является сторонником состоявшейся в январе 1912 г. конференции, утверждает прямо, что Бунд созывает не конференцию *существующих* партийных организаций, а *учредительную*, т. е. такую, которая должна основать новую партию; что организаторы этой конференции кладут в основу *типично-анархический принцип*; что они приняли «ликвидаторскую резолюцию»; что эта новая конференция «созывается ликвидаторами».

Приходится только удивляться, с какой наивностью некоторые немецкие товарищи приняли всерьез все страшные слова вроде: «узурпация», «государственный переворот» и т. д., которые пускают в ход заграничные группки русской социал-демократии, набрасываясь на конференцию русских организаций РСДРП. Впрочем не следует забывать поговорки, что всякий осужденный вправе в продолжение 24 часов ругать своих судей.

В статье «Vorwärts'a» от 26 марта, озаглавленной: «Из жизни русской партии», приведено официальное сообщение конференции, которое говорит об исключении ликвидаторов из партии. Дело — ясно вполне: русские организации РСДРП стали на ту точку зрения, что совместная работа с ликвидаторами невозможна. Можно, конечно, в этом вопросе держаться другого взгляда, но тогда следовало бы несколько более подробно коснуться мотивов такого решения и всей истории четырехлетней борьбы с ликвидаторством! А между тем автор анонимной статьи в «Vorwärts'e» не говорит ни слова по существу об *этом основном вопросе*. Конечно, это свидетельствует об очень слабом уважении к читателям, если существо дела обходят молчанием и только отводят душу в мелодраматических излияниях. Как же беспомощен наш аноним, когда факту разрыва между партией и ликвидаторством он ничего не может противопоставить, кроме ругани!

Достаточно из напыщенной статьи анонима взять наудачу несколько курьёзов. Он говорит, что в конференции не приняли участия «течения» или «группы»: «Вперед», «Правда», «Голос Социал-Демократа» и т. д. Что можно

было бы сказать о немецком социал-демократе, который стал бы сокрушаться, что на партийном съезде не были представлены «группа» или «течение Фридберга» или «Sozialistische Monatshefte»*? И мы в своей партии также придерживаемся правила, что в конференции принимают участие организации, действующие в России, а не всякие заграничные «течения» или «группы». Если эти «группы» расходятся с русскими организациями, то уже в одном этом и заключается их самое сильное осуждение, их смертный приговор, которого они с полным правом заслужили. История русской эмиграции — как и эмиграций всех других стран — изобилует случаями, когда такие «течения» или «группы», оторвавшись от работы социал-демократических рабочих в России, умирали естественной смертью.

Не смешны ли крики нашего автора, что меньшевикопартийцы (т. е. антиликвидаторы), участвовавшие на конференции, были дезавуированы самим Плехановым? Киевская организация могла бы, конечно, дезавуировать заграничных «плехановцев» (т. е. сторонников Плеханова); но никакой отдельный литератор за границей не мог бы с своей стороны «дезавуировать» Киевскую организацию. Организации Петербургская, Московская, Московская окружная, Казанская, Саратовская, Тифлисская, Бакинская, Николаевская, Киевская, Екатеринославская, Виленская и Двинская «дезавуировали» все заграничные группки, которые помогали ликвидаторам или заигрывали с ними. Тут крики и брань «дезавуированных» вряд ли могут что-нибудь изменить.

Далее, не курьезно ли, когда автор заявляет прямо, что «национальные» социал-демократические организации в России (Польская, Латышская, Бунд) и Закавказский областной комитет представляют «старейшие, самые сильные организации нашей русской партии, образующие, собственно, спинной хребет движения»? Проблематичность существования Закавказского областного комитета известна каждому и доказана характером его представительства на конференции 1908 г. Поляки и латыши в первые 9 лет существования РСДРП (1898—1907 гг.) вели совершенно обособленную от нее жизнь; — эта обособленность фактически продолжала существовать и в 1907—1911 гг.

* — «Социалистический Ежемесячник». Ред.

Бунд в 1903 г. вышел из партии и до 1906 (точнее 1907 г.) стоял вне ее. Объединения его с партией на местах и до настоящего времени не произошло, как официально установлено конференцией РСДРП 1908 г.¹⁵⁰. Внутри Латышской организации и Бунда брали верх то ликвидаторские, то антиликвидаторские течения. Что касается поляков, то в 1903 г. они были на стороне меньшевиков, в 1905 г. — на стороне большевиков, в 1912 г. они сделали неудачную попытку добиться «примирения» с ликвидаторами.

Эту последнюю неудачу автор стыдливо старается прикрыть следующей фразой: «Вначале принимал участие на этой конференции также представитель социал-демократии Польши и Литвы». Почему же только *в начале*? Стоит только прочесть официальное сообщение Бунда об этой конференции, чтобы найти там объяснение этого стыдливого умолчания. Именно там написано черным по белому: представитель от поляков покинул конференцию и представил письменное объяснение, почему для него стало невозможным сотрудничество с конференцией: там обнаружили дух пристрастия и уклон к *ликвидаторам*.

Конечно, нагромождать пустые, ничего не говорящие фразы о «единстве» (с ликвидаторами?), как любит это делать автор, значительно легче, чем изучить истинную сущность направления ликвидаторов, их отказ содействовать восстановлению партии, их работу по разрушению ЦК партии. И еще легче говорить пустые фразы, если при этом замалчивать такой факт, как отказ представителя поляков от совместной работы — не с большевиками или ленинцами, боже упаси! — а с бундовцами и латышами, потому что такая работа бесплодна.

Но каково же собственно происхождение ликвидаторства, и почему конференция 1912 г. вынуждена была конституироваться, как высший партийный орган, и исключить ликвидаторов?

Контрреволюция в России внесла сильное разложение в ряды нашей партии. На пролетариат обрушились самые неслыханные, бешеные репрессии. В рядах буржуазии ренегатство приняло широчайшие размеры. Буржуазные попутчики, которые естественно примкнули к пролетариату, как к гегемону нашей буржуазной революции в 1905 г., начали поворачиваться спиной к социал-демократической партии. Этот отход происходил в двух

направлениях: *ликвидаторства* и *отзовизма*. Ядро первого создалось из большинства меньшевистских литераторов (Потресов, Левицкий, Ларин, Мартов, Дан, Мартынов и др.). Они объявили нелегальную партию уже ликвидированной и всякую попытку ее восстановления — реакционной утопией. Их лозунг был — открытая рабочая партия. Само собою разумеется, что при существующих в России политических условиях, где даже партия либералов — кадетская — не легализована, образование открытой СДРП должно было остаться одним лишь невинным пожеланием. Ликвидаторы отвергли нелегальную партию, но и не выполнили обязательства основать легальную. И в конце концов все дело свелось к тому, что в легальных органах насмеялись над «подпольем», хоронили его в унисон с либералами и превозносили идеи либеральной рабочей политики. Ведь совершенно же правильно сравнивал Плеханов ликвидаторскую «Нашу Зарю» с немецкими «Sozialistische Monatshefte»! Меньшевик Плеханов (о большевиках, само собою разумеется, нечего и говорить) объявил ликвидаторству беспощадную борьбу, отказался от сотрудничества во всех их литературных органах и порвал с Мартовым и Аксельродом. «Человек, для которого наша партия не существует, — писал Плеханов в партийном ЦО про Потресова, — сам не существует для нее». Еще в декабре 1908 г. партийная конференция решительно осудила ликвидаторство, которое она характеризовала, как «попытки со стороны некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее (хорошенько заметьте это!) бесформенным объединением в рамках *легальности во что бы то ни стало*». Само собою разумеется, что необходимость использовать все легальные возможности не только не отвергается РСДРП, но, наоборот, отстаивается самым решительным образом. Однако открытая легальная *партия* в России — невозможна, и только оппортунисты-интеллигенты могут говорить о чем-либо подобном. Тип нашей партийной организации можно — конечно, лишь приблизительно — сравнить с немецкой во время исключительного закона против социалистов: легальная парламентская фракция, всевозможные легальные рабочие общества, как необходимое условие, — и все-таки *нелегальная партийная организация*, — как основа.

«Отзовисты» хотели отозвать социал-демократическую фракцию из III Гос. думы, выдвинув в качестве лозунга бойкот этой последней. К отзовистам примкнула часть большевиков, которой Ленин и др. объявили беспощадную войну. Отзовисты и их защитники образовали группу «Вперед», литераторы которой (Максимов, Луначарский, Богданов, Алексинский) проповедывали самые различные формы идеалистической философии — под громким названием «пролетарской философии» — и объединение *религии* и социализма. Влияние этой группы всегда было очень незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря соглашательству с всевозможными оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами. Подобного рода группы, неизбежные при всяком расколе, колеблются то туда, то сюда, занимаются всяческим политиканством, но не представляют никакого направления, и их деятельность проявляется прежде всего в мелких интригах: к таким группам принадлежит также и «Правда» Троцкого.

Для всякого марксиста, конечно, ясно, что как ликвидаторство, так и отзовизм, это — мелкобуржуазные течения, привлекавшие к себе буржуазных попутчиков социал-демократической партии. «Мир» или «примирение» с этими течениями заранее исключался. Социал-демократическая партия должна была или сама погибнуть, или совершенно избавиться от этих течений.

Правильность такого теоретического вывода доказал опыт примирительной попытки в январе 1910 г., когда последний пленум ЦК *единогласно, при участии ликвидаторов и отзовистов*, провозгласил тезис, что как то, так и другое течение — *не социал-демократичны*. Но дальше невинных пожеланий дело не пошло: как ликвидаторы, так и отзовисты, правда, «подписали» соответствующую резолюцию, но продолжали изо всех сил вести свою антипартийную пропаганду и сохранили свою особую организацию. В течение всего 1910 г. наблюдалось *непрерывно возрастающее обострение* борьбы с обоими течениями. Цитированные выше слова Плеханова относятся к маю 1910 г., а в мае Ленин от имени всех большевиков заявил, что после всех нарушений ликвидаторами январской резолюции, о примирении с ними не может быть и речи*.

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 187—234. Ред.

Попытка восстановить ЦК в России потерпела неудачу из-за отказа ликвидаторов этому содействовать. В качестве последнего средства для спасения «единства» ничего не оставалось кроме созыва ЦК за границей. Эта попытка была сделана в мае 1911 года. Из 15 членов ЦК — 9 находился за границей, 8 явились на заседание... и 2 ликвидатора — «голосовец» (сторонник «Голоса») Игорев и бундовец (Бер) — тотчас же покинули его и таким образом окончательно разрушили ЦК партии.

Отказ ликвидаторов принять участие в ЦК означал их полный отход и распад ЦК. За границей оставалось тогда еще одно центральное учреждение — так наз. ЗБЦК. Большевики ушли из него, когда распался ЦК. Там остались поляки, латыши, бундовцы и «голосовцы» (=заграничные ликвидаторы), т. е. — как может убедиться читатель, знающий статью в «Vorwärts'e», — тот же самый состав, как и состав знаменитой конференции Бунда, так как Закавказский областной комитет еще в 1908 г. передал свои мандаты «голосовцам». Но посмотрим же теперь, что сделали эти — как гласит новейшее открытие нашего анонима — «старейшие и самые крепкие русские организации». Они оказались не в состоянии объединиться и даже распустили Заграничное бюро! Уже осенью 1911 г. ЗБЦК опубликовало заявление, что оно распускает себя, и Плеханов посвятил ему в своем «Дневнике» следующие прощальные строки: «Вечная память! Это партийное учреждение, сделавшееся орудием в руках господ, стремившихся ликвидировать партию, и потому грозившее нанести большой вред делу российской социал-демократии, могло оказать революционному пролетариату только одну услугу: во-время умереть». («Дневник Социал-Демократа», 2. Приложение к № 15, стр. 1.) Такая оценка, данная Плехановым, про которого никак нельзя сказать, что он — сторонник конференции, достаточно показывает, как смешно притворство тех, кто кричит об «узурпации» и подобных вещах!

Оставался открытым еще один путь, чтобы осуществить единство партии, — созыв конференции русских организаций. Национальные организации (поляки, латыши, бундовцы), при полном их отрыве от русской работы, решительно ничего не могли сделать для этой конференции.

26 ноября 1910 г. появилось воззвание Троцкого о созыве конференции. Его поддержали (словами) «впередовцы» и

«голосовцы» (= заграничные ликвидаторы). Но, как это можно было предвидеть, благодаря бессилию этих групп, все их старания не дали решительно никаких результатов.

В июне 1911 г. появилось воззвание со стороны большевиков, «примиренцев» (иначе «большевиков-партийцев») и поляков. Работа началась с приглашения одной из наиболее сильных тогда организаций — *Киевской*. В октябре 1911 г. возникла «Российская (т. е. работающая в России, созданная русскими организациями) организационная комиссия по созыву конференции». Эта комиссия была делом организаций Киевской, Екатеринославской, Тифлисской, Бакинской и Екатеринбургской, к которым скоро примкнуло еще 20 организаций. Привлечение представителей *русских* организаций *сразу* же обнаружило решительный перевес большевиков (так наз. «ленинцев») и меньшевиков-партийцев. *Inde ira** заграничных группок, которые были «дезавуированы», потому что у них не оказалось сторонников в России.

В январе 1912 г. Росс. орг. ком. собрала, наконец, конференцию, на которую были приглашены *все* без исключения русские организации. Не явились как ликвидаторы, так и «националы» (поляки, латыши, Бунд) и все колеблющиеся заграничные группки. После того, как конференция убедилась, что *русские* организации были представлены с максимальной в условиях неслыханно тяжелого положения партии полнотой, после того, как она констатировала, что партия без центрального органа в России — погибнет, а за границей все усиливается распад, и что предстоящие выборы в IV Думу требуют неотложного восстановления партии, она *должна была* конституироваться в качестве *высшего партийного органа* и выбрать ЦК, объявив ликвидаторов — вне партии.

Таков ход и исход долголетней борьбы. Удастся ли ликвидаторам создать «открытую» партию, или они состряпают фиктивную партию на основе какого-нибудь гнилого компромисса, — ответ на это принесет будущее.

Существуют ли открытые, доступные проверке данные о силе ликвидаторов и партийцев, — сторонников конференции, в *самой* России? Да. В России существуют *два* —

* — Отсюда гнев. Ред.

и только два — политических всероссийских органа, где сотрудничают литераторы-марксисты и члены думской фракции. Эти органы представляют «течения», но не так, как заграничные листки, наполненные бранью, а в открытой, серьезной литературной работе в течение целого ряда лет. Конечно, это — не партийные органы; они строго легальны и держатся рамок, установленных существующим в России режимом. Однако *все* сколько-нибудь серьезные оттенки теоретической мысли социал-демократии находят там в общем и целом безусловно правильную передачу. Кроме *двух* «течений» — ликвидаторства и антиликвидаторства (сторонников конференции) — никакие другие не представлены, так как никакого другого сколько-нибудь серьезного «течения» *вовсе не существует*. Все эти группки — вроде «Правды», «Вперед», «большевиков-партийцев» (или «примиренцев», примиренчески настроенных) и т. д. — равны нулю. Взгляды ликвидаторов находят в России выражение в ежемесячнике: «Наша Заря» (существует с 1910 г.) и в еженедельнике: «Живое Дело» (последний № 8). Взгляды партийцев (большевики и меньшевики-партийцы) — в ежемесячнике «Просвещение»¹⁵¹ (существует с 1911 г. — прежде «Мысль») и в газете «Звезда» (последний № 53). Нет ничего ошибочнее взгляда, будто партийцы социал-демократы отвергают «легальную» работу: наоборот, они *и в этой работе* сильнее ликвидаторов. Единственно бесспорная, всероссийская открытая организация легальных социал-демократов — социал-демократическая думская фракция. Она строго легальна и не имеет никаких прямых отношений к партии. Но все ее члены — известны, и известно также, какое направление каждый из них представляет.

В ликвидаторском «Живом Деле» фигурируют в качестве постоянных сотрудников *два* члена думской фракции — Астраханцев и Кузнецов*. В антиликвидаторской «Звезде» находим 8 членов Думы: Воронина, Войлошникова, Егорова, Захарова, Покровского, Предкальна, Полетаева и Суркова. Два думских депутата, Чхеидзе

* Недавно был еще третий — Белоусов. Теперь этот крайний ликвидатор — русский Виссолати! — вышел из думской фракции. Она публично предостерегает всех избирателей и требует его ухода из Думы. Маленький пример того, как далеко может завести иногда последовательное ликвидаторство!

и Гегечкори, не сотрудничают ни там, ни здесь. Один (Шурканов) — сотрудник обоих органов.

Мы видим отношение: 2 к 8! Это действительно бесспорные, доступные проверке, открытые данные, которые позволяют судить о соотношении сил ликвидаторов и антиликвидаторов. При таких условиях не стоит тратить слов по поводу хвастливого утверждения безымянного автора, будто подавляющее большинство за ликвидаторов и т. д. Эти фразы à la* Тартарен из Тараскона чересчур напоминают Троцкого**, чтобы можно было всерьез дискутировать об этом.

Борьба внутри РСДРП принимает подчас очень ожесточенные формы. Иначе и не может быть в условиях эмигрантской жизни, иначе не бывало ни в какой другой стране, обреченной на контрреволюцию и эмигрантщину.

«Осуждать» эти формы борьбы в высокопарных фразах, отмахиваться от них, довольствоваться филистерски-елейными рассуждениями о «пользе единства» — свидетельствует только о легкомыслии. У кого есть серьезное намерение изучить историю РСДРП в тяжелые 1908—1911 гг., у того имеется в распоряжении большое количество нелегальной и еще большее — легальной литературы. Она содержит поучительнейший материал о характере течений, о принципиальном значении разногласий, о корнях борьбы, обстоятельствах и условиях ее развития и т. д.

Никакая социал-демократическая партия в мире не создавалась — особенно в эпоху буржуазных революций — без тяжелой борьбы и ряда расколов с буржуазными попутчиками пролетариата. В тяжелой борьбе против таких попутчиков складывается с 1898 г., растет, крепнет и закаляется, вопреки всем препятствиям, точно так же и Российская социал-демократическая рабочая партия.

---

* — вроде. Ред.

** Во время Копенгагенского конгресса Троцкий опубликовал в «Vorwärts'e» анонимную статью, полную таких безобразных выпадов против РСДРП, что не только Ленин, но и Плеханов и Варский, члены русской делегации, были вынуждены послать Правлению письменный протест.

**ПИСЬМО СЕКРЕТАРЮ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО
ГЮИСМАНСУ ¹⁵²**

Дорогой товарищ!

В связи с резолюцией, принятой некоторыми заграничными группами и членами редакции двух, также заграничных, газет, приписывающими себе принадлежность к РСДРП, я, представитель ЦК РСДРП, заявляю следующее:

1) В то время как в течение нескольких лет не удавалось ни созвать конференции российских организаций, ни создать или восстановить ЦК, который мог бы объединить эти организации, только что закончившаяся партийная конференция сумела объединить 23 партийные организации, ведущие работу в России.

Все доклады об этой конференции, заслушанные уже большинством российских партийных организаций, встретили повсюду горячее сочувствие, и все эти организации выявили, что они окажут поддержку избранному конференцией Центральному Комитету, а в номере «Рабочей Газеты» (орган ЦК партии) от 30 марта 1912 г. мы смогли уже опубликовать ряд резолюций, принятых организациями в Петербурге (Василеостровский район), Москве, Киеве, Самаре, Николаеве, резолюций, выражающих горячее сочувствие конференции и обещающих поддержку ей и Центральному Комитету. (После выхода в свет этого номера мы получили еще одну подобную же резолюцию из Тифлиса.) Мы не можем, таким образом, придавать ни малейшего значения протестам мелких заграничных групп, которые ни на какие партийные организации в России не опираются.

2) Эта конференция членов партии, работающих в России, вызвавшая протест всех этих мелких заграничных групп, специально занималась вопросом о дезорганизаторской деятельности заграничных групп и о расстройстве, которое эти группы часто вносят в партийную работу в России. Эти группы, не связанные ни с одной организацией в России, пользуясь своею полной безответственностью, позволяют себе говорить от имени партии. Эта болезнь, давно уже разъедающая нашу партию, является следствием политического режима России, который, с одной стороны, осуждает нашу партию на подпольное существование, а с другой — вынуждает большое количество партийных работников эмигрировать и оставаться за границей.

Конференция строго осудила дезорганизаторскую деятельность этих групп, которые все являются заграничными и совершенно безответственны. Поэтому для партии не представляются неожиданными все те нападки, при помощи которых эти группы пытаются дискредитировать конференцию, осудившую их поведение.

3) Среди подписавших резолюцию мы встречаем группу «Голоса Социал-Демократа». Эта подпись говорит нам очень многое и объясняет нам истинный смысл всей этой враждебной кампании, поднятой против конференции ликвидаторской и буржуазной прессой в России и даже некоторыми органами заграничной печати.

Дело в том, что в резолюции, подводящей итог борьбе различных течений в нашей партии за последние четыре года, конференция специально высказалась против течения, представляемого «Голосом Социал-Демократа». Для наиболее полного освещения этого вопроса, я считаю полезным привести здесь эту резолюцию.

Вот она:

«Принимая во внимание,

1) что РСДРП уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 г. конференции партии было определено как «попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум ЦК в январе 1910 г., продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены ЦК М—л, Юрий и Роман не только отказались войти в ЦК весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование ЦК партии «вредным»;

5) что названные главные издания ликвидаторов «Наша Заря» и «Дело Жизни» именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принося» (вопреки решениям пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы, без различия фракций, объединились над очередным делом созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группки, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев), и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями РСДРП; —

конференция заявляет, что группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением *окончательно поставила себя вне партии.*

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством,

разъяснить весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП».

4) После всего этого совершенно ясно, что здесь дело вовсе не в «узурпации», не в «расколе» и т. д. и вовсе не в этом причина озлобления ликвидаторов. Конференция РСДРП высказалась против течения, которое на самом деле давно уже совершенно порвало со всякой партийной работой, которое всеми силами противилось восстановлению ЦК и превращало последнее сохранявшееся еще партийное учреждение (Заграничное бюро ЦК) в «орудие в руках господ, стремившихся ликвидировать партию» (слова тов. Плеханова, не являющегося сторонником конференции).

5) Что же касается национальных организаций, то я должен констатировать, что РСДРП существовала в качестве РСДРП до 1906 г. (или вернее 1907 г.), т. е. до того времени, когда национальные организации вошли в нашу партию (Бунд вышел из партии в 1903 г. и вошел в нее вновь тоже в 1907 г.). Ввиду их отсутствия на конференции, конференция поручила ЦК завязать переговоры с национальными организациями для восстановления с ними нормальных отношений.

*Написано во второй половине марта
1912 г.*

*Напечатано 12 апреля (н. ст.) 1912 г.
в циркуляре № 7 Международного
социалистического бюро
Подпись: Н. Л е н и н*

*Печатается по тексту циркуляра
Перевод с французского*

БЛОК КАДЕТОВ С ПРОГРЕССИСТАМИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Газеты сообщили уже несколько дней тому назад о состоявшемся в Москве 18-го марта совещании «беспартийных прогрессистов», с одной стороны, кадетов, с другой.

Официозная передовица в официозной «Речи» (от 21 марта) подтверждает факт совещания и дает ему оценку. В этой оценке, при самом небольшом внимании, легко различить усердно прикрываемую суть дела и тот флер, который служит для соблюдения аппарасов.

Суть дела в том, что и прогрессисты и кадеты, будучи оппозиционными группами, «принадлежат к той части оппозиции, которая характеризуется названием «ответственной»». Так говорит «Речь». Кадеты не могут, следовательно, не признать, что внутри оппозиции имеются две «части»: одна, заслуживающая название «ответственной», другая — этого названия не заслуживающая. Это признание кадетов сразу подводит нас к центральному пункту вопроса.

Говоря об «ответственной» оппозиции, — которая еще чаще и еще лучше характеризуется знаменитыми «лондонскими» лозунгами Милюкова об оппозиции с родительным падежом, — кадеты отделяют этим себя и подобные им группы от демократии, т. е. от трудовиков и от рабочих. На деле под «ответственной» оппозицией понимается либерально-монархический буржуазный центр, стоящий посередине между демократией, с одной стороны, и абсолютизмом вместе с крепостническим землевладением, с другой. Этот буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной

демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической арене. Он пережил уже такую долгую и поучительную историю, что обманываться насчет его истинной сущности — а еще более отмалчиваться или отговариваться незнанием — было бы совершенно непозволительно.

Этот центр наметился вполне явственно в эпоху падения крепостного права. За тот почти полувековой промежуток, который отделяет ту эпоху от 1905 года, либерально-монархическая буржуазия и в земствах, и в городском представительстве, и в школе, и в печати выросла и сложилась в достаточно определенную величину. Кризис старого режима в 1905 году и открытое выступление всех классов в России окончательно оформили и партийно закрепили либерально-монархический буржуазный центр с его правым (октябристы) и левым (кадеты) флангом. Отделение этого центра от демократии было самое резкое и совершилось оно на всех поприщах общественной жизни, на всех «крутых поворотах» 1905—1907 годов, хотя не все демократы и даже не все рабочие демократы поняли сущность и значение этого отделения.

Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контрреволюционной после пятого года и получила «местечко» в третьеиюньской системе. Если октябристы стали партией правительственной (с разрешения и под надзором Пуришкевичей), то кадеты стали *терпимой* оппозицией.

Решение кадетской конференции допустить блоки с «левыми» (не смейтесь!) октябристами и теперешнее «неформальное» объединение кадетов с «беспартийными прогрессистами», — все это лишь звенья одной длинной цепи, этапы концентрации либерально-монархического буржуазного центра.

Но оппозиция не может перед выборами не драпироваться в «демократические» одеяния. Кадет, готовясь уловлять голоса не только крупной и средней буржуазии, но и мелкой демократической буржуазии, приказчиков и т. д., вынужден подчеркивать, что он член «партии народной свободы», «конституционный демократ», не шутите! Кадетская партия, будучи на деле партией умеренного монархического либерализма, перед выборами и для выборов рядится в демократический наряд, набрасывает флер на свое сближение с «беспартийными прогрессистами» и «левыми» октябристами.

Отсюда — многочисленные ужимки и дипломатические ухищрения «Речи», ее велеречивые заявления, что «партия народной свободы не будет приспосабливаться к обстоятельствам» и т. д. и т. п. Разумеется, это только смешно. Вся история кадетской партии есть одна сплошная издевка над ее программой, одно сплошное «приспособление» к обстоятельствам в самом худшем смысле слова. «При других политических условиях, когда партия народной свободы могла бы развернуть — пишет «Речь» — в законодательном учреждении всю свою программу, конечно, так называемые «прогрессисты» явились бы ее противниками, какими они и являлись в более острые моменты недавнего прошлого».

Что эпоха второй Думы была моментом более острым, — это едва ли станут оспаривать господа кадеты. Но не только прогрессисты, но и гораздо более правые элементы были тогда не противниками, а союзниками кадетов *против* демократии. А затем, в III Думе делались демократами заявления, идущие гораздо дальше какого бы то ни было пункта кадетской программы, — значит, партия к.-д. вполне «могла бы развернуть всю свою программу» даже в таком «законодательном учреждении», как III Дума! Если партия к.-д. этого не делала, то виной тут вовсе не «политические условия», — не говори: не могу, а говори: не хочу! — а полная отчужденность кадетов от демократии. Кадеты вполне могли бы развернуть всю свою программу, но их поворот вспять от демократии, их собственное *поправление* не позволяло им это сделать.

Рассуждения передовика «Речи» о блоке с прогрессистами — один из многих образчиков того, как легко водят за нос немногочисленных «левых» кадетов вожжи этой

партии вроде Милюкова и пр. Левых кадетов они кормят фразой, Колюбакиных они убаюкивают парадными словечками о «демократизме», а на деле они целиком направляют свою политику в антидемократическом духе, в духе сближения и слияния с прогрессистами и левыми октябристами. «Разделение труда» у кадетов совершенно такое же, как у всех западноевропейских буржуазных парламентариев: перед народом пусть говорят о «свободе» Колюбакины и прочие «левые кадеты», а в парламенте, в деловой политике к.-д. партия идет вполне заодно с умереннейшими либералами.

«Новая группа — пишут ликвидаторы о прогрессистах — только закрепляет, только усиливает ту политическую бесформенность, ту политическую неразбериху, в которой пребывает буржуазный избиратель и которая и обуславливает всю политическую беспомощность русской буржуазии».

Политическая беспомощность русской буржуазии происходит вовсе не от «бесформенности» «буржуазного избирателя», — так могут думать только левокадетские иллюзионисты, — а от экономических условий, делающих буржуазию врагом рабочих и рабом Пуришкевичей, рабом, не идущим дальше воркотни и благопожеланий.

Левокадетские парламентарии, исходят ли они из идеалистической теории политики или из вульгарной боязни потерять голоса полевевшего и озлобленного Пуришкевичами избирателя, могут вести борьбу с официальной партией к.-д. такими доводами, что-де пора образумиться, вспомнить про нашу программу, восстать против бесформенности, обывательщины, беспринципности и т. д., и т. д. в духе обычных буржуазно-демократических фраз.

Марксисты ведут борьбу с кадетами всех оттенков, исходя из материалистической теории политики, разъясняя классовые интересы всей буржуазии, толкающие ее к либерально-монархической программе, к сближению с прогрессистами и «левыми» октябристами. Нашим выводом, поэтому, будет не апелляция к кадетскому «разуму», кадетской «памяти», кадетским «принципам», а разъяснение народу, *почему* либерализм становится контрреволюционным и рвет с демократией. Мы не будем восклицать: образумятся ли наконец кадеты, вспомнят ли они свою программу? Мы скажем: поймут ли наконец демократы

всю глубину их различия от контрреволюционных либералов — кадетов? Поймут ли наконец те, чьи экономические интересы не прикованы ни к помещному землевладению, ни к местечкам и доходам бюрократии, адвокатуры и т. п., что в интересах действительной народной свободы надо идти с рабочей демократией против правых и против партии к.-д.?

*«Звезда» № 23 (59), 29 марта 1912 г.
Подпись: Б. К.*

*Печатается по тексту
газеты «Звезда»*

ПЛОХАЯ ЗАЩИТА ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ

В № 8 «Живого Дела» Мартов отвечает мне на мою статью в № 11 «Звезды»: «Орган либеральной рабочей политики»*. Вопрос касается основной линии рабочих в избирательной кампании и потому заслуживает особого внимания.

Я назвал «Живое Дело» органом *либеральной* рабочей политики, обосновывая это следующим образом: 1) Лозунг Мартова и Дана о выбивании реакции из ее *думских* позиций, о вырывании *Думы* из рук реакции не демократический, а либеральный лозунг. Борьба с «реакцией» в России не только не ограничивается вырыванием *Думы* из рук реакции, но и *не сосредоточивается* на этом. 2) Говоря о достижимости поставленной им цели, Мартов начал с подкрашивания нашего избирательного закона. Мартов заявил, что «в значительной части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской курии» обеспечено. Я напомнил факты: это большинство во *всех* губернских собраниях обеспечено — в 28 губ. из 53 большинство (в губ. собр.) за *одними* землевладельцами, и эти губернии посылают в Думу 255 депутатов из 440. 3) Говоря о выбивании реакции из ее *думских* позиций, Мартов забыл, что дальше *помещичьей* либеральной оппозиции передвинуть Думу *нельзя*. Лозунг Мартова и Дана есть лозунг вырывания *помещика* из рук реакции. 4) Говоря, что рабочие заинтересованы в переходе власти к «культурному буржуа», Мартов «забыл» упомянуть одну вещь. Именно: либералы заинтересованы в таком дележе власти с Пуришкевичами, чтобы «ни одного оружия» не досталось демократии! 5) Говоря, что кадеты, усиливаясь в Думе, «облегчают себе прохождение к власти», Мартов забыл опыт 1905—1906 годов в России, 1789 и

* См. настоящий том, стр. 436—439. Ред.

следующих во Франции, 1911 г. в Китае. Опыт этот говорит: власть лишь тогда переходит к либералу (или левее), когда побеждает демократия *вопреки* либералам. б) Мартов признает марксизм, следовательно, лишь постольку, поскольку он приемлем для всякого образованного либерала.

Что отвечает Мартов по этим 6-ти пунктам? Ровно ничего. Абсолютное молчание. К чему было начинать полемичку, если вы решили отмолчаться?

Обходя молчанием *все* мои доводы, Мартов пробует «поймать» меня на следующей моей фразе:

«Практическая задача на выборах у нас совсем не «выбивание реакции из ее думских позиций», а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее — и для пролетариата полезнее — пять лишних* демократов, чем 50 лишних либералов».

Приведя эту фразу, обрадованный Мартов (поймал-де «сторонника реакции»!) восклицает: «Приглашаю читателей вдуматься в эту фразу». От всей души поддерживаю это предложение *вдуматься*.

Мартов начинает вдумываться и — додумывается до такого силлогизма. Перебаллотировка теперь есть в законе повсюду. Значит, «*может быть лишь один случай*», когда мы, отталкивая 50 либералов, проводим 5 демократов. Это — «случай» *продажи* голосов демократов черносотенцам за места в Думе.

И Мартов ликует и прыгает на протяжении целой полусотни строк: вот-де сразил пособника черносотенцев, и притом, сразив Ф. Л—ко, «ранил» и В. Фрея¹⁵³, который-де «гнет в ту же сторону».

Очень уж наивными считает Мартов своих читателей! И как неосторожно было приглашать читателей *вдуматься* со стороны автора, который пишет, *не думая*.

Моя фраза, столь не понравившаяся Мартову, ставит для вдумывающихся людей *два* вопроса: 1) действительно ли пять демократов в Думе полезнее рабочим, чем 50 либералов? 2) может ли быть такой случай на практике, когда «столкнутся» эти задачи?

Первый вопрос вдумывающийся Мартов *совсем* обошел. Напрасно. Вы, гг. ликвидаторы, обходите сами политику,

* В статье опечатка: сильных вместо лишних. Мартову нетрудно было бы заметить, что противопоставить «сильных» демократов «лишним» (т. е. добавочным) либералам нелепо. Но не в этом суть спора.

чтобы нас обвинять в пристрастии к арифметике. 50 либералов в Думе дадут народу грудку *фальшиво демократических* речей, развращая этим народ, и *горстку* «реформ», которые, во-первых, ограничатся умывальниками, а, во-вторых, застрянут в Государственном совете и так *далее*. Пять демократов дадут народу с думской трибуны ряд разъяснений истин *демократии* (а рабочие — также истин социализма). Что полезнее пролетариату?

Второй вопрос. Прав ли Мартов, что задача провести 5 демократов («лишних», т. е. вдобавок к теперешним) *может столкнуться* с задачей провести 50 либералов *только* в указанном им случае? Ибо Мартов, после приглашения вдуматься, заявил прямо: «это может быть один лишь случай».

Если Мартов прав, тогда читатель должен обвинять меня, Ф. Л—ко, или в указании невозможного случая, или в тайном желании продать черносотенцам голоса демократов за места в Думе (по секрету добавлю: в тайном и *глупом* желании: Пуришкевич, покупающий голоса друзей Петрова 3 и Войлошникова за проведение Войлошникова в IV Думу, — чрезвычайно правдоподобно пишет «вдумывающийся» Мартов).

Если может быть иной случай столкновения обеих задач, тогда Мартов неправ.

Итак: возможен ли иной случай подобного столкновения? *Без всякого сомнения*: это — тот случай, когда на *перебаллотировке* демократы, не заключив соглашения с либералами, борются и против правых и против либералов.

Только и всего*.

Вдумывающийся Мартов, как и все ликвидаторы, пленен идеей двух лагерей и не замечает борьбы третьего лагеря и против первого и против второго!

Сейчас же вслед за моей фразой, так возмущившей Мартова, у меня сказано:

«Отсюда следующий вывод («отсюда», любезный Мартов!), которого не желает Мартов, хотя и признает, будто бы, что кадеты — либералы, а не демократы: 1) в 5 больших городах на перебаллотировках допустимы соглашения *только* с демократами против либералов; 2) при *всех* баллотировках

* Мне приходит в голову одна «страшная» мысль: неужели вся статья Мартова построена на незнании того, что по нашему закону перебаллотировка есть новые выборы, а не борьба двух кандидатов? Тогда придется, прежде чем на выборах «бороться с реакцией», бороться с незнанием закона о выборах!

и при *всех* соглашениях на второй стадии в *первую очередь* должны идти соглашения с демократами против либералов и лишь затем — с либералами против правых.

Мартов упомянул *только* второй пункт, заявив, что я говорю неправду, ибо Мартов с ним согласен (посмотрим, согласятся ли *все* ликвидаторы!), о *первом же* пункте Мартов *умолчал!*

Еще раз: либо отмалчиваться, либо полемизировать. Перебаллотировка в 5 городах. Общая линия: с демократами *против* либералов. Соглашения с либералами *запрещены* (ибо опыт показал, что в *целом* здесь нет черносотенной опасности).

Вы *за* или *против* такого запрещения? Скажите прямо.

Далее. Каков *может* быть практический результат на этих перебаллотировках? Голоса могут поделиться *почти* поровну между тремя лагерями. Решает относительное большинство. Возьмем простейший пример: из 100 голосов 33 у правых, 33 у либералов, 34 у демократов. Выбран демократ. Если одним голосом меньше у социал-демократа, одним больше у черного, может пройти черный!

Две линии рабочей политики: *либеральная* — больше всего бойся прохождения черного и потому отдай гегемонию без боя либералу! *Марксистская* — не давай себя запугивать либеральным крикам о черносотенной опасности и *смело* иди в «треугольный» (по английскому выражению) бой. По общему правилу, черной опасности нет, а если, в виде исключения, когда пройдет черный, то *зато кое-где пройдет демократ!*...

Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду. Такой борьбы, в которой бы заранее известны были все шансы, на свете не бывает. Если дать себя запугать либеральными криками о черносотенной опасности, то рабочие *никогда* не научатся вести «треугольного» боя. Везде в мире лагерь реакции и лагерь либералов сплывались раньше и организовывались (конечно, при помощи реакционных законов) лучше, чем рабочие. Везде в мире либералы твердят рабочим те именно речи, которые повторяет Мартов.

Нам осталось сделать еще один последний шаг, чтобы показать «вдумывающемуся» Мартову, какое значение имеет слово: думать.

На перебаллотировках в 5 городах соглашения с либералами запрещены. На других перебаллотировках они не за-

прещены. Значит ли это, что *всегда* они будут заключаться? Как будто бы не значит, а?

Если соглашения *нет*, не могут ли при *всякой* перебаллотировке голоса делиться почти поровну между тремя лагерями?

Как будто бы могут, ежели действительно «вдуматься»! Отсюда вывод. Две линии рабочей политики.

Либеральная рабочая политика: страна левеет; «поэтому»... больше всего бойтесь черносотенной опасности; лозунг — выбивать реакцию из ее думских позиций; а из думских позиций могут выбить только либералы; поэтому не «угрожать» либералам, не «вымогать» у них места — прилично ли «культурному» рабочему вымогательство у таких хороших людей, как либералы? — т. е. идти на всякие уступки при соглашениях с либералами, чураясь «треугольного» боя.

Марксистская рабочая политика: страна левеет; поэтому, не верьте либеральным рассказам о черносотенной опасности; при соглашениях с либералами из всех сил *угрожайте им и вымогайте* у них места в Думе; а чтобы ваши угрозы были серьезны, товарищи-рабочие, не бойтесь «треугольного» боя; смело идите в такой бой, разоблачая перед народом контрреволюционность либералов; конечно, не бывает боя без возможности поражения, — кое-где пройдет черный, *зато кое-где пройдет демократ*; лучше прибавка в Думе пяти демократов, чем 50-ти либералов; по общему правилу, черные не будут проходить, ибо Пуришкевичи слишком хорошо известны, и либералы *умышленно* запугивают народ черносотенной опасностью, чтобы обеспечить за собой гегемонию (хотя Маклаковы почти такие же черные) и отвлечь от себя «левую» опасность.

Итог. Ни по одному из шести выдвинутых мною пунктов о либеральной рабочей политике он ничего не ответил. Вопрос о запрещении блоков с либералами в 5 городах он «сокрыл». О треугольных выборах *на* перебаллотировках он — хотя и обещал вдуматься — не подумал. Зато два дела сделал: 1) либералов защитил от «угроз» и 2) друзей Войлошникова изобличил в заговоре с Пуришкевичем о продаже голосов Пуришкевичу за проведение Пуришкевичем в IV Думу Войлошниковых!!

ПЕРЕБАЛЛОТИРОВКА В РОССИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Все чаще попадаются примеры того, насколько распространено заблуждение относительно перебаллотировок в нашем избирательном законе. Дан писал в № 1—2 «Нашей Зари», что наша тактика на перебаллотировках тождественна с западноевропейской. Мартов в № 8 «Живого Дела» прямо ссылался на «немецких рабочих», как образец для русских по вопросу о тактике во время перебаллотировок. Троцкий совсем недавно написал о перебаллотировках особую заметку, насквозь проникнутую той же ошибкой.

Ошибка повторяется так часто, что невольно является мысль: не является ли в некоторых кругах «повальное тяготение» к фактической ошибке результатом *нежелания* понять задачи рабочей демократии в борьбе с кадетами?

В России, по закону 3 июня 1907 года, *нет* перебаллотировок немецкого типа, *нет* вообще «перебаллотировок» в точном смысле слова, а есть лишь дополнительные или новые выборы. У немцев при перебаллотировке происходит голосование только по вопросу о двух кандидатах, получивших наибольшее число голосов на первоначальных выборах. Голосование на перебаллотировке решает у немцев исключительно вопрос о том, кого из двух получивших наибольшее число кандидатов следует выбрать.

Ничего подобного у нас. На перебаллотировках, по нашему закону, допускается выставление какого угодно числа каких угодно кандидатов. Строго говоря, это не перебаллотировка, а новые выборы или перевыборы. Поэтому все ссылки на немецкий образец сплошь неверны!

Основная статья нашего закона о перебаллотировках есть статья 106 «Положения о выборах». Она гласит:

«Уполномоченными от предварительных съездов, а равно выборщиками от избирательных съездов признаются лица, за коих подано больше половины голосов 'участвующих в съезде»...

Здесь ясно выражено требование абсолютного большинства на первоначальных выборах. Далее, в той же статье говорится, что если не получилось абсолютное большинство голосов, то «производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков» (т. е. всего числа за исключением выбранных абсолютным большинством).

Кто считается избранным на «дополнительных выборах»? «Избранными считаются — гласит конец той же статьи — получившие относительное большинство голосов».

То же самое говорится в законе 3 июня 1907 года относительно перебаллотировок при *прямых* выборах, т. е. в городах Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Риге. Только вместо выражения «относительное большинство голосов» ст. 140-ая говорит о «наибольшем количестве голосов». Наконец, и при выборах членов Думы губернскими избирательными собраниями устанавливаются, равным образом, перебаллотировки, — если кандидаты не получили «больше половины голосов», т. е. абсолютного большинства — причем «избранными считаются получившие относительное большинство голосов» (ст. 350).

Итак: ничего подобного немецким перебаллотировкам наш избирательный закон не знает. Ничего ошибочнее ссылки на образчик, на поведение немецких рабочих, быть не может. В официальном издании «Положения о выборах в Гос. думу», издание министерства внутренних дел, Спб., 1912 г., говорится в пункте 14-ом разъяснений к 106-ой статье: «К дополнительным выборам могут быть допущены и лица, не участвовавшие в первоначальных выборах». Очевидно, не только о новых избирателях, но и о новых кандидатах идет здесь речь. С точки зрения закона допустимо выставление на перебаллотировках такого кандидата, который на первоначальных выборах не выставлялся.

Спрашивается, какие политические выводы по отношению к избирательной тактике вытекают из этой особенности третьейюньского положения о выборах?

Первый, основной и самый общий вывод следующий: наш закон оставляет *более широкое* поприще для избирательных соглашений на перебаллотировках, чем

немецкий. В Германии речь может идти только о выборе *меньшего из зол*: другой задачи побежденные на первоначальных выборах ставить себе не могут (причем побежденными надо считать тех, кто не попал в перебаллотировку). В России же, если на первоначальных выборах не оказалось победителя, то нет, строго говоря, и побежденных, ибо *всякий* может второй раз, в самых разнообразных соглашениях с теми или иными союзниками, испытать судьбу в новом сражении.

В частности в Германии рабочий кандидат не может на перебаллотировках использовать *для себя*, т. е. непосредственно, борьбы между правыми и оппозиционными буржуазными партиями: он может поддержать оппозицию либералов против правого, если те и другие почти равносильны, но он не может *сам* победить в случае равносильности его либерального и его реакционного противника. В России это последнее возможно.

Отсюда второй вывод. Русский избирательный закон оставляет рабочей демократии на перебаллотировках *более широкое поприще* для борьбы с либералами, чем немецкий. В России, как и в большинстве западноевропейских стран, преобладают на выборах две фракции (или две группы партий) господствующих имущих классов: «консерваторы» и либералы, черносотенцы и «оппозиция». Рабочие борются *и* против той, *и* против другой. При этом отсталые слои народа, просыпаясь сначала к борьбе с феодализмом и абсолютизмом, не сознавая сначала задачи борьбы с капиталом, идут обыкновенно в течение довольно долгого времени за либералами. Рабочие партии, усиливая свое влияние, отвоевывают поэтому себе последователей нередко больше от либералов, чем от правых. Отсюда обычные лицемерные вопли «кадетов» *всех* стран, что-де рабочие партии играют на руку реакции, ослабляют «общую силу прогресса» и так далее и тому подобное.

В Германии рабочий кандидат на перебаллотировке может вступить в бой с либералом только тогда, когда правые, будучи побеждены на первоначальных выборах, в перебаллотировку не попадают вовсе. В России рабочий кандидат на перебаллотировке может — а, следовательно, и должен вступить в бой с либералом *всегда*, когда правый получил на первоначальных выборах меньше голосов, чем либерал. Иначе говоря: на германских перебаллотировках

рабочий может бороться с либералом только «один на один»; в России же и на перебаллотировках возможен «треугольный бой», т. е. такой, в котором участвуют и правые, и либералы, и рабочие кандидаты. На перебаллотировках, следовательно, в России может встретиться больше случаев, когда рабочие массы окажутся заинтересованными проведением своего кандидата.

Мы подошли к третьему выводу. В России, при современных политических делениях, на перебаллотировках открывается особенно широкое поприще так называемому *левому блоку* во всех тех куриях и на всех тех стадиях, где либералы сильнее черных (причисляя к черным, разумеется, всех правых, и националистов и октябристов, т. е. все правительственные партии без исключения). Раз либералы оказались на первоначальных выборах сильнее черных, а рабочие кандидаты слабее либералов, то *обязательным* является — и с точки зрения политических задач организации демократии вообще, и с точки зрения проведения рабочих кандидатов в Думу — соединение рабочих с буржуазной демократией (народники, трудовики и т. п.) *против* либералов.

Часто ли будут встречаться такие случаи?

В губернских избирательных собраниях не очень часто; преобладать здесь будут, безусловно, такие случаи, когда либералы слабее черных и когда потребуется, следовательно, общеопозиционный блок для провала черных.

В крестьянской курии политические разделения меньше всего определены и оформлены; полицейский гнет здесь всего сильнее; необходимость для уполномоченного, для выборщика, даже для кандидата в Думу «прятать» свое настоящее «лицо» здесь особенно резка; рабочих кандидатов, в смысле партийной принадлежности, здесь немного. В этой курии политической задачей является, несомненно, организация демократии, борьба с влиянием и предрассудками либерально-монархической буржуазии. Относительно же перебаллотировок трудно сделать определенные выводы о частоте тех или иных случаев, даже о распространенности (фактической) перебаллотировок вообще.

В землевладельческой и первой городской курии роль демократии вообще, рабочей демократии в особенности, слишком ничтожна, чтобы о ней стоило говорить.

Остается вторая городская курия. Здесь не мало рабочих и близких к рабочим избирателей: приказчики, квартиронаниматели из рабочих, получатели пенсии и т. п. Здесь есть хоть что-либо похожее на политическую прессу и нечто вроде собраний. Одним словом, это — главное поприще перебаллотировок при участии самих избирателей. Как же обстоит здесь дело с партийной группировкой избирателей?

Довольно точный, хотя и косвенный, ответ на этот вопрос дают сведения о партийном составе выборщиков 2-ой городской курии в III Гос. думу. По итогам кадетской «Речи» (1907, № 241), охватывающим по 51-ой губернии Европейской России 4 897 выборщиков из всего числа 5 161, — 533 выборщика второй городской курии распределялись по партиям следующим образом: к оппозиции принадлежат 405 (100 «левых», 209 к.-д. и 96 прогрессистов), к правым 101 (17 умеренных, 19 октябристов и 65 правых), 21 беспартийный и 6 неизвестно какой партии. Три главные группы партий, борющиеся на теперешних выборах, выделяются здесь явственно: 100 демократов, 305 либералов, 101 правый.

Либералы более чем втрое сильнее правых, которые почти равносильны с демократами. Ясно, что *по общему правилу* ни о какой черносотенной опасности здесь нет и речи. Далее, ясно, что *главной* задачей рабочей демократии является здесь именно борьба с либералами; в настоящее время, при несомненном общем полевении страны, признаваемом и либералами, и октябристами, и Пуришкевичами, такая борьба в особенности выдвигается на первый план. Разумеется, на первой стадии рабочие кандидаты должны идти исключительно в самостоятельную борьбу, чистыми списками. На второй же стадии, на перебаллотировках, дело сводится *в большинстве случаев* к борьбе демократов с либералами.

Чтобы провести *эту* борьбу, марксисты должны на перебаллотировках соединяться со *всеми* демократами (т. е. и с буржуазной демократией, народниками, трудовиками и пр.) *против* либералов. Все поведение пресловутой «ответственной оппозиции», кадетов, в III Думе, вся политика и тактика либерально-монархической буржуазии, а затем теперешнее движение среди приказчиков дают особенно благоприятную почву для этой борьбы

демократов, организуемых рабочими, против либералов, т. е. партии к.-д. Поскольку вторая городская курия есть главная курия с перебаллотировками, — *главной* линией рабочих на перебаллотировках будет именно: с демократами *против* правых и *против* либералов.

В итоге мы получаем тот вывод, что ликвидаторы и их защитники делают относительно перебаллотировок ошибку и «техническую» и политическую. «Технически» они ошибаются, смешивая немецкие перебаллотировки с русскими «дополнительными» или новыми выборами. Политически они ошибаются, скатываясь к либеральной рабочей политике, когда отделяются общими фразами о поддержке оппозиции против правых. На деле и общая задача марксистов в современной России — организовать рабочих, как передовой отряд демократии и против правых, и против контрреволюционного либерализма — и особенности нашего положения в главной «перебаллотировочной» курии заставляют дать иной лозунг. На перебаллотировках в первую очередь, прежде всего, во 2-й городской курии, чаще всего со всеми демократами против либералов и против правых; лишь затем придется идти на перебаллотировках в общеопозиционном блоке против черных.

ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

I

Конференция трудовиков, о которой мы уже говорили и о которой были сообщения в нескольких газетах (между прочим, в «Речи» от 28 марта), представляет из себя особую важность с точки зрения партийной определенности всей выборной кампании в IV Думу. После блока умеренных либералов (кадетов и «беспартийных прогрессистов») и после решений рабочей демократии о ее тактике на выборах оставалось «определиться» еще только трудовикам, чтобы картина была полной.

Теперь *все* классы русского общества в лице всех скольких-нибудь серьезных и заслуживающих внимания политических партий определили свою позицию в выборной кампании. И если для буржуазных партий, особенно для тех, которые «прочно» устроились в здании третьеиюньского режима, выборы являются по преимуществу временем усиленной рекламы, то для рабочей демократии, для марксистов, главная задача избирательной кампании — *разъяснение* народу того, в чем *сущность* разных политических партий, *кто и за что* стоит, какие действительные, жизненные интересы руководят той или иной партией, какие *классы* общества прячутся за той или иной вывеской.

С этой точки зрения нам придется *неоднократно* останавливаться на конференции трудовиков, и особенное внимание мы должны, в интересах рабочего класса, уделять как раз указанному сейчас принципиальному вопросу. И черносотенные, правые, партии и *либералы* (кадеты) лишь замалчивают этот вопрос, либо на тысячи ладов извращают его постановку и его решение, причем делается это не по неразумию или злому умыслу отдельных лиц,

а потому, что *классовые* интересы помещиков и буржуазии *заставляют* их извращать сущность партий крестьянских и рабочих.

В свою очередь трудовики, партия по преимуществу крестьянская, не заинтересованы в замалчивании вопроса хотя бы о том, чем отличается либерализм от демократии, но решают этот вопрос неверно. С точки зрения крестьянина, т. е. мелкого хозяйчика, и нельзя его решить правильно; только с точки зрения наемного рабочего вопрос этот *решен* — об этом свидетельствует не только теория, наука, но и *опыт* всех европейских стран, вся экономическая и политическая история европейских партий в течение особенно XIX века.

Посмотрите хотя бы на то, как либералы говорят о трудовиках и трудовики сами о себе. Либеральная «Речь», главный орган партии к.-д., говорит, что трудовики более всех пострадали от изменения избирательного закона 3 июня 1907 года, что их тактика «не может сколько-нибудь заметно отличаться» от тактики к.-д., — ибо кадеты, извольте видеть, могут «повторить» и повторяют почти все, сказанное трудовиками. «Наконец, соглашения на выборах с трудовиками могут понадобиться — пишет «Речь» — разве только в отдельных местностях, весьма притом немногочисленных».

Вдумайтесь в эту оценку и вы увидите, что это — оценка либерального буржуа, которого закон 3-го июня оттеснил от главенства (бывшего за ним по закону 11 декабря 1905 года), но вместе с тем дал ему внушительное оппозиционное местечко, *огражденное* от демократии. Вы для нас неважны, господа трудовики, и мы с вами серьезно не считаемся, вот действительный смысл заявления «Речи». Почему неважны? Потому, что закон 3-го июня вас обессилил на выборах.

Для всякого демократа и в особенности для всякого рабочего важны не те партии, которые пользуются монополией или привилегией по данному избирательному закону, а те, которые представляют широкие массы населения, в частности, трудящегося и эксплуатируемого населения. Либерального же буржуа как раз от этих масс и *защитил* закон 3-го июня, и потому ему эти массы неважны. Либеральным адвокатам и журналистам нужны места в Думе, либеральным буржуа нужен раздел власти

с Пуришкевичами, — вот что им нужно, а развитие самостоятельной политической мысли крестьянских масс, развитие их самодеятельности, как класса, либералу не только не нужно, а прямо-таки опасно. Либералу нужен избиратель, либералам нужна доверяющая им и идущая за ними толпа (чтобы заставить потесниться Пуришкевичей), но политической самостоятельности толпы либерал боится.

Почему же он не боится трудовиков, которые в качестве «самостоятельной» партии, особенно близкой крестьянству, т. е. громадному большинству населения, представляют из себя не либерализм, а буржуазную демократию? Именно потому, что трудовики суть демократы, *недостаточно* самостоятельные по отношению к либералам, *не умеющие* бороться с либералами за влияние на массы! Нельзя не останавливаться сотни и сотни раз на этом важнейшем вопросе современной политики в России, если брать эту политику серьезно, добросовестно, принципиально, а не в шарлатанском (либеральном тож) смысле погони за мандатами. Пока исторической задачей эпохи в России останется политическое преобразование ее в демократическом направлении, до тех пор *весь гвоздь* вопроса об этом преобразовании неизбежно будет состоять в том, чтобы *очень широкие*, самые широкие массы населения стали сознательно демократами, т. е. вполне определенными, последовательными, решительными противниками какой бы то ни было узости, ограниченности, половинчатости, трусости либерализма. И тот рабочий не есть еще сознательный рабочий, который не понял, что нельзя быть последовательным борцом за уничтожение наемного рабства *без* усвоения и воплощения в жизнь этой политической задачи нашего времени.

Когда либералы, кадеты, говорят, что их «тактика» не отличается «сколько-нибудь заметно» от трудовической, то это самое вопиющее невежество или самая бесстыдная ложь. Каждая страница политической истории России за последнее десятилетие содержит сотни и тысячи опровержений этой лжи. Новейшая история России показывает нам на нашем русском *опыте*, что разница между либерализмом и крестьянской демократией неизмеримо глубже каких бы то ни было вопросов о «тактике», — ибо эта разница всплывала всегда и без исключения за последние, скажем, восемь лет, несмотря на то, что ход событий

вызывал неоднократно самые крутые переломы «тактики», — эта разница лежит неизмеримо глубже всяких «программ», ибо программы выражают только то, что *думают* передовые люди класса о его задачах и его положении. Не мнения передовых людей, а действия миллионных масс показали нам коренную разницу в *современном* экономическом и политическом положении либеральной буржуазии, с одной стороны, и буржуазно-демократического крестьянства, с другой. Отсюда коренная разница классовых *интересов* по отношению к «командующим силам» теперешней России. Отсюда — коренное различие во всех исходных пунктах и во всем размахе политической активности.

И либералу и трудовику может казаться, что они политические единомышленники, ибо оба — «против Пуришкевича». Но спуститесь чуточку поглубже от этих *мнений* политических деятелей к *классовому положению* масс, и вы увидите, что либеральная буржуазия *в жизни* делит политические привилегии вместе с Пуришкевичами и спорят они *только* из-за того, Пуришкевичам ли обладать двумя третями этих привилегий, а Милюковым одной третью, или наоборот. Возьмите «жизнь», возьмите экономическое положение современного русского крестьянства, как слоя мелких хозяев в земледелии, и вы увидите, что речь идет вовсе не о дележе политических привилегий, вовсе не о политических привилегиях, что здесь слово «жизнь» приходится брать в кавычки, ибо самое существование Пуришкевичей означает *голодную смерть* миллиона таких хозяйчиков.

В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты *на деле* тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии. Слово теперешние надо понимать довольно широко, включая сюда, напр., и те привилегии, которые охраняет закон 3-го июня 1907 г. сегодня, и те, которые охранял и закон 11 декабря 1905 года вчера.

Другая буржуазия, это — очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым *на деле* приходится решать вопрос вовсе не о

привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голоду *от* Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом.

Именно к этому сводятся также и те вопросы, которые не могла не затронуть конференция трудовиков. Об этих вопросах мы будем говорить подробно в следующих статьях. Теперь же подведем маленький итог сказанному. Вопрос о трудовиках и кадетах есть один из величайших вопросов всего политического освобождения России. Нет ничего пошлее, как сводить этот вопрос к «силе» тех или других партий в системе 3-го июня, к «расчетливости» тех или иных соглашений на выборах по этой системе. Наоборот, частный вопрос о соглашениях, перебаллотировках и т. д. может быть решен правильно с точки зрения наемного рабочего лишь в том случае, если поняты *классовые* корни той и другой партии, буржуазных демократов (трудовики) и буржуазного либерализма (к.-д., «прогрессисты» и т. п.).

II

Конференция трудовиков поставила целый ряд очень интересных и поучительных политических вопросов. В настоящее время мы имеем прекрасный комментарий к ее решениям — статью г. В. Водовозова об «Избирательной программе трудовой группы» в № 13 петербургского еженедельника «Запросы Жизни», издаваемого при ближайшем участии гг. Ковалевского и Бланка. «Прекрасным» комментарий г. Водовозова является, конечно,

не с нашей точки зрения, а потому, что он правильно передает взгляды и стремления трудовиков. Всякий, интересующийся значением демократических общественных сил России, должен со всем вниманием отнестись к статье г. Водовозова.

«Трудовая группа — пишет он — исходит из убеждения, что в настоящий исторический момент интересы крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но почти тождественны; поэтому одна партия вполне могла бы обслуживать интересы этих трех общественных классов. Но, в силу исторических условий, рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства. Она и была таковой».

Тут сразу видна основная ошибка, разделяемая всеми народниками, вплоть до самых «левых». Они исходят из такого «убеждения», которое противоречит всем истинам экономической науки и всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России. Они продолжают держаться этих «убеждений» даже тогда, когда опыт русской истории вынуждает их сознаться, что и на нашей почве эти убеждения опровергаются ходом событий.

Вторая фраза у трудовиков побивает первую. Если бы одна партия могла обслуживать интересы и рабочего класса, и крестьянства, то откуда же взялась бы особая партия рабочего класса? А если она создавалась и упрочилась в особенно важный, особенно критический период русской истории (1905 г.), если даже трудовики должны сказать сами себе, что рабочий класс «нашел» свою партию «в силу исторических условий», то, значит, «убеждения» трудовиков *опровергнуты* «силой исторических условий».

Если трудовики *оказались* партией крестьянства, а по убеждениям их они не должны бы быть только крестьянской партией, значит, убеждения их неверны, представляют из себя иллюзию. И эта иллюзия именно такова, какова была иллюзия *всех* буржуазно-демократических партий Европы в период борьбы с феодализмом и абсолютизмом. В той или иной форме преобладала идея «внеклассовых партий», причем «сила исторических условий» неизменно опровергала эту идею, разрушала эту иллюзию. Попытки или потуги обнять разные классы «одной партией» свойственны как раз буржуазному демократизму той эпохи, когда он должен был видеть главного своего

врага позади, а не впереди, в крепостниках, а не в пролетариате.

Претензия «обнять» разные классы сближает трудовиков с кадетами: те тоже хотят быть партией *надклассовой*, те тоже уверяют, что «почти тождественны интересы» рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Под трудовой интеллигенцией они понимают и гг. Маклаковых! Сознательный рабочий будет всегда бороться против всяких идей о надклассовых партиях, против всякого ватушевывания классово пропасти между наемными рабочими и мелким хозяйчиком.

Но если сходство трудовиков с кадетами состоит в том, что и те и другие разделяют буржуазные предрассудки о возможности слияния разных классов, то разница между ними состоит в том, к *какому* классу ход событий влечет ту и другую партию вопреки ее желаниям, иногда вопреки сознанию отдельных ее членов. Трудовиков история научила быть ближе к правде, говорить, что они партия крестьянская. Кадеты продолжают называть себя демократами, будучи на деле контрреволюционными либералами.

К сожалению, эта последняя истина далеко не отчетливо сознается трудовиками, — настолько неотчетливо, что в официальных решениях их конференции *нет* характеристики кадетов вовсе. В официальных решениях говорится только о соглашениях «в первую очередь с с.-д., а затем с к.-д.». Этого мало. Вопрос об избирательных соглашениях может быть решен правильно, последовательно, принципиально *только* при полном выяснении того, какова классовая природа соглашающихся партий, в чем основное расхождение между ними и временное совпадение интересов.

Об этом говорится лишь в комментарии г. Водовозова. «Речь», отмечая и обсуждая его статью, *как раз эти* пункты постаралась совершенно *скрыть* от читателей. Мы полагаем, что на этих пунктах обязательно остановиться со вниманием.

«Трудовая группа — пишет г. Водовозов — хорошо понимала, что современный российский строй есть строй абсолютизма и произвола, и потому относилась с решительным осуждением ко всем выступлениям, которыми к.-д. партия желала оповестить *urbi et orbi** о существовании

* — всему миру. Ред.

в России строя конституционного, и относилась отрицательно к торжественным встречам, устраиваемым представителям английского и французского парламентов для манифестирования русского конституционализма. Для трудовой группы не подлежало сомнению, что только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития; поэтому она с сочувствием относилась ко всем проявлениям в нашей общественной жизни такого убеждения. Именно это убеждение полагало глубокую пропасть между нею и партией к.-д.»... и несколько дальше повторяется та же мысль о «мирном эволюционизме кадетов и созданной этим эволюционизмом тактики к.-д.», «всегда более отдалявшей трудовиков от к.-д., чем от с.-д.».

Понятно, почему кадетская *«Речь»* должна была позаботиться о сокрытии этого рассуждения от своих читателей. Здесь явно выражено желание провести грань между демократизмом и либерализмом. Грань, несомненно, есть, но г. Водовозов, хотя и говорит о «глубокой пропасти», понимает эту грань слишком неглубоко. У него выходит, что различие, собственно, тактическое и в оценке момента: трудовики за коренной переворот, кадеты — мирные эволюционисты; трудовики считают, что у нас строй абсолютизма, а кадеты, что есть, слава богу, конституция. Подобное различие возможно между правым и левым крылом одного и того же класса!

Ограничивается ли этим различие между трудовиками и кадетами? Не признал ли сам г. Водовозов, что трудовики — партия крестьянства? Нет ли в *классовом положении* крестьянства по отношению хотя бы к Пуришкевичу и пуришкевичевщине черт отличия от положения либеральной буржуазии?

Если нет, тогда разница между трудовиками и кадетами неглубока даже с точки зрения отношения к феодализму и абсолютизму. Если есть, то надо выдвинуть на первый план именно различие *классовых интересов*, а не различие «взглядов» на абсолютизм и конституцию или на мирную эволюцию.

Трудовики хотят быть радикальнее кадетов. Это очень хорошо. Но их радикализм был бы последовательнее и глубже, если бы они ясно понимали классовую сущность

либерально-монархической буржуазии, если бы они прямо говорили в своей платформе о контрреволюционном либерализме кадетов.

Напрасно поэтому «оправдывается» г. Водовозов ссылкой на внешние препятствия, в силу которых-де трудовикам «пришлось выработать резолюцию, в которой самые существенные пункты были скрыты за не совсем ясной для большинства читателей ссылкой на малодоступную им «платформу трудовой группы». Во-первых, трудовики не обязаны были ограничиваться ареной, оными препятствиями огражденной; ограничиваясь ею, они, точь-в-точь как наши ликвидаторы, обнаруживают этим недостаточную глубину своего отличия от кадетов. Во-вторых, была полнейшая возможность на какой угодно арене формулировать классовую сущность к.-д. либерализма и его контрреволюционность.

Мы видим, следовательно, что колебания трудовиков между к.-д. и с.-д. не случайны, а вытекают из очень глубоких и коренных условий, в которые поставлено крестьянство. Межеумочное положение в сторонке от прямой борьбы буржуа и пролетария питает иллюзии о внеклассовой или надклассовой партии. Общие буржуазные предрассудки, свойственные хозяину и хозяйчику, сближают трудовиков и кадетов. Отсюда недостаточная последовательность трудовиков, как буржуазных демократов, даже в их борьбе с основами власти Пуришкевичей.

Задача сознательных рабочих помочь сплочению крестьянской демократии, возможно менее зависимой от либералов и поддающейся возможно менее их влиянию, возможно более последовательной и решительной. Положение громадных масс крестьянства таково, что сформулированные г. Водовозовым стремления к «коренному и глубокому перевороту» имеют чрезвычайно солидные, широко разветвленные и далеко уходящие в почву корни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Российская коллегия ЦК* («суженный состав ЦК», «действующая в России коллегия ЦК»), утвержденная пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года, существовала до 1910 года. В первый состав ее вошло по одному представителю от большевиков, меньшевиков, польских, латышских социал-демократов и Бунда.

В 1910 году по уставу ЦК, принятому на январском пленуме, состав Российской коллегии ЦК расширялся до 7 человек; в нее должны были войти: 4 члена ЦК, избранных на V (Лондонском) съезде, и 3 представителя от национальных организаций. Однако после январского пленума организовать работу Российской коллегии ЦК не удалось; меньшевики-ликвидаторы отказались принимать в ней участие. Указание Ленина — ввести в состав Российской коллегии ЦК меньшевиков-партийцев вместо ликвидаторов — члены ЦК примиренцы (Ногин, Гольденберг, Лейтейзен и др.) не выполнили.

В течение 1910 и начала 1911 года все члены ЦК большевики, работавшие в России, были арестованы.

Письмо в Российскую коллегия ЦК РСДРП печатается по копии, обнаруженной в делах департамента полиции. Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 1.

² *«Голос Социал-Демократа»* — заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Женеве, затем в Париже с февраля 1908 года по декабрь 1911 года.

Характеристику «Голоса Социал-Демократа» см. в статье Ленина «Голос» ликвидаторов против партии» (Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 138—145). — 1.

³ *Пленум ЦК РСДРП*, известный под названием «Объединительного», состоялся 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже. Пленум был созван вопреки Ленину, при содействии скрытых союзников Троцкого: Зиновьева, Каменева, Рыкова. На нем присутствовали, кроме большевиков, представители всех фракций и фракционных группировок, а также

представители национальных социал-демократических организаций. В противовес ленинскому плану сближения с меньшевиками-партийцами (плексановцами) для борьбы с ликвидаторством, примиренцы, скрытые троцкисты, требовали роспуска всех фракций и объединения большевиков с ликвидаторами и троцкистами. Перевес на пленуме получили примиренческие элементы. Ленин оказался в меньшинстве. Только по настоянию Ленина пленум принял постановление об осуждении ликвидаторства и отзовизма. Вопреки Ленину, пленумом были приняты решения о закрытии большевистского органа «Пролетарий», роспуске Большевистского Центра и передаче его имущества ЦК, а наличных средств — представителям международной социал-демократии («держателям») Ф. Мерингу, К. Цеткин и К. Каутскому. Ленин добился включения в постановление пленума условия о том, чтобы одновременно с ликвидацией Большевистского Центра были уничтожены фракционные центры «голосовцев» и «впередовцев». Пленум вынес решение оказать денежную поддержку венской «Правде» Троцкого, которую агенты Троцкого, Зиновьев и Каменев, пытались превратить в орган ЦК.

В состав центральных учреждений, несмотря на протест Ленина, были выбраны и меньшевики-ликвидаторы. О борьбе Ленина на пленуме с ликвидаторами, троцкистами и примиренцами см. его статью «Заметки публициста» (Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 175—234). — 1.

⁴ *Михаил* (И. А. Исув), *Роман* (К. М. Ермолаев) и *Юрий* (П. А. Бронштейн) — меньшевики-ликвидаторы, кандидаты в члены ЦК РСДРП, избранные V (Лондонским) съездом РСДРП. — 1.

⁵ «*Впередовцы*» (группа «Вперед») — антипартийная группа отзовистов, ультиматистов, богостроителей и эмпириомонистов (сторонников реакционной, идеалистической философии Маха и Авенариуса); организовалась в декабре 1909 года по инициативе А. Богданова и Г. Алексинского; имела свой печатный орган того же названия. В 1912 году «впередовцы» вместе с меньшевиками-ликвидаторами объединились против большевиков в общий антипартийный блок (Августовский), организованный Троцким.

Не пользуясь поддержкой рабочих, группа фактически распалась еще в 1913 году. Окончательный распад ее произошел в 1917 году, после февральской революции. — 1.

⁶ *Центральный Орган РСДРП* — «Социал-Демократ» — нелегальная газета; издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 гда; вышло 58 номеров. Первый номер вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В газете «Социал-

- Демократ» напечатано более 80 статей и заметок Ленина. Внутри редакции газеты Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции, меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто вашищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа». Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете был напечатан ряд статей И. В. Сталина. — 2.
- 7 Ленин имеет в виду декларацию («договор») большевиков, подписанную и оглашенную на пленуме ЦК РСДРП («Объединительном») в январе 1910 года. См. настоящий том, стр. 325—327. — 2.
- 8 *Игорь* (Игорев, Горев) — меньшевик-ликвидатор Б. И. Гольдман. — 2.
- 9 ЗБЦК (Заграничное бюро ЦК РСДРП) создано пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей, подчиненного и подотчетного Российской коллегии ЦК. Вскоре после январского пленума ЦК 1910 года в составе ЗБЦК сложилось ликвидаторское большинство и ЗБЦК стало центром собрания антипартийных сил. Ликвидаторская тактика ЗБЦК заставила большевиков-ленинцев отозвать в мае 1911 года из его состава своего представителя Александрова (Н. А. Семашко). Несколько позднее были отозваны представители польской и латышской социал-демократии. В январе 1912 года ЗБЦК самоликвидировалось. — 2.
- 10 Речь идет о меньшевиках-партийцах, которые в этот период сотрудничали с большевиками в Центральном Органе «Социал-Демократ», в большевистских газетах «Звезда» и «Рабочая Газета» и местных комитетах. В 1911 году меньшевики-партийцы вошли в Российскую организационную комиссию по созыву общепартийной конференции. И. В. Сталин, находившийся в то время в ссылке, целиком поддерживал ленинскую линию блока большевиков с меньшевиками-партийцами (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 209—210). — 2.
- 11 «Рабочая Газета» — популярный орган большевиков; издавалась в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. В газете принимали участие также меньшевики-партийцы. Основателем и руководителем «Рабочей Газеты» был Ленин. Ленин напечатал в газете более 10 статей.

Пражская конференция РСДРП (январь 1912 года) отметила, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно защищала партию и партийность, и объявила ее официальным органом ЦК РСДРП большевиков. — 3.

- 12 *Фракционная школа за границей* — фракционный центр отзовистов, ультиматистов и богостроителей, объединившихся для борьбы против большевизма; создана в 1909 году А. Богдановым (Максимовым), Г. Алексинским и А. Луначарским при участии А. М. Горького на острове Капри (Италия). Прикрываясь флагом партийности, богдановцы добились от некоторых местных социал-демократических организаций присылки в школу 13 слушателей. Школа существовала около 4 месяцев (август — декабрь 1909 года). В ноябре среди слушателей произошел раскол: часть их, во главе с рабочим Н. Е. Вилоновым, решительно отмежевалась от богдановцев. Слушатели-ленинцы послали в редакцию газеты «Пролетарий» протест против антипартийного поведения лекторов, за что были исключены из школы. В конце ноября 1909 года по приглашению В. И. Ленина они приехали в Париж, прослушали цикл лекций, в том числе лекции Ленина «Современный момент и наши задачи» и «Аграрная политика Столыпина». Оставшаяся на Капри часть слушателей вместе с лекторами образовала в декабре 1909 года антипартийную группу «Вперед».

Совещание расширенной редакции «Пролетария» осудило каприйскую школу как «новый центр откалывающейся от большевиков фракции». — 3.

- 13 Ленин имеет в виду совместную работу большевиков с Г. В. Плехановым в делегации РСДРП на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене 28 августа — 3 сентября (н. ст.) 1910 года. Во время конгресса В. И. Ленин и Г. В. Плеханов подали протест в Правление германской социал-демократической партии по поводу калечатанной в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts» анонимной клеветнической статьи о положении в российской социал-демократии, автором которой был Троцкий. — 3.

- 14 «Правда» (венская) — меньшевистско-ликвидаторская газета, фракционный орган Троцкого; выходила в 1908—1912 годах в Вене. Прикрываясь маской «внефракционности», газета по всем основным вопросам занимала ликвидаторскую позицию, а также поддерживала отзовистов и ультиматистов. В 1912 году Троцкий и его «Правда» явились организаторами антипартийного Августовского блока. — 4.

- 15 *Письмо 16-ти* — открытое письмо меньшевиков-ликвидаторов, явившееся ответом на выступление Г. В. Плеханова в № 9 «Дневника Социал-Демократа» (август 1909 года) против ликвидаторов и их лидера А. Н. Потресова.

Письмо 16-ти Ленин называл «геростратовски знаменитым» документом (см. статью «Голос» ликвидаторов против партии», Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 138—145). — 7.

- 16 *«Веховцы»* — участники кадетского сборника «Вехи», вышедшего в Москве весной 1909 года со статьями Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, М. Гершензона и других представителей контрреволюционной либеральной буржуазии. В статьях о русской интеллигенции «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции лучших представителей русского народа, в том числе Белинского и Чернышевского; оплеывали революционное движение 1905 года и благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Сборник призывал интеллигенцию на службу самодержавию. Ленин сравнивал программу «Вех» и в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», называя сборник *«энциклопедией либерального ренегатства»*, «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». — 8.
- 17 *«Россия»* — ежедневная полицейски-черносотенная газета; орган министерства внутренних дел; выходила в Петербурге с 1905 по 1914 год. — 8.
- 18 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 17.
- 19 Статья *«О некоторых особенностях исторического развития марксизма»* была напечатана в газете «Звезда».

«Звезда» — большевистская легальная газета, предшественница «Правды»; выходила в Петербурге с 16 (29) декабря 1910 года по 22 апреля (5 мая) 1912 года (сначала еженедельно, с января 1912 — два раза и с марта — три раза в неделю). 26 февраля (10 марта) 1912 года, одновременно с «Звездой», вышел № 1 «Невской Звезды», явившейся после закрытия «Звезды» ее продолжением. Последний, 27-й, номер «Невской Звезды» вышел 5 (18) октября 1912 года.

В газете «Звезда» сотрудничали: В. М. Молотов, М. С. Ольминский, Н. Н. Батурич, Н. Г. Полетаев, К. С. Еремеев, а также А. М. Горький. До осени 1911 года в «Звезде» принимали участие меньшевики-партийцы (плекхановцы). Идейное руководство газетой осуществлял (из-за границы) В. И. Ленин. В «Звезде» и «Невской Звезде» было опубликовано около 50 статей Ленина.

Весной 1912 года «Звезду» редактировал И. В. Сталин. За короткое время пребывания «на воле» И. В. Сталин напечатал в №№ 30, 31, 32 и 33 газеты 8 статей. Под руководством Ленина и Сталина легальная «Звезда» явилась боевой

большевистской газетой, отстаивавшей программу нелегальной партии. «Звезда» широко поставила отдел рабочих корреспонденций, установив постоянную, крепкую связь с рабочими. Тираж отдельных номеров ее достигал 50—60 тысяч экземпляров.

Газета постоянно подвергалась правительственным репрессиям: из 96 номеров «Звезды» и «Невской Звезды» 39 было конфисковано, 10 оштрафовано. «Звезда» подготовила издание ежедневной большевистской газеты «Правда»; была закрыта правительством в день выхода № 1 «Правды». — 20.

- 20 «*Наша Заря*» — ежемесячный легальный журнал меньшевиком-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 годах в Петербурге. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. — 25.
- 21 «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии. Газета начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и др. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в «*Vorwärts*» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 25.
- 22 «*L'Humanité*» («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как Центральный Орган коммунистической партии. — 26.
- 23 «*Вестник Народной Воли*» выходил в Женеве в 1883—1886 годах как заграничный орган партии «Народная воля», под редакцией П. Л. Лаврова и Л. А. Тихомирова; вышло пять номеров. — 26.
- 24 «*Биржевые Ведомости*» — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Петербурге с 1880 года. Название «Биржевка» стало нарицательным для обозначения беспринципности и продажности буржуазной печати. Газета была закрыта в конце октября 1917 года. — 26.
- 25 Здесь и дальше Ленин имеет в виду и цитирует «Манифест коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», 1948, стр. 81—84 и 97). — 32.
- 26 Статья «*Марксизм и «Наша Заря»*» была напечатана в № 3 журнала «Современная Жизнь».
- «*Современная Жизнь*» — большевистский легальный еженедельный общественно-политический журнал, выходивший

в Баку с 26 марта (8 апреля) по 22 апреля (5 мая) 1911 года под руководством С. Г. Шаумяна. Вышло три номера. После конфискации третьего номера журнал был закрыт правительством. — 34.

- 27 *«Воарождение»* — легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил с декабря 1908 года до июля 1910 года в Москве; вместо него издавались журналы *«Жизнь»* (1910) и *«Дело Жизни»* (1911). — 35.
- 28 *Маевский* — меньшевик В. А. Гutowский. — 37.
- 29 Ленин имеет в виду брошюру Череванина *«Лондонский съезд РСДРП 1907 г.»*, в конце которой автор выступил с ликвидаторской критикой решения V (Лондонского) съезда РСДРП по вопросу о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях. — 37.
- 30 Статья *«Наши упразднители»* была напечатана в журнале *«Мысль»*.
- «Мысль»* — большевистский легальный ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; издавался в Москве с декабря 1910 года. Журнал был создан по предложению Ленина в противовес ликвидаторским журналам и для борьбы с ними. Ленин руководил журналом из-за границы.
- В первых четырех вышедших книжках *«Мысли»* Ленин поместил 6 статей, в том числе большую работу *«О статистике стачек в России»*. Ближайшее участие в журнале принимали: В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов. В журнале сотрудничали также меньшевики-партийцы (Г. В. Плеханов и другие). Журнал издавался до апреля 1911 года; вышло 5 номеров. Последний, 5-й, номер был конфискован. — 39.
- 31 *«Освобождение»* — двухнедельный журнал буржуазных либералов; издавался за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве. С января 1904 года — орган либерально-монархического *«Союза освобождения»*. Позднее *«освобожденцы»* составили ядро партии кадетов — главной буржуазной партии в России. — 40.
- 32 Ленин имеет в виду свою работу *«Победа кадетов и задачи рабочей партии»*, написанную в марте и вышедшую в свет отдельной брошюрой в апреле 1906 года (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 175—250). — 43.
- 33 *Платформа 104-х* (земельный законопроект) депутатов I и II Думы — трудящихся исходила из народнических принципов уравнительности землепользования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских

- земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты. (О платформе 104-х см. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 173—174, и том 13, стр. 241—246.) — 45.
- 34 «Жизнь» — журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов; издавался в Москве; вышло два номера (в августе и сентябре 1910 года). — 49.
- 35 «Русская Мысль» — ежемесячный журнал либеральной буржуазии; выходил в Москве с 1880 года. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии. В этот период «Русскую Мысль» Ленин называл «Черносотенной Мыслью». Журнал был закрыт в середине 1918 года. — 50.
- 36 Ленин цитирует лирическую комедию Н. А. Некрасова «Медвежья охота» (см. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений, т. II, книга I, 1937, стр. 173). — 50.
- 37 Н. Бельтов — литературный псевдоним Г. В. Плеханова, под которым в 1895 году вышла его работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». — 52.
- 38 «Общественное движение в России в начале XX-го века» — меньшевистский пятитомник (вышло четыре тома) под редакцией Л. Мартова, П. Маслова, А. Н. Потресова, Г. В. Плеханов, входивший в первоначальный состав редакции, вышел из нее в конце 1908 года, не согласившись на включение в первый том этого издания ликвидаторской статьи А. Н. Потресова. — 56.
- 39 «Русские Ведомости» — ежедневная газета; издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии. С 1905 года — орган правых кадетов. Закрыта после Октябрьской революции 1917 года. — 59.
- 40 «Прогрессистами» на выборах во II и III Думу называли себя преимущественно представители мелкой буржуазии городов и отчасти крестьян. — 60.
- 41 Совет объединенного дворянства — контрреволюционная помещичья организация; образовалась в мае 1906 года; оказывала большое влияние на политику правительства. В период III Государственной думы значительное число членов Совета входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — 62.
- 42 Толмачев, И. Н. — градоначальник Одессы, крайний черносотенец. — 63.

- 43 *Громобой* — сотрудник газеты октябристов «Голос Москвы». *Изгоев* — надетский публицист, участник сборника «Вехи», сотрудник газеты «Речь». — 71.
- 44 Ленин имеет в виду заявление 66 мосновских промышленников, напечатанное в газете «Русские Ведомости» 11 (24) февраля 1911 года. Представители крупного капитала выступили против преследований студенчества, поскольку они затрагивали буржуазную молодежь и срывали подготовку специалистов для обслуживания российской промышленности. — 71.
- 45 «*Голос Москвы*» — ежедневная газета; орган октябристов — контрреволюционной партии крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков; выходила в Москве с декабря 1906 года по июнь 1915 года. — 72.
- 46 «*Земщина*» — ежедневная черносотенная газета, выходившая в Петербурге с июля 1909 по февраль 1917 года; орган крайних правых депутатов Государственной думы. — 75.
- 47 *Мешковский* (И. П. Гольденберг) — член ЦК РСДРП, большевик-примиренец. — 81.
- 48 *Иннокентий* (Иннонентиев, Инок) — И. Ф. Дубровинский, член ЦК РСДРП, большевик; в 1910—1911 гг. занимал примиренческую позицию. — 82.
- 49 *Ольгин* — В. П. Фомин, меньшевик-партиец. — 83.
- 50 Далее следуют подписи Ленина и двух других членов ЦК. — 83.
- 51 «*Новое Время*» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либеральная, к концу 70-х годов XIX века она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года — один из органов черносотенцев. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — 89.
- 52 «*Вестник Европы*» — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1866 до весны 1918 года. Журнал проводил взгляды русской либеральной буржуазии; с начала 90-х годов вел систематическую борьбу против марксизма. — 93.
- 53 Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», изданный 9 (22) ноября 1906 года, и закон 14 (27) июня 1910 года «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» определяли правила выхода крестьян из общины и закрепления за ними наделной земли в собственность. — 94.

- 54 Ленин цитирует слова Волгина — героя романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см. Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 412). — 97.
- 55 А. Московский — меньшевик Г. И. Хундадзе. — 104.
- 56 Речь идет о И. Ф. Дубровинском, который был арестован в июне 1910 года. — 105.
- 57 Ленин имеет в виду события, развернувшиеся в марте 1911 года в связи с тем, что Государственный совет отклонил законопроект о введении земства в западных губерниях, внесенный председателем Совета министров П. А. Столыпиным.
В ответ на это Столыпин подал в отставку, но отставка была отклонена Николаем II. Столыпин добился отпуска на три дня (с 12 по 14 (с 25 по 27) марта) Государственной думы и Государственного совета и провел закон о земстве в западных губерниях в порядке 87-й статьи, предоставлявшей правительству право издавать законы помимо законодательных органов во время прекращения их занятий, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере».
- Применение 87-й статьи, в целях обхода законодательных учреждений, вызвало демонстративный уход с поста председателя Государственной думы А. И. Гучкова и выборы нового председателя Думы — правого октябриста М. В. Родзянко. — 107.
- 58 Ленин имеет в виду первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, состоявшийся в Петербурге 28 декабря 1909 года — 6 января 1910 года (10—19 января 1910 года), и первый Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, состоявшийся в Москве 1—6 (14—19) апреля 1909 года. — 119.
- 59 Ленин цитирует слова меньшевика-ликвидатора Дана, который на Пятой («Общерусской 1908 г.») конференции РСДРП при обсуждении вопроса «О современном моменте и задачах партии» заявил, что большевики «предлагают переть туда, где были раз разбиты». — 120.
- 60 «Буренинская или меньшешковская ловкость» — бесчестный метод полемики, свойственный Буренину и Меньшикову, сотрудникам черносотенно-монархической газеты «Новое Время». — 123.
- 61 Эрфуртская *profession de foi* — программа германской социал-демократии, принятая в 1891 году на съезде в Эрфурте. — 133.
- 62 Ленин имеет в виду пункт резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой на Пятой («Общерусской 1908 г.») конференции РСДРП, в котором объявлялась борьба ликвидаторству. — 133.

- 63 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал был органом либеральных народников. С 1906 года *«Русское Богатство»* фактически становится органом полукadetской партии энесов («народных социалистов»). — 138.
- 64 О сектантском характере английской социал-демократии Ф. Энгельс говорил неоднократно в письмах к Ф.-А. Зорге (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, 1940, стр. 320—324; т. XXIX, 1946, стр. 210, 306; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 476). — 147.
- 65 Статья *«Разговор легалиста с противником ликвидаторства»* была напечатана в № 3 «Дискуссионного Листка».

«Дискуссионный Листок» — приложение к Центральному Органу РСДРП «Социал-Демократ»; издавался по постановлению пленума ЦК РСДРП, состоявшегося в январе 1910 года. Выходил с 6 (19) марта 1910 года по 29 апреля (12 мая) 1911 года в Париже. Вышло три номера.

В «Дискуссионном Листке» были напечатаны также статьи Ленина «Заметки публициста» и «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». В № 2 «Дискуссионного Листка» от 25 мая (7 июня) 1910 года было напечатано «Письмо с Кавказа» И. В. Сталина (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 188—196). — 151.

- 66 *Совещание членов ЦК РСДРП, живущих за границей*, организованное по инициативе Ленина, состоялось в Париже 28 мая — 4 июня (10—17 июня) 1911 года.

Целью совещания была выработка мер для немедленного созыва пленума ЦК РСДРП и общепартийной конференции. К этому времени все члены ЦК большевики, работавшие в России, были арестованы, а Заграничное бюро ЦК, состоявшее из ликвидаторов, отказалось созвать пленум за границей. Приглашение на совещание было разослано 14 (27) мая 1911 года от имени большевиков и представителей польской социал-демократии.

На совещании присутствовали три большевика, два представителя социал-демократии Польши и Литвы и один представитель Латышской социал-демократической рабочей партии. На совещание прибыли также меньшевик-«голосовец» (покинул совещание после принятия резолюции о конституировании) и представитель Бунда (покинул совещание на второй день).

В порядке дня совещания стояли вопросы: 1) О созыве пленума ЦК; 2) О совещании по вопросу о предстоящих выборах в IV Думу; 3) О созыве партийной конференции; 4) О ЗБЦК; 5) О создании Технической комиссии. Совещание приняло решение о созыве пленума ЦК за границей; была создана Организационная комиссия по созыву всероссийской конференции и Заграничная техническая комиссия (ЗТК) для обслуживания партийного издательства, транспорта и т. п. Кандидатами

- в Организационную комиссию были назначены И. В. Сталин, С. С. Спандарян, М. Ф. Владимирский и другие. Совещание осудило антипартийное поведение ЗБЦК, поставив перед пленумом ЦК вопрос о дальнейшем существовании этого учреждения. Извещение о совещании, выпущенное отдельной листовкой, призывало партийные организации связаться с Организационной комиссией и приступить «немедленно к практической работе по созыву конференции, которая одна может помочь партии сплотить ряды и подготовиться к предстоящей борьбе». Местные организации партии одобрили решения совещания. К 1 (14) сентября 1911 года около десяти важнейших партийных организаций выразили доверие совещанию членов ЦК за границей и приступили к практической работе по подготовке конференции. — 167.
- 67 Рукопись заголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 169.
- 68 Юдин (И. Л. Айзенштадт), Костров (Н. Н. Жордания) — члены ЦК РСДРП, меньшевики-ликвидаторы. — 169.
- 69 Махар (В. П. Ногин), Линдов (Г. Д. Лейтейзен) — члены ЦК РСДРП, большевики-примиренцы; были арестованы в конце марта 1911 года. — 169.
- 70 Кацан — А. Поляков. — 169.
- 71 О «разоблачениях Ольгина» (меньшевика-партийца В. П. Фомина) см. настоящий том, стр. 83. — 170.
- 72 Петр (Н. В. Рамишвили) — член ЦК РСДРП, один из лидеров грузинских меньшевиков-ликвидаторов. — 170.
- 73 Рукопись заголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 175.
- 74 Речь идет об аресте рабочих-делегатов 2 Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей и представителей фабричной промышленности 13 (26) апреля 1911 года, накануне открытия съезда. — 181.
- 75 Собрание II Парижской группы РСДРП состоялось 18 июня (1 июля) 1911 года. — 186.
- 76 Либер, Бер (М. И. Гольдман) — ликвидатор, один из лидеров Бунда. — 188.
- 77 Организационная комиссия (Заграничная организационная комиссия, ЗОК) была создана совещанием членов ЦК РСДРП в июне 1911 года в целях подготовки созыва конференции РСДРП. ЗОК сформировалась в составе большевиков, примиренцев и представителей польской социал-демократии. Другие

фракции (меньшевики-партийцы, «впередовцы» и т. п.) своих представителей в ЗОК не выделили.

ЗОК выпустила «Извещение» об июньском совещании членов ЦК РСДРП и листок «Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам» о созыве конференции, а также направила в Россию трех уполномоченных, в том числе Г. К. Орджоникидзе, которые должны были провести подготовительную работу для созыва конференции и сформировать Российскую организационную комиссию.

Большинство в ЗОК с момента ее организации получили примиренцы и поддерживавшие их представители польской социал-демократии. В ноябре 1911 года ЗОК отказалась подчиниться решениям образовавшейся Российской организационной комиссии, после чего члены ЗОК большевики сняли с себя ответственность за действия ЗОК и вышли из ее состава. В дальнейшем примиренческое большинство ЗОК заняло позицию открытой борьбы против Российской организационной комиссии. Антипартийные действия ЗОК были разоблачены Г. К. Орджоникидзе в «Письме в редакцию», напечатанном в декабре 1911 года в № 25 газеты «Социал-Демократ». — 189.

78 Речь идет о легальной большевистской газете «Звезда». — 190.

79 «Дневник Социал-Демократа» — неперIODический орган, издававшийся Г. В. Плехановым; выходил в Женеве с большими перерывами с марта 1905 года до апреля 1912 года; вышло 16 номеров. Издание «Дневника» было возобновлено в 1916 году в Петрограде; вышел один номер. — 191.

80 *Пятый* (Лондонский) съезд РСДРП (30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.) в резолюции по вопросу «Об отношении к непролетарским партиям» признал, что совместные действия с народническими партиями «должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии» (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 104).

Третья конференция РСДРП («Вторая общероссийская») (21—23 июля (3—5 августа) 1907 г.) в резолюции по вопросу об участии в выборах в Государственную думу подтвердила, что «в избирательной кампании и в самой Думе социал-демократия должна распространять и укреплять в сознании народных масс идею социализма и революционные лозунги и вести решительную борьбу как против реакции, так и против гегемонии кадетов в освободительном движении вообще и в Думе в частности» (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 111). — 194.

81 «Пролетарий» — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда РСДРП; выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря)

1909 года под редакцией Ленина. «Пролетарий» носил название органа Московского и Петербургского комитетов, а некоторое время — и Московского окружного, Пермского, Курского и Казанского комитетов РСДРП. Фактически «Пролетарий» являлся Центральным Органом большевиков. Вышло 50 номеров газеты; первые 20 номеров были изданы в Финляндии (Выборг). С 13 (26) февраля по 1 (14) декабря 1908 года «Пролетарий» выходил в Женеве; с 8 (21) января по 28 ноября (11 декабря) 1909 года — в Париже.

В газете опубликовано свыше 100 статей и заметок Ленина. В годы столыпинской реакции «Пролетарий» сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций. — 195.

- 82 *Техническая комиссия* (Заграничная техническая комиссия, ЗТК) была создана совещанием членов ЦК РСДРП в июне 1911 года для выполнения технических функций (издательская работа, транспорт и т. п.) как временный орган, впредь до созыва пленума ЦК. ЗТК подчинялась группе членов ЦК, принявших участие в июньском совещании 1911 года. В состав ЗТК вошли по одному представителю от большевиков, примиренцев и польской социал-демократии. Примиренческое большинство ЗТК срывало организационные мероприятия большевиков, отказывалось подчиняться решениям Российской организационной комиссии, прекратило отпуск средств на издание Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-Демократ», выступало в печати (в листках и «Информационном Бюллетене» ЗТК) с нападками на Ленина и большевиков. 19 октября (1 ноября) 1911 года представитель большевиков М. Ф. Владимирский вышел из состава ЗТК, и большевики порвали с ней всякую связь. — 196.

- 83 *Письмо т. Виктора* — письмо большевика В. К. Таратуты, дело которого разбиралось Московским комитетом РСДРП в октябре 1906 года в связи с распространившимися слухами о причастности его к провокации. МК привнал, что эти обвинения лишены всякого основания. — 196.

- 84 В упоминаемой Лениным корреспонденции, напечатанной в № 23 «Социал-Демократа» 1 (14) сентября 1911 года, сообщалось о том, что видный петербургский ликвидатор выступил на собрании партийных рабочих Выборгского района с предложением, вместо восстановления партийной организации создавать «инициативные группы» для легальной просветительной работы. Это выступление встретило дружный отпор собрания, и за предложение ликвидатора не голосовал ни один человек. — 212.

- 85 *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», неперіодический орган «Союза русских социал-демократов за границей»; издавался в Женеве в 1899—1902 годах. Критику взглядов «рабочедельцев» Ленин дал в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — 213.

- 86 «Рабочая Мысль» — газета «экономистов»; выходила в 1897—1902 годах. Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской равновидности международного оппортунизма Ленин дал в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — 213.
- 87 Шварц (Ю. Элиас) — латышский социал-демократ, ликвидатор. — 214.
- 88 *Примечание* было написано Лениным к ваявлению комиссии, назначенной совещанием членов ЦК РСДРП в июне 1911 года для подготовки созыва пленума ЦК. В ваявлении комиссии приводились факты дезорганизаторской деятельности ликвидаторов, направленной на срыв подготовки пленума ЦК в России и за границей. — 215.
- 89 «Информационный Бюллетень» Заграничной технической комиссии выходил в Париже. Вышло два номера (в августе и октябре 1911 года). Примиренцы превратили «Информационный Бюллетень» в свой фракционный орган, в котором они вели беспринципную борьбу против большевизма. — 226.
- 90 Ленин имеет в виду школу на о. Капри, фракционный центр отаэвистов, организованный в 1909 году А. А. Богдановым. — 229.
- 91 Ионов (Ф. М. Койген) — один из лидеров Бунда. — 230.
- 92 Ленин имеет в виду революцию «О ликвидаторстве», принятую так называемой «Конференцией Закавказских соц.-дем. организаций». На деле это была конференция кавказских ликвидаторов. Антипартийный характер «конференции» был разоблачен в корреспонденции, напечатанной в № 24 газеты «Социал-Демократ» 18 (31) октября 1911 года. — 236.
- 93 «Рабочая Жизнь» — ежемесячная газета; орган меньшевиков-«голосовцев» и примиренцев; выходила в Париже с 21 февраля (6 марта) по 18 апреля (1 мая) 1911 года. Вышло три номера. — 238.
- 94 Герман — К. Х. Данишевский, Аркадий — Ф. И. Калинин. — 241.
- 95 Ляхов, В. П. — полковник царской армии; командовал русскими войсками, подавлявшими революционное движение в Персии в 1908 году. — 248.
- 96 Речь идет о цитируемых В. И. Лениным ниже письмах К. Маркса Ф.-А. Зорге от 20 июня и 15 декабря 1881 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 349—351 и К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 171—173). — 275.

- 97 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 101—102. — 275.
- 98 Речь идет о статье Н. Рожкова «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент». Критике этой же статьи Н. Рожкова посвящена и другая работа Ленина: «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» (см. настоящий том, стр. 315—319). — 278.
- 99 «*Chambre introuvable*» (палата, лучше которой не найдешь) — так назвал Людовик XVIII контрреволюционную французскую палату депутатов, выбранную после реставрации Бурбонов в августе 1815 года. Состав палаты был настолько реакционным, что Людовик, опасаясь нового революционного взрыва, вынужден был распустить ее. — 285.
- 100 Ленин имеет в виду предисловие, написанное П. Б. Струве (за подписью Р.Н.С.) к записке Витте «Самодержавие и земство». Это предисловие подвергнуто критике Лениным в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 19—65). — 287.
- 101 *Мымрецов* — персонаж из рассказа Г. И. Успенского «Будка», тип грубого и невежественного полицейского из захолустного городка царской России. — 288.
- 102 Статья (доклад) «О социал-демократической фракции II Думы» была напечатана Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро как приложение к циркуляру № 21. Статья и материалы о деле с.-д. депутатов II Думы были опубликованы на немецком, французском и английском языках в «Bulletin périodique du Bureau Socialiste International» («Периодический Бюллетень Международного Социалистического Бюро») № 8. После опубликования статьи В. И. Ленина усилилась агитационная кампания за границей за освобождение социал-демократических депутатов II Государственной думы. В редакционной заметке в № 8 большевистской «Рабочей Газеты» сообщалось: «Иностранные с.-д. партии после призыва Международного социалистического бюро, разославшего всем партиям доклад по этому делу представителя нашей партии в МСБ т. Ленина, развили усиленную агитацию. Выступили с протестом все с.-д. депутаты Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Финляндии, Австрии и т. д.»
Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 289.
- 103 «*L'Avenir*» («Будущее») — либерально-буржуазная газета; выходила в Париже с 22 октября 1911 года по 4 января 1914 года (н. ст.) под редакцией В. Л. Бурцева на русском языке (некоторые материалы печатались и на французском языке). В газете сотрудничали меньшевики и эсеры. — 290.

- 104 Судебным процессом по делу социал-демократической фракции II Государственной думы были осуждены 55 членов фракции. Двое из них вскоре умерли в заключении. Поэтому на заседании Думы 17 (30) октября 1911 года говорилось о 53 депутатах. — 292.
- 105 Запрос с.-д. фракции обсуждался 15 (28) ноября 1911 года и затем еще три раза обсуждался при закрытых дверях; запрос был передан в комиссию и там отвергнут. — 295.
- 106 Цитируется революция Пятой («Общерусской 1908 г.») конференции РСДРП «О современном моменте и задачах партии» (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 127). — 296.
- 107 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 104. — 297.
- 108 А. А. Войлошиков — член социал-демократической фракции III Государственной думы, был исключен на 15 заседании за речь об уставе о воинской повинности, произнесенную им в заседании Думы 2 (15) декабря 1911 года. — 305.
- 109 Российская организационная комиссия (РОК) по созыву партийной конференции сконструировалась в конце сентября 1911 года на совещании представителей местных партийных организаций. Совещание открылось в Баку под руководством Г. К. Орджоникидзе — уполномоченного Заграничной организационной комиссии по созыву конференции. В нем принимали участие представители бакинской, тифлисской, екатеринбургской, киевской и екатеринославской организаций. Среди делегатов были С. Г. Шаумян и С. С. Спандарян. В связи с полицейскими преследованиями и опасностью провала, заседания совещания были перенесены в Тифлис. На совещании были обсуждены доклады с мест, вопрос о конституировании РОК, об отношении к Заграничной организационной комиссии, о выборах на конференцию, о представительстве легальных организаций, о выборах от национальных организаций. Отчет о заседаниях РОК был опубликован Г. К. Орджоникидзе в № 25 газеты «Социал-Демократ» 8 (21) декабря 1911 года. Совещание приняло обращение к местным организациям и издало его отдельным листком вместе с революционными совещания (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 166—169). — 306.
- 110 Ленин имеет в виду большевистские органы — газету «Звезда» и журнал «Мысль», в которых сотрудничали также меньшевики-партийцы. — 308.
- 111 Подробнее об этом см. статью Ленина «Итоги третейского суда «держателей»» (настоящий том, стр. 325—327). — 309.

- 112 *Марк* — псевдоним А. И. Любимова. — 309.
- 113 «Отклики Бунда» — неперIODический орган заграничного комитета Бунда; выходил в Женеве с марта 1909 года по февраль 1911 года. Вышло пять номеров. — 310.
- 114 *Бакинская* партийная организация, руководимая товарищем Сталиным, в годы реакции являлась одной из самых передовых организаций. В начале 1911 года на почве борьбы с ликвидаторами и отзовистами произошло объединение большевиков с меньшевиками-партийцами. Был создан объединенный Бакинский комитет РСДРП. Бакинская организация поддержала решения июньского совещания членов ЦК в 1911 году о созыве всероссийской партийной конференции и приняла активное участие в создании Российской организационной комиссии.
- Киевская* с.-д. организация работала в годы реакции почти без перерыва; в 1910—1911 годах большевики работали совместно с меньшевиками-партийцами. Киевская организация первая поддержала июньское совещание членов ЦК и идею создания РОК по созыву партийной конференции, выделив одного из членов Киевского комитета в помощь представителю Заграничной организационной комиссии. — 310.
- 115 Имеется в виду листок Российской организационной комиссии, изданный осенью 1911 года. — 311.
- 116 Ленин имеет в виду письмо Г. К. Орджоникидзе в редакцию газеты «Социал-Демократ», опубликованное в № 25 от 8 (21) декабря 1911 года за подписью Н. — 312.
- 117 *Город Z* — Брюссель, где находился заграничный комитет социал-демократии Латышского края. — 313.
- 118 Речь идет об отзовисте Станиславе Вольском (псевдоним А. В. Соколова). — 313.
- 119 Ленин имеет в виду резолюцию петербургских отзовистов, предложенную ими расширенному заседанию Петербургского комитета перед декабрьской общепартийной конференцией 1908 года (Пятой конференцией РСДРП). Резолюция была напечатана в приложении к № 44 «Пролетария» 4 (17) апреля 1909 года. Критический разбор этого документа дан Лениным в том же приложении, в статье «Карикатура на большевизм» (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 353—363). — 322.
- 120 *М. Александров* — большевик М. С. Ольминский. Здесь и ниже Ленин имеет в виду его брошюру «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». С.-Петербург, 1910. — 323.
- 121 Следуют подписи Ленина и других. — 326.

- 122 Совещание заграничных большевистских групп состоялось в Париже 14—17 (27—30) декабря 1911 года. Совещание было создано по инициативе Парижского кружка содействия большевистской «Рабочей Газете». Целью совещания являлось сплочение заграничных большевистских организаций и оказание содействия созыву всероссийской партийной конференции. В совещании участвовало 11 делегатов с решающим голосом от большевистских групп Парижа, Нанси, Цюриха, Давоса, Женевы, Льежа, Берна, Бремена и Берлина. С докладом о положении дел в партии выступил Ленин. Проект резолюции по этому вопросу, написанный Лениным, был положен в основу общей резолюции, принятой совещанием. «Извещение» и резолюции совещания были изданы Комитетом заграничной организации РСДРП отдельным листком 12 января 1912 года (н. ст.) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 170—175).
- Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 350.
- 123 Резолюция принята 17 (30) декабря 1911 года на последнем заседании совещания заграничных большевистских групп. Резолюция была опубликована в «Извещении» Комитета заграничной организации РСДРП со следующим пояснением: «Особой резолюцией совещание поставило на вид всем партийным товарищам необходимость энергично поддерживать РОК и созываемую ею конференцию» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 174).
- Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 353.
- 124 Речь идет о земельном проекте крестьянских депутатов (беспартийных и правых), внесенном в III Государственную думу 10 (23) мая 1908 года. Проектом предусматривалось принудительное отчуждение по средней рыночной цене помещичьей земли, не обрабатываемой самими владельцами. Для проведения земельной реформы предлагалось создать местные земельные комиссии, избираемые всеобщей подачей голосов. Оценка этого проекта дана Лениным в статьях «Новая аграрная политика» и «Аграрные прения в III Думе» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 418—421 и том 15, стр. 277—290). — 373.
- 125 Ленин цитирует письмо К. Маркса Ф. Лассалю от 19 апреля 1859 года. Когда Ленин писал статью, письмо Маркса еще не было опубликовано. Ленин пользовался выдержками из этого письма, приведенными Лассалем в ответном письме Марксу и Энгельсу от 27 мая 1859 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 110—112). — 374.
- 126 «Обская Жизнь» — ежедневная газета либерально-буржуазного направления; выходила в Новониколаевске (Новосибирске) в 1909—1912 годах. — 376.

- 127 Запросы обсуждались на заседаниях III Государственной думы 15 и 17 (28 и 30) октября 1911 года. — 387.
- 128 *Иеллинек* — немецкий буржуазный правовед. — 396.

129 *Шестая («Пражская») Всероссийская конференция РСДРП* происходила 5—17 (18—30) января 1912 года. На конференции было представлено свыше 20 партийных организаций. Конференция имела формально значение съезда партии. Ленин выступал на конференции с речью о конституировании конференции, с докладами о современном моменте и задачах партии, о работе Международного социалистического бюро, о задачах социал-демократии в борьбе с голодом, по организационному вопросу, о работе Центрального Органа «Социал-Демократ» и по другим вопросам. Докладчиком о работе Российской организационной комиссии по созыву конференции выступал Г. К. Орджоникидзе. По предложению Ленина конференция отметила громадное значение работы, проведенной РОК.

Из двадцати трех заседаний конференции пять заседаний были посвящены обсуждению докладов с мест. Сохранились записи Ленина по докладам о состоянии партийной работы в организациях: Петербурга, Екатеринослава, Николаева, Сухума, Поти, Батума, Кутаиса, Чиатур, Гори, Тифлиса, Баку, Одессы, Харькова, Ростова-на-Дону, Киева. Лениным написаны проекты резолюций по важнейшим вопросам порядка дня конференции.

Конференция избрала Центральный Комитет партии в составе: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян и другие. И. В. Сталин и Я. М. Свердлов были избраны в ЦК ваочно, так как они находились в ссылке. В числе кандидатов ЦК был избран М. И. Калинин. Был создан практический центр для руководства революционной работой в России — Русское бюро ЦК во главе с И. В. Сталиным.

Постановлением конференции меньшевики были изгнаны из партии, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии. (О значении Пражской конференции см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 134—139.) — 403.

- 130 Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 405.
- 131 Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 410.
- 132 «*Петиционная кампания*» — агитационная шумиха, поднятая ликвидаторами и Троцким вокруг «петиции», составленной петербургскими ликвидаторами в декабре 1910 года. «Пети-

цию» — просьбу о свободе союзов, собраний, стачек предполагалось от имени рабочих послать в III Государственную думу. «Петиционная кампания» успеха среди рабочих масс не имела. — 429.

- 183 Имеется в виду фракционная меньшевистско-ликвидаторская газета Троцкого — венская «Правда». — 432.
- 184 *Комитет заграничной организации (КЗО)* был создан в декабре 1911 года на совещании заграничных большевистских групп. Задачи КЗО освещены в общей резолюции, принятой совещанием (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 174). — 434.
- 185 В январе 1912 года закончилась избирательная кампания в германский рейхстаг. Приветствие германской социал-демократии от имени РСДРП напечатано в газете «Vorwärts» от 27 января (н. ст.) 1912 года. — 435.
- 186 «*Живое Дело*» — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходившая в Петербурге с 20 января (2 февраля) по 28 апреля (11 мая) 1912 года. Вышло 16 номеров. — 436.
- 187 В число пяти больших городов, в которых по избирательному закону существовали прямые выборы с перебаллотировками, входили: Петербург, Москва, Рига, Киев и Одесса. — 439.
- 188 «*Голос Земли*» — либерально-буржуазная газета; выходила в Петербурге в 1912 году.
- «*Русское Слово*» — ежедневная либерально-буржуазная газета; выходила в Москве с 1895 года; закрыта в ноябре 1917 года.
- «*Киевская Мысль*» — ежедневная либерально-буржуазная газета; выходила с 1906 по 1918 год в Киеве. Ближайшее участие в газете принимали меньшевики-ликвидаторы. — 440.
- 189 Доклад Ленина как официальное извещение о состоявшейся Всероссийской конференции РСДРП был разослан секретарем Международного социалистического бюро К. Гюисмансом всем социалистическим партиям. Извещение посылалось при циркуляре МСБ с просьбой к социалистическим партиям опубликовать его в своих органах печати. Извещение о конференции было опубликовано в органе бельгийской рабочей партии «Le Peuple» («Народ») от 23 марта (н. ст.) 1912 года, в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts» от 26 марта (н. ст.) 1912 года (№ 72, Приложение 1) и в других газетах. Газета «Vorwärts» снабдила извещение о конференции клеветническими комментариями Троцкого (см. об этом статью Ленина «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП» — настоящий том, стр. 477—489). — 451.

- 140 «Избирательная платформа РСДРП» была написана В. И. Лениным в Париже, вскоре после Пражской конференции. В России избирательная платформа была издана отдельной листовкой от имени Центрального Комитета партии и распространялась вместе с листовкой «За Партию!», написанной И. В. Сталиным (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 213—218). Листовки были доставлены в 18 пунктов, в том числе в крупнейшие пролетарские центры. «Избирательная платформа РСДРП», перепечатанная с русского издания, была помещена в виде приложения к № 26 газеты «Социал-Демократ». Она была переиздана также многими местными большевистскими организациями. В Тифлисе платформа была перепечатана Русским бюро ЦК РСДРП. Значение этого документа освещено В. И. Лениным в статье «Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов». — 453.
- 141 Закон 4 марта 1906 года — временные правила об обществах, союзах и собраниях — разрешал организовывать общества, союзы и т. д., но вместе с тем ставил ряд препятствий, которые фактически сводили закон на нет. Закон предоставлял министру внутренних дел право, по его усмотрению, не только закрывать общества и союзы, но и отказывать в регистрации новых союзов. — 455.
- 142 Документ представляет собой приписку к авторизованной копии листовки «Избирательная платформа РСДРП». Рукопись заголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 459.
- 143 Статья «Карты на стол» была написана Лениным в Париже в марте 1912 года и предназначалась для большевистской газеты «Звезда», но в то время не была напечатана. Статья была снабжена сопроводительным письмом в редакцию газеты, обозначенным как Postscriptum. — 460.
- 144 «Язык княжества Монако» — язык азартных игроков. — 460.
- 145 Имеется в виду книга «Государственная дума. III совыв — 3-я сессия. Справочник. 1910. Вып. 2». СПб, 1910. — 466.
- 146 Брошюра «Спутник избирателя (Наш избирательный закон)» вышла в Петербурге в 1912 году.
Ленин придавал большое значение изданию «Спутника избирателя» и непосредственно составлял и редактировал материалы для этой книги. В письме в редакцию газеты «Звезда» 9 (22) апреля 1912 года он рекомендовал редакции поместить в сборник вторую и третью главы из статьи «Избирательная кампания в IV Государственную думу» (см. настоящий том, стр. 332—342). Ленин советовал редакции издать «солидную вещь», которая «принесет пользу, толком руководя выборами». Однако ре-

дакции «Звезды» удалось выпустить лишь первую часть книги, касающуюся непосредственно избирательного закона и порядка выборов в Думу. — 466.

- 147 В феврале 1912 года депутат III Думы от Иркутской губ. меньшевик-ликвидатор Т. О. Белоусов подал в думскую социал-демократическую фракцию заявление о выходе из состава фракции. Решение фракции по этому делу было напечатано в газете «Звезда» 23 февраля (7 марта) 1912 года. Когда Ленин писал свою статью, ему не было известно о переписке Белоусова с иркутским биржевым комитетом, в которой Белоусов выражал благодарность комитету «за поддержку и доверие». Редакция «Звезды», помещая статью В. И. Ленина, сообщила читателям содержание этой переписки. — 467.
- 148 Брошюра является ответом на анонимное клеветническое выступление Троцкого в центральном органе германской социал-демократии («Vorwärts») против Пражской конференции и ее решений. — 477.
- 149 Имеется в виду антипартийная, клеветническая резолюция, принятая 12 марта (н. ст.) 1912 года в Париже на совещании представителей заграничного комитета Бунда, группы «Вперед», «Голоса Социал-Демократа», венской «Правды» Троцкого, меньшевиков-партийцев, примиренцев. Резолюция совещания была направлена против Всероссийской («Пражской») партийной конференции и ее решений. Выпущенная отдельным листком, она была напечатана в венской «Правде» и в № 4 «Информационного Листка» Бунда. По поводу этой резолюции Ленин как представитель ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро написал официальное заявление, а затем письмо секретарю МСБ Гюисмансу (см. настоящий том, стр. 490—493). — 479.
- 150 Речь идет о резолюции Пятой конференции РСДРП («Общественно-русской 1908 г.») «Об объединении национальных организаций на местах» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 131). — 483.
- 151 «*Просвещение*» — ежемесячный большевистский орган, общественно-политический и литературный журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 года по июнь 1914 года. Журнал был создан по указанию Ленина вместо закрытого царским правительством большевистского журнала «Мысль», выходившего в Москве. Ленин из-за границы руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии. В журнале были опубликованы работы Ленина: «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и другие.
- Во время своего пребывания в Петербурге в 1912 и 1913 годах в работе журнала принимал ближайшее участие И. В. Сталин.

В «Просвещении» опубликована работа И. В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия», изданная в 1914 году отдельной брошюрой под названием «Национальный вопрос и марксизм» (см. И. В. Сталин. «Марксизм и национальный вопрос». Сочинения, том 2, 1946, стр. 290—367).

Постоянным сотрудником журнала «Просвещение» был В. М. Молотов. Художественно-литературный отдел редактировал А. М. Горький. В редакционной коллегии работали: М. А. Савельев, М. С. Ольминский, А. И. Елизарова и др. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров. Накануне первой мировой войны журнал был закрыт правительством. Осенью 1917 года издание «Просвещения» было возобновлено, но вышел только один (двойной) номер журнала, в котором напечатаны работы Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы». — 488.

- 452 Письмо Ленина было разослано Международным социалистическим бюро 12 апреля (н. ст.) 1912 года всем социалистическим партиям с предложением опубликовать его в печати. — 490.
- 453 *Ф. Д—ко, В. Фрей* — псевдонимы В. И. Ленина. — 500.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Декабрь 1910 года — апрель 1912 года)

1910

- Середина декабря.* Ленин, находясь в Париже, пишет письмо в Российскую коллегию ЦК РСДРП о положении дел в партии.
- Декабрь, 23 или 24 (5 или 6 января 1911 года).* Статья Ленина «О положении дел в партии» напечатана листовкой — «Отгиском из № 19 «Социал-Демократа», Центрального Органа РСДРП».
- Декабрь, 23 (5 января 1911 года).* Статья Ленина «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» публикуется в № 2 газеты «Звезда».

1911

- Начало года.* Ленин пишет заметку «О краске стыда у Иудушки Троцкого».
- Январь, 5 (18).* Ленин в Париже читает реферат о Л. Н. Толстом.
- Январь, 13 (26).* Выходит № 19—20 «Социал-Демократа» со статьей Ленина «Карьера русского террориста». В приложении к этому номеру газеты напечатана статья Ленина «О положении дел в партии».
- Январь, 22 (февраль, 4).* Статья Ленина «Л. Н. Толстой и его эпоха» публикуется в № 6 газеты «Звезда».
- Январь.* Ленин пишет статью «Марксизм и «Наша Заря»». Статья напечатана 22 апреля (5 мая) в № 3 журнала «Современная Жизнь» (Баку).
- Февраль, до 6 (18).* Выходит № 2 журнала «Мысль» со статьей Ленина «Наши оправдители (О г. Потресове и В. Базарове)».

- Февраль, 5 (18).* Статья Ленина «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе» публикуется в № 8 газеты «Звезда».
- Февраль, 8 (21).* В № 3 «Рабочей Газеты» напечатаны статьи Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права» и «Павел Зингер».
- Февраль, 20—23 (март, 5—8).* Ленин пишет статью «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев». Статья опубликована в «Звезде» № 11, 26 февраля (11 марта).
- Февраль, 22 или 23 (март, 7 или 8).* В письме в редакцию «Звезды» Ленин разоблачает шантажистскую тактику ликвидаторов и требует решительной и последовательной борьбы с ними.
- Февраль.* Ленин пишет письмо «В Российскую коллегия ЦК» о раскольнических действиях «голосовцев» (ликвидаторов), «впередовцев» и Троцкого.
- Март, до 5 (18).* Выходит № 3 журнала «Мысль» со статьей Ленина «По поводу юбилея» и окончанием статьи «Наши упряднители».
- Март, 19 (апрель, 1).* Статьи Ленина ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» и «Разрушители партии в роли «разрушителей легенд»» публикуются в № 21—22 газеты «Социал-Демократ».
- Март, 26—29 (апрель, 8—11).* Ленин пишет статью «Кадеты и октябристы». Статья опубликована в газете «Звезда» № 16, 2(15) апреля.
- Апрель, 9—13 (22—26).* Ленин пишет статью «Конгресс английской социал-демократической партии». Статья напечатана в газете «Звезда» № 18, 16(29) апреля 1911 г.
- Апрель, 15 (28).* Статья Ленина «Памяти Коммуны» публикуется в № 4—5 «Рабочей Газеты».
- Апрель, до 16 (29).* Выходит № 4 журнала «Мысль» со статьями Ленина «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» и «Полемиические заметки».
- Апрель, 16 (29).* Статья Ленина «О значении кривиса» напечатана в № 18 газеты «Звезда».
- Апрель, 29 (май, 12).* Статьи Ленина «Разговор легалиста с противником ликвидаторства» и «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» публикуются в № 3 «Дискуссионного Листка» (Приложение к Центральному Органу «Социал-Демократ»).

- Май, не позднее 4 (17).* Ленин пишет статью «Сожаление» и «Стыд». Статья опубликована в газете «Звезда» № 21, 7(20) мая.
- Май, 8 (21).* Ленин и Крупская приезжают на день в Фонтенбло (департамент Сены и Марны).
- Начало мая.* Ленин сообщает А. М. Горькому об аресте № 5 журнала «Мысль» и запрещении его дальнейшего выхода; просит помочь в подыскании издателя для постановки нового журнала в Петербурге.
- Май, 14 (27).* Ленин рассылает письмо членам ЦК РСДРП, живущим за границей, с приглашением принять участие в совещании по вопросу о созыве пленума ЦК.
- Между 19 и 23 мая (1 и 5 июня).* Ленин пишет письмо совещанию членов ЦК РСДРП за границей, в котором разоблачает интриганство ликвидаторов, срывающих созыв пленума ЦК РСДРП.
- Между 19 и 28 мая (1 и 10 июня).* Ленин пишет «Конспект (план) доклада трех чеккистов беков частному совещанию девяти членов ЦК».
- Май, 28 (июнь, 10).* Статья Ленина «К итогам думской сессии. «Вместе делали» публикуется в № 24 газеты «Звезда».
- Май, 28 — июнь, 4 (июнь, 10—17).* Ленин руководит работой совещания членов ЦК РСДРП, созданного по его инициативе в Париже с целью выработки мер для скорейшего созыва пленума ЦК РСДРП и общепартийной конференции.
- Июнь, 11 (24).* Статья Ленина «О старых, но вечно новых истинах» напечатана в № 25 газеты «Звезда».
- Июнь, 18 (июль, 1).* Ленин участвует на собрании II Парижской группы содействия РСДРП, вносит проект резолюции о положении дел в партии. Резолюция принимается группой и в июле 1911 года публикуется отдельным листком.
- Июль, 20 (август, 2).* Ленин пишет предисловие к брошюре «Две партии».
- Июль.* Ленин инструктирует М. А. Савельева, назначенного редактором легального большевистского журнала «Просвещение», и уславливается с ним о порядке своего участия в редактировании журнала из-за границы.

- Весна и лето, до 17 (30) августа.* Ленин и Н. К. Крупская живут в Лонжюмо (под Парижем). Ленин руководит организацией партийной школы в Лонжюмо. Ленин читает в школе курс лекций по политической экономии (30 лекций), по аграрному вопросу (10 лекций), по теории и практике социализма (5 лекций).
- Сентябрь, 1 (14).* В № 23 «Социал-Демократа» печатаются статьи Ленина «Реформизм в русской социал-демократии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии. Посвящается нашим «Примирителям» и «соглашателям» и «Примечание «От редакции» «Социал-Демократа» к заявлению комиссии по созыву пленума ЦК РСДРП».
- Сентябрь, 2 (15).* Ленин в письме А. М. Горькому приглашает его продолжать сотрудничество в газете «Звезда».
- Сентябрь, 9—10 (22—23).* По дороге в Цюрих Ленин заезжает в Люцерн и поднимается на вершину горы Пилатус.
- Сентябрь, 10—11 (23—24).* Ленин в Цюрихе участвует в заседании Международного социалистического бюро, выступает в защиту позиции Ровы Люксембург против оппортунизма германских социал-демократов.
- Сентябрь, 12 (25).* Ленин в Цюрихе выступает на собрании местной группы РСДРП с докладом о положении дел в партии.
- Сентябрь, 13 (26).* Ленин в Цюрихе читает реферат на тему «Столыпин и революция».
- Сентябрь, 15 (28).* Ленин в Берне читает реферат на тему «Столыпин и революция».
- Сентябрь, 19 (октябрь, 2).* Ленин в Женеве читает реферат на тему «Столыпин и революция».
- Октябрь, 18 (31).* В № 24 газеты «Социал-Демократ» публикуются статьи Ленина: «Столыпин и революция», «О новой фракции примиренцев или добродетельных», «Об избирательной кампании и избирательной платформе» и «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии».
- Ленин в Париже читает реферат на тему «Столыпин и революция».

- Октябрь, 19*
(ноябрь, 1). Ленин посылает запрос представителю чешской с.-д. партии в Международном социалистическом бюро о возможности созыва конференции РСДРП в Праге и просит оказать помощь в ее организации.
- Октябрь, 23*
(ноябрь, 5). Статья Ленина «Итог» публикуется в № 26 газеты «Звезда».
- Ноябрь, 5 (18).* Статьи Ленина «Два центра» и «Старое и новое. Из заметок газетного читателя» публикуются в № 28 газеты «Звезда».
- Ноябрь, 14 (27).* Ленин в Париже читает реферат на тему «Манифест либеральной рабочей партии».
- Ноябрь, 20*
(декабрь, 3). Ленин произносит речь от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг. Речь опубликована в № 25 газеты «Социал-Демократ» 8(21) декабря.
- Ноябрь, 26*
(декабрь, 9). Статья Ленина «Гайдман о Марксе» публикуется в № 31 газеты «Звезда».
- Конец ноября —*
начало декабря. Ленин пишет статью (доклад) «О социал-демократической фракции II Думы». Статья публикуется в «Периодическом бюллетене Международного социалистического бюро» № 8, декабрь 1911 г.
- Декабрь, 3 (16).* Статья Ленина «Манифест либеральной рабочей партии» публикуется в № 32 газеты «Звезда».
- Декабрь, 8 (21).* Статьи Ленина «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы», «Агентура либеральной буржуазии», «Развязка партийного кризиса», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии», «О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев» и «Итоги третейского суда «держателей» публикуются в № 25 газеты «Социал-Демократ».
- Декабрь, 10 (23).* Статья Ленина «Старое и новое» публикуется в № 33 газеты «Звезда».
- Декабрь,*
10 (23) — 6 (19)
января 1912 года. Статьи Ленина под общим заглавием «Избирательная кампания в IV Государственную думу» печатаются в газете «Звезда» №№ 33, 34, 36 за 1911 год и № 1 за 1912 год.
- Декабрь, не позднее 14 (27).* Ленин готовится к совещанию зарубежных большевистских групп: работает над тезисами доклада о положении дел в партии, пишет проект революции «Организация партийных с.-д. сил за границей и задачи большевиков».

- Декабрь, 14—17 (27—30).* Ленин в Париже руководит совещанием заграничных большевистских групп.
- Декабрь, 14 (27).* Ленин открывает совещание приветственной речью, выступает с докладом о положении дел в партии.
- Декабрь, 15 (28).* Ленин руководит прениями на совещании и произносит заключительное слово по своему докладу.
- Декабрь, 16—17 (29—30).* Ленин участвует в прениях по выработке окончательного текста резолюции. Совещание по предложению Ленина избирает Комитет заграничной организации и поручает КЗО выработку устава. Ленин выступает в прениях по вопросу о поддержке РОК и созываемой партийной конференции. Совещание принимает предложенную Лениным резолюцию.
- Декабрь, до 17 (30).* Выходит № 1 журнала «Просвещение» со статьями Ленина «Принципиальные вопросы избирательной кампании» (начало статьи), «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами» и «Три вопроса».
- Декабрь, 22 (4 января 1912 года).* Статья Ленина «Голод и черная Дума» публикуется в № 7 «Рабочей Газеты».
- Конец года.* Ленин пишет конспект доклада о политическом положении.

1912

- Январь, 5—17 (18—30).* Ленин руководит Пражской конференцией РСДРП; выступает с речью при открытии конференции и с докладом о современном моменте и задачах партии; председательствует на заседаниях; пишет проекты резолюций о конституировании конференции, о современном моменте и задачах партии, о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов, о задачах с.-д. в борьбе с голодом, о петиционной кампании; составляет проект изменений организационного устава партии.
- Январь, 5 (18).* Ленин выступает на конференции с речью о конституировании конференции.
- Январь, 6 (19).* Ленин на третьем заседании конференции ведет вашиси докладов с мест.

- Январь, 7 (20).* Ленин на пятом заседании конференции выступает с речью о работе ЦО и с докладом о работе Международного социалистического бюро; отвечает на вопросы делегатов и выступает в прениях при обсуждении резолюции по докладам с мест. Ленин на шестом заседании конференции выступает два раза в прениях по своему докладу о работе МСБ.
- Январь, 8 (21).* Ленин на восьмом заседании конференции выступает в прениях по вопросу о задачах социал-демонстрации в борьбе с голодом. Написанный Лениным проект резолюции по этому вопросу принимается конференцией.
- Между 9 и 13 (22 и 26) января.* Ленин по поручению конференции составляет приветствие германской социал-демократии в связи с ее успехом на выборах в германский рейхстаг. Приветствие было опубликовано в газете «Vorwärts» 27 января (н. ст.) 1912 года.
- Январь, 10 (23).* Ленин на одиннадцатом заседании конференции выступает с речью в прениях по вопросу о партийной работе за границей.
- Январь, 11 (24).* Ленин на двенадцатом заседании конференции выступает с речью по организационному вопросу.
- Январь, 12 (25).* Написанный Лениным проект резолюции о современном моменте и задачах партии принимается на пятнадцатом заседании конференции.
- Между 12 и 17 (25 и 30) января.* Пражская конференция избирает Ленина в ЦК, ЦО и представителем в Международное социалистическое бюро. По предложению В. И. Ленина конференция избирает в ЦК вочно И. В. Сталина и ставит его во главе Русского бюро ЦК.
- Январь, 19 (Февраль, 1).* Ленин в Лейпциге встречается с с.-д. депутатами Государственной думы и информирует их о решениях Пражской конференции.
- Конец января.* Ленин едет из Лейпцига в Берлин для получения от бывших «держателей» принадлежащих партии денег, согласно решению Пражской конференции.
- Конец января — начало февраля.* В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому сообщает о состоявшейся Всероссийской общепартийной конференции РСДРП и просит написать первомайский листок для мадавия в России.

- Середина февраля.* В. И. Ленин поручает члену Русского бюро ЦК Г. К. Орджоникидзе лично информировать И. В. Сталина, находившегося в Вологде, о решениях Пражской конференции.
- Февраль, 19 (март, 3).* Статья Ленина «Орган либеральной рабочей политики» публикуется в № 11 газеты «Звезда».
- Февраль, 28 (март, 12).* Ленин пишет письмо в бернскую группу содействия РСДРП о работах Пражской конференции, о ее составе, о докладах делегатов конференции на местах; разоблачает попытки ликвидаторов созвать свою конференцию.
- Февраль.* Ленин редактирует брошюру «Всероссийская конференция рос. соц.-дем. раб. партии 1912 года». Брошюра вышла в феврале 1912 года в Париже, в издании Центрального Комитета РСДРП.
- Март, не ранее 2 (15).* Ленин пишет статью «Против объединения — с ликвидаторами». Статья опубликована в журнале «Просвещение» № 3—4, февраль — март 1912 г.
- Март, 4 (17).* Статья Ленина «Политические партии за 5 лет третьей Думы» публикуется в № 14 газеты «Звезда».
- Март, 5 (18).* Доклад Ленина Международному социалистическому бюро о Всероссийской конференции РСДРП рассылается секретарем МСБ социалистическим партиям при циркуляре № 4 от 18 марта (н. ст.) для опубликования в партийной печати.
- Начало марта.* Ленин пишет «Избирательную платформу РСДРП». Платформа издана отдельной листовкой в марте 1912 года в России и в апреле — за границей в виде приложения к № 26 газеты «Социал-Демократ».
- Март, 12—13 (25—26).* Ленин пишет статью «Карты на стол». Ленин в письме в редакцию газеты «Звезда» просит прислать ему книги об избирательном законе 3 (16) июня 1907 года и другие материалы, необходимые для составления и редактирования брошюры «Спутник избирателя (Наш избирательный закон)»; спрашивается о выходе ежедневной рабочей газеты, о ее формате и пр.

- Март, 13 (26).* Ленин пишет письмо в редакцию газеты «Звезда» по поводу избирательной платформы.
Статья Ленина «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции» публикуется в № 17 газеты «Звезда».
- Между 13 и 19 марта (26 марта и 1 апреля).* Ленин пишет брошюру «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП». Брошюра выпущена в 1912 году в Париже отдельным изданием редакции ЦО РСДРП «Социал-Демократ».
- Март, 15 (28).* Ленин в письме Г. К. Орджоникидзе запрашивает о местопребывании И. В. Сталина; указывает на необходимость усилить связи местных партийных организаций с заграничным центром, настаивает на быстрейшем объезде организаций с докладами о Пражской конференции.
- Март, 17 (30).* В № 8 «Рабочей Газеты» публикуются статьи Ленина «Голод» и «Крестьянство и выборы в IV Думу».
- Между 23 и 26 марта (5 и 8 апреля).* Ленин пишет статью «Блок кадетов с прогрессистами и его значение». Статья опубликована в № 23 газеты «Звезда» 29 марта (11 апреля).
- Вторая половина марта.* В. И. Ленин и Н. К. Крупская сообщают в письме Г. К. Орджоникидзе о получении от тифлисской организации «Избирательной платформы РСДРП» и листовки «За Партию», написанной И. В. Сталиным. Ленин особо подчеркивает необходимость вести упорную, систематическую борьбу по разоблачению ликвидаторов.
Ленин выступает в Париже на собрании, устроенном Комитетом заграничной организации, с речью об итогах Пражской конференции.
- Март, до 30 (12 апреля).* Ленин пишет заявление и письмо секретарю Международного социалистического бюро Гюисмансу в связи с выступлением ликвидаторских и отзовистских заграничных групп против решений Пражской конференции.
Заявление Ленина разослано Международным социалистическим бюро 30 марта (12 апреля) всем социалистическим партиям при циркуляре № 7 для опубликования в партийной печати.
- Апрель, 1 (14).* Статья Ленина «Плохая защита либеральной рабочей политики» публикуется в № 24 газеты «Звезда».

- Апрель, 3 (16).* Статья Ленина «Перебаллотировка в России и задачи рабочего класса» публикуется в № 25 газеты «Звезда».
- Апрель, 8 и 19 (апрель, 21 и май, 2).* Статья Ленина «Либерализм и демократия» публикуется в №№ 27 и 32 газеты «Звезда».
- Апрель, до 9 (22).* Ленин редактирует «Спутник избирателя» и пересылает отредактированный материал в редакцию газеты «Звезда».
- Апрель.* Ленин руководит организацией издания легальной большевистской газеты «Правда».
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	VII
<i>1910 г.</i>	
ПИСЬМО В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК РСДРП.....	1—5
О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ	6—19
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА.....	20—24
<i>1911 г.</i>	
О КРАСКЕ СТЫДА У ИУДУШКИ ТРОЦКОГО.....	25
КАРЬЕРА РУССКОГО ТЕРРОРИСТА.....	26—28
Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА	29—33
МАРКСИЗМ И «НАША ЗАРЯ».....	34—38
НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ (<i>О г. Потресове и В. Базарове</i>)....	39—58
I	39
II	44
III	46
IV	50
V	55
КАДЕТЫ О «ДВУХ ЛАГЕРЯХ» И О «РАЗУМНОМ КОМПРОМИССЕ».....	59—63
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА.....	64—67

ПАВЕЛ ЗИНГЕР	68—70
ЗАМЕТКИ. <i>Меньшиков, Громобой, Изгоев</i>	71—80
В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК	81—83
ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ.....	84—92
«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯН- СКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	93—101
РАЗРУШИТЕЛИ ПАРТИИ В РОЛИ «РАЗРУШИТЕЛЕЙ ЛЕ- ГЕНД».....	102—106
КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ.....	107—110
ПАМЯТИ КОММУНЫ.....	111—115
О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВАХ И ЛИКВИДАТОРСТВЕ	116—135
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	136—139
О ЗНАЧЕНИИ КРИЗИСА	140—144
КОНГРЕСС АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	145—150
РАЗГОВОР ЛЕГАЛИСТА С ПРОТИВНИКОМ ЛИКВИДА- ТОРСТВА	151—160
«СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД».....	161—166
МАТЕРИАЛЫ К СОВЕЩАНИЮ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП 28 мая— 4 июня (10—17 июня) 1911 г.	167—175
1. ПИСЬМО СОВЕЩАНИЮ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП ЗА ГРА- НИЦЕЙ	169
2. КОНСПЕКТ (ПЛАН) ДОКЛАДА ТРЕХ ЦЕКИСТОВ ВЕКОВ ЧАСТНОМУ СОВЕЩАНИЮ ДЕВЯТИ ЧЛЕНОВ ЦК.....	171
3. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КОНСТИТУИРОВАНИИ	175
К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ. «Вместе делали»	176—180
О СТАРЫХ, НО ВЕЧНО НОВЫХ ИСТИНАХ	181—185

РЕЗОЛЮЦИЯ II ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ РСДРП О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ	186—194
Предисловие	186
I	187
II	189
III	190
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ»	195—198
РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.....	199—211
ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ (<i>Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»</i>).....	212—214
ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» К ЗАЯВЛЕНИЮ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПЛЕНУМА ЦК РСДРП	215—216
СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ.....	217—225
О НОВОЙ ФРАКЦИИ ПРИМИРЕНЦЕВ ИЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ.....	226—244
ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ.....	245—252
ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ.....	253—257
ИТОГ	258—262
ДВА ЦЕНТРА.....	263—265
СТАРОЕ И НОВОЕ (<i>Из заметок газетного читателя</i>)	266—268
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ РСДРП НА ПОХОРОНАХ ПОЛЯ И ЛАУРЫ ЛАФАРГ, 20 НОЯБРЯ (3 ДЕКАБРЯ) 1911 Г.	269—270
ГАЙНДМАН О МАРКСЕ.....	271—277
МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.....	278—288
I	278
II	282
III	285
О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ II ДУМЫ. <i>Изложение всего дела</i>	289—294

О ЛОЗУНГАХ И О ПОСТАНОВКЕ ДУМСКОЙ И ВНЕДУМСКОЙ С.-Д. РАБОТЫ	295—304
АГЕНТУРА ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ	305
РАЗВЯЗКА ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА	306—314
ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ	315—319
О ДИПЛОМАТИИ ТРОЦКОГО И ОБ ОДНОЙ ПЛАТФОРМЕ ПАРТИЙЦЕВ	320—324
ИТОГИ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА «ДЕРЖАТЕЛЕЙ»	325—327
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ	328—345
I. Основные принципиальные вопросы	328
II. Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании	332
III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании	338
IV. Выводы из практики третьедумских выборов	342
СТАРОЕ И НОВОЕ	346—349
СОВЕЩАНИЕ ЗАГРАНИЧНЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГРУПП 14—17 (27—30) декабря 1911 года	350—353
1. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ДОКЛАДУ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ. <i>Организация партийных с.-д. сил за границей и задачи большевиков</i>	350
2. РЕЗОЛЮЦИЯ О РОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ КОНФЕРЕНЦИИ	353
ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ	354—378
I	354
II	358
III	361
IV	363
V	367
VI	372
VII	375

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНИЙ О ПЕРЕГОВОРАХ ПАРТИИ К.-Д. С МИНИСТРАМИ.....	379—386
ТРИ ЗАПРОСА.....	387—398
ГОЛОД И ЧЕРНАЯ ДУМА.....	399—402

1912 г.

VI («ПРАЖСКАЯ») ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП 5—17 (18—30) января 1912 г.....	403—435
1. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КОНСТИТУИРОВАНИИ КОН- ФЕРЕНЦИИ. <i>Резолюция о конституировании</i>	405—406
2. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ	407—409
3. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЗАДАЧАХ С.-Д. В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ	410—411
4. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ. <i>О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов</i>	412—413
5. РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ.....	414—435
О Российской организационной комиссии по созыву конференции	414
О конституировании конференции	414
Об отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции	415
Об отчетах с мест.....	417
О современном моменте и задачах партии.....	417
О выборах в IV Государственную думу.....	419
I.....	419
II.....	420
III.....	421
О думской социал-демократической фракции	422
О характере и организационных формах партийной работы	423
О задачах с.-д. в борьбе с голодом	425

Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих.....	426
I.....	426
II.....	428
О «петиционной кампании».....	429
О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов.....	431
О Центральном Органе.....	432
О «Рабочей Газете».....	432
О газете «Правда».....	432
Изменения организационного устава партии.....	432
Об имуществе, находящемся в руках бывшего держателя, и о дежежных отчетах.....	433
О «Красном Кресте».....	433
О партийной организации за границей.....	434
О нападении русского правительства на Персию.....	434
О китайской революции.....	434
О политике царизма по отношению к Финляндии....	435
Приветствие германской социал-демократии.....	435
ОРГАН ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ	436—439
ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ — С ЛИКВИДАТОРАМИ	440—445
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЗА 5 ЛЕТ ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ	446—450
I.....	446
II.....	448
ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО О ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП	451—452
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА РСДРП	453—458
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА» (Приписка к «Избирательной платформе РСДРП»)	459
КАРТЫ НА СТОЛ	460—466
ПО ПОВОДУ УХОДА ДЕПУТАТА Т. О. БЕЛОУСОВА ИЗ С.-Д. ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ	467—471
ГОЛОД	472—473

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЫБОРЫ В IV ДУМУ	474—476
АНОНИМ ИЗ «VORWÄRTS'A» И ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РСДРП	477—489
Предисловие	479
ПИСЬМО СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО ГЮИСМАНСУ	490—493
БЛОК КАДЕТОВ С ПРОГРЕССИСТАМИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ	494—498
ПЛОХАЯ ЗАЩИТА ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ	499—503
ПЕРЕВАЛЛОТИРОВКА В РОССИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА	504—509
ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	510—518
I	510
II	514
<i>Примечания</i>	519—544
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	545—556

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Обложка журнала «Мысль» № 2, январь 1911 г., в котором были напечатаны: глава II работы В. И. Ленина «О статистике стачек в России» и начало статьи «Наши управднители (О г. Потресове и В. Базарове)»	41
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Карты на стол». — Март 1912 г.	461

Тираж 500 тыс. экз. (251—500 тыс.).
Подписано к печати 24/II 1948 г.
Объем 35³/₄ печ. л. 27,05 уч.-изд. л.
Цена в р. 50 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.